

Социология

ЖУРНАЛ РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ АССОЦИАЦИИ

Журнал входит в Перечень
ведущих рецензируемых
научных журналов
и изданий, в которых должны
быть опубликованы основные
научные результаты
диссертации на соискание
ученой степени

4
2024

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в марте 2004 года
Выходит 12 раз в год

*Журнал зарегистрирован
в Министерстве печати и информа-
ции Российской Федерации.
Свидетельство о регистрации
ПИ № 77-17521 от 24.02.2004
ISSN 1812-9226*

Учредители:

*Московский государственный уни-
верситет
имени М.В. Ломоносова;
Российская социологическая
ассоциация*

Адрес редакции:
*119992, Москва, Ленинские горы,
МГУ им. М.В. Ломоносова, социо-
логический факультет,
3-й учебный корпус
Тел.:(495)939-24-05;
e-mail: socjournal.msu@gmail.com
http://soziologi.ru*

Отпечатано в типографии
ООО «Стромынка Принт», Москва,
ул. Стромынка, д. 18
Тираж 300 экз.
Формат А4

Подписано в печать: 30.04.2024
Цена свободная

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор:
В.И. Добреньков
Заместитель главного редактора:
А.И. Кравченко

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

А.И. Антонов, С.А. Барков,
В.П. Васильев, Ю.Г. Волков,
В.Г. Гречихин, С.И. Григорьев,
Е.В. Дмитриева, Е.В. Добренькова,
С.О. Елишев, С.Г. Ивченков,
В.А. Кудрявцев, А.К. Мамедов,
А.Л. Маршак, А.А. Осеев,
В.Н. Петров, Н.Л. Полякова,
А.Б. Рахманов, А.Б. Синельников,
Н.Г. Скворцов, Ж.Т. Тощенко,
Н.С. Федоркин

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Уважаемые коллеги! Обращаем Ваше внимание на то, что экспертиза материалов статей производится профильными исследовательскими комитетами Российской социологической ассоциации для внутреннего пользования. После экспертизы статьи поступают в Редакцию журнала, где проходят редакторскую и корректорскую правку. Редакция оставляет за собой право сокращать объем статей и редактировать их в соответствии с требованиями научного журнала. Рукописи статей не возвращаются; с авторами в переписку Редакция не вступает; гонорар авторам не выплачивается.

ПЕРЕЧЕНЬ ДОКУМЕНТОВ И ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ И СОПУТСТВУЮЩИХ МАТЕРИАЛОВ, НЕОБХОДИМЫХ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ:

Текст статьи, при оформлении которого необходимо соблюсти следующие требования: объем статьи – до 60 тыс. знаков (1,5 авт. листа); в начале статьи дать авторскую справку с полным указанием фамилии, имени и отчества автора (авторов), места работы, звания, должности и e-mail.

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»

ОГЛАВЛЕНИЕ

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

Волков Ю.Г., Киселев Д.А. Феномен креативности общества как формы массового целенаправленного творчества: на примере поиска инструментов формирования гармоничных межэтнических отношений... 5

Гомцян О.А. Демографическая политика и демографическая ситуация в Российской Федерации: анализ, проблемы и перспективы развития... 14

Колесникова И.А., Дуракова А.С., Резеньков Д.Н., Киселева И.Н. Выявление гражданско-патриотических установок у студенческой молодежи: обобщение результатов социологического анализа... 21

Михайловская С.А. Вторичная занятость и карьерные стратегии студенческой молодежи (на примере Забайкальского государственного университета) 27

Окуловский М.Д. Возможности повышения социального благополучия молодежи: на примере студентов Тюменской области..... 32

Шиндяев В.В. Влияние уровня образования населения на формирование человеческого капитала избранных глав муниципальных образований: на примере Иркутской области..... 41

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Гильдингерш М.Г. Влияние технологий искусственного интеллекта на систему человекоориентированного управления компаний 48

Егорычева Т.В. Развитие института полномочий органов местного самоуправления: на примере Новосибирска..... 56

Завьялов А.Е. Влияние социальных сетей на трансформацию подходов к выбору образа жизни в российском обществе..... 63

Хафизов И.И. Нормативно-правовое регулирование государственно-частного партнерства в Республике Башкортостан: контент-анализ..... 69

Чиндоти Спинкс. Технологии социально ориентированного управления сферой физической культурой и спорта: обобщение международного опыта 76

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Баев П.А., Зимина Е.В. Труд в ценностной палитре современной России..... 83

Кравченко А.И. Глобальное многообразие культурных различий в образе жизни..... 90

Кузнецова Е.А. Виртуальный досуг молодежи как условие социализации 109

Маслодудова Н.В. Интернет-зависимость молодежи 117

Суворов В.В., Киселев А.Р. Воздействие социокультурного контекста на реабилитацию когнитивных нарушений 125

Хушбоков О.У. Феномен «учитель» в социокультурной реальности 136

Щербинина З.Н. Ролевая, иерархическая структура и отличительные свойства института образования современности 140

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Сафонов А.А. Реконструкция математического платонизма Павла Флоренского 147

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ЭТИКА

- Забинова А.А., Сорокин М.Д.,
Неклеенов Р.С., Аюпов Б.Р.,
Ильясов А.А.* Социально-
философский анализ проявления
дилеммы альтруизма и эгоизма
в обществе: на примере произведений
кинематографа..... 155
- Залевский А.В., Епифанова Н.Н.*
Развитие категории И. Канта
«моральное должное» в традиции
немецкого и русского неокантианства 161
- Кашеев С.И., Гусева С.В.* Выявление
методологических оснований
когнитивной семиотики в работах
де Соссюра 169
- Кириллова А.Н.* Статус метамодернизма
как философско–культурологической
концепции: обобщение
исследовательского дискурса 2017–
2022 годов 179
- Хуссейн П.Х.Х.* Феноменология
уважения в этике образования 188

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

- Равочкин Н.Н., Леопс А.В.,
Мельникова Т.В., Рахинский Д.В.*
Негативные сценарии развития
человечества в контексте цифровой
цивилизации: социально–философский
анализ 195
- Сирин С.А.* Феномен правосознание
как фактор формирования правового
нигилизма..... 202
- Хабибуллина З.Н.* Социально-
философский анализ аксиологии
выбора личности и общества..... 208
- Чеченов А.М., Кушхова А.Ф.,
Шоранова З.В., Макова З.А.*
Методология исследования конфликта
на основе модульного анализа
и локальной специфики 215
- ## МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
- Вашкевич Н.Н.* Концептуальные
подходы к формированию
управленческой культуры педагога
как фактор роста качественных
характеристик педагогического
процесса 223

Феномен креативности общества как формы массового целенаправленного творчества: на примере поиска инструментов формирования гармоничных межэтнических отношений

Волков Юрий Григорьевич,

д.ф.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, научный руководитель Южно-Российского филиала ФНИСЦ РАН

Киселев Данил Александрович,

магистрант Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, старший лаборант Южно-Российского филиала ФНИСЦ РАН

в себе безграничный потенциал для урегулирования межэтнических конфликтов.

Ключевые слова: креативность, конфликт, стратегия поведения, креативная личность, межэтнические отношения, межэтнические конфликты, гармонизация межнациональных отношений.

Цель исследования – проанализировать феномен креативности как формы массового целенаправленного на практический результат творчества; рассмотреть существующие креативные стратегии урегулирования межэтнических конфликтов и выявить потенциал креативного подхода для будущей гармонизации межнациональных отношений. Методологической базой исследования послужили выводы и положения из работ как зарубежных, так и отечественных авторов, которые исследовали различные аспекты и раскрыли сущность креативности и её влияния на урегулирование межэтнических конфликтов. В работе были использованы общенаучные методы познания (анализ и синтез, индукция, дедукция, классификация, сравнение), был применен специальный метод (структурно-функциональный), который базируется на использовании общих методологических принципов современной отечественной социологии, а также интегральный научный подход. При анализе характерных для креативных личностей черт и стратегий поведения в конфликте задействованы отдельные положения бихевиоризма. Удалось прийти к выводу о том, что креативное мышление играет важную роль в процессе поиска и обнаружения решений на всех этапах процесса мирного урегулирования. Межэтнические конфликты могут быть разрешены с помощью креативного мышления, которое позволяет увидеть новые возможности и генерировать альтернативные варианты решения, в чём превосходят формальные и стандартизированные стратегии. Несмотря на наличие ряда известных креативных способов урегулирования конфликтов, будущие исследования должны быть направлены на изучение креативного мышления как инструмента, скрывающего

Введение

В настоящее время наблюдается рост интереса к изучению креативности с учетом различных факторов, в числе которых социально-экономические и культурные. Однако наибольший интерес в силу недостаточной изученности представляет фактор влияния этнической принадлежности на креативность. В связи с этим, наиболее адекватным представляется понимание креативности как социокультурного феномена, объединяющего в себе как результативную, так и процессуальную стороны.

Современная креативная личность не просто является первооткрывателем во многих сферах благодаря тому, что занимается активным освоением новых форм социального общежития, активно ищет неординарные альтернативные варианты дальнейшего развития общества [4, с. 67]. Такие люди, всё активнее формируясь в отдельный новый класс, требуют качественного переосмысления самого понятия «творчества», на смену которому приходит более массовая и целенаправленная креативность. Последнюю следует понимать как навык, способность к поиску, осмыслению и анализу уникальных и ранее неизвестных массовых социальных практик, берущую своё начало из личного опыта субъекта. Информационное общество особенно остро нуждается в людях «нового типа», мыслящих креативно и способных вести социум к инновациям, прогрессу, удовлетворению потребности в познании и модернизации. В числе сфер, нуждающихся в обновлении подходов – мирное урегулирование конфликтов разного масштаба (в том числе и межэтнические конфликты).

Существуют ли специфические способы мирного урегулирования, ориентированные конкретно на разрешение межэтнических конфликтов? Насколько велика роль креативности в выработке таких специфических стратегий? Эти вопросы, безусловно, являются актуальными и нуждаются во внимательном изучении. Исследование особенностей креативности и её потенциала в сфе-

ре урегулирования межэтнических конфликтов представляется возможностью не только расширить эмпирическую базу в этой области, но и выполнять практическую функцию, то есть способствовать более эффективной гармонизации межнациональных отношений, взаимной интеграции, укреплению продуктивного всестороннего взаимодействия путём снижения межгрупповой напряжённости, урегулирования развёртывающихся конфликтов и предотвращения потенциальных.

Методологическая база исследования (теоретические основы)

В большинстве случаев творчество характеризуется как синоним свободы, ухода человека от повседневности. В общепринятом употреблении данный термин имеет позитивные коннотации, используясь как антипод скуке, бессодержательности, формализму. Можно сказать, что «творчество – деятельность, порождающая нечто качественно новое и отличающаяся неповторимостью, оригинальностью и общественно-исторической уникальностью» [10]. Для творческого процесса характерен ряд специфических черт. Так, Барышева Т.А. и Шекалов В.А. указывают в своих работах на бессознательность, частую спонтанность, отсутствие контроля со стороны разума и воли личности [2]. Примечателен также подход к творчеству как к явлению широкому и фундаментальному, затрагивающему сами основания существования общества. Именно поэтому творчество достаточно абстрактно и представляет собой не столько конкретный практический навык, сколько основу для развития, то, благодаря чему человек может выработать инструментарий для дальнейшей созидательной деятельности. Этот тезис подтверждают три основополагающих момента в понимании творчества, которые были заложены в эпоху Модернизации:

- творчество как подтверждение автономности, независимости человека, его способности действовать экспан-

сивно, расширять жизненные горизонты;

- как свидетельство его уверенности и незаброшенности в современном мире;
- как способность к самосовершенствованию.

Личность творческая независима и ценна для социума, прежде всего, своими навыками, нацеленными на совершение нетипичных действий. Её деятельность обусловлена индивидуальными паттернами поведения и критериями, на основе которых творческий человек стремится к саморазвитию, для чего контактирует с обществом, исследует развивающиеся в нём проблемы, и вырабатывает стратегии для их решения. В этом смысле такая личность в значительной мере превосходит личность исполнительную, ограниченную необходимостью стандартизированного воспроизводства, репродукции, равнозначной замены элементов системы.

Творческая личность не должна быть такой, как другие, чьим главным стимулом является монетаризм, достижение прибыли или славы. Цель творческой личности – самодостаточность, самовыражение и сопутствующее последующее общественное признание. Ей необходимо создавать условия для того, чтобы направлять свою энергию, деловитость и предприимчивость для блага общества. В связи с этим творчеству нередко приписывается статус самопожертвования, самоограничения или противостояния бездумному общественному конформизму и давлению государства и общественного мнения. Таким образом, мы очерчиваем границы творческой личности в служении общественным идеалам.

Можно также проследить несовпадение творческой и социальной сущности человека. В отличие от социальности, творчество не раскрывает общую модель и необходимый порядок в развитии человека и общества. Творчество связывается и ассоциируется с периодами изменений, открытий, сломом привычных стереотипов. И, хотя творческая личность зарождается и существует в рамках общества, учитывая его особенности

и законы, она всё же стремится к тому, чтобы покинуть пределы социума, выйти за его границы. Происходит описанный процесс не для удовлетворения базовых человеческих потребностей, но для целей более высоких – достижения когнитивной гармонии, преумножения социального доверия, диалога с другими людьми.

Переход общества на постиндустриальный этап развития ознаменовался трансформацией творчества в состояние креативности, которое по-прежнему в своём ядре сохраняет стремление личности к самовыражению, базируясь на определённой спонтанности и вдохновении. При этом креативности приобретает и новые отличительные черты, запрос на которые продиктован современностью: массовость, прагматичность, практическая ориентированность на решение повседневных задач не для создания продукта жизнедеятельности, но ради достижения конкретных реальных целей [4, с. 31].

По мнению Р. Гвардини, переход творческой личности в состояние креативной невозможен без концентрации человека на окружающей его реальности, понимания сложных процессов, происходящих в ней, проблем и запросов общества в данный момент. Креативная личность должна не просто генерировать новое знание и быть профессиональной, но и брать на себя всю полноту социальной ответственности. Дж. Гилфорд, чья сфера научных интересов распространялась, в том числе, и на феномен творчества, в своих работах определял креативность как «способность человека отказываться от стереотипных способов мышления» [13]. По мнению Е. Торренса, это «способность к порождению оригинальных идей и использованию нестандартных способов интеллектуальной деятельности» [14]. Золотарев С.П. пишет, что под «креативностью» в современном мире подразумевают «использование научных открытий и инноваций, которые могут избавить человечество от различных катастроф и угроз общественной стабильности как внутреннего конфликта интересов раз-

личных социальных групп, так и между государствами» [7].

Эти определения показывают, что креативность включает в себя не только способность находить новые идеи, но также умение преодолевать трудности, быть гибким и открытым для новых подходов. Отличительными чертами креативной личности можно считать деловитость, напористость, энергичность, умение идти на риск. Может ли креативная личность стать двигателем общественного прогресса, субъектом стратегии социального развития? Мы думаем, что это вполне возможно при ряде условий. Во-первых, личность креативная, несмотря на присущие ей целеполагание и прагматизм, не должна полностью утрачивать те традиции творчества, благодаря которым и была сформирована. Речь идёт о переводе неординарных идей на современный язык, защите и отстаивании уникальности независимо от вызовов, с которыми человечество сталкивается в тот или иной момент своего существования. Во-вторых, необходим гармоничный синтез образованности, отзывчивости, нравственности с инициативностью, ответственностью, умение защищать личные интересы. В-третьих, существование креативной личности неразрывно связано с дивергентным мышлением. Это значит, что когнитивные качества произрастают из мотивации постматериалистической, базирующейся на стремлении к самовыражению и раскрытию собственного потенциала [4, с. 33].

Связь творчества и креативности неразрывна, подтверждение чему мы видим в работах многих отечественных авторов и их зарубежных коллег. Творчество первично, креативность же является его логическим продолжением, новой прагматичной формой, зародившейся в эпоху постиндустриализации и не имеющей возможностей для полноценного развития без должной творческой основы. Погорелая Т.С. в своих работах заключает, что «Без творчества креативность бесплодна, а без креативности творчество не сможет добиться популярности» [11]. Феномен креативной

личности обусловлен синтезом традиционных творческих черт и привнесением новых социально значимых характеристик – ответственности, эффективности, стремления к ежедневному преумножению социального блага путём выработки и реализации нестандартных моделей для решения ординарных задач. К последним относятся и конфликты всех уровней: от межличностных и межгрупповых до межгосударственных и межэтнических, проблема которых в настоящее время стоит особенно остро.

Результаты

Существует достаточно большое количество трактовок понятия «межэтнический конфликт», но в контексте данной работы обратимся к определению А.А. Адисановой, учитывающий социологический аспект явления. Исследователь обозначает межэтнический конфликт так: «Это тип социального конфликта, выражающийся в противоречии интересов, взаимной неприязни, эмоциональной вражде, противоречивом состоянии и действиях этносов по отношению друг к другу» [1].

Учитывая долгую историю межэтнических конфликтов, необходимо отметить, что были выработаны и применены на практике некоторые стратегии мирного урегулирования [9]. Самая общая типология включает деление их на две категории.

Первая базируется на использовании определённых регламентированных механизмов, подразумевающих формальные меры воздействия. К ним преимущественно относится правовое воздействие: применение негативных санкций, модернизация законодательных актов или социальных структур с учётом сложившейся ситуации, общественного запроса, возможных рисков и последствий.

Вторая категория требует более активной роли в урегулировании, основывается на непосредственном участии третьих лиц. В первую очередь, данный подход может быть реализован при помощи переговоров с опцией привлечения посредника. Им может быть как профессиональный дипломат, так и психолог, конфликтолог, медиатор.

Однако важно отметить, что описанные выше способы являются достаточно формальными и стандартизированными, подходят не для всех ситуаций и, несмотря на широкое применение, лишены определённой гибкости.

Чем могут быть вызваны регулярно проявляющиеся проблемы национального развития в регионах того или иного государства или между народами разных стран? Э.Г. Вартаньян в качестве ответа на этот вопрос предлагает обратить внимание на крайне низкий уровень межэтнической культуры коммуникации. Автор подчёркивает: «Назрела жизненная необходимость реального функционирования и развития этой культуры, повышения её уровня. Особенно это важно в свете развивающихся миграционных процессов и демографических проблем, как текущих, так и будущих» [3]. Оперативное решение данной назревшей проблемы может стать долгосрочной стратегией для урегулирования межэтнических конфликтов, пишет Вартаньян. Более того, данную инициативу можно считать в некоторой степени проявлением креативного подхода, имеющим свою специфику, которую необходимо рассмотреть для понимания преимуществ креативности перед формальными стратегиями.

Особый интерес представляет подход Тевосян М., которая предложила концепцию двухфазового процесса задействования креативного мышления в процессе урегулирования конфликта [12].

I фаза проходит в два основных этапа. Первый включает мобилизацию творческого ресурса с целью рассмотрения и детального анализа проблемы, ставшей причиной зарождения конфликта. Этот процесс анализа и синтеза очень важен, поскольку не только позволяет выделить ряд ключевых аспектов, но и в значительной мере расширяет представление о сложившейся конфликтной ситуации, что впоследствии способно привести к переосмыслению положения конфликтующих, запустить процесс поиска нестандартных решений проблемы. Несмотря на наличие общих стандартизированных черт, благодаря чему

у антагонистичных субъектов имеется некоторое представление о конфликтах, их стадия и возможных путях урегулирования, этот опыт никогда не может быть достаточным и исчерпывающим. Конфликтные ситуации имеют свойство модифицироваться и приобретать уникальные черты, поэтому первоначальные стратегии и подходы не могут быть универсальными. Данный факт подчёркивает значение поиска новых подходов, мобилизации ранее не затрагиваемых ресурсов, необходимости креативного подхода. Полученные в ходе первого этапа данные осмысляются уже на втором этапе с привлечением таких инструментов как интуиция и вероятностное мышление. В результате первой фазы субъект обнаруживает аспекты конфликтной ситуации и взаимосвязи между ними, которым ранее не было уделено должного внимания, а после вырабатывает новую модель для потенциального урегулирования конфликта с минимальными издержками.

II фаза проходит в три последовательных этапа. Первый плавно перетекает из завершения предыдущей фазы, расширяя вариативность спектра возможных решений проблемы и завершая процесс их генерации. Этому способствуют позитивные характеристики творческого мышления: гибкость, оригинальность и быстрота. Их симбиоз позволяет оперативно принимать решения даже в состоянии сложного или масштабного конфликта, чем ознаменуется второй этап данной фазы. Решение при этом должно базироваться на таких параметрах, как нестандартность, практичность, пригодность для конкретного случая. Завершающий третий этап ведёт к практической апробации выработанной модели, её реализации, что впоследствии позволит выделить преимущества и недостатки, обогатить индивидуальный конфликтный опыт субъекта.

Резюмируя, можно отметить два важных аспекта в отношении роли креативного мышления в рамках урегулирования конфликтной ситуации. Во-первых, сложно отрицать важную роль, которую играет творческое начало на протяжении

всех этапов поиска оптимального решения в мыслительном процессе субъекта конфликтного взаимодействия. Во-вторых, креативное мышление обладает рядом важных преимуществ в сравнении с человеческим интеллектом: первое способствует новому и уникальному восприятию окружающей действительности и происходящих в ней процессов, позволяет переосмыслить и истолковать их нестандартно; интеллект же функционально отвечает за создание адекватных представлений о происходящем, которые бывают достаточно ограниченными и стандартизированными.

Кашапов М.М. выделяет восемьдесят семь способов творческого разрешения конфликта, которые могут быть использованы креативной личностью [8]. Часть из них может быть эффективна использована не только для повышения конфликтологической компетентности в целом, но и для урегулирования межэтнических конфликтов в частности следующее.

1. Одним из вариантов творческого разрешения конфликта является применение техники аналогии. Она заключается в поиске общего между элементами системы, в которой оказался субъект, и сравнением с другими системами из прошлого опыта человека.

2. Вторым инструментом творческого воздействия на конфликтную ситуацию может стать ассоциирование через стимулы. Эта техника тесно связана с предыдущей и помогает в установлении взаимосвязи между элементами и явлениями.

3. Открытие новых возможностей – это процесс изменения угла зрения для поиска способов улучшения текущей ситуации в зависимости от требований.

4. Генерация альтернатив – процесс просмотра различных вариантов решения проблемы для выбора наилучшего, учитывая различные потребности, ценности и ограничения.

5. Децентрация мышления – это способность рассматривать вопросы с точки зрения разных людей с контрастными мнениями.

6. Интеграция полярностей. Многие конфликты возникают из-за противоборствующих позиций: «Я должен делать это, но мне не хочется». С точки зрения креативного подхода важно двигаться от одного к другому, осознавая и переживая каждую сторону конфликта более полно, вместо того чтобы оставаться в напряженном и неоднозначном состоянии.

7. В тех случаях, когда возникает потребность в фундаментальной перестройке опыта индивида на ментальном уровне, креативная личность может прибегнуть к кристаллизации опыта. Данная техника позволяет кардинально изменить восприятие того или иного явления или области, в том числе конфликтов. Результатом этого творческого процесса станет закономерная генерация уникальных, ранее неиспользовавшихся идей.

8. Поиск точек соприкосновения. Ошибочно полагать, что состояние аффекта полностью купирует в человеке навык анализа поведения, не позволяет ему прогнозировать разрушительные последствия развернувшейся конфликтной ситуации. Несмотря на внешние раздражители, важно сохранять ясность ума и видеть то, что объединяет людей, а не то, что их разделяет. Проявление интереса к пониманию проблемы с точки зрения оппонента, возможность оказать эмоциональную поддержку и умение учитывать эмоциональное состояние соперника помогают более продуктивно управлять конфликтом.

9. Способность к творческому переносу способствуют более быстрому урегулированию конфликтов, особенно если уже имеется опыт решения аналогичных ситуаций. Учитывая прошлый опыт, можно более осознанно вести себя в текущей ситуации, уделяя должное внимание всем аспектам и находя более креативные решения.

10. Творческая визуализация. Она позволяет перевести информацию на уровень образов и работать с ними, что может быть достаточно эффективно при развитом абстрактном мышлении.

Упомянутые методы могут послужить основой для разработки собственных уникальных эвристических приемов путем адаптации или модификации существующих. Однако всегда важно четко понимать, когда и какой метод разрешения конфликта использовать, поэтому, несмотря на творческий базис креативного подхода, понимание механизмов конфликта принципиально важно для продуктивного поиска ключевых точек для его разрешения. В результате плодотворным становится сам процесс разрешения конфликта, который может принести выгоду обеим сторонам, то есть, не выходящий за рамки конструктива.

Обсуждение

В настоящее время изучение креативности с учетом социально-экономических, культурных и других факторов актуально, как никогда. Этот факт обусловлен, прежде всего, тем, что креативную личность отличают характеристики, запрос на которые в обществе возрастает с каждым годом. Главная из них – решение сложных, порой общественно значимых проблем при помощи нетривиального инструментария, включающего непрекращающийся процесс саморазвития с целью преумножения социального блага. Достигать результата креативному человеку позволяет способность к ежедневному творчеству, подразумевающему обоснованное использование личностного социального, когнитивного, эмоционального потенциала, реализация которого влечёт за собой выработку неординарных решений для ординарных ситуаций. Креативность не распространяется на массовые индустриальные профессии, в которых требуются исполнительские дисциплинирующие навыки. Тем не менее, в целом развитие способностей к целенаправленному массовому творчеству, ориентированному на достижение общественно важного результата, становится всё более актуальным. В частности, когда речь идёт о таких современных профессиях, как конфликтолог.

Межэтнические конфликты, как и любые другие, могут быть разрешены с по-

мощью креативного мышления, которое позволяет увидеть новые возможности и генерировать альтернативные варианты решения, в чём превосходит формальные и стандартизированные стратегии, не все из которых могут в должной мере отвечать современным вызовам. Всё чаще предпринимаются попытки выделить определённый ряд стратегий, позволяющих достичь урегулирования межэтнических противоречий (в частности, речь идёт о таких нестандартных способах как «повышение культуры межэтнического общения», «интеграция опыта», «кристаллизация полярностей» и т.д.). Тем не менее, если рассматривать креативность как ключевой фактор для построения конструктивного решения конфликта и достижения выигрыша для всех сторон, число потенциальных эффективных стратегий мирного урегулирования может быть бесконечным. Первостепенной задачей должно стать развитие креативного мышления в целом – инструмента, скрывающего в себе безграничный потенциал, раскрыть который в полной мере человечеству только предстоит в будущем.

Литература

1. Адисанова А.А. Межэтническая напряженность и конфликты в современном обществе // Теория и практика управления в системе рыночных отношений: сборник научных статей по материалам II Международного кадрового форума. 2017.
2. Барышева, Т. А., Шекалов, В.А. Креативный ребенок: Диагностика и развитие творческих способностей. / Сост. Т.А. Барышева, В.А. Шекалов. Ростов н/Д.: Феникс, 2004. – 416 с.
3. Вартаньян Э.Г. Межэтнические отношения и пути урегулирования межнациональных конфликтов // ИСОМ. 2014. № 3. С. 155–158.
4. Волков, Ю.Г. Креативность: исторический прорыв России. М.: Социально-гуманитарные знания, 2011. – 328 с.
5. Волков, Ю.Г. Креативная личность в культурно-историческом контексте. Ростов н/Д.: Изд-во Антей, 2011. – 36 с.

6. Волков, Ю.Г. Творческая личность: бытие в российском социокультурном пространстве. Ростов н/Д.: Антей, 2011. – 36 с.
7. Золотарев, С.П. Понятие креативности инноваций – современный философский анализ // Kant. 2022. № 2 (43). С. 110–115.
8. Кашапов, М.М. Основы конфликтологии: учебное пособие для вузов / М.М. Кашапов. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2022. – 116 с.
9. Майга Сори Ибрагим. Способы урегулирования межэтнических конфликтов // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 11. С. 189–194.
10. Перерва, О.Ю. Понятие «творчество» и его сущность // Успехи современного естествознания. 2004. № 7. С. 126–128.
11. Погорелая, Т.С. Соотношение понятий «творчество» и «креативность»: сходства и различия // Достижения науки и образования. 2018. № 8 (30). С. 83–85.
12. Тевосян, М. Творческое мышление в конфликтной ситуации // Wisdom. 2014. № 1 (2). С. 126–135.
13. Guilford J.P. The nature of human intelligence. NI: Me Gaw Hill, 1967.
14. Torrance E. The nature of creativity as manifest in the testing // The nature of creativity. Cambridge, 1988.

THE PHENOMENON OF SOCIAL CREATIVITY AS A FORM OF MASS PURPOSEFUL CREATIVITY: THE EXAMPLE OF THE SEARCH FOR TOOLS FOR THE FORMATION OF HARMONIOUS INTERETHNIC RELATIONS

Volkov Y.G., Kiselev D.A.

Southern Federal University, South Russian branch of the FNISC RAS

Objective of the study is to analyze the phenomenon of creativity as a form of mass creativity focused on practical results; to consider existing creative strategies for resolving interethnic conflicts and identify the potential of a creative approach for the future harmonization of interethnic relations. The methodological basis of the re-

search was the conclusions and provisions from the works of both foreign and domestic authors who investigated various aspects and revealed the essence of migration as a phenomenon. General scientific methods of cognition (analysis and synthesis, induction, deduction, classification, comparison) were used in the work, a special method (structural and functional) was applied, which is based on the use of general methodological principles of modern Russian sociology, as well as an integral scientific approach. When analyzing the characteristics of creative personalities and strategies of behavior in conflict, certain provisions of behaviorism are involved. It was possible to come to the conclusion that creative thinking plays an important role in the process of finding and discovering solutions at all stages of the peace process. Interethnic conflicts can be resolved through creative thinking, which allows you to see new opportunities and generate alternative solutions, in which formal and standardized strategies are superior. Despite the existence of a number of well-known creative ways of conflict resolution, future research should be aimed at studying creative thinking as a tool that hides unlimited potential for resolving interethnic conflicts.

Keywords: creativity, conflict, behavior strategy, creative personality, interethnic relations, interethnic conflicts, harmonization of interethnic relations.

References

1. Adisonova A.A. Interethnic tension and conflicts in modern society. Teoriya i praktika upravleniya v sisteme rynochnykh otnoshenij: sbornik nauchnykh statej po materialam II Mezhdunarodnogo kadrovogo foruma = Theory and practice of management in the system of market relations: a collection of scientific articles based on the materials of the II International Personnel Forum. 2017.
2. Barysheva, T. A., Shekalov, V.A. Creative child: Diagnosis and development of creative abilities. Rostov n/D.: Feniks = Rostov-on-Don.: Phoenix; 2004. 416 p.
3. Vartanyan E.G. Interethnic relations and ways of resolving interethnic conflicts. ISOM = HSET. 2014; 3. 155–158. (In Russ.).
4. Volkov, Yu.G. Creativity: a historical breakthrough of Russia. Moskva: social'no-gumanitarnye znaniya = Moscow: Socio-humanitarian knowledge; 2011. 328 p.
5. Volkov, Yu.G. Creative personality in a cultural and historical context. Rostov n/D.: Iz-

- datel'stvo Antej = Rostov-on-Don: Antey Publishing House; 2011. 36 p.
6. Volkov, Yu.G. Creative personality: being in the Russian socio-cultural space. Rostov n/D.: Izdatel'stvo Antej = Rostov-on-Don: Antey Publishing House; 2011. 36 p.
 7. Zolotarev, S.P. The concept of innovation creativity – a modern philosophical analysis. Kant; 2022. 2 (43). 110–115.
 8. Kashapov, M.M. Fundamentals of conflictology: a textbook for universities. Moskwa: Izdatel'stvo Yurajt = Moscow: Yurait Publishing House; 2022. 116 p.
 9. Maiga Sori Ibrahim. Methods of settlement of interethnic conflicts. Social'no-gumani-tarnye znaniya = Socio-humanitarian knowledge. 2018; 11. 189–194.
 10. Pererva, O.Y. The concept of “creativity” and its essence. Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya = Successes of modern natural science. 2004; 7. 126–128.
 11. Pogorelaya, T.S. Correlation of the concepts of “creativity” and “creativity”: similarities and differences. Dostizheniya nauki i obrazovaniya = Achievements of science and education. 2018; 8 (30). 83–85.
 12. Tevosyan, M. Creative thinking in a conflict situation. Wisdom. 2014; 1 (2). 126–135.
 13. Guilford J.P. The nature of human intelligence. NI: Me Gaw Hill. 1967.
 14. Torrance E. The nature of creativity as manifest in the testing. The nature of creativity. Cambridge. 1988.

Демографическая политика и демографическая ситуация в Российской Федерации: анализ, проблемы и перспективы развития

Гомцяц Овсеп Арамаисович,

к.с.н., доцент кафедры социальной работы, психологии и педагогики высшего образования, ФГБОУ ВО Кубанский государственный университет

В данной статье проводится анализ демографической политики и демографической ситуации в Российской Федерации, выявляются проблемы и предлагаются перспективы их решения. Актуальность проявляется в том, что на развитие механизмов демографических явлений (рождаемости, смертности, миграции) влияют различные факторы. Статья посвящена анализу механизмов и факторов, определяющих современные социально-экономические процессы в Российской Федерации. В рамках исследования осуществляется решение задач, связанных с анализом особенностей и изменений в развитии демографической политики и ситуации в стране. При написании работы используются такие методы, как анализ литературы, обобщение, сравнение. Теоретическая значимость подчеркивается необходимостью понимания отсутствия полной стабильности в демографической сфере в современном мире. Практическая значимость работы обусловлена продолжительным демографическим кризисом, который привел к уменьшению числа рождений, средней продолжительности жизни и увеличению смертности населения в России. В результате исследования предполагается создание демографического и социального портрета общества, способствующего укреплению семьи и снижению потерь в духовном, моральном и интеллектуальном потенциале граждан.

Ключевые слова: демография, демографическая политика, демографическая ситуация, социальная система, государство.

Перед обсуждением сути и проблем политики в области демографии, необходимо четко уточнить, что мы имеем в виду под этими терминами. По словам выдающегося французского ученого Декарта: «Выясните значение слов, и вы освободите мир от половины его непонимания» [6, с. 145]. Термин «демография» образован от двух греческих слов – «демос», что означает народ, и «графия», что означает наука. Следовательно, «демография» переводится буквально как наука о людях. Это изучение размера, состава и пространственного распределения человеческих популяций, а также их изменений во времени, проводимое с использованием статистических и математических методов. Информация собирается в результате переписи населения, а также из реестров, включая данные о рождении, смерти, миграции, браках, разводах, заболеваниях и прочих событиях.

После того как мы разобрались с определением «демографии», настает время обсудить демографическую политику – ее цели, задачи, сущность и способы реализации в настоящее время. Демографическая политика представляет собой специальную систему мер и мероприятий, которые могут влиять на естественное движение населения. Это включает в себя действия государственных органов по регулированию различных процессов в сфере рождаемости, финансовой поддержке и других аспектах репродуктивного здоровья населения. Понятие демографической политики часто схоже с пониманием политики народонаселения. В общем понимании, демографическая политика рассматривается как часть политики народонаселения, но можно выделить и узкое понимание, где она рассматривается как отдельный компонент, работающий параллельно с регулированием условий жизни и труда населения. Демо-

графическая ситуация – это отражение текущего статуса демографических процессов и структуры населения на определенной территории в конкретный момент времени.

Основной целью демографической политики Российской Федерации является достижение определенного демографического оптимума.

Множественные аспекты демографических процессов и разнообразные формы правового воздействия на них свидетельствуют о том, что нормативные акты распределены по различным сферам права. Однако их объединяет общая цель – обеспечение оптимального воспроизводства населения. Важные направления демографической правовой политики включают в себя несколько аспектов [3, с. 187]. Во-первых, это разработка политики, направленной на поддержку рождаемости. Второе направление – формирование стратегии, направленной на укрепление института семьи. Третье – проведение мероприятий по снижению уровня смертности, включая материнскую, младенческую и смертность в трудоспособном возрасте. Еще один важный аспект – разработка мер, направленных на сохранение и укрепление здоровья населения и увеличение продолжительности жизни. Организация политики привлечения мигрантов осуществляется с учетом их социальной адаптации и интеграции – это также одно из ключевых направлений.

Социальная сущность такой политики включает в себя следующие аспекты:

- влияние на условия труда граждан, включая определение границ трудоспособного возраста, обеспечение безопасности на рабочем месте, переквалификацию граждан и установление продолжительности рабочего дня;
- улучшение жизненного уровня граждан, включая повышение прожиточного минимума, увеличение зарплат и других доходов, улучшение условий жизни, доступ к медицинскому и социальным услугам и др.;
- воздействие на рождаемость, миграцию и прочее.

В стране различают два типа демографической политики в зависимости от общей ситуации с населением. Одна направлена на стимулирование рождаемости и чаще встречается в развитых странах, а другая, напротив, нацелена на снижение рождаемости и актуальна для развивающихся государств.

Все страны, независимо от своей демографической ситуации, признают необходимость проведения демографической политики. Она направлена на изменение или поддержку текущих демографических тенденций.

Особенно важно иметь научно обоснованную миграционную политику в период перехода, когда воздействие одних регуляторов на миграцию и численность населения ослабевает, а других становится более существенным. Она является частью социально-демографической и экономической стратегии и должна соответствовать прогнозу населения и его структуры.

Таблица 1. Число браков и разводов в России

Года	Число браков, ед.	Число разводов, ед.
2021	924 000	612 659
2022	741 444	507 807
2023	1 053 756	682 850

В Российской Федерации семьи, как правило, состоят из небольшого числа детей, обычно не более двух. Эти семьи часто сталкиваются с нестабильностью, которая может привести к разводу. Такая ситуация частично обусловлена отсутствием культурной традиции многодетных семей и сдвигом во времени начала рождения первого ребенка, а также высоким уровнем внебрачных рождений. В силу этого примерно 70% браков заканчиваются разводом из-за неустойчивости в семейных отношениях. Этот феномен объясняется уменьшением значения института семьи и отсутствием устойчивых общественных норм, которые поддерживали бы семейные ценности [8, с. 165]. Это делает легким для молодых пар отказаться от официально-

го брака и жить вместе без формальных обязательств с молодости до старости (табл. 1, рис. 1 и 2).

Из представленной таблицы можно сделать следующие выводы.

1. В течение трех лет наблюдается общий тренд на увеличение как числа браков, так и числа разводов.

2. В 2023 году произошел значительный скачок как в числе браков, так и в числе разводов по сравнению с предыдущими годами. Это может указывать на различные факторы, такие как изменение социокультурной среды, экономические условия или изменения в законодательстве, которые могли повлиять на решение людей вступать в брак или разводиться.

3. Несмотря на увеличение числа браков в 2023 году по сравнению с 2021 и 2022 гг., также произошло увеличение числа разводов. «Это может указывать на то, что несмотря на рост числа браков, стабильность отношений не улучшилась, и семейные отношения стали более нестабильными» [10, с. 154].

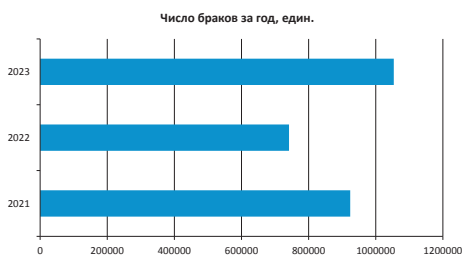

Рис. 1. Число браков в год, ед.

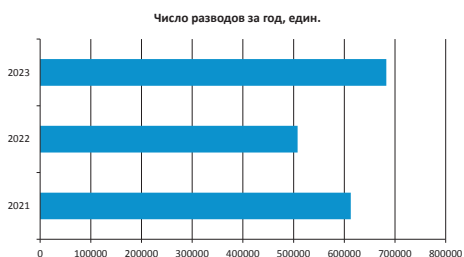

Рис. 2. Число разводов в год, ед.

Объявление семей с тремя детьми, а также многодетных, национальным приоритетом, способствует приданию им статуса модных и увлекательных в гла-

зах молодежи, касательно устройства своей жизни.

Одна из основных причин низкой рождаемости заключается в недостатке подходящего жилья для молодежи и молодых семей, а также в трудности улучшения жилищных условий с появлением детей. Эта проблема имеет исторические корни [9, с. 205]. В период Советского Союза жилье предоставлялось семьям, в основном, в среднем возрасте, как некая награда за их вклад в общественный труд и развитие страны. Однако после распада СССР ситуация не улучшилась: молодые семьи все еще сталкиваются с проблемой жилья из-за трудностей с получением ипотеки, требующей значительных первоначальных взносов и стабильного дохода. Решение демографического кризиса требует серьезных изменений в этих системах, чтобы обеспечить каждую молодую семью пригодным для жизни жильем для воспитания детей.

Большинство россиян (64%) считают, что ключевым условием для преодоления демографического кризиса является увеличение рождаемости коренного населения страны. Около пятой части опрошенных (21%) надеются на снижение смертности, а 11% считают, что остановка миграции граждан за границу поможет решить проблему. Только 4% поддерживают идею привлечения квалифицированных специалистов из-за рубежа для решения демографических проблем [7, с. 144] (рис. 3).

Рис. 3. Условия выхода из демографического кризиса

Подводя итоги анализа, важно отметить, что осуществление стратегии

по управлению населением и ее государственное регулирование тесно связаны с основными параметрами изучения изменений в численности населения, его состава и факторов миграции внутри страны. Зафиксированы особенности мероприятий по управлению населением и их контроля. Эти процессы зависят от местности, где они реализуются, тенденций, влияющих на характер и цели данной стратегии. В зависимости от идеологических установок, организации власти, политического режима (действующего в данном регионе), уровня социально-экономического и политического развития, а также финансового обеспечения, уровня ВВП и общего уровня жизни населения, норм морали, религиозных и культурных традиций выбираются основные принципы управления населением, цели, показатели и ожидаемые результаты.

Сейчас в России наблюдается сложная демографическая обстановка, требующая активного вмешательства как центральных, так и региональных властей. Основная цель заключается в улучшении процессов рождаемости, обеспечении здоровья населения и снижении смертности [2, с. 25]. Для достижения этих целей необходимо проведение глубокого и всеобъемлющего анализа в рамках социально-демографических исследований как на теоретическом, так и на практическом уровнях.

Изучение влияния на демографические процессы, их регулирование в интересах общества, а также анализ кризисных тенденций в демографическом развитии России за последние два десятилетия становится все более важным. Недавние федеральные законы, направленные на улучшение материального положения женщин в период беременности и после рождения ребенка, а также на защиту семей и детей, направлены на увеличение численности населения.

Сейчас особое внимание уделяется борьбе с масштабами бедности, что усугубляет демографический кризис. Для этой цели приняты законы, предусматривающие предоставление адресной социальной помощи нуждающимся

гражданам. Федеральный закон «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» устанавливает законодательную базу для определения и использования прожиточного минимума при установлении минимальных государственных гарантий доходов граждан и реализации мер по социальной защите населения.

Приняты два федеральных закона в связи с реализацией закона «О прожиточном минимуме в Российской Федерации». Один из них, названный «О государственной социальной помощи», определяет порядок предоставления такой помощи малообеспеченным гражданам. Другой закон, под названием «О потребительской корзине в Российской Федерации», устанавливает перечень продуктов питания, товаров и услуг, необходимых для расчета прожиточного минимума.

Исследование показало, что несмотря на полезность этих и других мер, они не способны радикально изменить демографическую ситуацию. Для улучшения воспроизводства населения необходимы последовательные, комплексные и целенаправленные действия от законодательной и исполнительной власти на федеральном и региональном уровнях. Улучшение качества жизни также играет ключевую роль в этом процессе.

Очевидно, что требуется немедленное вмешательство как государственных, так и гражданских институтов российского общества. Для разработки стратегии государственной социально-демографической политики необходима комплексная оценка и мониторинг тенденций, факторов и последствий социально-демографических процессов на всех уровнях.

Решение демографической проблемы возможно только при активной политике по укреплению института семьи с детьми во всех сферах жизнедеятельности.

Демографическая стратегия Российской Федерации нацелена на постепенное устойчивое увеличение численности населения и создание условий для стимулирования демографического прироста [1, с. 99]. Основная стратегия на-

правлена на прекращение сокращения численности населения и переход к позитивному естественному росту, который опирается на внутреннее население. Несмотря на наблюдаемые положительные тенденции в демографическом развитии, в Российской Федерации все еще существуют нерешенные проблемы, требующие внимания на третьем этапе реализации Концепции демографической политики до 2025 года. С начала 2000-х годов отмечается умеренный прирост рождаемости в стране: количество новорожденных увеличилось с 1,4 до 1,5 миллиона в год. Этот рост обусловлен не столько экономическим развитием или увеличением доходов населения, сколько активным включением в репродуктивный возраст женщин, родившихся в начале и середине 1980-х годов, в период расцвета рождаемости после распада СССР. Однако для обеспечения простого воспроизводства необходимо год от года добавлять как минимум 800 тысяч новых рождений. Чтобы достичь расширенного воспроизводства, стране необходимо стремиться к тому, чтобы количество новорожденных составляло не менее 2,4–3 миллионов в год.

Для повышения рождаемости стремятся активизировать усилия среди женщин, желающих, но временно неспособных иметь или выносить детей. В этом направлении проводятся два национальных проекта: «Здравоохранение» и «Демография», которые включают в себя комплекс мер по обеспечению здоровья матерей [5, с. 73].

Основным приоритетом в регулировании демографических процессов Российской Федерации становится поддержка трехдетных семей. Когда в семье появляется третий ребенок, она приобретает особое значение для государства. Каждому ребенку в такой семье предоставляется отдельное пособие, а самой матери предоставляется большое жилье и дополнительный государственный оклад, который зависит от количества детей в семье. Это сделано для того, чтобы облегчить финансовое бремя на многодетных семьях и поощрить рождение

детей. Такие меры направлены на поддержку и стимулирование семейного уклада и деторождения.

Государство должно контролировать качество заботы о детях в этих семьях и принимать меры в отношении родителей в случае неответственного поведения.

В стране проводятся шаги по улучшению демографической ситуации. Введенная в 2006 году программа материнского капитала оказала положительное влияние на рождаемость. Президент Российской Федерации в своем обращении к Федеральному Собранию от 15 января 2020 года предложил ряд дополнительных мер по финансовой и социальной поддержке семей с детьми. Эти меры включают в себя расширение программы материнского капитала и увеличение пособий для детей из малообеспеченных семей. Тем не менее, очевидно, что стимулирование рождаемости в одиночку недостаточно для изменения демографической ситуации. Важно также пересмотреть приоритеты миграционной политики.

Решение проблемы дефицита трудовых ресурсов и обновления населения не должно полагаться исключительно на привлечение мигрантов из Кавказа и Средней Азии. Следует предпочесть привлечение в Россию своих бывших граждан и их потомков.

В последнее время, в связи с началом Специальной военной операции в Украине, значительная часть мужского населения решила уехать из страны из-за объявленной частичной мобилизации. «Это сильно повлияло на демографическую ситуацию в нашей стране» [4, с. 213].

С 13 июня 2012 года в России действует Концепция государственной миграционной политики до 2025 года, под руководством Президента. Эта политика ставит перед собой несколько основных задач. Во-первых, гарантировать национальную безопасность и благополучие граждан России. Во-вторых, обеспечить стабильность и рост численности постоянного населения страны. В-третьих, является помощь в удовлетворении по-

требностей российской экономики в трудовых ресурсах.

Таким образом, демографическая политика – система мер, направленных на достижение целей в сфере демографии, влияющих на национальную безопасность России. Однако современные перемещения людей в стране серьезно усложняют демографическую ситуацию. Это ведет к искажению этнической структуры общества и негативно сказывается на стратегии национально-государственного прогресса. Неравновесие в структуре населения оказывает отрицательное влияние и приводит к социально-психологическим последствиям. Особенно это заметно в демографических ситуациях, где представители различных этнических групп стремятся сохранить свои ценности и символы. Основным приоритетом демографической стратегии становится разработка целенаправленного механизма воздействия на демографическую ситуацию. Разработка такого механизма является смягчением отрицательных последствий для отдельных лиц, общества и государства, а также повышением эффективности использования потенциала мигрантов.

Литература

1. Алферова В.А. Демографическая политика Российской Федерации: состояние и перспективы развития // Инновационные тренды и драйверы устойчивого развития социально-экономических процессов в условиях перехода к цифровому обществу. Ставрополь, 2023. С. 97–100.
2. Лукин Ю.М. Место и роль демографической политики в правовой политике российского государства // Образование и право. 2020. № 12. С. 22–26.
3. Лукин Ю.М. Демографическая политика и правовая политика: вопросы теории // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. 2021. № 12. С. 185–189.
4. Пармонов А.А. Место государственной семейной политики в решении демографической проблемы Рос-

сийской Федерации // Актуальные вопросы государства и управления, общества и личности: Молодежный взгляд. 2023. С. 211–214.

5. Погибелева А.В., Кабанова К.А. Демографическая политика Российской Федерации как инструмент противодействия внешним угрозам // Семейно-родственные связи через призму междисциплинарного подхода. Курск, 2023. С. 71–75.
6. Пышкина А.В. Демографическая политика как основа социальной политики России // Роль местного самоуправления в развитии государства на современном этапе. Москва, 2021. С. 145–146.
7. Секички-Павленко О.О. Оценка россиянами мер демографической политики в области рождаемости // Социологические исследования. 2023. № 7. С. 142–147.
8. Синельников А.Б. Семейно-демографическая политика и пути повышения ее эффективности // Социология. 2022. № 2. С. 162–173.
9. Sinelnikov A.B. Demographic transition and family-demographic policy // Sotsiologicheskie Issledovaniya. 2021. № 11. С. 203–211.
10. Tikhomirov N.P., Tikhomirova T.M. Methods of justification of effective demographic policy // CEUR Workshop Proceedings. 2021. С. 52–62.

DEMOGRAPHIC POLICY AND DEMOGRAPHIC SITUATION IN THE RUSSIAN FEDERATION: ANALYSIS, PROBLEMS AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT

Gomtsyan O.A.

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Kuban State University

This article analyzes demographic policy and the demographic situation in the Russian Federation, identifies problems and suggests prospects for their solution. The relevance is manifested in the fact that various factors influence the development of mechanisms of demographic phenomena (fertility, mortality, migration). The article is devoted to the analysis of the mechanisms and factors determining modern socio-economic processes in the Russian

Federation. Within the framework of the study, tasks related to the analysis of the features and changes in the development of demographic policy and the situation in the country are being solved. When writing the work, such methods as literature analysis, generalization, and comparison are used. The theoretical significance is emphasized by the need to understand the lack of complete stability in the demographic sphere in the modern world. The practical significance of the work is due to the prolonged demographic crisis, which has led to a decrease in the number of births, average life expectancy and an increase in mortality in Russia. As a result of the research, it is assumed to create a demographic and social portrait of society, contributing to the strengthening of the family and reducing losses in the spiritual, moral and intellectual potential of citizens.

Keywords: demography, demographic policy, demographic situation, social system, state.

References

1. Alferova V.A. Demographic policy of the Russian Federation: state and prospects of development // Innovative trends and drivers of sustainable development of socio-economic processes in the context of the transition to a digital society. Stavropol, 2023. pp. 97–100.
2. Lukin Yu.M. The place and role of demographic policy in the legal policy of the Russian state // Education and law. 2020. № 12. pp. 22–26.
3. Lukin Yu.M. Demographic policy and legal policy: questions of theory // Modern science: actual problems of theory and practice. 2021. № 12. pp. 185–189.
4. Paramonov A.A. The place of state family policy in solving the demographic problem of the Russian Federation // Topical issues of state and management, society and personality: A youth perspective. 2023. pp. 211–214.
5. Perebeleva A.V., Kabanova K.A. Demographic policy of the Russian Federation as a tool for countering external threats // Family and family ties through the prism of an interdisciplinary approach. Kursk, 2023. pp. 71–75.
6. Pyshkina A.V. Demographic policy as the basis of social policy in Russia // The role of local self-government in the development of the state at the present stage. Moscow, 2021. pp. 145–146.
7. Sekicki-Pavlenko O.O. Russians' assessment of demographic policy measures in the field of fertility // Sociological research. 2023. № 7. pp. 142–147.
8. Sinelnikov A.B. Family and demographic policy and ways to improve its effectiveness // Sociology. 2022. № 2. pp. 162–173.
9. Sinelnikov A.B. Demographic transition and family-demographic policy // Sotsiologicheskie Issledovaniya. 2021. № 11. pp. 203–211.
10. Tikhomirov N.P., Tikhomirova T.M. Methods of justification of effective demographic policy // CEUR Workshop Proceedings. 2021. pp. 52–62.

Выявление гражданско-патриотических установок у студенческой молодежи: обобщение результатов социологического анализа

Колесникова Инна Александровна,

к.п.н., доцент кафедры дефектологии, русского языка и социальной работы, ФГБОУ ВО «Ставропольский государственный медицинский университет»
E-mail: inna.iva@mail.ru

Дуракова Анна Сергеевна,

председатель цикловой комиссии «Учетно-Экономических дисциплин, поварского, кондитерского дела и транспорта», преподаватель общепрофессиональных дисциплин и модулей, ЧПОУ «Ставропольский кооперативный техникум»
E-mail: anya-durakova@mail.ru

Резеньков Денис Николаевич,

к.т.н., доцент кафедры огневой подготовки, доцент ФГКОУ ВО «Краснодарский университета МВД России»
E-mail: drezenkov@mail.ru

Киселева Ирина Николаевна,

к.э.н., доцент кафедры философии, гуманитарных и специальных дисциплин с курсом ДПО, ФГБОУ ВО «Ставропольский государственный медицинский университет»
E-mail: worldclub@list.ru

социальных институтов, общества в целом по гражданско-патриотическому и гражданско-военному воспитанию в целях укрепления российского общества, формирования национального единства как приоритетов государственной политики. В заключении делается вывод о необходимости выявления проблем, влияющих на формирование адекватного гражданско-патриотического сознания, а также дальнейших направлений работы по гражданско-патриотическому воспитанию студенческой молодежи.

Ключевые слова: патриотизм, гражданско-патриотическая установка, студенческая молодежь, государственная политика, гражданско-патриотическое воспитание.

Центральным вопросом статьи является изучение феномена гражданского патриотизма. Авторы дают теоретическое обоснование проблемы, раскрывают сущность понятия «гражданский патриотизм», описывают основные подходы к нему и составляющие его элементы. При многообразии и обширности исследований этой проблемы авторами поддерживается тенденция рассмотрения патриотизма как исторически многоаспектного явления, имеющего многообразие форм проявления, основанного на личной гражданской позиции с учетом историко-политического, культурного, социального и др. контекстов. В статье представлены данные социологического исследования особенностей проявления гражданско-патриотических установок у студенческой молодежи и некоторые обобщения по полученным результатам социологического анализа. Авторы приходят к выводу, что в целях гражданско-патриотического воспитания как направления работы со студенческой молодежью необходима системно-спланированная пролонгированная работа, основанная на координации усилий государства, основных

Введение

Молодежь является одной из наиболее важных социальных групп, требующей особого внимания, так как становление современной студенческой молодежи происходит в сложных условиях кардинальных трансформаций и изменений системы нравственно–этических ценностей, мировоззренческих установок, идеалов, под влиянием таких процессов как модернизация, реформирование, глобализация и т.п. Наличие патриотического, ценностно–нравственного кризиса, сложившаяся в последние годы военно–политическая обстановка в мировом пространстве свидетельствуют о том, что гражданско–патриотическое воспитание подрастающего поколения становится стратегическим ресурсом развития как российского общества, так и государственности России [3; 7].

Необходимость воспитания у студенческой молодежи адекватных гражданско–патриотических установок подтверждается активной государственной политикой в отношении формирования истинного патриотизма, как «... ответственность за свою страну и ее будущее» – со слов Президента РФ Путина В.В [10]. Непосредственно в Стратегии реализации воспитания в РФ [13] отмечается первостепенная важность ориентации на нравственные и гражданско–патриотические ценности. Так, на государственном уровне предложены и реализуются в субъектах РФ разнообразные программы, мероприятия, волонтерские проекты и др., нацеленные на внедрение различных форм воспитательной, педагогической, социальной и др. работы с данной категорией населения [4; 6; 14].

Проблемам гражданско–патриотического воспитания студенческой молодежи, формирования гражданско–патриотической сознательности, идентичности, активности, патриотических ценностных установок, готовности молодежи к прохождению обязательной воинской службы как формы патриотизма и др. посвящены работы отечественных ученых из различных областей на-

уки – философии, истории, социологии, культурологии, педагогики, психологии и т.д. – Буткевич В.В., Гревцева Г.Я., Евгеньева Т.В., Зубок Ю.А., Кириенко В.В., Кузнецова Л.Э., Маленков В.В., Кириенко В.В., Омельченко Д.А., Орлов И.Б., Рожкова Л.В., Руднев В.А. и др. Синтезированной идеей в большинстве исследований можно считать важность патриотического воспитания, ориентированного на исторически обусловленную военно–героическую составляющую [2; 11].

Анализируя различные подходы к соотношению понятий «патриотизм» и «гражданственность», Маленков В.В. [7; 8], со ссылкой на других авторов, выделяет четыре аспекта такого рассмотрения: гражданственность/патриотизм – равнозначны; патриотизм – элемент/основной компонент гражданственности; гражданственность – составляющая патриотизма; гражданский и традиционный виды патриотизма противостоят друг другу.

Соснин В.А. предлагает рассматривать понятие патриотизм на уровнях: 1) отдельно–взятого человека – как компонент личностной структур в виде проявления устойчивых высших чувств; 2) микросоциума (общество/народ) – как элемент общественного (национального) сознания, включающего чувства, стереотипы, настроения, отношение к культуре и своему народу, национальные приоритеты, нормы и ценности [12].

Аналогично Гаврилушкину С.А. [1] мы рассматриваем патриотизм как исторический многоаспектный феномен, имеющий многообразие форм проявления, основанный на личной гражданской позиции с учетом историко–политического, культурного, социального и др. контекстов.

Так, гражданский патриотизм формирует нравственно–гуманистические, культурно–духовные и др. ценностные установки, отражающие идентификацию себя с прошлым и настоящим своей страны, любовь к своему народу и Родине, национальное единство. Процесс формирования гражданско–патриотических установок связан с развитием лич-

ности и базируется на культивируемой нравственной основе [5; 9].

Материалы и методы исследования

Основными методами исследования выступили: теоретико–аналитический, анкетирование, ранговая корреляция, интерпретация.

В целях изучения наличествующих у студенческой молодежи гражданско–патриотических установок на Google Forms был проведен анонимный опрос 284 ставропольских студентов, выборку которых составили представители женского и мужского пола в одинаковых процентных значениях.

Результаты и обсуждение

По данным анкетирования были получены следующие результаты.

1. 78% опрошенных считают себя патриотами, 48% из которых относят патриотизм к индивидуальному решению каждого гражданина общества.

2. Гражданский патриотизм, по мнению большинства респондентов, проявляется в: любви к родине – 48%, в вере и преданности стране – 42%, любви к народу, к которому принадлежишь, привязанности к «родному дому» – 38%, а также в гордости за достижения граждан страны/своей страны – 34%, приверженности народным традициям и родной истории – 33%, единстве народа – 30% и др.

3. 64% убеждены в сформированности собственной гражданской позиции, 20% опрошенных не задумывались об этом, некоторые не смогли объяснить, в чем она заключается.

4. 74% студенческой молодежи считают, что настоящий патриот испытывает чувство гордости, уважения к своей стране, считает ее самой лучшей, хорошо знает историю, литературу, искусство, основные научные достижения и др., уважительно относится к памятным событиям/памятникам истории, продолжает и уважает традиции своего народа, является мужественным, самоотверженным, готовым жертвовать личными интересами, стать на защиту своей семьи, Родины; прозвучали ответы, что

патриот – «герой войны» (были приведены примеры разных исторических событий: русско–шведские войны, первая мировая, Великой Отечественной Войны (ВОВ), афганская война, специальная военная операция (СВО) и др.).

5. Служба в рядах Вооруженных Сил РФ, по нашему мнению, выступает одним из показателей высокого уровня патриотизма и также является гражданской и конституционной обязанностью гражданина РФ, поэтому в опросник были включены вопросы, касающиеся позиции студентов в данном направлении: 45% считают, что служба в армии необходима обществу и является средством выполнения гражданского долга; воинская служба представляется интересной и привлекательной для 18% опрошенных студентов; часть респондентов считают ее трудной и высказывают отрицательное отношение; 16% проявили интерес к службе по контракту (служба в армии у них ассоциируется с «гордостью для семьи», «множеством возможностей для дальнейшей карьеры», «положением в обществе» и др.).

Не смотря на то, что почти половина опрошенных соотнесли службу в армии с граждански долгом, основная часть из них при соотношении личных интересов с общественными отметила, что не планируют служить.

6. По результатам исследования при сравнении в процентом соотношении данных по мужской и женской выборкам, 48% женской выборки и 56% мужской имеют средневысокую степень готовности к службе в армии.

7. Источниками формирования гражданского патриотизма, по мнению респондентов, являются основные социальные институты – семья (62%), государство (42%) средства массовой информации (26%), образовательные учреждения (24%) и др.

8. Все 100% опрошенных когда–либо принимали участие в различных мероприятиях гражданско–патриотической направленности, 85% из которых на постоянной основе. По мнению респондентов в наибольшей степени влияние на формирование патриотических

установок оказывает: проведение праздничных парадов, посвященных ВОВ, встреч с ветеранами ВОВ, локальных войн (44%); чей-то личный пример, проявление героизма (35%) (приводилось в пример: имена великих полководцев, героические поступки солдат, медицинского персонала на войне, героические поступки обычных людей; трансляция по федеральным каналам фотографий героев СВО и комментарии к ним; деятельность волонтеров, оказывающих помощь ветеранам по дому, в военкоматах на горячих линиях, сдающих кровь и мн. др.); музеи, выставки патриотической направленности (22%) (в пример приводились: МБУК музей Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. «Память», Музейный комплекс «РОССИЯ – МОЯ ИСТОРИЯ», г. Ставрополя и др.); деятельность патриотических клубов, центров (20%); фестивали, конкурсы патриотической направленности (20%); фильмы, сериалы, литература патриотической направленности (18%); военно-спортивные игры (12%) и др.

9. Студенты отмечают, что в РФ в рамках работы по формированию гражданско-патриотических установок в молодежной среде реализуется целая система программ и мероприятий, наиболее значимыми из которых они указывают: праздничные парады 9 мая и чествование ветеранов ВОВ, исполнение гимна и поднятие Государственного флага России в образовательных учреждениях, проведение всероссийских акций патриотической направленности («Георгиевская лента», «Свеча памяти», «Письмо солдату» и др.), введение всероссийских диктантов по проверке знания русского языка, истории, отдельных исторических событий, основ Конституции РФ и др., уроков «Разговоры о важном», учебной дисциплины «Основы российской государственности» и мн. др.

10. Студенческая молодежь (56%) отмечают «рост патриотизма» среди своего окружения (некоторые указали – «в России в целом»), что, по их мнению, связано с активной государственной политикой, проводимой Президентом РФ.

Выводы

Проблема изучения и оценки гражданско-патриотических установок у студенческой молодежи является сложной, многоаспектной и требующей учета различных факторов, в том числе и выявления проблем в формировании гражданского патриотизма в молодежной среде (как следующего этапа исследований авторов статьи). Современная студенческая молодежь в большинстве своем считают себя патриотами своей страны и понимают важность и необходимость государственной социальной политики в сфере патриотического воспитания и формирования чувства долга и ответственности перед Родиной. В целях гражданско-патриотического воспитания как направления работы со студенческой молодежью необходима системная, пролонгированная работа, основанная на координации усилий государства, образовательных учреждений, военных комиссариатов, органов внутренних дел, общественности по гражданско-патриотическому и гражданско-военному воспитанию, начальной военной подготовке и др. Гражданско-патриотическое воспитание необходимо ориентировать на формирование воспитывающего пространства создаваемого всеми социальными институтами общества (а в первую очередь – семьей), позволяющего воспитать истинных патриотов России в целях укрепления российского общества, формирования национального единства как приоритетов государственной политики РФ.

Литература

1. Гаврилушкин С.А. Психологическая специфика проявления ответственности личности у студентов: автореферат дис. канд. психол.н. 19.00.01 – общая психология, психология личности, история психологии. – М., 2012. – 23 с.
2. Джагаева Т.Е., Сиукаева А.Г. Гражданско-патриотического воспитания студентов как приоритетное направление государственной политики // ЦИТИСЭ. 2023. № 1 (35). С. 330–337.

3. Зубок Ю.А., Чупров В.И., Любутов А.С., Сорокин О.В. Жизненные позиции молодежи: смысловые основания формирования // Вестник Института социологии. 2021. Т. 12. № 3. С. 79–98.
4. Кириенко В.В. Студенческая молодежь: ментальные особенности, идентичность, образ жизни: монография / под общ. ред. В.В. Кириенко. – Гомель: ГГТУ им. П.О. Сухого, 2015. – 281 с.
5. Колесникова И.А. Задачи непрерывного образования в социокультурном аспекте // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2017. Т. 11. № 8. С. 91–93.
6. Колмакова В.В. Определение уровня сформированности активной гражданской позиции современного студента // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 10(64). Ч. 3. С. 182–186.
7. Маленков В.В. Патриотизм, гражданственность в политике и идентичности молодежи // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 67. С. 120–131.
8. Маленков В.В. Образ патриотизма и гражданско-патриотические ориентации молодежи // Известия Саратовского университета. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22. Вып. 1 С. 60–65.
9. Проказина Н.В., Дорохова Ю.В., Хатнюк Н.Н. Историческая память о великой отечественной войне как ресурс патриотического и гражданского воспитания // Среднерусский вестник общественных наук. 2017. Т. 12. № 3. С. 260–271.
10. Прямая речь Путина В.В. на встрече с Советом законодателей 27 апреля 2022 года // Администрация Президента России 2022 год [Электронный ресурс]. – URL: <http://kremlin.ru/>.
11. Санина А.Г. Патриотизм и патриотическое воспитание в современной России // Социологические исследования. 2016. № 5. С. 44–53.
12. Соснин В.А. Еще раз о проблеме патриотизма: содержание и основные

функции, особенности его воспитания и безопасность России в современных условиях // Информационные войны. 2009. № 2(10). С. 90–99.

13. Стратегия реализации воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс]. – URL: <http://council.gov.ru/media/files/41d536d68ee9fec15756.pdf>.
14. Черная К.И. Основные приоритеты воспитания гражданина-патриота в условиях информационного общества // Интернаука. 2016. № 3–2 (3). С. 21–23.

IDENTIFICATION OF CIVIL-PATRIOTIC ATTITUDES AMONG STUDENTS: GENERALIZATION OF THE RESULTS OF SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Kolesnikova I.A., Durakova A.S., Rezenkov D.N., Kiseleva I.N.

Stavropol State Medical University, Stavropol Cooperative Technical School, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The central issue of the article is the study of the phenomenon of civil patriotism. The authors provide a theoretical basis for the problem, reveal the essence of the concept of «civil patriotism», describe the main approaches to it and its constituent elements. Given the diversity and breadth of research into this problem, the authors support the tendency to consider patriotism as a historically multidimensional phenomenon, having a variety of forms of manifestation, based on personal citizenship position, taking into account historical, political, cultural, social and other contexts. The article presents data from a sociological study of the characteristics of the manifestation of civic-patriotic attitudes among student youth and some generalizations based on the results of the sociological analysis. The authors come to the conclusion that for the purposes of civil-patriotic education as an area of work with student youth, systematically planned, prolonged work is necessary, based on the coordination of the efforts of the state, the main social institutions, and society as a whole in civil-patriotic and civil-military education in order to strengthen Russian society, the formation of national unity as priorities of state policy. In conclusion, it is concluded that it is necessary to identify problems that influence the formation of an adequate civic-patriotic consciousness, as well as further directions of work on the civic-patriotic education of student youth.

Keywords: patriotism, civic–patriotic attitude, student youth, public policy, civic–patriotic education.

References

1. Gavrilushkin S.A. Psychological specificity of the manifestation of personal responsibility among students: abstract of thesis. Ph.D. psychol.n. 19.00.01 – general psychology, personality psychology, history of psychology. – M., 2012. – 23 p.
2. Dzhagaeva T.E., Siukaeva A.G. Civil–patriotic education of students as a priority direction of state policy // CITISE. 2023. No. 1 (35). pp. 330–337.
3. Zubok Yu.A., Chuprov V.I., Lyubutov A.S., Sorokin O.V. Life positions of young people: semantic foundations of formation // Bulletin of the Institute of Sociology. 2021. T. 12. No. 3. P. 79–98.
4. Kiriyyenko V.V. Student youth: mental characteristics, identity, lifestyle: monograph / edited by. ed. V.V. Kiriyyenko. – Gomel: GG-TU im. P.O. Sukhoi, 2015. – 281 p.
5. Kolesnikova I.A. Tasks of continuing education in the sociocultural aspect // Current problems of the humanities and socio-economic sciences. 2017. T. 11. No. 8. P. 91–93.
6. Kolmakova V.V. Determining the level of formation of the active civil position of a modern student // Philological Sciences. Questions of theory and practice. 2016. No. 10(64). Part 3. pp. 182–186.
7. Malenkov V.V. Patriotism, citizenship in politics and youth identity // Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science. 2022. No. 67. pp. 120–131.
8. Malenkov V.V. The image of patriotism and civil–patriotic orientations of youth // News of Saratov University. Series: Sociology. Political science. 2022. T. 22. Issue. 1 pp. 60–65.
9. Prokazina N.V., Dorokhova Yu.V., Khatnyuk N.N. Historical memory of the Great Patriotic War as a resource for patriotic and civic education // Central Russian Bulletin of Social Sciences. 2017. T. 12. No. 3. P. 260–271.
10. Direct speech of Putin V.V. at a meeting with the Council of Legislators on April 27, 2022 // Administration of the President of Russia 2022 [Electronic resource]. – URL: <http://kremlin.ru/>.
11. Sanina A.G. Patriotism and patriotic education in modern Russia // Sociological studies. 2016. No. 5. P. 44–53.
12. Sosnin V.A. Once again about the problem of patriotism: content and main functions, features of its upbringing and the security of Russia in modern conditions // Information Wars. 2009. No. 2(10). pp. 90–99.
13. Strategy for the implementation of education in the Russian Federation for the period until 2025 [Electronic resource]. – URL: <http://council.gov.ru/media/files/41d536d68ee9fec15756.pdf>.
14. Chernaya K.I. The main priorities of educating a patriotic citizen in the conditions of the information society // Internauka. 2016. No. 3–2 (3). pp. 21–23.

Вторичная занятость и карьерные стратегии студенческой молодежи (на примере Забайкальского государственного университета)

Михайловская Светлана Александровна,

к.ф.н., Забайкальский государственный университет
E-mail: alecru77@mail.ru

В статье изучаются особенности вторичной занятости среди современной студенческой молодежи, обучающейся по программам высшего образования, и описываются предпочитаемые карьерные стратегии студентов. В ходе теоретического анализа проблемы уточнены понятия вторичной занятости и карьерной стратегии, описываются типовые карьерные стратегии. Приведены результаты анкетирования студенческой молодежи ЗабГУ, позволяющие уточнить и охарактеризовать их карьерные стратегии. Сделаны выводы о доминирующих среди студенческой молодежи, обучающейся в современных ВУЗах, карьерных стратегиях. На основании выявленных тенденций сделано предположение о перспективных направлениях развития исследования.

Ключевые слова: вторичная занятость, студенты, молодежь, карьерные стратегии, высшее образование.

Проблема сочетания профессионального обучения и непосредственного выполнения профессионально-трудовых обязанностей является острой для современного общества. Современные студенты все чаще и все активнее стремятся приобретать и оттачивать профессиональные навыки на практике, понимая, что именно так они повышают свою конкурентоспособность на рынке труда [1]. Кроме того, часто они стремятся стать самостоятельными в финансовом плане, оплачивать отдельное жилье, не зависеть от родителей, не откладывая вопросы своей автономии на «потом» [6].

В свою очередь, кадровые службы современных предприятий предоставляют им для этого все возможности, гарантируя оптимальные условия для трудоустройства по программам прелиминаринга и быстрой адаптации на рабочем месте [7]. Работодатели в условиях кадрового дефицита и усугубляющихся демографических проблем буквально «цепляются» за каждого профильного специалиста еще на стадии его обучения в ВУЗе, организуя различные Event-мероприятия, ознакомительные стажировки и Welcome-тренинги [5].

Другой стороной активного участия молодежи в программах вторичной занятости является снижение эффективности обучения в ВУЗе. При этом вопрос о том, в состоянии ли профессиональное обучение, организуемое работодателем, полноценно заменить высшее образование по профессии, остается неразрешенным [3]. Ведь обучение, организуемое работодателем, часто отталкивается от специфики выполнения работы и организации рабочего процесса у конкретного работодателя, что снижает способности студента к последующей быстрой адаптации при переходе на другие рабочие места. Более того, высокая доля студенческой молодежи в принципе

принимает решение работать не по специальности, что наносит прямой ущерб эффективности их профессионального обучения и даже последующей карьере в выбранной при поступлении профессиональной области. Работа на текущем месте работы может оказаться своеобразной «зоной комфорта», из которой студенту не захочется выходить даже по окончании ВУЗа и получении диплома о высшем образовании.

Соответственно, актуальной задачей является изучение отношения к вторичной занятости и выбираемых студентами карьерных стратегий. Это позволит прогнозировать поведение студентов на рынке труда, лучше понимать причины отклонений от траектории профессионального развития. «Вторичная занятость» трактуется как «совмещение работы и учебы студентов дневной формы образования» [1, с. 181], причем эта занятость должна быть оплачиваемой и реализовываться не в ущерб учебному времени [10]. Чтобы решение об участии во вторичной занятости было обдуманным и конструктивным, студент должен руководствоваться определенными критериями выбора. Эти критерии уточняются в ходе построения карьерной стратегии.

Под карьерными стратегиями в актуальных исследованиях понимается «стремление к такой перспективной деятельности, которая учитывает личностный потенциал, уровень сформированных компетенций и социальные условия» [12, с. 63]. Н.В. Волкова и В.А. Чикер предложили выделять карьерные стратегии, основываясь на таких критериях, как социальная мобильность и готовность к работе, вследствие чего они выделили активный, зависимый, пассивный и смешанный типы стратегий [2]. Д.Н. Недбаев описывает два типа карьерных стратегий: прогрессивная и рецептивная. Прогрессивная стратегия ориентирована на внутренние мотивы (саморазвитие, самоактуализация через профессиональную деятельность), тогда как рецептивная ориентирована на внешние (заработок, гедонизм, социальные предписания и др.) [8]. М.С. Та-

усенева различает три карьерные стратегии: статусная, материальная, достиженческая. В первом случае субъект профессионального развития стремится к определенному статусу и положению в обществе через обретение профессии и должности, во втором случае – работает ради денег и других материальных благ, в третьем случае – стремится достигать результатов в деятельности [11].

Как мы видим, предлагаемые классификации карьерных стратегий многообразны. В каждом конкретном случае речь идет об уникальной карьерной стратегии, реализуемой субъектом профессионального развития. При этом также важно понимать, что карьерная стратегия не автономна – она является важной составляющей жизненного сценария человека [11]. Однако исследование О.А. Зозуля показывает, что до 20% студентов, уже получающих высшее образование, не имеют карьерной стратегии в принципе: они не могут описать результат своего профессионального становления и не готовят следующие шаги в карьере [4]. Согласно результатам исследования А.А. Яковлева и М.Н. Егорова, ситуация среди молодежи в целом еще более проблематичная: 54% молодежи не имеют карьерной стратегии, а 44% молодежи не имеют представления даже о таком понятии как карьерная стратегия [12]. В таких условиях, вероятно, участие в программах вторичной занятости может нанести студенту вред, отвлекая его от процесса обучения и приобретения т.н. транспрофессиональных навыков, в т.ч. навыка планирования своего профессионального развития.

Рассмотрим, насколько актуальной описанная проблема является для современной студенческой молодежи на примере студентов Забайкальского Государственного Университета (ЗабГУ). ЗабГУ является современным многопрофильным университетом, на базе которого функционируют 11 факультетов, колледж и лицей, где обучаются около 12 тысяч студентов, из которых более 5 тысяч обучаются по очной форме [9]. В анкетировании приняли участие 50 студентов ЗабГУ, обучающихся на оч-

ной форме по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры. Возраст респондентов – от 20 до 24 лет, 50%

юноши, 50% девушки. Результаты проведенного анкетирования среди студентов ЗабГУ приведены в табл. 1.

Таблица 1. Результаты исследования отношения к вторичной занятости и карьерных стратегий студенческой молодежи ЗабГУ

Вопрос	Вариант ответа	Доля респондентов, %
1. Работаете ли Вы параллельно с обучением в свободное от учебного процесса время?	да	54
	нет	46
2. Если да, то работаете ли Вы по своей будущей профессии, которой Вы обучаетесь в ВУЗе?	да	26
	нет	28
	не работают	46
3. Знаете ли Вы, что такое «карьерная стратегия»?	да	100
	нет	0
4. Считаете ли Вы наличие карьерной стратегии необходимым на начальном этапе карьеры?	да	76
	нет	24
5. Есть ли у Вас карьерная стратегия?	да	60
	нет	40
6. Если да, то к какому описанию Ваша карьера ближе всего?	развивающийся профессионал	22
	стабильно занятый	16
	мобильный карьерист	8
	менеджер амбициозных проектов	6
	балансирующий между работой и жизнью	8
	нет стратегии	40

По результатам проведенного опроса установлено, что большинство представителей студенческой молодежи участвует во вторичной занятости – они сообщили о том, что работают в свободное от учебы время (54%). Примерно равным оказалось соотношение студентов, работающих в рамках вторичной занятости по специальности (26%) и не по специальности (28%). Что касается карьерных стратегий, то все студенты ЗабГУ имеют представление об этом понятии (100%), большинство считают его полезным уже на ранних этапах карьеры (76%), однако собственную карьерную стратегию имеют лишь 60% респондентов. Карьерные стратегии студентов ЗабГУ различаются. Наиболее часто встречается вариант, охарактеризованный в анкете как «развивающийся профессионал» – 20%.

В его подробном описании было указано на стремление к получению конкретной профессии, постепенное приобретение навыков по профессии, постоянное совершенствование знаний и достижение мастерства. Реже встречается карьерная стратегия по типу «стабильно занятый» (16%), при которой целью является трудоустройство в стабильное крупное предприятие с социальными гарантиями и усердная продолжительная работа в нем. Существенно реже встретились другие описанные нами типы карьерных стратегий: «мобильный карьерист», целью которого является максимально быстрое продвижение по карьерной лестнице вне привязки к профессии и работодателю; «менеджер амбициозных проектов», который целенаправленно ищет сложные и высокооплачиваемые задачи,

имеющие определенный срок выполнения и конкретные критерии результата; «балансирующий между работой и жизнью», который стремится к обретению максимальной свободы при оптимальном заработке и некоторой самореализации в профессии. Данные варианты отметили от 6 до 8% респондентов.

Следует отметить, что у 20% респондентов выборки встретилось сочетание участия во вторичной занятости не по профессии и отсутствия карьерной стратегии. Эти студенты отнесены нами к «группе риска» по выпадению из состава высоко квалифицированных кадров по выбранной ими профессии. У остальных 8% участвующих в непрофильной вторичной занятости сформирована стратегия по типу «развивающийся профессионал», соответственно, непрофильную занятость они рассматривают, по всей видимости, исключительно как временный вариант.

Таким образом, проведенное исследование показало, что ситуация вторичной занятости воспринимается студенческой молодежью по-разному. Изучение карьерных стратегий студентов, участвующих во вторичной занятости, позволит лучше понимать причины и прогнозировать динамику их профессионального развития. Также установлено, что отсутствие сформированной карьерной стратегии является значимой проблемой даже при высокой осознанности студентов в данном вопросе. Важно разрабатывать и активно применять методы по совместному проектированию карьерного будущего со студентами на базе ВУЗов. Очевидно, что самостоятельно студенты сталкиваются со сложностями в разработке собственных карьерных стратегий. Самостоятельной проблемой, по всей видимости, является низкая доля студентов ВУЗа, которые выбирают стратегию карьеры по типу «развивающийся профессионал», что свидетельствует о низких значениях внутренних мотивов профессиональной деятельности, о слабой приверженности выбранной профессии.

Дальнейшие перспективы исследования связаны с проведением социологического опроса с участием большого

числа студентов, с проведением сравнительных исследований карьерных стратегий и отношения к вторичной занятости у студентов различных специальностей, направлений и этапов обучения. Кроме того, интересной задачей является выявление сложностей, с которыми сталкиваются студенты при попытке разработки собственной карьерной стратегии.

Литература

1. Волков В.Р. Вторичная занятость студентов: проблемы и тенденции развития // ВЭПС. 2018. № 1. С. 181–185.
2. Волкова Н.В. Карьерные установки студентов стратегически перспективных направлений обучения / Н.В. Волкова, В.А. Чикер // Социальная психология и общество. 2018. № 1. С. 90–107.
3. Зайцева Н.А. Образование и бизнес: вместе или параллельно? // Российские регионы: взгляд в будущее. 2014. № 1 (1). С. 99–110.
4. Зозуля О.А. Карьерные стратегии молодых специалистов: к постановке проблемы // Социально-гуманитарные знания. 2024. № 1. С. 75–82.
5. Казакова М.И., Шурмина Т.В. Прелиминаринг как метод привлечения персонала в малом бизнесе // Вестн. Том. гос. ун-та. Экономика. 2019. № 48. С. 263–273.
6. Киктенко М.В., Коломийцева Э.А., Самсонова Е.С., Нечаев А.Н. Развитие осознанной самостоятельности в студенческой группе саморазвития: взгляд изнутри // Вестник практической психологии образования. 2017. Том 14. № 2. С. 117–121.
7. Козина Е.С., Фадейкина В.С. Прелиминаринг как инструмент обеспечения государственно-частного партнерства в сфере профессионального образования // Вестник экономики, права и социологии. 2016. № 1. С. 263–270.
8. Недбаев Д.Н. Психологические детерминанты формирования карьерной направленности личности / Д.Н. Недбаев, М.М. Филин // Между-

народный журнал медицины и психологии. 2019. № 4. С. 169–177.

9. Отчет о результатах самообследования за 2022 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт ЗабГУ. – URL: [https://zabgu.ru/files/html_document/pdf_files/fixed/Samoocenka_deyatelnosti/Otchet_po_samoobsledovaniyu_zh_2022_god\(1\).pdf](https://zabgu.ru/files/html_document/pdf_files/fixed/Samoocenka_deyatelnosti/Otchet_po_samoobsledovaniyu_zh_2022_god(1).pdf) (дата обращения: 30.03.2024).
10. Попов Е.А., Антонович И.В., Ахмедова А.Р., Кода Е.А., Козлова В.А. Вторичная занятость современных студентов (на примере студентов АлтГУ) // Социодинамика. 2023. № 10. С. 10–22.
11. Таусенева М.С. Карьерное конструирование, как жизненный сценарий современной молодежи / М.С. Таусенева. // Baikal Research Journal. 2021. Т. 12, № 3. 12 с.
12. Яковлев А.А., Егоров М.Н. Карьерные стратегии молодежи как путь к перспективной деятельности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 1. С. 62–70.

SECONDARY EMPLOYMENT AND CAREER STRATEGIES OF STUDENT YOUTH (ON THE EXAMPLE OF TRANSBAIKAL STATE UNIVERSITY)

Mikhailovskaya S.A.

Transbaikal State University

The article studies the features of secondary employment among modern students studying in higher education programs and describes the preferred career strategies of students. During the theoretical analysis of the problem, the concepts of secondary employment and career strategy were clarified, and typical career strategies were described. The results of a survey of students from ZabSU are presented, allowing them to clarify and characterize their career strategies. Conclusions are drawn about the dominant career strategies among students studying in modern universities. Based on the identified trends, an assumption has been made about promising directions for the development of research.

Keywords: secondary employment, students, youth, career strategies, higher education.

References

1. Volkov V.R. Secondary employment of students: problems and trends of development // VEPS. 2018. № 1. P. 181–185.
2. Volkova N.V. Career attitudes of students of strategically promising areas of study / N.V. Volkova, V.A. Chiker // Social psychology and society. 2018. № 1. P. 90–107.
3. Zaitseva N.A. Education and business: together or in parallel? // Russian regions: a look into the future. 2014. № 1 (1). P. 99–110.
4. Zozulya O.A. Career strategies of young specialists: to the statement of the problem // Socio-humanitarian knowledge. 2024. № 1. P. 75–82.
5. Kazakova M.I., Shurmina T.V. Preliminary as a method of personnel attraction in small business // Vestnik Tom. gos. un-ta. Ekonomika. 2019. № 48. P. 263–273.
6. Kiktenko M.V., Kolomiitseva E.A., Samsonova E.S., Nechaev A.N. Development of conscious autonomy in the student self-development group: a view from within // Vestnik of practical psychology of education. 2017. Vol. 14. no. 2. P. 117–121.
7. Kozina E.S., Fadeikina V.S. Preliminary as a tool to ensure public-private partnership in the field of professional education // Vestnik of Economics, Law and Sociology. 2016. № 1. P. 263–270.
8. Nedbaev, D.N. Psychological determinants of the formation of career orientation of personality / D.N. Nedbaev, M.M. Filin // International Journal of Medicine and Psychology. 2019. № 4. P. 169–177.
9. Report on the results of self-inspection for 2022. [Electronic resource] // Official website of ZabGU. – URL: [https://zabgu.ru/files/html_document/pdf_files/fixed/Samoocenka_deyatelnosti/Otchet_po_samoobsledovaniyu_zh_2022_god\(1\).pdf](https://zabgu.ru/files/html_document/pdf_files/fixed/Samoocenka_deyatelnosti/Otchet_po_samoobsledovaniyu_zh_2022_god(1).pdf) (date of address: 30.03.2024).
10. Popov E.A., Antonovich I.V., Akhmedova A.R., Koda E.A., Kozlova V.A. Secondary employment of modern students (on the example of students of AltSU) // Sociodynamics. 2023. № 10. P. 10–22.
11. Tauseneva M.S. Career construction as a life scenario of modern youth / M.S. Tauseneva. // Baikal Research Journal. 2021. Т. 12, № 3. 12 p.
12. Yakovlev A.A., Egorov M.N. Career strategies of young people as a path to promising activities // Humanities, socio-economic and social sciences. 2024. № 1. P. 62–70.

Возможности повышения социального благополучия молодежи: на примере студентов Тюменской области

Окуловский Максим Дмитриевич,

аспирант Кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет

E-mail: nextgenboxmain@yandex.ru

Представлены результаты исследования, раскрывающие основные характеристики и тенденции социальных проблем, с которыми сталкивается студенческая молодежь в Тюменской области. Показана значимость и приоритетность социальных вызовов, с которыми сталкивается студенчество региона. Благодаря анализу существующей литературы и результатов эмпирического исследования выявлены ключевые проблемы, такие как психологическое неблагополучие, употребление психоактивных веществ, академическое давление и социальная изоляция среди студентов, а также факторы, способствующие возникновению и обострению перечисленных проблем. Рассматривается влияние этих проблем на общее благополучие и успеваемость молодых людей. Исследование показало, что студенты в Тюменской области сталкиваются с высоким уровнем давления, вызванного как академическими требованиями, так и социальными проблемами. Определены наиболее эффективные стратегии решения социальных проблем, с которыми сталкиваются обучающиеся Тюменской области. Разработаны рекомендации по созданию более благоприятной среды для студентов и повышению их общего благосостояния. Мы надеемся, что результаты исследования будут полезны при разработке программ и инициатив по поддержке молодежи в Тюменской области.

Ключевые слова: молодежь, социализация, социальный контроль, социальные проблемы.

Введение

Молодежь – это социально-демографическая группа, выделяемая на основе возрастных характеристик, особенностей социального положения и обусловленных ими социально – психологических качеств. К этой группе относят людей в возрасте от 14 до 35 лет. Это период выбора профессии и своего места в жизни. Выработка жизненных ценностей, достижения социально – ответственного поведения. Студенчество представляет собой определённую, особую часть молодёжи, поэтому эта социальная группа имеет специфические черты, выделяющие её из всего ряда юношей и девушек.

Студенчество характеризуется особыми социально – психологическими показателями, условиями жизни, труда и быта. Также наличием определённых социальных ролей и функций, отличными от других слоёв населения ценностными ориентациями, социальным поведением и т.д. [1].

Современные студенты в Тюменской области также сталкиваются со многими сложными социальными вызовами, которые оказывают существенное влияние на их жизнь и процесс образования. Финансовые трудности являются серьёзной проблемой для студентов, которым часто приходится балансировать между учёбой, работой и личными обязанностями, чтобы обеспечить себя финансово. Давление и стресс, а также депрессия играют определённую роль в жизни студентов в быстро меняющемся информационном обществе. Следовательно, в настоящее время существует острая необходимость в изучении существующей социальной ситуации в среде студенческой молодежи. При этом сами проблемы целесообразно анализировать с точки зрения их актуальности, приоритетности, важности, приоритетности решения и т.д. [2]. Также, требуется учитывать проблему адаптации к новым

условиям и поддержания здорового образа жизни в регионе, поскольку многие студенты переезжают в Тюменскую область из других регионов и стран для получения высшего образования, после окончания школы.

К социальным проблемам также могут привести проблемы со здоровьем, такие как неправильное питание, недостаток физической активности и наркомания, также могут возникать у студентов из-за их образа жизни. Социальная изоляция, одиночество и отсутствие социальной поддержки могут быть вызваны недостатком общения со сверстниками и друзьями. Все эти проблемы в совокупности могут серьезно повлиять на психическое и физическое благополучие молодого поколения и их успеваемость. Таким образом, изучение актуальности и важности этих вопросов является решающим шагом к разработке эффективных стратегий поддержки и повышения благосостояния студентов в Тюмени.

Понимание основных проблем, с которыми сталкиваются учащиеся в нашем регионе, может помочь выявить не только их индивидуальные потребности, но и общие проблемы и тенденции, требующие системного подхода к их решению. Анализ социальных проблем студентов важен для выявления основных факторов, приводящих к возникновению этих проблем, и разработки мер поддержки и профилактики для улучшения общего качества студенческой жизни. Только при комплексном подходе к решению социальных проблем среди студентов могут быть созданы условия для формирования здорового образа жизни, успешной адаптации к новым ситуациям, улучшения психологического самочувствия и повышения успеваемости. Работа над этими аспектами имеет решающее значение для обеспечения полноценного развития и успешной учебы молодежи Тюменской области. Эффективное решение социальных проблем студентов в Тюменской области также требует сотрудничества между различными учреждениями и организациями, такими как университеты,

государственные органы, неправительственные организации и общественные группы. Обучение навыкам разрешения конфликтов, общения и эмоциональной поддержки также может способствовать улучшению самочувствия молодого поколения. В целом, работа по решению социальных проблем молодежи Тюменской области должна быть комплексной, системной и ориентированной на долгосрочные результаты, которые будут приносить положительные результаты.

Совместными усилиями всех сторон можно создать условия для поддержки и развития молодежи, предоставив им шанс на полноценное образование, личностный рост и успешную адаптацию к вызовам современного общества. Для успешного решения социальных проблем студентов в Тюменской области также крайне важно обеспечить доступ к профессиональным психологическим консультациям и поддержке. Психологическая помощь может помочь учащимся развить самосознание, справиться с эмоциями и стрессом и найти конструктивные способы решения проблем. Кроме того, создание поддерживающего сообщества среди учащихся, где они могут общаться и обмениваться опытом, находя поддержку друг у друга, также может быть эффективным способом борьбы с социальной изоляцией и одиночеством.

Социальная изоляция – это социальное явление, при котором происходит отторжение индивида или социальной группы от других индивидов или социальных групп в результате прекращения или резкого сокращения социальных контактов и взаимоотношений.

В общем случае, к изоляции прибегает та сторона, которая в процессе общения чувствует себя несчастной. Изоляция не обязательно предусматривает вражду. Любые деструктивные действия, если они даже и происходят, имеют целью исключительно прекращение контактов, и заканчиваются сразу после этого. Изоляция отдельного человека может быть:

- от конкретного человека;
- конкретной группы лиц;

- *общества в целом.*

Социальная изоляция является одновременно потенциальной причиной и симптомом эмоциональных или психологических проблем. Под причиной понимается неспособность взаимодействовать с окружающим миром. Как симптом, периоды изоляции могут быть хроническими или эпизодическими, в зависимости от каких-либо циклических изменений настроения, особенно в случае клинической депрессии.

Признать своё одиночество может быть очень трудно, потому что это почти, как если бы человек признал отсутствие чувств принадлежности, любви и привязанности, которые являются наиболее фундаментальными областями жизни [3]. Социальная изоляция также делится на различные типы.

- *Полная изоляция* – полностью отсутствуют как личные контакты с другими людьми, так и опосредованные способы общения: телефонная или письменная. Такая изоляция от всего общества переживается человеком как тяжелейшее испытание.
- *Физическая изоляция* – не имеющий возможности или желания личной встречи, индивид свободно общается через технические средства связи – телефон, почту, Интернет. Телефонная и видеосвязь, как очень близкая к непосредственному общению, предпочитается или игнорируется соответственно желанию или избеганию личных встреч.

Организация различных мероприятий и клубов по интересам, а также создание групп поддержки могут помочь создать дружелюбную и поддерживающую среду для студентов.

Благодаря постоянному изучению и анализу данных программы поддержки могут быть адаптированы к текущим потребностям и обеспечить успешное решение социальных проблем в образовательной среде.

Материалы и методы

Изучение социальных проблем среди современных студентов в Тюменской области представляет собой сложную и мно-

гогранную задачу, требующую использования широкого спектра методов. В этом исследовании используется комбинация методов, включая анкетирование, фокус-группы и обзор литературы, чтобы лучше понять значимость и приоритетность социальных проблем студентов.

Опрос позволит получить непосредственную информацию от студентов университетов Тюменской области, чтобы выявить основные проблемы и установить их приоритетность. Фокус-группы будут способствовать более глубокому обсуждению этих проблем и выявлению потенциальных решений.

Литература помогает выявить тенденции, сравнить результаты и выявить сильные и слабые стороны текущего положения. Объединив все эти методы, можно получить всестороннее представление о многогранных проблемах, с которыми сталкиваются молодые люди в современном обществе региона.

Основываясь на собранных данных, можно определить основные проблемы, с которыми сталкиваются молодые люди, и разработать эффективные стратегии для решения этих проблем.

Анкетный опрос был реализован в Интернете, что позволило, во-первых, привлечь к исследованию труднодоступные категории респондентов; во-вторых, оперативно контролировать процесс исследования; в-третьих, свободно отвечать на поставленные вопросы без непосредственного влияния интервьюера.

Объектом исследования выступили молодые люди, занимающие активную жизненную позицию или стремящиеся к этому. Для отбора респондентов применялась потоковая выборка, в которой респондентами выступили представители молодого поколения, посещающие сайты, где размещается информация о ключевых событиях в мире как исторических, так и политических. Ссылка на опрос размещалась в социальных сетях и направлялась в различные чаты, группы с большой концентрацией молодежи в них.

В то же время, важно подчеркнуть, что полученная в результате исследования информация не может быть перене-

сена на всех молодых людей России, так как для глобальных выводов по заявленной проблеме нужна репрезентативная выборка, которая может быть реализована только при наличии достоверных статистических данных о структуре и составе политически активной молодежи как социальной, так и асоциальной направленности. Однако, указанные выше ограничения, не уменьшают значимость полученных данных, так как исследование носит аналитический характер и предопределяет интерес к социализации молодежи как официальных, так и неофициальных структур. Всего в опросе приняло участие 618 человек.

Результаты и обсуждение

Социологи выделяют ряд социальных проблем, которые оказывают влияние на общество. В частности, известный американский социолог Роберт Мертон в своей работе «Социальная теория и структура» выделяет такие социальные проблемы, как неравенство, бедность, расизм, преступность и массовая безработица. Он объясняет, что эти проблемы возникают из-за дисбаланса между ценностями общества и способами их достижения, что приводит к социальным конфликтам и напряженности. Для решения этих проблем социологи предлагают различные методы и стратегии, такие как социальные программы, реформы и образование. Рассмотрим несколько примеров социальных проблем, с которыми сталкиваются студенты в современном обществе. Каждая из этих проблем требует внимания и поддержки со стороны образовательных учреждений, государства и общественности для их решения и предотвращения негативных последствий для здоровья. К таким проблемам относятся:

- социальная изоляция;
- финансовые трудности;
- психологические проблемы;
- недостаток доступной медицинской помощи;
- проблемы адаптации.

Следует отметить, что выстраивание личного жизненного пути для молодежи гораздо важнее коллективных, социаль-

ных, а также государственных интересов и задач. Соответственно, «социальная активность – это возможность для самореализации, самопрезентации, саморазвития в тех областях, которые вызывают наибольшую личную и профессиональную мотивацию, интерес» [4]. Поддерживая социальную активность, мы предоставляем молодым людям возможность самореализации, самопрезентации и развития в тех сферах, которые вдохновляют их лично и профессионально. Общество стихийно и намеренно организует свое коммуникативное пространство, генерируя в нем определенные дискурсы, и их определения могут интерпретироваться по-разному, например, как социально упорядоченные, регламентированные практики, способы говорения о социальной действительности, или как отложившиеся и закрепившиеся в знаковой системе способы видения и переживания мира, способы упорядочения социальной действительности [5].

Об этом аспекте в понимании социальной активности студенчества обращает внимание Л.Ф. Шаламова. Социальная активность, по их мнению, выражается в стремлении к творчеству, раскрытию своих способностей, конструированию и созданию новой реальности.

В различных формах проявления жизнедеятельности молодежи социальная активность служит мерой взаимодействия человека с обществом и соответствия его деятельности различным социальным потребностям.

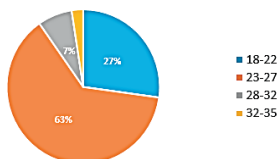
И.С. Кон отмечал, что «молодежь – «это социально-демографическая группа, которая отличается возрастными характеристиками, характеристиками социального статуса и социально-психологическими характеристиками» [6]. Имеющаяся важность понимания уровня образования респондентов объясняется тем, что образование уже давно признается ключевым аспектом как в индивидуальном, так и в общественном развитии. Обучение позволяет молодым людям осваивать новые знания, умения и ценности, необходимые для достижения успеха в жизни, внесения вкла-

да в общество и последующей успешной социализации. Образование способствует многостороннему развитию личности через три основных направления: приобретение профессиональных навыков, развитие интеллекта и изменение социального статуса. В первом случае речь идет о следующих значимых оценках: соответствие человек и призвания; возможность осуществления труда интеллектуального характера; получение знаний, необходимых для эффективного труда; возможность осуществления управленческой работы. Во втором случае речь идет о следующих значимых оценках: наличие возможности ре-

ализации творческого потенциала; формирование научного восприятия мира; развитие аналитических навыков; усвоение культуры; работа в научной сфере. В третьем случае речь идет о следующих значимых оценках: рост социального статуса, достижение состояния материального благополучия [7].

Возрастные показатели респондентов преимущественно разместились в диапазоне от 23 до 27 лет – 63% из числа опрошенных. Большая часть из них на данный момент являются студентами ВУЗов – 64%, а диплом о высшем образовании имеют 24% опрошенных (рис. 1).

Ваш возраст
618 ответов

Укажите уровень Вашего образования
618 ответов

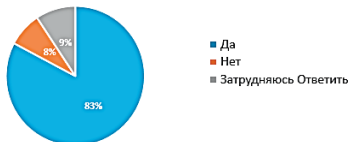

Рис. 1. Возрастные показатели и уровень образования респондентов

К вопросу о том, являются ли социальные проблемы актуальной темой для студенческой молодежи, от респондентов было получено 83% положительных ответов. На вопрос о том, как часто респонденты сталкиваются с различного рода социальными проблемами, к при-

меру: финансовые трудности, проблемы адаптации, недостаток доступной медицинской помощи, психологические проблемы и т.д. 26% ответили, что очень часто сталкиваются с социальными проблемами, 46% – часто, 20% – редко (рис. 2).

Считаете ли Вы, что социальные проблемы являются актуальным вопросом для молодежи Тюменского региона?
618 ответов

Часто ли Вы сталкиваетесь с различного рода социальными проблемами?
618 ответов

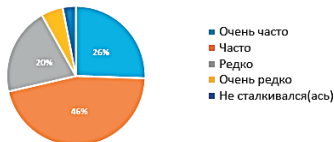

Рис. 2. Актуальность и частота социальных проблем

Далее вопросы коснулись социальной изоляции и уровня безработицы среди студентов. По данным опроса, 67% опрошенных респондентов считают, что социальная изоляция является актуальной проблемой современной студенческой молодежи Тюменского региона, 15% считают, что это не так и 18% затрудняются дать ответ. 55% опрошенных студентов оценивают уровень без-

работицы как – средний. Респонденты, участвовавшие в анкетировании, а также участники фокус-группы ссылаются на то, что у многих из них возникают проблемы с трудоустройством из-за отсутствия возможности совмещать работу с учебой, а также на то, что большинство работодателей отказывается принимать молодежь без наличия дипломов о законченном высшем образовании (рис. 3).

Рис. 3. Отношение студентов к актуальным социальным проблемам

Наиболее актуальной социальной проблемой, среди студенческой молодежи Тюменского региона считается недостаток социальной поддержки и общения, о чем свидетельствует 38% ответов. Финансовые трудности и долги также оказались значимыми, получив 29% голосов. Таким образом, результаты данного вопроса указывают на то, что студенческая молодежь считает недостаток социальной поддержки и общения наиболее актуальной проблемой. Это может свидетельствовать о необходимости улучшения условий для общения и взаимодействия среди студентов. Также высокий процент ответов, относящихся к финансовым трудностям и долгам, указывает на важность разработки программ поддержки финансового благополучия среди студенческой аудитории. Проблемы психического здоровья и доступности жилья также требуют внимания и возможных улучшений в университетской среде. Мнение молодежи относительно предоставляемой университетом поддержки в решении социальных проблем различается. 35% опрошенных полностью удовлетворены предостав-

ляемой университетом поддержкой, в то время как 14% считают, что в целом поддержка есть, но есть недостатки. Однако более половины респондентов 51% считают, что университет не предоставляет достаточной поддержки студентам в решении социальных проблем. Это может указывать на необходимость улучшения системы поддержки и помощи студентам в университете. Для того чтобы улучшить ситуацию и удовлетворить потребности студентов, провести дополнительные исследования и выявить конкретные проблемные области, в которых университет может улучшить свою поддержку. Важно также обратить внимание на мнение студентов, выявить их потребности и предложения по улучшению условий социальной поддержки. Разработка программ и мероприятий, направленных на решение этих проблем, а также повышение доступности информации о доступных ресурсах и услугах для студентов могут способствовать улучшению общей ситуации и удовлетворенности студенческой аудитории (рис. 4).

Рис. 4. Наиболее актуальная проблема и поддержка университета

Результаты последнего вопроса показывают, что большинство студентов 58% готовы активно участвовать в проектах и программах по решению социальных проблем. Это свидетельствует о высокой мотивации и заинтересован-

ности студентов в участии в таких инициативах. Важно учитывать эти факторы при планировании и организации программ по решению социальных проблем среди молодежи. Высокий уровень готовности большинства студентов к уча-

стию в проектах и программах открывают широкие возможности для организации совместных мероприятий, инициа-

тив и акций, направленных на улучшение социальной среды в университете (рис. 5).

Рис. 5. Готовность участвовать в программах по решению соц. проблем

Социально значимая черта студенческого коллектива – поиск смысла жизни, стремление к прогрессивным изменениям в обществе и созданию новых идей. У молодых людей много задач – найти себя в этом мире, понять, кто он, где его место в жизни. Другими словами, ему предстоит выбрать путь, которым будет следовать всю свою жизнь.

Выводы

Изучение значимости и приоритетности социальных проблем, с которыми сталкиваются современные студенты в Тюменской области, выявляет значительные трудности, с которыми они сталкиваются в своей повседневной жизни. С помощью опросов, фокус-групп и анализа данных было выявлено, что к числу наиболее острых проблем, с которыми сталкиваются студенты, относятся отсутствие доступного жилья, финансовые трудности, стресс и депрессия, а также проблемы социальной интеграции. Следует, однако, отметить, что каждая из этих проблем имеет свои уникальные характеристики и требует индивидуального подхода к их решению. Крайне важно учитывать разнообразные потребности и особенности этой студенческой популяции, чтобы разработать эффективные программы поддержки и социальной защиты, адаптированные к их конкретным обстоятельствам. Для успешного решения социальных проблем студентов в Тюменской области необходимо установить партнерские отношения между университетами, государственными учрежде-

ниями и общественными организациями. Эти партнерские отношения позволяют более полно понять проблемы, с которыми сталкиваются молодые люди, и разработать эффективные решения с учетом их потребностей. Кроме того, важно продолжать работу по совершенствованию программ профориентации, содействия трудоустройству и карьерного роста для студентов.

Рекомендации

Исследование социальных проблем среди студенческой молодежи в Тюменском регионе является актуальной и важной задачей, требующей комплексного подхода и глубокого анализа.

Для дальнейшего улучшения ситуации и решения социальных проблем среди молодежи в этом регионе также крайне важно подчеркнуть важность развития навыков межличностного общения, эмпатии и терпимости среди учащихся.

Программы, развивающие эти навыки, могут создать более благоприятную и инклюзивную образовательную среду для всех учащихся, где каждый чувствует себя принятым и поддерживаемым. Также важно адаптировать учебную программу к потребностям современной молодежи, включая такие элементы, как психологическая поддержка, развитие социальных навыков и саморегуляция.

Обучение студентов управлению стрессом, разрешению конфликтов и эффективному общению может помочь им успешно справляться с трудностями обучения и повседневной жизни.

Повышая осведомленность о социальных проблемах посредством образовательных мероприятий, кампаний и тренингов, учащиеся будут лучше подготовлены к преодолению трудностей и сохранению своего физического и психического здоровья. Поэтому важно продолжать сотрудничество между университетами, медицинскими учреждениями и общественными организациями, чтобы обеспечить студентам доступ к медицинским услугам, медицинским консультациям и профилактике различных заболеваний.

Кроме того, крайне важно продолжать работу по созданию условий для активного обучения и развития учащихся, включая поддержку студенческих инициатив, спортивных мероприятий, культурных программ и других форм досуговой деятельности. Это поможет студентам не только успешно учиться, но и развиваться как личности, находить новые увлечения и интересы, а также выстраивать позитивные отношения со сверстниками. В целом, решение социальных проблем молодежи Тюменской области требует комплексного подхода, предполагающего сотрудничество различных структур и организаций. Это также требует обучения навыкам саморегуляции и эмоциональной поддержки.

Наконец, важно создать благоприятную среду для обучения. Только благодаря скоординированным усилиям всех соответствующих сторон можно добиться значительных улучшений в благосостоянии и качестве жизни молодежи.

Литература

1. Фирсина П.С. особенности студенчества как социальной группы // Материалы V Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум» [Электронный ресурс]. – URL: <ahref=>https://scienceforum.ru/2013/article/2013008486» (дата обращения: 28.03.2024).
2. Вялых Н.А. Национальная политика в современной России как предмет научных исследований // Гуманитарий Юга России. 2016. № 6. С. 160–169.
3. Khullar Bhruv. «How Social Isolation Is Killing Us». The New York Times. The New York Times. Retrieved January 26, 2017.
4. Шаламова Л.Ф. Социальная активность молодежи: принципы управления // Высшее образование в России. 2016. № 7. С. 96–99.
5. Листьева Е.Э. Социальные проблемы современной российской молодежи в дискурсе студенческих социальных медиа / Е.Э. Листьева. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. 2023. № 45 (492). С. 429–431. [Электронный ресурс]. – URL: https://moluch.ru/archive/492/107519/ (дата обращения: 23.03.2024).
6. Кон И. С. «Социология молодежи» В кн.: «Краткий словарь по социологии». – М., 1988.
7. Инна Смирнова. Влияние системы образования на уровень жизни граждан //Образовательный портал «Справочник». – Дата последнего обновления статьи: 10.06.2023. [Электронный ресурс]. – URL: https://spravochnik.ru/gosudarstvennoe_i_municipalnoe_upravlenie/vliyanie_sistemy_obrazovaniya_na_uroven_zhizni_grazhdan/ (дата обращения: 24.03.2024).

OPPORTUNITIES FOR IMPROVING THE SOCIAL WELL-BEING OF YOUNG PEOPLE: THE EXAMPLE OF STUDENTS IN THE TYUMEN REGION

Okulovskii M.D.

Tyumen Industrial University

The results of the study are presented, revealing the main characteristics and trends of the social problems faced by students in the Tyumen region. The importance and priority of the social challenges faced by the students of the region is shown. Through the analysis of existing literature and the results of empirical research, key problems such as psychological distress, substance use, academic pressure and social isolation among students, as well as factors contributing to the emergence and exacerbation of these problems, have been identified. The impact of these problems on the overall well-being and academic performance of young people is considered. The study showed that students in the Tyumen region face a high level of pressure

caused by both academic requirements and social problems. The most effective strategies for solving social problems faced by students of the Tyumen region have been identified. Recommendations have been developed to create a more favorable environment for students and improve their overall well-being. We hope that the results of the study will be useful in the development of programs and initiatives to support youth in the Tyumen region.

Keywords: Youth, socialization, social control, social problems.

References

1. Firsina P.S. Features of students as a social group // Materials of the V International Student Scientific Conference "Student Scientific Forum" [Electronic resource]. – URL: <https://scienceforum.ru/2013/article/2013008486> (access date: 03/28/2024).
2. Vyalykh N.A. National politics in modern Russia as a subject of scientific research // Humanitarian of the South of Russia. 2016. No. 6. P. 160–169.
3. Khullar Bhruv. «How Social Isolation Is Killing Us.» The New York Times. The New York Times. Retrieved January 26, 2017.
4. Shalamova L.F. Social activity of youth: principles of management // Higher education in Russia. 2016. No. 7. pp. 96–99.
5. Listyeva E.E. Social problems of modern Russian youth in the discourse of student social media / E.E. Listyeva. – Text: immediate // Young scientist. 2023. No. 45 (492). pp. 429–431. [Electronic resource]. – URL: <https://moluch.ru/archive/492/107519/> (date of access: 03/23/2024).
6. Kon I. S. "Sociology of Youth" In the book: "A Brief Dictionary of Sociology." – M., 1988.
7. Inna Smirnova. The influence of the education system on the standard of living of citizens // Educational portal "Directory". – Article last updated: 06/10/2023. [Electronic resource]. – URL: https://spravochnick.ru/gosudarstvennoe_i_municipalnoe_upravlenie/vliyanie_sistemy_obrazovaniya_na_uroven_zhizni_grazhdan/ (date of access: 03/24/2024).

Влияние уровня образования населения на формирование человеческого капитала избранных глав муниципальных образований: на примере Иркутской области

Шиндяев В.В.

заместитель директора по общим вопросам,
Иркутский институт (филиал) Всероссийского
университета юстиции (РПА Минюста России)
E-mail: m612020@yandex.ru

В статье приводятся данные исследования социально–профессионального потенциала глав муниципальных образований (МО) Иркутской области. На основе данных изборкома было проведено сравнение уровня политической конкуренции, культурного капитала и профессионального опыта кандидатов и избранных глав в крупных МО (городских округах и муниципальных районах) и небольших МО (городских и сельских поселениях). Изучив данные о кандидатах (N1 = 1239; N2 = 8157) за период с 2000 по 2022 г., было установлено, что размер МО существенно влияет на социально–профессиональный потенциал глав МО. Для крупных МО характерны: более высокий уровень политической конкуренции, более высокий уровень и значимость культурного капитала, абсолютное доминирование кандидатов с политико–управленческим опытом. Эти особенности отражают более высокий уровень человеческого капитала и тенденции профессионализации глав МО. Небольшие МО отличаются большей инклюзивностью и разнообразием социально–профессиональных характеристик, демонстрируя больший уровень демократизма и условия для политической социализации новичков.

Ключевые слова: местное самоуправление, главы муниципальных образований, мэры, человеческий капитал, культурный капитал, политическая конкуренция, профессиональный опыт.

Введение

Местное самоуправление является самым массовым уровнем в системе публичной власти, в силу чего сталкивается с целым рядом проблем, влияющих на качество и результативность работы органов власти. Одной из главных проблем является кадровая обеспеченность и профессионализм занятых в местных органах власти [1–3]. Общие причины кадровой проблемы муниципалитетов носят объективный характер и связаны с ограниченностью ресурсов, неспособностью системы образования обеспечить выпуск достаточного числа квалифицированных специалистов для муниципальных органов, а также неравномерностью распределения человеческого капитала. С точки зрения теории человеческого капитала [4], работники местных органов власти могут быть представлены как особая профессиональная группа, воспроизводство которой требует инвестиций в профильное образование и создание механизмов мотивации, позволяющих привлекать специалистов в органы власти.

Однако, во–первых, муниципальные образования (МО) сильно различаются по своим возможностям формирования профессионального потенциала и человеческого капитала. Если крупные города с развитой системой образования позволяют обеспечивать кадрами множество организаций, то у небольших городских и сельских поселений возможности формирования собственного потенциала крайне ограничены, а привлекательность для профессионалов – очень небольшая. При этом именно городские и сельские поселения являются наиболее многочисленными типами МО. Во–вторых, механизмы формирования профессионального потенциала существенно различаются в зависимости

от того, идет ли речь о работниках органов власти, в том числе муниципальных служащих, или же о главах МО, которые не являются муниципальными служащими и во многих случаях избираются на прямых выборах [5]. Избираемые главы обладают уникальным статусом, а содержание их профессиональной деятельности предполагает сочетание как собственно административно-управленческих, так и политических функций, особенно при выборной модели.

Это позволяет поставить вопрос о том, как различия в факторах и условиях формирования профессионального потенциала МСУ, характерные для МО разного типа, и прежде всего в зависимости от их размера, – сказываются на профессиональном уровне и социально-профессиональных характеристиках глав МО. В статье приводятся результаты исследования, проведенного на примере МО Иркутской области, которые позволяют дать ответ на этот вопрос.

Метод

Для сравнения социально-профессиональных характеристик глав МО использовались данные территориальной избирательной комиссии (ТИК) Иркутской области о кандидатах и избранных главах во всех МО региона за период 2000–2022 гг. Сведения об участниках выборах, включая данные об образовании, предыдущем месте работы и др., были обобщены и классифицированы. Отдельная запись (строка) в итоговой таблице соответствовала информации об одном кандидате в отдельной выборной кампании. То есть, один человек мог появляться в базе несколько раз – при участии в нескольких выборах.

В соответствии с целями исследования, все данные были сгруппированы в зависимости от типа МО. По состоянию на 2022 год, в области было 454 МО, в том числе 32 муниципальных района, 10 городских округов, 58 городских поселений и 354 сельских поселения. Для целей исследования наиболее разумным является группировка всех МО на две категории – крупные МО (городские округа и муниципальные районы) и малые, от-

носящиеся к низовому уровню МСУ (городские и сельские поселения). Всего в базе данных, относящихся к крупным МО, содержится 1239 записей (после исключения кандидатов, получивших должность не в ходе прямых выборов), а в базе, относящейся к главам МО низового уровня – 8157 записей.

В ходе исследования было проведено сравнение двух категорий МО с точки зрения отдельных показателей социально-профессионального потенциала и факторов его реализации, а именно: политической конкуренции, уровня образования кандидатов и избранных глав (культурный капитал), профессионального опыта. Недостатки представления исходных данных в материалах ТИК, связанные в том числе с неполнотой информации, представленной кандидатами, а также отсутствием единообразия кодирования важной информации (в т.ч. об образовании и профессиональном опыте) затрудняют сопоставимость данных и точность анализа, однако не являются критическим препятствием для формулирования обоснованных выводов.

Результаты и обсуждение

Возможности отбора компетентных людей на должность руководителя МСУ зависят от уровня человеческого капитала в муниципалитетах. Очевидно, что при прочих равных условиях в небольших муниципалитетах возможности выбора более ограничены, просто в силу меньшей численности населения. Одним из возможных проявлений неравенства в уровне человеческого капитала в рамках выборной модели является разница в уровне конкуренции за место главы МО. Разумно предположить, что в малых МО уровень политической конкуренции, в целом, ниже, чем в больших.

Для проверки этой гипотезы были рассчитаны показатели политической конкуренции для обеих категорий МО: отношение числа избранных глав к общему числу кандидатов. В случае небольших МО (городских и сельских поселений) значение этого показателя составляет 4,1 человека на одно ме-

сто, – в среднем за весь рассматриваемый период. Для крупных МО (городских округов и муниципальных районов) этот показатель равен 7,3 чел. на 1 место. Таким образом, сформулированная выше гипотеза является полностью подтвержденной: уровень политической конкуренции в крупных МО выше, чем в малых МО. С точки зрения качества управления и профессионализма глав МО, это означает, что в небольших МО человеческий капитал, в целом, ниже, а соответственно, ниже и возможности выбора для избирателей. Обратим внимание, что такая ограниченность характерна не только для выборной модели, но и для любой другой системы занятия должности главы МО.

Однако человеческий капитал не сводится только к численности населения, проживающего на определенной территории. Очевидно, что значение имеет и уровень образования этого населения, то есть, его культурный капитал. Чем более образованное население проживает в муниципалитете, тем выше вероятность, что главой МО станет квалифицированный и компетентный профессионал. Поэтому в рамках исследования было проведено сравнение культурного капитала как всего корпуса кандидатов на выборах глав, так и фактически избранных глав МО. В качестве средства измерения культурного капитала выступает оценка доли кандидатов с тем или иным уровнем образования. В таблице 1 приведены данные о распределении кандидатов по уровню образования.

Как следует из приведенных данных, люди с высшим образованием являются наиболее многочисленной группой кандидатов во всех случаях. Однако среди участников выборов в крупных МО доля людей с высшим образованием значительно выше, чем среди кандидатов в небольших МО. Для последних характерна более высокая доля людей со средним специальным образованием. При этом около трети кандидатов не указывают свой уровень образования. Это означает, что избиратели не могут оценить уровень культурного капитала таких кандидатов, либо же вынуждены оценить

его как низкий. Таким образом, можно констатировать, что небольшие муниципалитеты обладают меньшим человеческим капиталом не только в силу меньшей численности населения, но и в силу меньшей образованности тех, кто готов участвовать в выборах. Это также согласуется с представлением о высокой неравномерности распределения человеческого капитала, что является важным и универсальным барьером на пути кадрового обеспечения местных органов власти, распространяющимся в том числе на должность избираемого главы МО.

Таблица 1. Доля кандидатов на должность главы МО с разным уровнем образования в муниципалитетах разного типа, %

Уровень образования	Крупные МО (городские округа и муниципальные районы)	Небольшие МО (городские и сельские поселения)
Высшее	57,1	42,3
Неполное высшее	0,8	1,3
Среднее профессиональное	5,9	21,0
Среднее	2,4	5,8
Ниже среднего	1,0	0,6
Нет данных	32,8	29,0

Помимо того, что уровень образования влияет на формирование социально–профессионального потенциала всего корпуса кандидатов, он также является важным фактором для занятия должности главы МО. Среди избранных мэров, то есть, глав крупных МО, подтвержденное высшее образование есть у 70,7%. У глав городских и сельских поселений этот показатель заметно меньше и составляет 47,7%. Тем не менее, это выше, чем среди неизбранных кандидатов на должность главы (40,5%). В обоих случаях высшее образование является важным и статистически значимым фактором получения должности главы МО, что подтверждает гипотезу о важности культурного и человеческого капитала для профессионального уровня руководителей МСУ. В то же время

относительная важность этого фактора выше для крупных МО: в небольших поселениях избиратели в меньшей степени ориентируются на наличие образования, признавая ограниченность образовательных возможностей для местных жителей.

Данные об уровне образования глав МО Иркутской области целесообразно рассматривать в более широком контексте. С одной стороны, доля людей с высшим образованием как среди избранных глав, так и среди всего корпуса кандидатов, гораздо выше, чем в среднем у населения Иркутской области (в которой оно есть у 21,5%). Причем это касается как крупных, так и небольших МО. Это означает, что более высокий уровень образования повышает мотивацию и готовность участвовать в выборах: люди чувствуют в себе силы и желание претендовать на ответственную должность. Более высокое образование также повышает уверенность избирателей в компетентности кандидата и способности управлять местными органами власти.

С другой стороны, размер МО оказывает существенное влияние на средний уровень образованности кандидатов и избранных глав. В общероссийском исследовании, проведенном Комитетом гражданских инициатив, было выявлено, что среди мэров крупных российских городов (с населением более 200 тыс. чел.) все 100% имеют высшее образование, причем 44% – более одного, а 20% являются обладателями ученой степени [6]. Это показывает прямую закономерность: чем выше размеры МО, тем большим культурным капиталом обладает корпус потенциальных кандидатов и тем выше вероятность того, что главой станет человек с высшим образованием. Очевидный вывод, который можно сделать на основании результатов анализа, заключается в том, что повышение доступности высшего образования будет способствовать росту культурного капитала всего корпуса претендентов на роль глав МО, тем самым способствуя развитию его потенциала.

Наконец, в ходе исследования был проанализирован профессиональный

опыт кандидатов и избранных глав МО. Как и в предыдущих случаях, разумно было бы предположить, что поскольку человеческий капитал крупных МО выше, чем небольших поселений, это должно способствовать более разнообразному набору компетенций, потенциально доступных для избирателей и отраженной в том числе в социально-профессиональных характеристиках корпуса глав. Однако ситуация оказалась более сложной.

Анализ данных ТИК о предыдущем месте работы и должности кандидатов показал, что опыт занятия должности главы в обоих случаях становится главным преимуществом для избрания на аналогичную должность. Доля избранных глав, занимавших аналогичную должность ранее, составила 59,3% для крупных МО, и 54,6% – для небольших. Среди неизбранных кандидатов аналогичные значения составили, соответственно, 9,4 и 7,9%. Иными словами, опыт работы главой в любом случае становится главным показателем компетентности главы и способствует переизбранию инкумбентов.

Однако более детальный анализ показал и существенные различия между крупными и малыми МО. Среди претендентов на должность мэра крупных МО, около двух третей представляют политико-управленческую элиту муниципалитета: работников органов власти, включая собственно мэров, руководство коммерческих и государственных организаций. Среди избранных мэров доминирование политико-управленческой элиты является еще более выраженным; в совокупности представители органов власти и различные категории руководящих работников составляют 94,7% от всего корпуса мэров. На людей с другим профессиональным опытом и квалификацией приходится всего несколько процентов.

Среди глав МО малого размера ситуация несколько отличается. Несмотря на то, что местная управленческая элита также преобладает среди кандидатов и избранных глав, ее доминирование выражено менее явно. Основные профес-

сиональные группы, представители которых претендовали на должности глав МО в последние два десятилетия, указаны в таблице 2.

Таблица 2. Доля представителей отдельных социально-профессиональных групп среди кандидатов на должность главы МО, %

Социально-профессиональная группа	Избранные главы	Неизбранные кандидаты
Главы МО	54,6	7,9
Руководящие работники органов власти (без глав)	1,8	1,4
Руководители высшего и среднего звена (коммерческий и бюджетный сектор)	12,2	24,1
Специалисты	9,9	14,8
Рабочие профессии	4,3	11,6
Пенсионеры	3,1	9,9
Не работающие	5,4	16,5

Как можно видеть, доля руководящих работников всех категорий, включая глав МО, среди победителей на выборах составляет 68,6%. Хотя это подтверждает общий вывод о том, что политико-управленческий опыт обеспечивает условия социализации и приобретение компетенций, которые позволяют рассчитывать на победу в выборах, в малых МО его значение не является безусловным. Около трети всех избранных глав – это представители других социально-профессиональных групп: специалистов, рабочих, безработных. Среди глав городских и сельских поселений регулярно встречаются учителя, врачи, механики, водители, электромонтеры, бухгалтеры и т.п.

С точки зрения оценки социально-профессионального уровня и потенциала МСУ, такие данные имеют двоякое значение. С одной стороны, они могут говорить об ограниченном человеческом капитале, которым располагают некоторые муниципалитеты и отсутствии достаточных возможностей выбора у жителей. То есть, в отсутствие мало-мальски грамотных управленцев жители готовы

выбирать главой любого человека, которому они доверяют. Одновременно, большое число низкоквалифицированных работников и безработных среди кандидатов может свидетельствовать о том, что позиция главы рассматривается просто как одна из немногих доступных форм занятости в условиях очень ограниченного рынка труда городских и сельских поселений. Эти проблемы носят объективный характер, связанный с отсутствием предпосылок для развития человеческого капитала в небольших муниципалитетах, усугубляющихся недостаточностью ресурсов для привлечения компетентных кандидатов.

С другой стороны, такая ситуация может рассматриваться как проявление большей инклюзивности местного самоуправления на низовом уровне, которая не только соответствует демократическим принципам и самой сути самоуправления, но и содержит возможности для развития профессионального потенциала МСУ. В случае крупных муниципалитетов налицо тенденция к профессионализации избранных руководителей и их превращению в относительно замкнутую профессионально-политическую группу, создающую барьеры для прихода в органы власти людей из других сфер. На низовом же уровне такие барьеры действуют в меньшей степени. Это создает возможности для роста вовлеченности граждан в проблемы МСУ, а также их начальной политической социализации, необходимой в том числе для профессионального развития. Решение проблемы недостаточных компетенций в сфере муниципального управления в этом случае может быть связано с обучением и развитием уже в статусе избранного главы – через систему курсов повышения квалификации, тренингов, механизмы консультационно-экспертной поддержки и пр.

Заключение

Сравнительный анализ глав крупных и небольших муниципалитетов Иркутской области показал, что, несмотря на формально одинаковый статус, они существенно различаются по факторам

и механизмам формирования социально–профессионального потенциала их глав. Для крупных МО характерны более высокий уровень политической конкуренции, более высокий уровень и большая значимость культурного капитала, а также полное доминирование политико–управленческого опыта как главного фактора избрания. Небольшие муниципалитеты отличаются большим разнообразием социально–профессиональных характеристик как претендентов на должность главы, так и избранных глав. Эти различия отражают, с одной стороны, неравномерность распределения человеческого капитала, а с другой – более выраженные тенденции профессионализации глав МО в крупных муниципалитетах, приводящие в том числе к негативным последствиям: снижению разнообразия компетенций в системе управления и утрате демократической сущности местного самоуправления.

Литература

1. Кайль Я.Я., Епина В.С., Манякин А.А. Проблемы кадрового обеспечения органов местного самоуправления и пути их решения // Региональная экономика. Юг России. 2013. № 2. С. 216–224.
2. Колесова Е.Л. Кадровый потенциал органов местного самоуправления: состояние и тенденции // Вестник Поволжского института управления. 2014. № 2. С. 16–20.
3. Масилова М.Г., Лобов В.Е. Проблемы кадрового обеспечения органов местного самоуправления и пути их решения // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2019. № 4. С. 170–179.
4. Human Capital: Theory and Evidence / Ed. by J. Hartog, H.M. van den Brink. – Cambridge: Cambridge University Press, 2007. – 247 p.
5. Майкова, Э.Ю., Симонова, Е.В. Модели избрания главы местного самоуправления в современной России: теория и реальные муниципальные

практики // Власть. 2016. № 1. С. 57–63.

6. Гринева Д.Д., Коротева П.П., Максимов А.Н. и др. Особенности ротации корпуса мэров в современной России: Доклад. – М.: КГИ, 2019.

THE INFLUENCE OF THE LEVEL OF EDUCATION OF THE POPULATION ON THE FORMATION OF HUMAN CAPITAL OF ELECTED HEADS OF MUNICIPALITIES: THE EXAMPLE OF THE IRKUTSK REGION

Shindyayev V.V.

Irkutsk Institute (branch) of the All-Russian University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)

The article reports the findings of a study of the socio–professional potential of heads of municipalities in the Irkutsk region. Electoral data is used to compare the level of political competition, cultural capital and professional experience of candidates and elected heads in large municipalities (urban districts and municipal areas) and small municipalities (urban and rural settlements). The analysis of the data on candidates (N1 = 1239; N2 = 8157) for the period from 2000 to 2022, it was found that the size of the municipality significantly affects the social and professional potential of their heads. Large municipalities have a higher level of political competition, a higher level and significance of cultural capital, and the absolute dominance of candidates with political and managerial experience. These features reflect a higher level of human capital and the professionalization of local political governance. Small municipalities are more inclusive and diverse in their socio–professional characteristics, demonstrating a greater level of democracy and conditions for the political socialization of newcomers.

Keywords: local government, heads of municipalities, mayors, human capital, cultural capital, political competition, professional experience

References

1. Keil Y.Ya., Epina V.S., Manyakin A.A. Problems of staffing local government bodies and ways to solve them // Regional Economics. South of Russia. 2013. No. 2. pp. 216–224.
2. Kolesova E.L. Personnel potential of local governments: status and trends // Bulletin of

- the Volga Region Institute of Management. 2014. No. 2. pp. 16–20.
3. Masilova M.G., Lobov V.E. Problems of staffing local government bodies and ways to solve them // Territory of New Opportunities. Bulletin of Vladivostok State University of Economics and Service. 2019. No. 4. pp. 170–179.
 4. Human Capital: Theory and Evidence / Ed. by J. Hartog, H.M. van den Brink. – Cambridge: Cambridge University Press, 2007. – 247 p.
 5. Maykova, E.Yu., Simonova, E.V. Models for electing the head of local government in modern Russia: theory and real municipal practices // Power. 2016. No. 1. P. 57–63.
 6. Grineva D.D., Koroteeva P.P., Maksimov A.N. and others. Features of the rotation of the corps of mayors in modern Russia: Report. – M.: KGI, 2019.

Влияние технологий искусственного интеллекта на систему человекоориентированного управления компанией

Гильдингерш Марина Григорьевна,

д.э.н., профессор кафедры бизнес-информатики
и менеджмента Санкт-Петербургского
государственного университета аэрокосмического
приборостроения
E-mail: mgild@mail.ru

Использование искусственного интеллекта в деятельности предприятий и организаций закладывает фундамент для возникновения ряда противоречий. Объективизацию их сущности и специфики целесообразно начать с определения сущности, преимуществ и перспектив применения технологий искусственного интеллекта в деятельности предприятий и организаций.

Актуальность исследования обусловлена тем, что применение технологий искусственного интеллекта в современное время становится наиболее приоритетным направлением при формировании эффективной системы управления. Целью данного исследования является изучение сущностного содержания технологий искусственного интеллекта и возможностей его применения в практике предприятий и организаций. Использовались такие методы, как: систематический обзор литературы, эмпирическое исследование и статистический анализ данных. Результаты исследования показали, что внедрение технологий искусственного интеллекта является эффективным методом управления организацией. Выводы исследования подтверждают актуальность и значимость использования искусственного интеллекта в практике человеко-ориентированного управления. Полученные результаты исследования могут быть применены для повышения успешности предприятий и организаций, освобождение человека от рутинных функций и обеспечение более творческого содержания труда.

Ключевые слова: искусственный интеллект, человеко-ориентированное управление, фреймворк, нейронные сети, инженерия знаний, чат-ботов, CRM-системы.

В современных реалиях, которые преисполнены неопределённостью, хаотичностью, динамичностью и турбулентностью, искусственный интеллект (далее – ИИ) становится все более важным элементом многих сфер деятельности социума, сфера управления организациями и человеческими ресурсами – не исключение. Под «искусственным интеллектом» принято понимать свойство искусственных интеллектуальных систем, обусловленное набором технологий и методов. Данное свойство проявляется в способности к выполнению задач, ранее являющихся прерогативой человека, в том числе включающих в себя творческую и креативную составляющую.

Описание развития и имплементации феномена искусственного интеллекта в систему человекоориентированного управления целесообразно начать с рассмотрения теоретических основ феномена Искусственного Интеллекта. Фокус внимания современных теоретиков и практиков в последнее десятилетие прикован к анализу активного развития технологий ИИ. Так, ИИ становится неотъемлемой частью повседневности, внедряясь в разнообразные сферы деятельности (медицина, промышленность, финансы, образование) и модернизируя способы их функционирования. При этом имплементация ИИ требует фокусирования на его влиянии на человека при обеспечении управления этой технологией.

Истоки и революция исследований в области ИИ укореняется в 1950-ые годы – пионером в данной сфере стал британский математик Алан Тьюринг. Он сформулировал тест Тьюринга (метод определения интеллекта машины). Далее, не менее важный этап – в 1970-х годах появились экспертные системы, содержащих знания для принятия решений в различных областях. Успех в области информационных и компьютер-

ных технологий XXI века ознаменован прогрессом ИИ и ростом объёмов обработки данных, обеспечиваемых вычислительной мощностью ИИ. Данные события позволили войти ИИ в историю и стать своеобразным фундаментом для иных развивающихся направлений ИТ-индустрии. Так, модели машинного обучения и нейронные сети открыли новые горизонты для оптимизации систем ИИ, которые способны обучаться на больших массивах данных и эффективно решать задачи [1].

Технологии ИИ в современном контексте создают все основы для развития систем, способных понимать и анализировать текст, речь, изображения, а также прогнозировать и предсказывать ход тех или иных событий и явлений, принимая дальнейшие решения на основе этих данных. Успех ИИ в сфере автоматизации здравоохранения, финансов и иных сферах демонстрирует неоспоримый прогресс ИТ-технологий.

Отметим, что многообразие различных подходов к определению и классификации ИИ позволяет учитывать специфику и важные детализированные аспекты данной технологии.

Рассмотрим основные подходы к определению и классификации ИИ, визуализированные на рис. 1 [3].

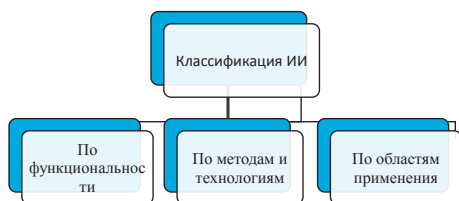

Рис. 1. Подходы к классификации ИИ

1. По критерию функциональности.

- ИИ как система, ориентированная на символьные вычисления. Рассматривая данный подход с точки зрения исторических аспектов, символьный подход был первым в цифровую эпоху. Был создан Лисп – первый язык символьных вычислений. Отметим, что символьный подход в первую очередь призван функционировать, основываясь на слабо формализо-

ванных представлениях и их смысловых значениях. Так, продуктивность работы ИИ в соответствии с данным подходом, основывается на свойстве выделять и анализировать уже существующую информацию, при этом аккумулируя в анализе адаптивность и абстрагирование. Абстрагирование достигается путем создания системы конструктивных сущностей и алгоритмов, а фундаментом адаптивности становятся многочисленные инвестиции в «нетипичные» задачи для системы ИИ. То есть, ключевое функциональное свойство символьных вычислений – это генерация новых правил в момент выполнения программы.

- ИИ как система, ориентированная на логическое программирование. Логический подход утверждает, что основа систем ИИ укореняется в моделировании рассуждений, то есть теоретическим фундаментом является логика – в этих целях применяют язык и систему логического программирования.
- ИИ как система, основанная на гибридном подходе. Так, согласно гибриднему подходу, широта спектра вычислительных и когнитивных возможностей ИИ в полной мере зависит от эффективности синергии нейронных сетей и символьных моделей. В таком случае ряд правил будут генерироваться с помощью нейронных сетей, а их дальнейшая обработка будет выполняться за счёт гибридных систем.

2. По методам и технологиям.

- Обработка естественного языка. Работа с естественными языками подразумевает набор возможностей понимания, обработки и генерирования текстовых материалов по аналогии с человеком, то есть с использованием ряда креативных и когнитивных свойств. В рамках данного направления естественный язык обрабатывается так, что система ИИ способна приобрести знания самостоятельно, используя информацию из какой-либо базы данных. Добавим, что данное

направление является основой и для иных технологий ИИ, в том числе глубокого анализа текста и машинного перевода.

- Инженерия знаний. Представление и использование знаний, то есть их инженерия, достигается за счёт обработки, систематизации и анализа информации. Немаловажную роль также играют экспертные системы – программы, оперирующие на основе баз знаний.
- Машинное обучение. Машинное обучение основано на процессе самостоятельного получения знаний ИИ. Задействуются два метода – обучение без учителя и обучение с учителем. В первом случае представляется возможной идентификация образов во входном потоке, во втором – применение методов регрессионного анализа и классификации для распознавания категории, к которой принадлежит тот или иной образ. В данную группу направлений входит широкий спектр задач на распознавание образов – анализ и распознавание как речи и символов, так и рукописных символов. Это позволяет использовать данные для прогнозирования, классификации и оптимизации процессов.
- Нейронные сети. Нейронные сети как одна из технологий ИИ призваны имитировать образ функционирования и работы человеческого мозга, состоящего из нейронов, тем самым представляется возможным для ИТ-устройств обучаться и принимать решения по аналогии с человеком. Так, компьютеры анализируют сложные структуры данных, выявляют закономерности и делают прогнозы по сценариям.

3. По областям применения.

- Медицина. Благодаря некоторым системам искусственного интеллекта медицинские работники могут в деталях проанализировать медицинские персональные данные и сформировать максимально глубинное понимание о состоянии здоровья пациента, а также спрогнозировать рекоменда-

ции по лечению. Это потенциально может привести к снижению стоимости лечения, более эффективному использованию ресурсов и значительному упрощению процесса здравоохранения.

- Финансы. Используя нейронные сети и механизмы машинного обучения, финансовый сектор получает доступ к автоматизированному улучшению клиентского сервиса, рационализации операционной деятельности и повышению уровня персонализации обслуживания клиентов. Финансовые предприятия и организации используют ИИ для того, чтобы максимально автоматизировать выполнение многих рутинных задач, это достигается путём создания программных роботов, которым можно делегировать ряд стандартизованных таких задач, в том числе обработку кредитных заявок. Кроме того, ИИ помогает анализировать рынки, принимать инвестиционные решения и управлять финансами.
- Промышленность и производство. Применение ИИ в промышленной индустрии раскрывает дополнительные перспективы как в производстве продукта, так и в менеджменте предприятий, в связи с чем появляется возможность оперативной корректировки всей деятельности в соответствии с требованиями рынка, а также разработка продукта, соответствующего потребительским запросам, что способствует сокращению издержек и рационализации процесса производства.
- Маркетинг. В маркетинге эти технологии касаются персонализации, вместе с тем они служат для решения и более масштабных целей: идентификации существующих трендов, прогнозирования потребительских предпочтений, определения стоимости рекламных кампаний и их бюджета, сегментирования потребителей и выявления латентного рыночного потенциала [9].

Российское правительство и ведущие научные институты активно разра-

батывают и внедряют программы и исследования в области искусственного интеллекта. Например, существует поддержка программ, направленных на развитие кадрового потенциала в области ИИ, а также финансирование научных исследований, направленных на создание социально-значимых технологий.

В конце декабря 2023 года в России были выбраны шесть центров, которые будут получать финансирование в размере 5 миллиардов рублей (с учетом внебюджетного финансирования) на исследования в области искусственного интеллекта (ИИ).

Эта поддержка будет предоставлена следующим учреждениям: НМИЦ онкологии им. Н.Н. Блохина, Самарский университет им. академика С.П. Королёва, Новосибирский государственный университет, НИЯУ «МИФИ», ННГУ им. Н.И. Лобачевского, СПбГУ.

Каждое из этих учреждений получит до 632 миллионов рублей к 2026 году на развитие области искусственного интеллекта. Эти средства будут направлены на развитие специализированных научных исследований в области ИИ, разработку практических приложений на основе искусственного интеллекта, которые будут внедрены в промышленные партнеры, а также на обучение специалистов в данной области и создание отраслевых баз данных [4].

Таким образом, можем подчеркнуть, что подходы к определению и классификации технологий ИИ основываются не только на методологии и теоретических аспектах, но учитывают и практическую значимость технологий. Это позволяет говорить о том, что, несмотря на то, что работа ИИ основывается на обработке и анализе данных и вытекающем из них процессе принятия решений и выполнения задач, в современном контексте функционирование систем ИИ имеет ряд ограничений.

Так, первостепенный вопрос – проблема интерпретируемости готовых решений ИИ, то есть сложность объяснения того, почему решение было принято именно тем или иным специфичным образом. Особенно актуален данный во-

прос для сфер, где важна прозрачность и ясность при принятии решений, например, для сферы управления человеческими ресурсами.

Отметим, что ИИ – это мощный инструмент, функционально значимый для автоматизации процессов, оптимизации принятия решений и повышения эффективности во многих сферах бизнеса. Для максимизации эффективности необходимо видеть картину полностью – принимать во внимание и потенциал, и ограничения современных технологий ИИ. Развитие ИИ приобретает сегодня все большее значение и широко применяется в различных отраслях, поэтому важно учитывать концепцию человекоориентированного управления, где использование опций, предлагаемых системами и технологиями ИИ играет важную роль [5].

Так, под человекоориентированным управлением принято понимать подход к управлению, в котором основное внимание уделяется потребностям, предпочтениям и ценностям человека. То есть, гарантом лояльности, эффективности и вовлеченности сотрудников компании в данном случае выступают не вид деятельности, не анализ рабочих мест и технологий, а индивид, выступающий ключевым звеном, участником процесса труда. Прогнозирование степени участия того или иного индивида в корпоративной жизни и процессах труда достигается за счёт установления свойств личности работников, их мотивации, потребностей и ценностных ориентаций. В таком случае человекоориентированное управление предприятием или организацией позволяет увеличить рост производительности труда на 10–20%, сократить непроизводственные затраты на 7–10%, также активизировать вовлеченность сотрудников в жизнь компании, её стратегические цели и миссию [8].

В рамках данного подхода, целесообразно использовать технологии, адаптированные к потребностям и возможностям персонала. Поскольку персонал является ключевым звеном, на которое топ-менеджмент человекоориентированных компаний ориентируется при при-

нятии управленческих решений, на положение и ощущения персонала в таких компаниях ориентируются также при разработке и использовании различных технологий, включая искусственный интеллект.

При внедрении ИИ в целях автоматизации и оптимизации процессов важно признать, что управление на основе ИИ должно быть ориентировано в первую очередь на комфорт человека, при реализации в работе технологий ИИ это позволит создать удобные и интуитивно понятные инструменты, отвечающие потребностям персонала компании. Использование ИИ в управлении также позволяет сделать более понятными процессы принятия управленческих решений и повышает качество взаимодействия сотрудников, тем самым не только повышается эффективность использования ИИ, но и укрепляется доверие между персоналом и внедрённой им технологией [11].

Подчёркнём, что технологии ИИ играют важную роль в развитии и расширении сферы влияния человекоориентированного управления, поэтому применение ИИ в рамках этого подхода позволит внедрять более гуманные и эффективные принципы работы и управления человеческими ресурсами, способствуя инновационному развитию и росту индекса счастья сотрудников. Кроме того, человекоориентированное управление включает в себя набор принципов, определяющих потребности, предпочтения и ценности персонала, необходимых для учёта при разработке и использовании систем ИИ в компании, а именно:

- идентификация потребностей персонала;
- фокус на личностных особенностях;
- сохранение влияния человека;
- прозрачность в процессе принятия решений [7].

Описывая перспективы использования ИИ в человекоориентированном управлении, отметим, что тенденции развития в этой области демонстрируют, что следует сделать акцент на вопросах этики и безопасности данных при разработке и внедрении ИИ. Только при-

держиваясь этических принципов и обеспечивая безопасность данных, можно обеспечить устойчивое и эффективное использование ИИ в управлении, не нарушая прав и интересов персонала компании.

Рассмотрим конкретные кейсы, где технологии ИИ отражены в практическом применении в системе человекоориентированного управления [6].

В первую очередь, отметим, что ИИ используется для автоматизации. Данная функция предполагает использование технологий ИИ для автоматизации и «упрощения» стандартных задач HR, не требующих креативного и когнитивного подкрепления. Это позволяет освободить сотрудников от повседневного функционала и даёт возможность сфокусироваться на более важных задачах, требующих креативного подхода и стратегического мышления. Само внедрение технологий на основе искусственного интеллекта является проблемной задачей, требующей качественной работы HR-специалистов. Такие технологии могут вызывать сопротивление и недоверие сотрудников и кандидатов. Этот факт подтверждается данными проведенного нами социологического исследования среди ведущих кадровых агентств Санкт-Петербурга в ноябре 2022 года. Исследование проводилось в форме экспертного интервью с топ менеджерами 8 кадровых агентств (Империя кадров, СтаффВелл, HR Аналитика, NH Resources, Артекс Групп, Анкор, Ефимов и партнеры, Лана). Объем выборочной совокупности – 28.

По результатам исследования подтвердилась гипотеза о том, что внедрение технологий подбора на основе искусственного интеллекта может вызвать ухудшение социально-психологического климата в коллективе, повысить неуверенность сотрудников в завтрашнем дне, негативно сказаться на их социальном самочувствии. По мнению экспертов, использование технологий искусственного интеллекта при подборе персонала обязательно приведет к реструктуризации функционала специалистов – рекрутеров, что даст возможность сокра-

тить численность данных специалистов в среднем до 7%. Также экспертами отмечается, что внедрение технологий искусственного интеллекта в практику подбора персонала может вызвать рост числа конфликтных ситуаций на 5%, что, безусловно, отразится на эффективности работы кадрового агентства.

Исходя из вышеизложенного, целесообразно, на наш взгляд, выделить те этапы процесса подбора персонала, где внедрение технологий на основе искусственного интеллекта будут наиболее эффективны. Они представлены в таблице 1.

Таблица 1. Внедрение искусственного интеллекта в процессы подбора персонала

№	Этапы подбора персонала	Внедрение технологий ИИ
1.	Выявление потребностей	–
2.	Формирование требований к должности и кандидату	+
3.	Составление описания вакансии	+
4.	Размещение вакансии на разных каналах	+
5.	Сбор и сортировка откликов	+
6.	Анализ резюме	+
7.	Телефонный обзвон, телефонное интервью	+
8.	Оценка кандидатов	+
9.	Финальный отбор кандидатов	–
10.	Передача резюме заказчику	–
11.	Финальное собеседование у заказчика	–
12.	Заккрытие вакансии	–

ИИ может быть задействован в создании индивидуальных треков обучения для каждого сотрудника, исходя из базового набора имеющихся потребностей и навыков. Такой человекоцентричный подход, проявляющийся в адаптивности, способен увеличить показатели вовлеченности и удовлетворённости персонала. Технологии ИИ применяются и при внедрении чат-ботов, направленных их использования мультифункцио-

нальны – от ответов на часто задаваемые вопросы и последующей записи на собеседования, до анализа отзывов сотрудников и рекомендаций по оптимизации HR-процессов. Преимущества внедрения вышеупомянутых систем отражены на рис. 2.

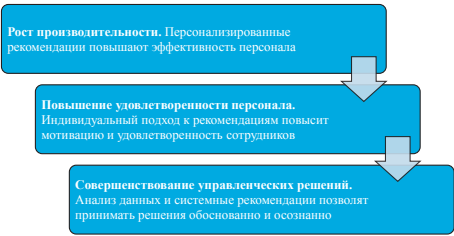

Рис. 2. Преимущества внедрения ИИ

Так, технологии ИИ способны анализировать показатели удовлетворённости трудом и условиями, а также индекс лояльности персонала и другие показатели, что, в свою очередь, позволит принимать ряд решений по разнонаправленным типам сценариев, предполагающих работу с текучестью, выгоранием и иными проблемами в сфере управления персоналом [2].

Требуется отметить, что технологии ИИ позволяют повысить точность прогнозирования потребности в рабочей силе, текучести персонала, а также расчёт размера ФОТ и иных показателей. Внедрение ИИ систем анализа эффективности позволит собирать и проводить последующий анализ HR-метрик, а также предлагать рекомендации по улучшению основных KPI показателей. Глобальный эффект – помощь в принятии осознанных решений и подбор оптимального сценария. Добавим, что важным этапом в построении прозрачной, структурированной и этичной стратегии применения ИИ в системе человекоориентированного управления является подготовка нормативно-правового фреймворка. Внедрение ИИ может иметь последствия, которые сказываются на персонале неоднозначно, то есть нормативно-правовая база должна регламентировать ответственность за такие решения и работать с механизмами контроля соблюдения этой ответ-

ственности. В некоторых случаях технологии ИИ и их использование могут стать почвой для возникновения этических проблем – это могут быть вопросы справедливости, прозрачности и дискриминации. Нормативно-правовая база должна ориентироваться на установленные стандарты этики и ответственности при принятии решений с использованием ИИ в управлении.

Так, поскольку применение технологий ИИ в управлении может потребовать обработки значительного количества персональных данных сотрудника, нормативно-правовая база должна отвечать за соблюдение нормативно-правовых актов о защите данных, неприкосновенности частной жизни, а также и политику безопасности. К организациям предъявляются требования и прозрачности использования ИИ – сотрудникам необходимо понимать, каким образом и какие данные собираются, где они хранятся и используются, а также какие решения принимаются на их основе. Решения, основанные на алгоритмах ИИ, требуют соответствующего обучения и подготовки сотрудников до необходимого уровня квалификации. Соответственно, нормативно-правовая база должна предусматривать меры по обучению персонала основам безопасности при работе с технологиями ИИ. В данном случае фреймворк должен обязывать организации и предприятия предоставлять достаточную, актуальную и своевременную информацию [10].

Важно понимать, что использование систем ИИ в управлении может иметь последствия глобального масштаба, поэтому при разработке нормативно-правовой базы требуется учитывать международные стандарты и нормы. Создание эффективно действующего нормативно-правового фреймворка для использования технологий ИИ в человекоориентированном управлении будет способствовать обеспечению безопасного и этичного использования этих технологий, тем самым способствуя созданию экологического рабочего климата.

Литература

1. Бурцев М.С. История искусственного интеллекта//Искусственный интеллект: альманах. – М.: МФТИ, Центр компетенций НТИ по направлению «Искусственный интеллект», 2019. – 99 с.
2. Владимирская А. В будущем рутинные профессии умрут. – URL: <http://www.psychologies.ru/standpoint/alena-vladimirskaia-v-buduschem-rutinnie-professii-ischeznut>
3. Гулин К.А., Усков В.С. Тренды четвертой промышленной революции (Рецензируется: Шваб К. Четвертая промышленная революция: монография: пер. с англ. (Top Business Awards)) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10. № 5. С. 216–221.
4. Искусственный интеллект в России. Состояние отрасли и прогнозы//Skillbox Media. – URL: <https://skillbox.ru/media/business/iskusstvennyy-intellekt-v-rossii/?ysclid=lsz5b9cq5k143021521>
5. Искусственный интеллект: угроза или возможность. – URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10132>
6. Морхат П.М. Искусственный интеллект: правовой взгляд. – М.: Буки Веди, 2017. – 258 с.
7. Осипов Г.С. Искусственный интеллект: состояние исследований и взгляд в будущее // Новости искусственного интеллекта. 2021. No 1. С. 3–17.
8. Потемкин В.К. Человекоориентированное управление предприятиями и организациями // Экономика и управление. 2020. № 2 (172).
9. Пройдаков Э.М. Современное состояние искусственного интеллекта// Научно-исследовательские исследования. 2018. № 1.
10. Рябова В. В России утвержден профстандарт «цифровой куратор» // D-Russia. – URL: <http://d-russia.ru/v-rossii-utverzhdn-profstandart-tsifrovoy-kurator.html>
11. Семина Т.В. Воздействие технологий искусственного интеллекта на со-

циальные отношения // Социология. 2022. № 3.

THE INFLUENCE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES ON THE COMPANY'S HUMAN-ORIENTED MANAGEMENT SYSTEM

Gildingersh M.G.

St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

The use of artificial intelligence in the activities of enterprises and organizations lays the foundation for the emergence of a number of contradictions. It is advisable to begin objectifying their essence and specificity by determining the essence, advantages and prospects for the use of artificial intelligence technologies in the activities of enterprises and organizations.

The relevance of the study is due to the fact that the use of artificial intelligence technologies in modern times is becoming the highest priority in the formation of an effective management system. The purpose of this study is to study the essential content of artificial intelligence technologies and the possibilities of its application in the practice of enterprises and organizations. Methods used were: systematic literature review, empirical research and statistical data analysis. The results of the study showed that the introduction of artificial intelligence technologies is an effective method of managing an organization. The findings of the study confirm the relevance and significance of the use of artificial intelligence in the practice of human-oriented management. The results of the study can be used to increase the success of enterprises and organizations, freeing people from routine functions and ensuring more creative content of work.

Keywords: artificial intelligence, human-oriented management, framework, neural networks, knowledge engineering, chatbots, CRM systems.

References

1. Burtsev M.S. History of artificial intelligence//Artificial intelligence: an almanac. – M.: MIPT, NTI Competence Center in the field of "Artificial Intelligence", 2019. 99 p.
2. Vladimirskaya A. In the future, routine professions will die. – URL: <http://www.psychologies.ru/standpoint/alena-vladimirskaya-v-buduschem-rutinye-professii-ischeznut>
3. Gulín K.A., Uskov V.S. Trends of the fourth industrial revolution (Reviewed by: Schwab K. The Fourth Industrial Revolution: monograph: translated from English (Top Business Awards)) // Economic and social changes: facts, trends, forecast. 2017. T. 10. No. 5. pp. 216–221.
4. Artificial intelligence in Russia. State of the industry and forecasts//Skillbox Media URL: <https://skillbox.ru/media/business/iskusstvenny-intellekt-v-rossii/?ysclid=lsz5b9cq5k143021521>
5. Artificial intelligence: threat or opportunity. – URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10132>
6. Morhat P.M. Artificial intelligence: legal view. – M.: Buki Vedi, 2017. – 258 p.
7. Osipov G.S. Artificial intelligence: the state of research and a look into the future // Artificial Intelligence News. 2021. No. 1. P. 3–17.
8. Potemkin V.K. Human-oriented management of enterprises and organizations// Economics and Management. 2020. No. 2 (172).
9. Proydakov E.M. The current state of artificial intelligence // Scientific research. 2018. No. 1.
10. Ryabova V. The professional standard "digital curator" has been approved in Russia // D-Russia. – URL: <http://d-russia.ru/v-rossii-utverzhden-profstandart-tsifrovoj-kurator.html>
11. Semina T.V. The impact of artificial intelligence technologies on social relations // Sociology. 2022. No. 3.

Развитие института полномочий органов местного самоуправления: на примере Новосибирска

Егорычева Татьяна Валерьевна,

студент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Сибирский институт управления – Филиал – РАНХиГС
E-mail: tatyanaserg80@mail.ru

На современном этапе развития общества уровень вовлеченности граждан в развитие государства становится все более высоким с каждым годом. Такому развитию способствует то, что граждане имеют возможность удовлетворить свои основные потребности в безопасности, в пропитании и так далее. И у них появляется потребность влиять на события происходящие вокруг них. Для этого они могут участвовать в деятельности органов местного самоуправления. Органы местного самоуправления появились ни одну сотню лет назад и с ходом времени трансформировались в соответствии с тем, как изменялось государство и общество внутри него. Были периоды, когда органы местного самоуправления сосредотачивали в своих руках достаточно большой объем полномочий, но были так же временные отрезки, в которые органы самоуправления носили так скажем номинальный характер. На сегодняшний день развитие органов местного самоуправления в России является важной стороной общественной жизни страны. На них возложено большое количество важных для жизни общества функций и изучение темы становления местного самоуправления является достаточно актуальным.

Ключевые слова: местное самоуправление, муниципальные образования, местная власть, народовластие, полномочия, функции, полномочия, общество, потребность, безопасность, трансформация.

Прежде чем приступить непосредственно к рассмотрению проблем института местного самоуправления следует уяснить особенности данного института в целом. На муниципальном уровне органами местного самоуправления являются следующие.

1. Совет муниципального образования – высший законодательный орган, который принимает решения по основным вопросам местного самоуправления.

2. Администрация муниципального образования – исполнительный орган местного самоуправления, который осуществляет руководство деятельностью муниципального образования и исполняет решения Совета.

На уровне городских округов органами местного самоуправления являются следующие.

1. Дума городского округа – высший законодательный орган, который принимает решения по основным вопросам местного самоуправления.

2. Администрация городского округа – исполнительный орган местного самоуправления, который осуществляет руководство деятельностью городского округа и исполняет решения Думы [4, с. 76].

Должностные лица местного самоуправления занимают различные позиции в органах местного самоуправления и выполняют разные функции. В зависимости от масштабов и организации местного самоуправления, они могут быть муниципальными депутатами, главами муниципальных образований (мэрами), заместителями глав, членами администрации и другими должностными лицами.

В России действует система местного самоуправления, которая предполагает четкое распределение функций и ролей в общественной и политической жизни. Эта система учитывает культурные и исторические особенности каждо-

го региона. Различия в функционировании местных властных структур в разных муниципалитетах определяются традициями и предпочтениями населения.

Организацию местного самоуправления регулируют Конституция Российской Федерации и другие нормативные акты. Главная цель заключается в стимулировании активного участия граждан в принятии важных решений, которые влияют на их жизнь.

Это способствует развитию демократических принципов управления на всех уровнях власти.

Статья 72 Конституции Российской Федерации определяет сферы совместной ответственности Федерации и ее субъектов в различных областях социальной и политической жизни. К ним относятся защита прав и свобод человека, вопросы образования, природопользования и здравоохранение.

Согласно конституционному порядку, государство не вправе полностью освободить себя от ответственности за деятельность органов местного управления, которые должны выполнять определенные задачи общегосударственного значения.

Данное явление означает, что муниципальные органы имеют значительное воздействие на организационные и функциональные аспекты различных форм местного самоуправления, что способствует решению актуальных проблем на местном уровне и соблюдению установленных государством социальных стандартов жизни населения.

Конституционная структура, основанная на принципе единой публичной власти, предоставляет отличные возможности для эффективной организации и согласования взаимодействия различных уровней власти – регионального, федерального и муниципального [5, с. 54].

Важной характеристикой взаимоотношений между органами государственной власти и органами самоуправления на местах является регулирование федеральным законом. Это подчеркивает значимость и компетентность местного самоуправления, что требует от его участников высокого уровня ответственности и профессионализма.

Этот механизм способствует развитию муниципальных образований и укреплению их роли в социальной жизни общества.

Статья 132 Конституции РФ предусматривает изменения в распределении властных полномочий между местным и федеральным уровнями власти, которые осуществляются на основе федеральных или региональных законов.

Это открывает новые возможности для взаимовыгодного распределения финансовых и материальных ресурсов.

С учетом обсужденных аспектов, важную роль в укреплении позиции муниципалитетов сегодня играют два основных механизма: децентрализация власти путем передачи функций государственной власти местным органам самоуправления и изменения в распределении полномочий между местной и центральной властью. Эти нововведения позволяют более эффективно решать вопросы на местном уровне, расширяя полномочия на основе поддержки от центральных властных органов.

Согласно статье 133 Конституции Российской Федерации, местному самоуправлению гарантировано, что затраты, возникшие в процессе исполнения переданных функций взаимодействием с государственными органами, будут компенсированы.

Есть модели, стандарты или правила организации, муниципальных образований или регионов, ни между государствами–членами совета Европы, и в том числе в странах ЕС, так что разнообразие очень велико по размеру, чтобы территориальных единиц, количество уровней управления или принятия полномочий, и их режим работы [1, с. 153].

Для стимулирования развития малого и среднего предпринимательства нужно облегчить меры получения финансовых средств, улучшение технологий, снижение затрат на приобретение ресурсов, и повысить улучшение уровня профессионализма сотрудников.

По данным опроса были выявлены следующие трудности, препятствующие развитию МСП: как, уже говорилось выше недостаточность финансовых ресур-

сов – это является самой основной проблемой для субъектов малого и среднего бизнеса России.

Итак, из всего вышесказанного можно сказать, что есть ряд проблем, которые препятствуют развитию малого и среднего предпринимательства. А основной является проблема с финансированием. На пути получения финансирования также стоят ещё проблемы такие как дорогие финансовые ресурсы, жесткие условия к заемщикам.

Для решения этих проблем стоит разработать или усовершенствовать меры. Которые будут стимулировать развитие малого и среднего бизнеса в России.

Обеспечение реализации задач по развитию малого и среднего предпринимательства требует установления и развития эффективных механизмов взаимодействия между государственными органами, бизнес-ассоциациями, научными и образовательными институтами. Для достижения этой цели исполнительные органы власти должны регулярно организовывать консультации по разработке и внедрению политики в сфере развития малого и среднего предпринимательства, а также оценивать эффективность проводимых мероприятий, включая использование постоянно действующих координационных или органных советов.

Анализируя взаимодействие органов местного самоуправления и бизнеса, можно предложить ключевые факторы улучшения системы взаимодействия государства и бизнеса.

1. Политические и административные меры. В данной категории предполагается развитие навыков и квалификации представителей государственных органов, бизнес-сообщества и населения, а также совершенствование нормативно-правовой базы.

2. Институциональные меры.

Это включает создание проектного офиса, который будет поддерживать наиболее значимые государственные и частные проекты, а также разработку и эффективное функционирование системы поддержки, контроля и мониторинга информации.

Принимая во внимание потребности и требования современного общества, необходимо провести некоторые изменения с целью повышения эффективности взаимодействия местного самоуправления и бизнеса. Эти изменения станут важным фактором в развитии экономики и создании благоприятных условий для развития предпринимательства.

Один из ключевых рычагов для достижения положительного эффекта во взаимоотношениях государства и компаний заключается в «политико-административных» аспектах.

Одной из причин, замедляющих процесс внедрения инноваций, является недостаточная квалификация сотрудников, особенно представителей публичной власти. В России не хватает специалистов в области государственно-частного партнерства (ГЧП), а еще меньше тех, кто обладает реальным опытом реализации подобных проектов, что подтверждают эксперты рынка ГЧП.

Для решения этой сложности предлагается установить конкретные показатели экономической эффективности государственных служащих, включающие в себя квалификацию и навыки в сфере привлечения инвестиций.

Такие изменения станут гарантией снижения препятствий и ускорения развития отношений между государством и бизнесом, а также способствуют продвижению экономики на путь роста и процветания.

Передовым примером успешной подготовки высококвалифицированных специалистов в области ГЧП являются следующие программы.

1. Программы повышения квалификации, которые предназначены для государственных служащих на федеральном, региональном и местном уровнях.

2. Региональные программы, предоставляющие возможность обучения в регионе с целью освоения ускоренного цикла занятий в области ГЧП для представителей региональных и муниципальных органов власти. Такие региональные программы имеют свою специфику, учитывая особенности региональных потребностей и степени развития ГЧП.

3. Международные программы, включающие международные обучающие программы, дающие возможность участникам ознакомиться с последними мировыми тенденциями и передовым опытом в реализации проектов ГЧП [4, с. 76].

4. Корпоративные программы, которые включают в себя обучение сотрудников частных компаний с учетом особенностей их отраслей и поставленных перед ними целей в области практического использования ГЧП в своем бизнесе.

5. Вебинары, предлагающие слушателям возможность прослушивания лекций по наиболее актуальным вопросам ГЧП через интернет.

Эти различные программы обеспечивают возможность качественной и комплексной подготовки специалистов в области ГЧП на разных уровнях и в соответствии со спецификой их потребностей.

Для улучшения взаимодействия между органами местного самоуправления, бизнесом и населением, можно предложить развитие нормативно-правовой базы совместно с гражданами и их объединениями в субъектах Российской Федерации.

В рамках этого сотрудничества возможно проведение публичных обсуждений законопроектов и других правовых актов на региональном и муниципальном уровнях. Такая форма сотрудничества является одним из наиболее эффективных способов проверки региональных управленческих решений.

Кроме того, создание общих норм, учитывающих интересы всех сторон, также является одним из способов партнерства государства и частного сектора в области публичного права.

Среди «институциональных» факторов развития взаимодействия государства и бизнеса стоит отметить прямую зависимость между успешностью развития инструментов взаимодействия и эффективностью информационной кампании среди населения. Данная кампания должна быть современной и всесторонней, охватывать все заинтересованные группы граждан и быть понятной большинству.

Организация дискуссий на интернет-платформах, распространение положительного опыта через интернет-дискуссии и создание нового формата общественных дебатов являются эффективными способами достижения этой цели.

Более детальное исследование проблем развития сферы организации досуга населения, развития культуры и спорта помогает выявить причины противоречия между социальной значимостью этой сферы и её низкой эффективностью (в экономическом плане, в плане достижения результатов, установленных в качестве целевых показателей в программных документах) и разработать эффективные меры для улучшения ситуации. Например, представляет перспективным провести анкетирование среди населения для выяснения их мнения о существующих объектах в сфере организации досуга населения, развития культуры и спорта, а также провести анализ различных программ и проектов, которые были реализованы или планируются, и оценить их эффективность с точки зрения населения как конечного потребителя их услуг.

Такое исследование представляется весьма полезным для органов власти и организаций, занимающихся разработкой и реализацией политики в сфере организации досуга населения, развития культуры и спорта с тем, чтобы принимать максимально обоснованные решения программного характера и направлять усилия на развитие инфраструктуры, повышение качества предлагаемых услуг и стимулирование интереса населения к данной сфере.

Цифровые технологии в настоящий момент используются повсеместно во всех сферах жизнедеятельности в той или иной мере. Данный факт не подлежит доказыванию и является общественным.

Цифровизация государственной деятельности происходит при постановке новых задач, и решение стараются реализовать при помощи новых, специально разработанных цифровых технологий.

Данные действия приводят к большей эффективности решения государ-

ственно важных задач, в том числе решения правоприменительных задач, как справедливо подчеркивал А.А. Карцхия.

Существенное значение играет применение электронных форм в сфере документооборота и коммуникации между различными субъектами правоотношения.

Цифровые технологии позволяют сократить сроки обмена документами, а также уменьшить стоимость документооборота и коммуникации, что положительно сказывается на государственной деятельности в целом.

В настоящий момент активно применяются следующие механизмы с использованием цифровых технологий: электронное правосудие, электронное правительство, электронные закупки, электронное раскрытие информации и т.д.

Указанные механизмы правового регулирования являются достаточно изученными в правовой системе и, на первый взгляд, не несут в себе критически негативных последствий.

Это обусловлено тем, что государство изначально контролировано процесс их создания и внедрения в общественную жизнь.

В рамках частноправовых отношений, безусловно, прорывом в развитии права являются смарт-контракты. Однако в рамках публичного применения права также возможно применение аналогичных алгоритмов, т.е. блокчейнов.

Представляется возможным автоматизировать порядок выдачи документов при помощи блокчейна и исключить бюрократические проволочки: свидетельство о рождении, паспорт, свидетельство о браке, документы на право собственности, документы о разводе, денежные сертификаты, получение пенсий и пособий, а также многое другое. Указанная позиция представлена Д.А. Пашенцевым, М.В. Залоило.

Также возможно применение технологии блокчейна в рамках предпринимательской деятельности. Процесс создания, реорганизации и прекращения деятельности организации может быть автоматизирован. Также возможно автоматизировать процесс внесения изменений в учредительные документы [2, с. 118].

При этом, выделяется определенный правовой риск: снижается уровень влияния права как регулятора общественных отношений, повышается уровень влияния программного кода на общественные отношения.

В связи с чем, возникает вопрос: сможет ли программный код заменить норму права в вопросах правоприменения и реализации права?

Программный код в любой цифровой технологии фактически исполняет определенную роль, задание, т.е. при наступлении определенного условия, программный код исполняет определенное действие.

Можно сравнить действие программного кода со структурой нормы права: «если, то, иначе». Следовательно, программный код можно рассматривать не как замену норме права, а как форму выражения нормы права и при ее реализации.

В целях выявления рисков рассмотрим некоторые конкретные примеры правоприменения при использовании цифровых технологий и их риски.

1. Процессуальные судебные документы, создаваемые при помощи искусственного интеллекта.

В 2024 году планируется запуск проекта «Правосудие онлайн». Согласно данному проекту при помощи специально созданного программного обеспечения на базе искусственного интеллекта в тестовом режиме будет запущен проект, по которому искусственный интеллект будет оценивать материалы судебного дела, материалы текстов судебных решений по схожим делам, проводить анализ и составлять проект решения.

Также искусственный интеллект будет указывать, какие нормы права подлежат применению, а какие нет, предлагать варианты вынесения решения суда с обоснованием.

В настоящий момент отсутствует в общем доступе нормативное обоснование применения искусственного интеллекта.

Однако достоверно указывается, что в 2023 году при помощи искусственного интеллекта уже формировались по ма-

териалам дела судебные приказы, которые позднее фактически подписывались судьей и направлялись на исполнение.

Следовательно, в данном случае наглядно проявляется правоприменение при помощи цифровых технологий.

Какие же риски несет в себе издание судебного приказа, допустим в рамках гражданского судопроизводства искусственным интеллектом?

В частности, живой человек при изучении материалов дела может заметить ошибки: опечатки, описки, в персональных данных, предмете иска, словах и т.д. [3, с. 41].

Допустим, по тексту написано: «взыскать с ответчика 100.000 рублей». Живой человек понимает, что к взысканию заявляется сто тысяч рублей, искусственный интеллект принимает сто рублей, а после точки ноль рублей к взысканию. Иной пример: в адресе регистрации ответчика допущена описка: «г. Ижевск», вместо города Ижевск. Живой человек понимает эту описку, с учетом, например того, что суд находится в Ижевске, искусственный интеллект нет.

Живой человек машинально эти описки/ошибки исправит для себя и продолжит работу над составлением судебного приказа. Искусственный интеллект при обнаружении несоответствия может сработать по следующим направлениям, что включает в себя риски правоприменения.

1. Судебный приказ будет вынесен с ошибкой/опиской, которая воспрепятствует дальнейшему движению дела. Позднее заявителю придется повторно обращаться в суд с требованием, либо с заявлением об исправлении описки.

2. Искусственный интеллект вынесен определение об отказе в принятии заявления либо об оставлении заявления без движения, что может препятствовать либо затягивать производство по делу.

3. Искусственный интеллект выдаст техническую ошибку и направит дело на рассмотрение живому человеку.

Первые 2 варианта несут в себе отрицательные риски, которые негативно скажутся на рассмотрении дела.

Третий вариант несет в себе частично положительный риск, т.е. некоррект-

ный судебный акт не будет вынесен, это, несомненно, достоинство. С ругой стороны, получается, что искусственный интеллект не учитывает человеческий фактор и требует доработки, что, несомненно, является недостатком.

Литература

1. Будаев А.М. Контроль в системе местного самоуправления в России: становление и развитие / А.М. Будаев // Закон и право. – 2023. – № 11. – С. 55–62
2. Кожевников О.А. Прямая выборность, компетенция и ответственность как основы перспективного развития местного самоуправления в России / О.А. Кожевников // Сибирское юридическое обозрение. – 2023. – Т. 20, № 3. – С. 285–296.
3. Новикова Л. А., Желнинская А.А. Проблемы кадрового обеспечения органов местного самоуправления в Российской Федерации // Вестник Воронежского института высоких технологий. – 2019. – № 4. – С. 97–100.
4. Орфоникий А.В. Основные принципы и формы взаимодействия органов местного самоуправления и населения / А.В. Орфоникий // Студенческая наука: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей X Международной научно-практической конференции в 2 частях, Пенза, 29 декабря 2022 года. Том Часть 2. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2022. – С. 68–70.
5. Рязская Т. В., Жукова М.В., Карлов А.Н. Проблемы кадрового обеспечения органов местного самоуправления // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2021. – № 3. – С. 108–119.

DEVELOPMENT OF THE INSTITUTION OF POWERS OF LOCAL SELF-GOVERNMENT BODIES: THE EXAMPLE OF NOVOSIBIRSK

Egorycheva T.V.

Russian Academy of National Economy and Public Service at President of the Russian Federation, Siberian Institute Management – Branch – RANEPA

At the present stage of development of society, the level of involvement of citizens in the development of the state is becoming higher every year. This development is facilitated by the fact that citizens have the opportunity to satisfy their basic needs for security, food, and so on. And they have a need to influence the events happening around them. To do this, they can participate in the activities of local governments. Local governments appeared hundreds of years ago and have transformed over time in accordance with how the state and society within it have changed. There were periods when local government bodies concentrated a fairly large amount of powers in their hands, but there were also time periods during which self-government bodies were, so to speak, nominal in nature. Today, the development of local government bodies in Russia is an important aspect of the country's public life. They are entrusted with a large number of functions important for the life of society, and the study of the topic of the formation of local self-government is quite relevant.

Keywords: local government, municipalities, local government, democracy.

References

1. Budaev, A.M. Control in the system of local self-government in Russia: formation and development / A.M. Budaev // *Law and Law*. – 2023. – No. 11. – P. 55–62
2. Kozhevnikov, O.A. Direct election, competence and responsibility as the basis for the long-term development of local self-government in Russia / O.A. Kozhevnikov // *Siberian Legal Review*. – 2023. – T. 20, No. 3. – P. 285–296.
3. Novikova L. A., Zhelninskaya A.A. Problems of staffing local government bodies in the Russian Federation // *Bulletin of the Voronezh Institute of High Technologies*. – 2019. – No. 4. – pp. 97–100.
4. Orfonidy, A.V. Basic principles and forms of interaction between local governments and the population / A.V. Orfonidy // *Student science: current issues, achievements and innovations: collection of articles of the X International Scientific and Practical Conference in 2 parts, Penza, December 29, 2022. Volume Part 2*. – Penza: Science and Enlightenment (IP Gulyaev G.Yu.), 2022. – P. 68–70.
5. Ryazhskaya T.V., Zhukova M.V., Karlov A.N. Problems of staffing local government bodies // *News of Tula State University. Humanitarian sciences*. – 2021. – No. 3. – pp. 108–119.

Влияние социальных сетей на трансформацию подходов к выбору образа жизни в российском обществе

Завьялов Андрей Евгеньевич,

к.с.н., доцент департамента философии

и социальных наук ГАОУ ВО МГПУ

E-mail: zavyalov88@inbox.ru

В статье рассматривается роль социальных сетей в современном образе жизни. Приводится анализ влияния социальных сетей и социальных медиа на сферы жизни людей. В статье показываются позитивные и негативные факторы, которые связаны с использованием социальных медиа, как важного канала коммуникации в современном информационном обществе. Одним из важных негативных факторов использования социальных сетей является развитие цифровой прокрастинации, которая определяется, как стремление пользователя к использованию социальных сетей с последующим откладыванием иных действий. Большое влияние оказывается также за счет создания соответствующих цифровых экосистем, которые позволяют пользователю социальных сетей удовлетворять свои потребности. Выделяются основные цели использования социальных сетей, а также использование социальных сетей для коммуникаций по некоторым странам.

Ключевые слова: цифровые медиа, социальные медиа, образ жизни, проблематика образа жизни, коммуникации.

Введение

Социальные сети в современном мире являются важной частью жизни многих людей. При этом социальные сети могут иметь как позитивное влияние на сферы жизни людей, так и негативное. Существуют различные направления, в которых так или иначе социальные сети оказывают свое влияние.

В-первую очередь, конечно, социальные сети оказывают влияние на межличностные отношения. В рамках социальных взаимодействий, социальные сети представляют собой один из возможных каналов коммуникации между акторами, позволяя поддерживать имеющиеся социальные связи, а также развивать новые. При этом важно понимать, что такое социальное пространство для коммуникаций является опосредованным. При этом существует проблема того, что подаваемый образ в момент самопрезентации при взаимодействии через цифровую среду – является идеализированным [1]. То есть люди стремятся, подчас, в ходе самопрезентации через цифровую среду воссоздать желаемый ими образ, подменяя свои реальные паттерны поведения. Интересно отметить, что с этой точки зрения реальное пространство существования индивида становится дополнением к цифровому создаваемому образу. Пользователь может с помощью различного программного обеспечения видоизменять и трансформировать фото и видео материалы окружающей его реальности, улучшая или дополняя желаемое [6].

Во-вторую очередь, социальные сети способствуют удовлетворению потребностей. Если говорить с точки зрения внутренних – психологических потребностей, через социальные медиа значительно проще получить удовлетворить такие потребности, как потребность в признании, в самореализации. Созда-

ние фото, видео, текстового контента позволяет людям реализоваться. Как пример, можно привести стремление к получению лайков, репостов, как формы социального одобрения поведения. Однако, это же может делать их целью различного рода нападок со стороны незнакомцев и кибербуллинга, а также социальной неудовлетворенности из-за недостаточного получения одобрения. Подобное может негативно сказываться на самооценке.

Также же это влияет и на потребительское поведение индивидов. Поиск нового цифрового контента: фото и видео материалы, приобретение товаров и услуг. При этом расширение практик действия в цифровом пространстве приводит к тому, что люди оставляют свои цифровые следы, которые в последующем могут быть использованы. То есть человеческое поведение в рамках цифровой среды превращается в систему управляемых цифровых данных. Это создает необходимость адаптации к цифровой среде и требует освоение новых навыков.

В-третью очередь, социальные сети также оказывают влияние на поведение индивида. При этом изменения поведения могут быть в различную сторону: как лучшую, так и худшую. В рамках негативных последствий может быть снижение количества реальных контактов в сторону поддержания онлайн-контактов, тревожность и появление сетевой прокрастинации. Из положительных – возможность лучшей ориентации в социальном пространстве, поиск возможностей реализации социальных потребностей, например, через те или иные мероприятия и объявления.

Результаты

Социальные сети, как часть социокультурной реальности позволяют доносить информацию до реципиентов значительно проще и быстрее. Влияя на установки людей, в том числе через общение и чувство принадлежности к какой-то группе, они могут оказывать значительное влияние на личностные сферы жизни, на профессиональные навыки и знания,

на образ жизни. В качестве частотного примера – социальные сети широко способствуют формированию здорового образа жизни. Хотя при этом возможно формирование лже-ценностей, которые могут вредить здоровью [2].

В основе таких механизмов лежит влияние «лидеров мнений» или же трендсеттеров. Данный термин был впервые введен в оборот Г. Тардом еще в 1903 году. В рамках маркетинга таких людей во многом можно сравнить с новаторами, которые с целью продвижения в медиа сфере ищут те или новинки, новые ощущения, информацию, идеи и ценности. В дальнейшем в ходе развития теории медиа и их широким распространением, были исследованы и выделены две основные категории «лидеров мнений», оказывающих влияние на широкую аудиторию. К первой категории относятся те «лидеры мнений», которые опираются на экспертные знания в определенной области продуктов, будь то товары, услуги, информационные продукты, тем самым оказывая влияние на потребление определенных продуктов в обществе. При этом трендсеттеры данной категории будут нацелены на определенную аудиторию потребителей. Вторая категория трендсеттеров ориентируется на поиск трендов и инноваций, за счет своего мнения оценивая и создавая актуальные тренды [3].

В эпоху активного развития социальных медиа и социальных сетей, трендсеттеры становятся важными составляющими распространения информации в обществе, так как социальные медиа уже активно включены социально-экономические отношения [12].

В результате воздействия социальных медиа на социальную сферу, начинают формироваться новые социально-культурные практики. Как говорилось ранее, это влияет на поле социальных практик людей, на менталитет и формирование культурных ценностей [1].

Таким образом развитие развитием социальных сетей на сегодняшний день является неотъемлемой частью общественной жизни. Вокруг цифровых медиа и социальных сетей разворачива-

ется собственная цифровая экосистема, которая включает в себя не только способы коммуникации, но еще и различную электронную коммерцию, платежные системы, иные цифровые услуги, интеграцию с прочими цифровыми устройствами. Развитие подобной цифровой экосреды не только дает удобство пользования, но и также позволяет удовлетворять различные потребности. Более того, основным способом участия в цифровых медиа становятся смартфоны – как наиболее доступное устройство, которое всегда находится под рукой у пользователя.

Таблица 1. Цели использования цифровой среды (процент численности населения)

№	Цель	Показатель
1	Телефонные и видеозвонки через Интернет	87,6
2	Социальные сети	74,5
3	Общение через системы мгновенного обмена сообщениями	70,5
4	Просмотр новостей	66,0
5	Банковские операции	62,0
6	Поиск информации о товарах и услугах	60,1
7	Приобретение товаров или услуг	51,5
8	Общение через электронную почту	46,1
9	Запись к врачу	40,5
10	Поиск информации о здоровье	36,9
11	Просмотр онлайн-телевидения	35,8
12	Поиск познавательной информации	32,6
13	Онлайн-радио	32,0
14	Загрузка книг, статей, фото и видеоматериалов на личные страницы для публичного доступа	27,2
15	Скачивание изображений, аудио и видеоматериалов	26,9
16	Компьютерные игры	22,0
17	Чтение онлайн- газет, книг, журналов	18,1

Однако в этой связи интерес представляют цели использования цифровой среды населением в ключе образа

жизни. В 2024 году был издан статистический сборник «Индикаторы цифровой экономики», в котором наглядно демонстрируется распределение целей использования цифровой в России (табл. 1) [10].

При этом приоритетность использования именно социальных сетей может различаться в разных странах. Как показывают статистические данные – в Российской Федерации уровень пользования социальными сетями для коммуникаций достаточно высок, если сравнить его с другими странами (рис. 1) [10]. При этом некоторые страны показывают крайне высокий уровень пользования для коммуникаций, в то время как иные, такие как Германия или Франция – наоборот низкий. На основании этого можно сделать предположение, что во многом на это влияет культура пользования, сложившаяся в этих странах. Однако, подобное утверждение требует дополнительных исследований.

Интересен так же тот факт, что социальные медиа в рамках такого использования могут оказывать негативные эффекты иного толка. Люди со временем привыкают к использованию смартфонов и это может оказывать определенное влияние на их тревожность. Если говорить точнее – как показывают некоторые зарубежные исследования: существует определенная зависимость между прокрастинацией, связанной с использованием мобильных устройств, и уровнем тревожности [4].

Прежде чем говорить о прокрастинации вызываемой взаимодействием с социальными сетями необходимо разобраться с понятием прокрастинации. Под прокрастинацией в данном ключе понимается действие человека, при котором он откладывает то действие, которое должен совершить, при этом не взвешивая на возможные проблемы и последствия. Риски проявления прокрастинации могут проявляться в различных сферах [3]: работа, здоровье, общение, коммуникации и иное. В ряде источников по вопросам прокрастинации часто выделяются две основные формы: поведенческая и когнитивная. Поведенческая прокрастина-

ция связана с тем фактом, что люди откладывают те или иные действия или не завершают текущие действия, откладывая это на потом. Поведенческая прокрастинация будет являться наиболее распространенной формой [5]. Когнитивная прокрастинация представляет собой иную форму, она связана с вопросами принятия решений. При этом ее развитие будет приводить к тому, что люди начинают откладывать принятие решение по нужному вопросу на более поздний

период. Таким образом оба вида прокрастинации связаны чаще всего с внутренними психологическими процессами потери самоконтроля, саморегуляции [1]. На прокрастинацию также оказывают влияние стрессовые ситуации, а также стрессы, связанные со сложностями при решении поставленных задач. Также на проявление прокрастинации влияют возможности выбора между различными вариантами действий, наличие информации об таких вариантах.

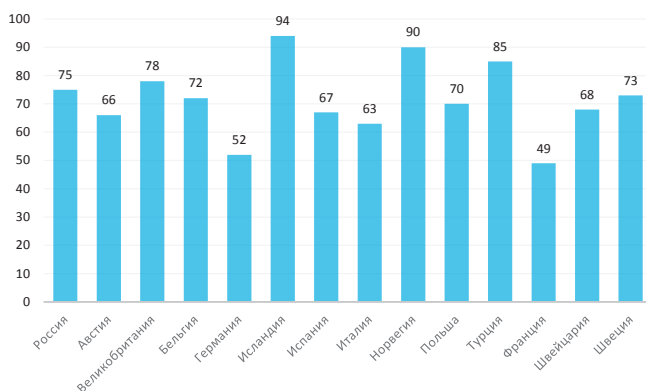

Рис. 1. Диаграмма. Использование социальных сетей для коммуникаций по странам (процент населения)

В рамках взаимодействия с цифровыми медиа и социальными сетями в частности, прокрастинация будет выражаться в том, что людям становится сложно на какой-то период отказаться от использования своего смартфона [2]. Речь идет в первую очередь о смартфонах, так как в современном мире это самый доступный способ выхода в Интернет и связанные с ним сервисы. При этом, подобное использование часто связано с тем, что люди начинают пользоваться ими в неподходящих ситуациях или же опасных ситуациях.

Исследователями в данной области также выделяются признаки, по которым определяется такая цифровая прокрастинация [4]:

1) проблематика контроля пользования мобильным телефоном, когда человек не может оторваться от процесса;

2) коммуникационные проблемы с окружением – люди в меньшей степени уделяют время своему окружению;

3) пользование смартфоном в опасных или же неподходящих ситуациях, например, при переходе дороги, пользовании общественным транспортом, эскалаторами и иным;

4) снижение трудовой активности;

5) снижение социальной активности;

6) развитие проблем со здоровьем, откладывание решение проблем здоровья, появление проблем с засыпанием, в случае если человек пользуется телефоном перед сном;

7) возникновение проблем, связанных с повышением тревожности, в качестве примера выраженные в постоянном поиске новостей, проверке наличия новых сообщений и так далее.

Таким образом проблема прокрастинации в использовании цифровых медиа является одной из проблем современного мира связанных с проблематикой внедрения цифровизации в повседневную жизнь людей [9].

Заключение

Цифровые изменения, появление цифровых медиа, развитие социальных сетей и иных средств коммуникации оказывают существенное влияние на образ жизни людей [8]. Начиная от коммуникационных процессов, заканчивая повседневными привычками. Серьезным вопросом является – как снизить негативные воздействия на образ жизни людей. Самым простым решением может быть установка различного программного обеспечения, которое могло бы блокировать доступ в интернет, однако, такой метод может быть полезен тем, кто осознает наличие у себя проблемы негативного влияния и не может с ним справиться. Для тех же, кто не видит проблем – это может стать раздражающим фактором, только усугубляющим состояние. Более сложным решением проблемы, но вместе с тем более целостным может являться формирование соответствующей культуры пользования социальными сетями. На основании потребностей использования социальных сетей возможно воздействие на ценностные установки и выстраивание соответствующего восприятия и соответствующего отношения к виртуальному миру в частности, и социальным сетям в целом. Осуществлять подобное можно различными путями. Самое простое – объяснение и просвещение по данной проблематике для широкой публики [12]. Так же массмедиа могут стать эффективным методом внедрения ценности регулирования использования цифровых медиа, распространяя через культуру и массовую культуру образы героев кинематографа, литературы, а также лидеров мнений, соответствующие образы, когда такое регулирование позитивно сказывалось на жизни и успешности человека. Подобное можно отнести к сфере социальной ответственности бизнеса в целом и медиа-кампаний в частности.

Литература

1. Junaidi A. et al. The role of public administration and social media educational socialization in influencing public

satisfaction on population services: The mediating role of population literacy awareness // *International Journal of Data and Network Science*. – 2024. – Т. 8. – № 1. – С. 345–356.

2. Onyeaka H. K. et al. Associations between Health-Related Use of Social Media and Positive Lifestyle Behaviors: Findings from a Representative Sample of US Adult Smokers // *Substance Use & Misuse*. – 2024. – Т. 59. – № 4. – pp. 527–535.
3. Przepiorka, A., Blachnio, A. & Cudo, A. Procrastination and problematic new media use: the mediating role of future anxiety // *Curr Psychol*. – 2023. – Vol. 42. – pp. 5169–5177.
4. Przepiorka A., Blachnio A., Cudo A. The role of depression, personality, and future time perspective in internet addiction in adolescents and emerging adults // *Psychiatry research*. – 2019. – Т. 272. – pp. 340–348.
5. Qaisar S. Et al. Problematic Mobile Phone Use, Academic Procrastination and Academic Performance of College Students // *Journal of Educational Research*. – 2017. – Т. 20. № 2. – pp. 1027–9776.
6. Zheng L. et al. The role of social media followers' agency in influencer marketing: a study based on the heuristic-systematic model of information processing // *International Journal of Advertising*. – 2024. – Т. 43. – № 3. – pp. 554–579.
7. Гараганов А.В., Разов П.В. Социальные аспекты удовлетворения информационных потребностей миллианалов: структура и проявления // *Власть*. – 2024. – № 32 (1). – С. 182–188.
8. Искандерова Ш. Д., Мобильные технологии: изменение образа жизни и взаимодействия с обществом // *Экономика, менеджмент, сервис: современные проблемы и перспективы*. – 2024. – С. 15–18.
9. Петрова В. И., Влияние компьютерной зависимости на эмоциональную сферу подростка // *Вестник науки*. – 2024. – Т. 2, № 1 (70). – С. 560–566.

10. Индикаторы цифровой экономики: 2024: статистический сборник / В.Л. Абашкин, Г.И. Абдрахманова, К.О. Вишнеvский, Л.М. Гохберг и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2024. – 276 с.
11. Тапалова О.Б., Пономарёв Д.В. Связь личностных особенностей и интернет зависимости // Вестник науки. – 2024. – № 3 (72). – С. 380–384.
12. Ташбаев А.М., Э. Жамшитбек Кызы. Опыт развития цифрового обучения в странах европы // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024. – № 2–1. – С. 213–219.

THE INFLUENCE OF SOCIAL NETWORKS ON THE TRANSFORMATION OF APPROACHES TO LIFESTYLE CHOICES IN RUSSIAN SOCIETY

Zavyalov A.E.

Moscow State Pedagogical University

The article examines the role of social networks in modern lifestyle. An analysis of the influence of social networks and social media on areas of people's lives is provided. The article shows the positive and negative factors that are associated with the use of social media as an important communication channel in the modern information society. One of the important negative factors in the use of social networks is the development of digital procrastination, which is defined as the user's desire to use social networks with the subsequent postponement of other actions. Great impact is also achieved through the creation of appropriate digital ecosystems that enable the social media user to meet their needs. The main purposes of using social networks are highlighted, as well as the use of social networks for communications in some countries.

Keywords: digital media, social media, lifestyle, lifestyle issues, communication.

References

1. Junaidi A. et al. The role of public administration and social media educational socialization in influencing public satisfaction on population services: The mediating role of population literacy awareness // International

- Journal of Data and Network Science. – 2024. – Т. 8. – № 1. – С. 345–356.
2. Onyeaka H. K. et al. Associations between Health-Related Use of Social Media and Positive Lifestyle Behaviors: Findings from a Representative Sample of US Adult Smokers // Substance Use & Misuse. – 2024. – Т. 59. – № 4. – pp. 527–535.
3. Przepiorka, A., Blachnio, A. & Cudo, A. Procrastination and problematic new media use: the mediating role of future anxiety // Curr Psychol. – 2023. – Vol. 42. – pp. 5169–5177.
4. Przepiorka A., Blachnio A., Cudo A. The role of depression, personality, and future time perspective in internet addiction in adolescents and emerging adults // Psychiatry research. – 2019. – Т. 272. – pp. 340–348.
5. Qaisar S. Et al. Problematic Mobile Phone Use, Academic Procrastination and Academic Performance of College Students // Journal of Educational Research. – 2017. – Т. 20. № 2. – pp. 1027–9776.
6. Zheng L. et al. The role of social media followers' agency in influencer marketing: a study based on the heuristic-systematic model of information processing // International Journal of Advertising. – 2024. – Т. 43. – № 3. – pp. 554–579.
7. Garaganov A.V., Razov P.V. Social aspects of meeting the information needs of millennials: structure and manifestations // Power. – 2024. – № 32 (1). – P. 182–188.
8. Iskanderova Sh. D., Mobile technologies: changing the way of life and interaction with society // Economics, Management, Service: modern problems and prospects. – 2024. – С. 15–18.
9. Petrova V. I., Influence of computer addiction on the emotional sphere of a teenager // Bulletin of Science. – 2024. – Vol. 2, no. 1 (70). – С. 560–566.
10. Indicators of digital economy: 2024: statistical compendium / V.L. Abashkin, G.I. Abdrakhmanova, K. O. V.L. Abashkin, G.I. Abdrakhmanova, K.O. Vishnevsky, L.M. Gokhberg, et al. – М.: ISIEZ VSHE, 2024. – 276 с.
11. Tapalova O.B., Ponomariov D.V. Connection of personality traits and Internet addiction // Vestnik nauki. – 2024. – № 3 (72). – P. 380–384.
12. Tashbaev A.M., E. Zhamshitbek Kyzy. Experience in the development of digital learning in European countries // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2024. – № 2–1. – P. 213–219.

Нормативно-правовое регулирование государственно-частного партнерства в Республике Башкортостан: контент-анализ

Хафизов Ильдар Ильдусович,

аспирант, кафедра обществознания, права и социального управления, Институт исторического, правового и социально-гуманитарного образования, ФГБОУ ВО «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы»
E-mail: khafizov_4@inbox.ru

Государственно-частное партнерство является одним из ключевых инструментов сотрудничества между государством и частным сектором, направленных на реализацию различных проектов и программ. Этот механизм становится все более актуальным в условиях постоянно меняющихся социально-экономических условий и ограниченности бюджетных ресурсов. Однако важным аспектом успешного государственно-частного партнерства является четкое нормативно-правовое регулирование данной сферы деятельности. Проведенное исследование отражает текущее состояние нормативно-правового регулирования государственно-частного партнерства в Республике Башкортостан. В данной статье анализируются законодательные акты и другие правовые документы, регулирующие сотрудничество государства и частного сектора в регионе. На основе проведенного анализа нормативно-правовых актов, регулирующих государственно-частное партнерство в Республике Башкортостан, можно сделать вывод о положительной динамике развития данной сферы в регионе. Уровень разработанности и структурированности законодательства способствует прозрачности и эффективности взаимодействия государства и бизнеса. Однако, для дальнейшего укрепления государственно-частного партнерства необходимо постоянное совершенствование нормативной базы и адаптация к изменяющимся условиям.

Ключевые слова: государство, государственно-частное партнерство, нормативно-правовые акты, закон, законодательство, частный сектор, Российская Федерация, Республика Башкортостан.

Государственно-частное партнерство является одним из ключевых инструментов сотрудничества между государством и частным сектором, направленных на реализацию различных проектов и программ. Этот механизм становится все более актуальным в условиях постоянно меняющихся социально-экономических условий и ограниченности бюджетных ресурсов. Однако важным аспектом успешного государственно-частного партнерства является четкое нормативно-правовое регулирование данной сферы деятельности. В связи с этим, проведение контент-анализа нормативно-правовых актов Республики Башкортостан в сфере государственно-частного партнерства представляет особый интерес для изучения тенденций и особенностей развития данной области.

В данном исследовании использован метод контент-анализа для изучения нормативно-правовых актов, регулирующих государственно-частное партнерство в Республике Башкортостан. Были проанализированы законы, постановления, иные документы, касающиеся данной тематики. Особое внимание уделено формам государственно-частного партнерства Республики Башкортостан.

Цель настоящей статьи определить основные формы государственно-частного партнерства, применяемые в инвестиционных проектах с участием государства и частного бизнеса.

Основная гипотеза исследования заключается в том, что взаимодействия между государственными органами исполнительной власти региона осуществляются в рамках распространенных и общепринятых договорных отношений, таких как аренда, контракты при этом наименьшее количество сотрудничества происходит в рамках относительно новых форм, концессии и соглашения о государственно-частном партнерстве.

В целях определения основных форм взаимоотношения государства и частного бизнеса необходимо провести их количественный анализ и выявить частотность упоминания.

В качестве ключевых слов для поиска будут использованы основные формы сотрудничества между государством и бизнесом распространенных в России, к которым следует отнести:

- аренда;
- лизинг (финансовая аренда);
- соглашения о разделе продукции;
- создание особых экономических зон;
- создание совместных государственно–частных предприятий;
- концессия;
- соглашения о государственно–частном партнёрстве.

Для анализа будут использованы следующие нормативно–правовые акты Республики Башкортостан регулирующие государственно–частное партнерство:

а) постановление Правительства от 20.12.2018 № 624 Республики Башкортостан «О Стратегии социально–экономического развития Республики Башкортостан на период до 2030 года»;

б) закон от 17.06.2016 № 386-з «Об участии Республики Башкортостан в проектах государственно–частного партнерства»;

в) закон Республики Башкортостан от 01.07.2013 № 701-з «Об инвестиционном фонде Республики Башкортостан»;

г) закон Республики Башкортостан от 24.12.2010 № 339-з «Об инвестиционной деятельности в Республике Башкортостан, осуществляемой в форме капитальных вложений»;

д) постановление Правительства Республики Башкортостан от 14.07.2016 № 287 «Об утверждении государственной программы «Экономическое и инвестиционное развитие Республики Башкортостан»;

е) постановление Правительства Республики Башкортостан от 19.08.2011 № 292 «О порядке рассмотрения и поддержки приоритетных инвестиционных проектов Республики Башкортостан»;

ж) постановление Правительства Республики Башкортостан от 16.08.2016 № 336 «О Порядке межведомственного взаимодействия при подготовке и реализации проектов государственно–частного партнерства в Республике Башкортостан»;

з) постановление Правительства Республики Башкортостан от 21.02.2017 № 56 «Об утверждении нормативных правовых актов в целях реализации Федерального закона «О концессионных соглашениях» на территории Республики Башкортостан»;

и) постановление Правительства Республики Башкортостан от 23.03.2017 № 103 «Об утверждении Положения о Межведомственной комиссии по подготовке и реализации инвестиционных проектов на условиях государственно–частного партнерства»;

к) постановление Правительства Республики Башкортостан от 13.08.2012 № 289 «Об утверждении порядка финансирования инвестиционных проектов, реализуемых с использованием бюджетных ассигнований Инвестиционного фонда Республики Башкортостан»;

л) приказ Министерства экономического развития Республики Башкортостан от 05.03.2012 № 40 «Об утверждении Методики расчета показателей абсолютной и относительной финансовой устойчивости, которым должны соответствовать коммерческие организации, желающие участвовать в реализации проектов с использованием бюджетных ассигнований Инвестиционного фонда Республики Башкортостан.

Для проведения анализа каждому нормативному акту присвоена своя кодировка.

Согласно результатам анализа (табл. 1) большее количество упоминаний относится: к соглашениям о государственно–частном партнерстве – общее значение 291; концессия – 161; аренда – 44; лизинг – 4; особая экономическая зона – 3; раздел продукции – 1.

В нормативно–правовом акте с кодировкой «А» автором для поиска было использовано слово–маркер «аренд.», что увеличило показатели упоминания такой

формы как аренда. Также удалось выявить коэффициент парной корреляции «Ипотека и арендное жилье», который содержит 3 упоминания.

Таблица 1. Анализ форм государственно–частного партнерства в нормативно–правовых актах Республики Башкортостан

Нормативно-правовые акты	Формы государственно–частного партнерства					
	аренда	лизинг (финансовая аренда)	особая экономическая зона	раздел продукции	концессия	соглашения о ГЧП
А	30	2	–	–	1	19
Б	3	–	–	1	–	116
В	–	–	–	–	5	5
Г	8	1	–	–	1	–
Д	–	–	3	–	1	0
Е	1	1	–	–	9	3
Ж	–	–	–	–	–	136
З	–	–	–	–	137	–
И	–	–	–	–	1	5
К	2	–	–	–	5	6
Л	–	–	–	–	1	1

При анализе слово государственно–частное партнёрство также было использовано слово–маркер ГЧП, имеет 8 упоминаний. При этом коэффициент парной корреляции ГЧП, МЧП составил 8 упоминаний.

Анализ правового акта с кодировкой «Б» выявил коэффициент парной корреляции «государственно частное партнерство, муниципально–частное партнерство» с количеством упоминаний 40.

В акте с кодировкой «К» коэффициент парной корреляции «государственно–частного партнерства (концессионных соглашений)» содержится в количестве 3 упоминаний.

Необходимо отметить, что в некоторых актах государственно–частное партнерство регулируется как институт взаимодействия государства и бизнеса без указания форм реализации. Например, в акте с кодировкой «Д» государственно–частное партнерство указано без конкретизации его форм.

Таким образом, согласно данным приведенным в табл. 1 в Республике Башкортостан законодательно наиболее урегулированными нормами права являются темы концессии (концессионные

соглашения) и государственно–частное партнерство (ГЧП) (соглашение о государственно–частном партнерстве).

В первую очередь это связано с наличием законодательства регулирующего отдельные формы государственно–частного партнерства в Республике Башкортостан.

По результатам проведенного анализа следует сказать, что развитие в области нормативно–правовой базы в отношении исследуемой темы приходится на 2016–2017 гг. Согласно приведенному графику на указанный период приходится 5 актов регулирующих сферу государственно–частного партнерства (рис. 1).

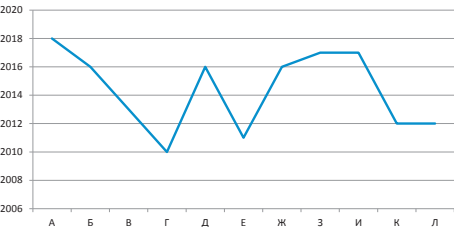

Рис. 1. Анализ роста инвестиционной привлекательности по году принятия нормативных актов

В результате проведенного исследования было установлено, что в Республике Башкортостан существует достаточно развитая система нормативно-правового регулирования государственно-частного партнерства.

Следует отметить, что, несмотря на законодательное развитие таких форм как концессия и соглашения о государственно-частном партнерстве, субъекты среднего и малого бизнеса отдают свои предпочтения более простым и распространённым формам сотрудничества с государством, таким как аренда государственного и муниципального имущества.

Так в Республике Башкортостан за 9 месяцев 2023 года с 88 субъектами малого и среднего предпринимательства и самозанятыми гражданами заключено 102 договора аренды с применением льготного порядка оплаты арендной платы за пользование государственным имуществом Республики Башкортостан [12].

В свою очередь в рамках концессии за 2023 год заключено 7 концессионных соглашений [13]. Соглашений о государственно-частном партнерстве заключенных в 2023 году обнаружить не удалось.

На основе проведенного анализа нормативно-правовых актов, регулирующих государственно-частное партнерство в Республике Башкортостан, можно сделать вывод о положительной динамике развития данной сферы в регионе. Уровень разработанности и структурированности законодательства способствует прозрачности и эффективности взаимодействия государства и бизнеса. Однако, для дальнейшего укрепления государственно-частного партнерства необходимо постоянное совершенствование нормативной базы и адаптация к изменяющимся условиям.

Литература

1. Постановление Правительства от 20.12.2018 № 624 Республики Башкортостан «Стратегия социально-экономического развития Республики Башкортостан на период до 2023 года» Официальный Интер-

нет-портал правовой информации Республики Башкортостан ГЧП. – URL: <http://npa.bashkortostan.ru>

2. Закон от 17 июня 2016 года № 386-з «Об участии Республики Башкортостан в проектах государственно-частного партнерства» принятый 16 июня 2016 года Государственным Собранием – Курултаем Республики Башкортостан. Официальный Интернет-портал правовой информации Республики Башкортостан, 21.06.2016 [Электронный ресурс]. – URL: <https://npa.bashkortostan.ru> (дата обращения: 23.12.2023).
3. Об инвестиционном фонде Республики Башкортостан: закон Республики Башкортостан от 01.07.2013 № 701-з // Газ. Респ. Башкортостан. – 2013. – № 129(27864).
4. Об инвестиционной деятельности в Республике Башкортостан, осуществляемой в форме капитальных вложений: закон Республики Башкортостан от 24.12.2010 № 339-з // Газ. Респ. Башкортостан. – 2010. – № 247(27232).
5. Постановление Правительства Республики Башкортостан от 14 июля 2016 года № 287 «Об утверждении государственной программы «Экономическое и инвестиционное развитие Республики Башкортостан». Официальный Интернет-портал правовой информации Республики Башкортостан, 15.07.2016 [Электронный ресурс]. – URL: <https://npa.bashkortostan.ru> (дата обращения: 23.12.2023).
6. Постановление Правительства Республики Башкортостан от 19.08.2011 № 292 «О порядке рассмотрения и поддержки приоритетных инвестиционных проектов Республики Башкортостан». «Ведомости Государственного Собрания – Курултая, Президента и Правительства Республики Башкортостан», 03.10.2011, № 19(361), ст. 1483.
7. Постановление Правительства Республики Башкортостан от 16.08.2016 № 336 «О Порядке межведомственного взаимодействия при подготовке и реализации проектов государствен-

- но–частного партнерства в Республике Башкортостан». Официальный Интернет–портал правовой информации Республики Башкортостан, 18.08.2016 [Электронный ресурс]. – URL: <https://npa.bashkortostan.ru> (дата обращения: 23.12.2023).
8. Постановление Правительства Республики Башкортостан от 21.02.2017 № 56 «Об утверждении нормативных правовых актов в целях реализации Федерального закона «О концессионных соглашениях» на территории Республики Башкортостан». Официальный Интернет–портал правовой информации Республики Башкортостан, 27.02.2017 [Электронный ресурс]. – URL: <https://npa.bashkortostan.ru> (дата обращения: 23.12.2023).
 9. Постановление Правительства Республики Башкортостан от 23.03.2017 № 103 «Об утверждении Положения о Межведомственной комиссии по подготовке и реализации инвестиционных проектов на условиях государственно–частного партнерства». Официальный Интернет–портал правовой информации Республики Башкортостан, 24.03.2017 [Электронный ресурс]. – URL: <https://npa.bashkortostan.ru> (дата обращения: 23.12.2023).
 10. Постановление Правительства Республики Башкортостан от 13.08.2012 № 289 «Об утверждении порядка финансирования инвестиционных проектов, реализуемых с использованием бюджетных ассигнований Инвестиционного фонда Республики Башкортостан». Электронный фонд правовых и нормативно–технических документов [Электронный ресурс]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/935123712/titles/51AUN3> (дата обращения: 23.12.2023).
 11. Приказ Министерства экономического развития Республики Башкортостан от 05.03.2012 № 40 «Об утверждении Методики расчета показателей абсолютной и относительной финансовой устойчивости, которым должны соответствовать коммерческие организации, желающие участвовать в реализации проектов с использованием бюджетных ассигнований Инвестиционного фонда Республики Башкортостан. Электронный фонд правовых и нормативно–технических документов [Электронный ресурс]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/463507689?section=status> (дата обращения: 23.12.2023).
 12. Инвестиционный портал Республики Башкортостан. В Башкортостане в 2023 году заключено более 100 льготных договоров аренды госимущества [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.investrb.ru/ru/press-center/news/v-bashkortostane-v-2023-godu-zaklyucheno-bolee-100-lgotnykh-dogovorov-arendy-gosimushchestva/> (дата обращения: 10.04.2024).
 13. Инвестиционный портал Республики Башкортостан. Объекты, реализуемые на принципах ГЧП и концессионных соглашений. В республике реализуется 39 проектов с использованием механизма ГЧП [Электронный ресурс]. – URL: <https://investrb.ru/ru/bashkortostan/potential/gchp/> (дата обращения: 21.02.2024).

LEGAL REGULATION OF PUBLIC–PRIVATE PARTNERSHIPS IN THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN: CONTENT ANALYSIS

Khafizov I.I.

Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla

Public–private partnership is one of the key instruments of cooperation between the state and the private sector aimed at implementing various projects and programs. This mechanism is becoming increasingly relevant in the context of constantly changing socio–economic conditions and limited budgetary resources. However, an important aspect of a successful public–private partnership is clear legal regulation of this area of activity. The conducted research reflects the current state of legal regulation of public–private partnerships in the Republic of Bashkortostan. This article analyzes legislative acts and other legal documents regulating cooperation between the state and the private sector in the region.

Based on the analysis of regulations governing public–private partnerships in the Republic

of Bashkortostan, we can conclude that there is a positive dynamics in the development of this area in the region. The level of development and structure of legislation contributes to the transparency and efficiency of interaction between the state and business. However, to further strengthen public–private partnerships, continuous improvement of the regulatory framework and adaptation to changing conditions is necessary.

Keywords: state, public–private partnership, regulations, law, legislation, private sector, Russian Federation, Republic of Bashkortostan.

References

1. Government Decree No. 624 of the Republic of Bashkortostan dated December 20, 2018 "Strategy for the socio–economic development of the Republic of Bashkortostan for the period until 2023" Official Internet portal of legal information of the Republic of Bashkortostan PPP. – URL: <http://npa.bashkortostan.ru>
2. Law of June 17, 2016 No. 386-z "On the participation of the Republic of Bashkortostan in public–private partnership projects" adopted on June 16, 2016 by the State Assembly – Kurultai of the Republic of Bashkortostan. Official Internet portal of legal information of the Republic of Bashkortostan, 06.21.2016 [Electronic resource]. – URL: <https://npa.bashkortostan.ru> (access date: 12/23/2023).
3. On the investment fund of the Republic of Bashkortostan: law of the Republic of Bashkortostan dated July 1, 2013 No. 701-z // Gaz. Rep. Bashkortostan. – 2013. – No. 129(27864).
4. On investment activities in the Republic of Bashkortostan, carried out in the form of capital investments: Law of the Republic of Bashkortostan dated December 24, 2010 No. 339-z // Gaz. Rep. Bashkortostan. – 2010. – No. 247(27232).
5. Decree of the Government of the Republic of Bashkortostan dated July 14, 2016 No. 287 "On approval of the state program "Economic and investment development of the Republic of Bashkortostan". Official Internet portal of legal information of the Republic of Bashkortostan, 07/15/2016 [Electronic resource]. – URL: <https://npa.bashkortostan.ru> (access date: 12/23/2023).
6. Decree of the Government of the Republic of Bashkortostan dated August 19, 2011 No. 292 "On the procedure for considering and supporting priority investment projects of the Republic of Bashkortostan." "Gazette of the State Assembly – Kurultai, President and Government of the Republic of Bashkortostan", 10/03/2011, No. 19(361), art. 1483.
7. Decree of the Government of the Republic of Bashkortostan dated August 16, 2016 No. 336 "On the Procedure for interdepartmental interaction in the preparation and implementation of public–private partnership projects in the Republic of Bashkortostan." Official Internet portal of legal information of the Republic of Bashkortostan, 08.18.2016 [Electronic resource]. – URL: <https://npa.bashkortostan.ru> (access date: 12/23/2023).
8. Decree of the Government of the Republic of Bashkortostan dated 02.21.2017 No. 56 "On approval of regulatory legal acts for the purpose of implementing the Federal Law "On Concession Agreements" on the territory of the Republic of Bashkortostan." Official Internet portal of legal information of the Republic of Bashkortostan, 02/27/2017 [Electronic resource]. – URL: <https://npa.bashkortostan.ru> (access date: 12/23/2023).
9. Decree of the Government of the Republic of Bashkortostan dated March 23, 2017 No. 103 "On approval of the Regulations on the Interdepartmental Commission for the preparation and implementation of investment projects on the terms of public–private partnership." Official Internet portal of legal information of the Republic of Bashkortostan, 03.24.2017 [Electronic resource]. – URL: <https://npa.bashkortostan.ru> (access date: 12/23/2023).
10. Resolution of the Government of the Republic of Bashkortostan dated August 13, 2012 No. 289 "On approval of the procedure for financing investment projects implemented using budgetary allocations of the Investment Fund of the Republic of Bashkortostan." Electronic fund of legal and regulatory technical documents [Electronic resource]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/935123712/titles/51AUN3> (access date: 12/23/2023).
11. Order of the Ministry of Economic Development of the Republic of Bashkortostan dated 03/05/2012 No. 40 "On approval of the Methodology for calculating indicators of absolute and relative financial stability, which must be met by commercial organizations wishing to participate in the implementation of projects using budgetary allocations of the Investment Fund of the Republic of

Bashkortostan. Electronic fund of legal and regulatory technical documents [Electronic resource]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/463507689?section=status> (access date: 12/23/2023).

12. Investment portal of the Republic of Bashkortostan. In Bashkortostan, more than 100 preferential lease agreements for state property were concluded in 2023 [Electronic resource]. – URL: [https://www.investrb.ru/ru/press-center/news/v-bashko-](https://www.investrb.ru/ru/press-center/news/v-bashko-rtostane-v-2023-godu-zaklyucheno-bol-ee-100-lgotnykh-dogovorov-arendy-gosimushchestva/)

[rtostane-v-2023-godu-zaklyucheno-bol-ee-100-lgotnykh-dogovorov-arendy-gosimushchestva/](https://docs.cntd.ru/document/463507689?section=status) (access date: 10.04.2024).

13. Investment portal of the Republic of Bashkortostan. Objects implemented on the principles of PPP and concession agreements. 39 projects are being implemented in the republic using the PPP mechanism [Electronic resource]. – URL: <https://investrb.ru/ru/bashkortostan/potential/gchp/> (date of access: 02.21.2024).

Технологии социально ориентированного управления сферой физической культуры и спорта: обобщение международного опыта

Чиндоти Спинкс,

аспирант, Российский государственный социальный университет

E-mail: chindotis35@gmail.com

В статье рассматриваются теоретические основы и зарубежный опыт применения технологий социально ориентированного управления в сфере физической культуры и спорта. Автор анализирует особенности управления спортивной сферой в США, Великобритании и Германии, выделяя роль государства, общественных организаций и частного сектора в развитии массового и профессионального спорта. В работе отмечаются успешные примеры реализации социально ориентированных программ и инициатив, направленных на вовлечение различных категорий населения в занятия спортом и физической активностью. Автор также рассматривает текущую ситуацию и проблемы управления спортивной сферой в России и предлагает перспективные направления адаптации зарубежного опыта с учетом национальных особенностей и возможных барьеров. В заключении подчеркивается важность селективного и творческого подхода к внедрению лучших международных практик управления физической культурой и спортом в России.

Ключевые слова: физическая культура и спорт, социально ориентированное управление, зарубежный опыт, массовый спорт, спорт высших достижений, адаптация.

Физическая культура и спорт являются важнейшими составляющими здорового образа жизни, инструментами укрепления здоровья нации и социальной политики государства. Спорт способствует гармоничному развитию личности, социализации и самореализации человека, выступает эффективным средством профилактики негативных социальных явлений. Кроме того, спортивная отрасль вносит значимый вклад в экономику, являясь катализатором развития многих сопутствующих сфер – от производства спортивных товаров до спортивного туризма.

В то же время, развитие физической культуры и спорта в современном мире сталкивается с рядом серьезных проблем и противоречий [7]. К ним относятся недостаточный уровень вовлеченности населения в занятия спортом, особенно среди социально уязвимых групп, неравномерность развития спортивной инфраструктуры, дефицит квалифицированных кадров, низкая эффективность управления и финансирования спорта и др.

В рамках социально ориентированного подхода государство должно обеспечивать условия для развития массового спорта, поддерживать спорт высших достижений, содействовать развитию спортивной инфраструктуры и материально-технической базы, а также осуществлять меры по популяризации здорового образа жизни среди населения.

Вместе с тем, важную роль в управлении спортивной сферой играют общественные организации, такие как спортивные федерации, ассоциации, клубы и другие институты гражданского общества. Они выступают связующим звеном между государством и гражданами, представляя интересы различных групп населения и обеспечивая их вовлечение в занятия физической культурой и спортом. Общественные организации уча-

ствуют в разработке и реализации спортивных программ и проектов, осуществляют подготовку спортивного резерва, организуют соревнования и другие массовые мероприятия.

Эффективное взаимодействие государства и общественных организаций является ключевым условием успешной реализации социально ориентированной политики в сфере физической культуры и спорта. Государство должно создавать благоприятные условия для развития общественных инициатив, оказывать поддержку деятельности спортивных организаций, в том числе через механизмы государственно-частного партнерства. В свою очередь, общественные организации должны активно участвовать в диалоге с государством, представлять интересы различных социальных групп и содействовать реализации государственной политики в спортивной сфере.

Таким образом, теоретические основы социально ориентированного управления сферой физической культуры и спорта предполагают ориентацию на интересы и потребности общества, учет особенностей управления спортивной сферой, а также активное взаимодействие государства и общественных организаций в развитии данной области. Применение социально ориентированного подхода позволяет обеспечить доступность занятий физической культурой и спортом для различных категорий населения, способствует развитию массового и профессионального спорта, а также популяризации здорового образа жизни в обществе. Рассмотрим зарубежный опыт управления физической культуры и спорта.

Соединенные Штаты Америки имеют богатый опыт применения технологий социально ориентированного управления в сфере физической культуры и спорта. Особенностью американской модели является активное участие негосударственных организаций, таких как спортивные ассоциации, частные фонды и корпорации, в развитии и популяризации спорта.

Одним из приоритетных направлений социально ориентированной полити-

ки в сфере спорта в США является развитие массового спорта и вовлечение различных категорий населения в занятия физической активностью. Для достижения этих целей реализуется ряд программ и инициатив на федеральном, региональном и местном уровнях.

Примером успешной программы развития массового спорта является инициатива «Let's Move!», запущенная в 2010 году при поддержке первой леди Мишель Обамы. Цель программы – борьба с детским ожирением и продвижение здорового образа жизни среди молодежи. В рамках «Let's Move!» были реализованы такие меры, как улучшение качества питания в школах, увеличение физической активности учащихся, создание доступных спортивных площадок и парков, а также проведение информационных кампаний о пользе здорового образа жизни [3, с. 217].

Другой пример – программа «Sports for All» Американского легкоатлетического союза (AAU), которая направлена на привлечение детей и подростков к занятиям различными видами спорта вне зависимости от их способностей и финансовых возможностей семьи. AAU организует доступные спортивные лиги, клиники и турниры по таким видам спорта, как баскетбол, волейбол, гимнастика, плавание и другие [4, с. 14].

Наряду с развитием массового спорта, в США большое внимание уделяется поддержке профессионального спорта и спорта высших достижений. Профессиональный спорт в Соединенных Штатах имеет значительное социальное и экономическое влияние, выступая важной частью национальной культуры и идентичности.

Одним из механизмов поддержки профессионального спорта является система драфта в игровых видах спорта, таких как баскетбол, футбол и хоккей. Драфт представляет собой ежегодную процедуру выбора клубами новых игроков из числа выпускников колледжей и университетов. Такая система обеспечивает равные возможности для молодых спортсменов и способствует поддержанию конкурентного баланса между командами.

Важную роль в развитии профессионального спорта играют также спортивные лиги и ассоциации, такие как Национальная баскетбольная ассоциация (НБА), Национальная футбольная лига (НФЛ), Главная лига бейсбола (МЛБ) и другие. Эти организации устанавливают правила проведения соревнований, осуществляют маркетинговую и медийную деятельность, а также реализуют социальные и благотворительные программы [5, с. 64].

Например, НБА совместно с Ассоциацией игроков НБА реализует программу «NBA Cares», направленную на поддержку образования, здравоохранения и социальной инклюзии в общинах по всему миру. В рамках программы баскетболисты и команды НБА участвуют в благотворительных акциях, посещают школы и больницы, а также жертвуют средства на социальные нужды [4, с. 74].

Великобритания демонстрирует успешный пример применения социально ориентированного подхода к управлению сферой физической культуры и спорта. Особенностью британской модели является тесное сотрудничество государственных органов с общественными организациями и частным сектором в развитии спортивной инфраструктуры и популяризации здорового образа жизни.

В 2015 году правительство Великобритании приняло стратегию развития спорта и физической активности «Sporting Future: A New Strategy for an Active Nation». Стратегия определяет приоритеты государственной политики в области спорта на период до 2020 года и далее [4, с. 113].

Ключевыми целями стратегии являются увеличение числа людей, регулярно занимающихся спортом и физической активностью, развитие спортивной инфраструктуры, поддержка талантливых спортсменов и продвижение ценностей спорта в обществе. Для достижения этих целей предусмотрен ряд мер, включая инвестиции в строительство и модернизацию спортивных объектов, поддержку местных спортивных клубов и организаций, внедрение программ физического

воспитания в школах, а также проведение информационных кампаний о пользе активного образа жизни.

Важную роль в реализации стратегии играет организация «Sport England» – неправительственный орган, отвечающий за развитие массового спорта в Англии. «Sport England» осуществляет финансирование и поддержку местных спортивных организаций, реализует программы по вовлечению различных групп населения в занятия физической активностью, а также проводит исследования и мониторинг в области спорта [3, с. 175].

Общественные организации играют важную роль в популяризации спорта и физической активности в Великобритании. Они выступают связующим звеном между государством и гражданами, обеспечивая доступность спортивных занятий и мероприятий для различных слоев населения.

Одной из крупнейших общественных организаций в сфере спорта является Национальная ассоциация спортивных и рекреационных центров (NAERSC). Ассоциация объединяет более 1000 спортивных и оздоровительных центров по всей стране, предоставляющих широкий спектр услуг для населения, включая занятия различными видами спорта, фитнес–программы, плавание и другие активности [3, с. 215].

NAERSC реализует ряд социально ориентированных проектов, направленных на вовлечение в спорт людей с ограниченными возможностями, представителей этнических меньшинств, пожилых людей и других групп населения. Например, программа «Inclusive Fitness» предусматривает адаптацию спортивных центров для нужд людей с инвалидностью, обучение персонала и предоставление специализированного оборудования [6, с. 256].

Другой пример – инициатива «This Girl Can», запущенная организацией «Sport England» в 2015 году с целью преодоления гендерного разрыва в занятиях спортом. Кампания направлена на вдохновение и поддержку женщин всех возрастов и физических возможностей к занятиям спортом и физической

активностью. «This Girl Can» использует реальные истории и образы женщин, занимающихся спортом, чтобы разрушить стереотипы и барьеры, препятствующие участию женщин в спортивных активностях [1, с. 7].

Германия обладает развитой системой управления сферой физической культуры и спорта, основанной на принципах децентрализации, субсидиарности и вовлечения гражданского общества. Немецкая модель характеризуется наличием разветвленной сети спортивных клубов и организаций, играющих ключевую роль в развитии массового спорта.

Спортивные клубы являются основой массового спорта в Германии. По данным Немецкой олимпийской спортивной конфедерации (DOSB), в стране насчитывается около 90 000 спортивных клубов, объединяющих более 27 миллионов человек [6, с. 258]. Клубы предлагают широкий выбор спортивных и оздоровительных программ для людей всех возрастов и уровней подготовки.

Особенностью немецких спортивных клубов является их некоммерческий характер и демократическая структура управления. Клубы финансируются за счет членских взносов, спонсорской поддержки и государственных субсидий. Они управляются выборными органами из числа членов клуба и работают на добровольных началах.

Спортивные клубы выполняют важные социальные функции, предоставляя возможности для общения, интеграции и социализации. Они способствуют укреплению местных сообществ, продвижению ценностей «fair play» и волонтерства. Многие клубы реализуют программы для людей с ограниченными возможностями, мигрантов и представителей различных социальных групп.

Наряду с развитием массового спорта, Германия уделяет большое внимание поддержке спорта высших достижений. Немецкие спортсмены традиционно добиваются высоких результатов на международных соревнованиях, включая Олимпийские игры.

Ключевую роль в развитии спорта высших достижений играет Министер-

ство внутренних дел Германии, которое отвечает за финансирование и координацию спортивной подготовки. Министерство осуществляет поддержку национальных сборных команд, федеральных тренировочных центров, а также научно-исследовательской деятельности в области спорта.

Важным элементом системы подготовки спортсменов высокого уровня являются элитные спортивные школы и университеты, которые обеспечивают сочетание академического образования и спортивной подготовки. Например, Немецкий спортивный университет в Кельне (DSHS) предлагает программы бакалавриата и магистратуры в области спортивных наук, тренерской работы и спортивного менеджмента, а также располагает современной спортивной инфраструктурой.

Для поддержки спортсменов действует система спортивных стипендий и грантов, которые предоставляются Немецкой спортивной помощью (Deutsche Sporthilfe) – независимой организацией, финансируемой за счет частных пожертвований и государственных субсидий. Стипендии покрывают расходы на обучение, проживание, питание и медицинское обслуживание спортсменов [4, с. 37].

Анализ зарубежного опыта применения технологий социально ориентированного управления в сфере физической культуры и спорта показывает, что многие страны успешно реализуют стратегии и программы, направленные на развитие массового спорта, поддержку спорта высших достижений и популяризацию здорового образа жизни. Адаптация лучших зарубежных практик может способствовать совершенствованию управления спортивной сферой в России, учитывая национальные особенности и текущую ситуацию.

Существует ряд проблем и вызовов в управлении спортивной сферой в России, так, одной из ключевых проблем является недостаточное финансирование массового спорта и спортивной инфраструктуры на региональном и местном уровнях. Большая часть государствен-

ных расходов на спорт направляется на поддержку спорта высших достижений и проведение крупных международных соревнований, в то время как развитие массового спорта и физкультурно-оздоровительной работы по месту жительства остается недофинансированным.

Другой проблемой является неравномерность развития спортивной инфраструктуры и доступности занятий спортом в разных регионах России. Если в крупных городах и экономически развитых регионах существует достаточно возможностей для занятий различными видами спорта, то в малых городах и сельской местности ощущается нехватка современных спортивных объектов и квалифицированных тренерских кадров.

Кроме того, существуют проблемы в координации деятельности различных субъектов управления спортивной сферой – федеральных, региональных и местных органов власти, общественных организаций и коммерческих структур. Зачастую отсутствует единая стратегия развития физической культуры и спорта, что приводит к дублированию функций и нерациональному расходованию ресурсов.

Анализ зарубежного опыта позволяет выделить несколько перспективных направлений для адаптации технологий социально ориентированного управления в сфере физической культуры и спорта в России.

Во-первых, целесообразно использовать опыт США и Великобритании по развитию партнерства между государством, общественными организациями и коммерческим сектором в развитии массового спорта. Привлечение бизнеса к финансированию и реализации спортивных проектов, в том числе через механизмы государственно-частного партнерства, может способствовать преодолению дефицита ресурсов и повышению доступности спортивной инфраструктуры.

Во-вторых, представляется перспективным внедрение элементов немецкой модели управления спортивной сферой, основанной на развитой сети спортивных клубов. Поддержка и стимули-

рование развития спортивных клубов на местном уровне, особенно в малых городах и сельской местности, может способствовать вовлечению различных категорий населения в занятия спортом и физической активностью.

В-третьих, важно использовать зарубежный опыт в области информационных кампаний и социальной рекламы, направленных на продвижение ценностей здорового образа жизни и занятий спортом. Активное использование современных медиа, социальных сетей и технологий геймификации может повысить эффективность коммуникации с различными целевыми аудиториями, особенно с молодежью.

Наконец, необходимо развивать международное сотрудничество и обмен лучшими практиками в сфере управления физической культурой и спортом. Участие российских специалистов в международных форумах, конференциях и образовательных программах может способствовать трансферу передовых технологий и адаптации зарубежного опыта к российским условиям.

Несмотря на перспективность внедрения зарубежных технологий социально ориентированного управления в сфере физической культуры и спорта в России, существует ряд потенциальных барьеров и ограничений, которые необходимо учитывать.

Одним из ключевых барьеров является недостаточная развитость институтов гражданского общества и социального партнерства в России. В отличие от многих западных стран, где общественные организации и волонтерские движения играют важную роль в развитии массового спорта, в России уровень вовлеченности граждан в социальную активность остается относительно низким [2, с. 225]. Это может затруднять реализацию партнерских проектов между государством и общественным сектором в спортивной сфере.

Другим потенциальным ограничением является различие в менталитете и культурных традициях между Россией и зарубежными странами. Например, если в США и Европе занятия спортом и физической активностью рассматри-

ваются как неотъемлемая часть здорового образа жизни и социальной нормы, то в России отношение к спорту носит более прагматичный характер и зачастую связано с достижением конкретных результатов (похудение, укрепление здоровья, самооборона и т.д.). Это может требовать адаптации зарубежных подходов к продвижению спорта и физической активности с учетом российских социокультурных особенностей.

Кроме того, адаптация зарубежного опыта может осложняться ограниченностью финансовых и материально-технических ресурсов, особенно на региональном и местном уровнях. Внедрение инновационных технологий и подходов к управлению спортивной сферой требует значительных инвестиций в инфраструктуру, подготовку кадров и информационное обеспечение, что может быть сложно реализовать в условиях дефицита бюджетных средств.

Наконец, существуют риски, связанные с возможным сопротивлением внедрению зарубежного опыта со стороны некоторых субъектов управления спортивной сферой, заинтересованных в сохранении статус-кво. Например, руководители спортивных федераций или региональных органов власти могут опасаться потери контроля над финансовыми потоками и принятием решений в случае перехода к более децентрализованной и партнерской модели управления.

Для преодоления указанных барьеров и ограничений необходима последовательная и системная работа по созданию благоприятных условий для адаптации зарубежного опыта в сфере управления физической культурой и спортом. Это предполагает совершенствование нормативно-правовой базы, развитие институтов гражданского общества, повышение эффективности бюджетных расходов на спорт, а также формирование позитивного общественного мнения в отношении занятий спортом и физической активностью.

Важную роль в этом процессе могут сыграть пилотные проекты по внедрению зарубежных технологий социально ориентированного управления в отдель-

ных регионах или муниципалитетах России. Успешная реализация таких проектов позволит отработать механизмы адаптации зарубежного опыта к российским условиям, оценить их эффективность и тиражировать лучшие практики на другие территории.

В заключение следует отметить, что адаптация зарубежного опыта в сфере управления физической культурой и спортом в России должна носить селективный и творческий характер. Речь идет не о механическом копировании зарубежных моделей, а о разумном сочетании лучших международных практик с национальными особенностями и традициями. Только такой подход может обеспечить устойчивое развитие спортивной сферы и повышение качества жизни российских граждан за счет вовлечения в занятия спортом и физической активностью.

Литература

1. Бабанов А.А. Сравнительный анализ социальной эффективности различных механизмов управления сферой физической культуры и спорта / А.А. Бабанов, Ю.А. Зубарев // Парадигмы управления, экономики и права. 2023. № 3(9). С. 7–13. EDN ZFTLTJ.
2. Григорьева В.В. Особенности и приоритеты развития инфраструктуры массового спорта / В.В. Григорьева, Н.В. Андреев, К.К. Поздняков // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2021. № 10–3. С. 225–230. DOI 10.17513/vaael.1911. – EDN AJF-NIE.
3. Долматова Т.В. Государственное управление в сфере физической культуры и массового спорта за рубежом / Т.В. Долматова. – Москва: Федеральный научный центр физической культуры и спорта, 2020. – 480 с. – ISBN 978-5-94634-063-2. EDN MHTEWG.
4. Долматова Т.В. Государственное управление в сфере физической культуры и спорта за рубежом на примере Великобритании / Т.В. Долматова, А.Г. Абалян, А.А. Анцелиович. –

Смоленск: Принт–Экспресс, 2019. – 136 с. ISBN 978-5-91812-154-2. EDN ZXPVJW.

5. Енченко И.В. Тенденции мирового спорта: развитие услуг физической культуры и спорта в России и за рубежом: Учебное пособие для вузов / И.В. Енченко. – Санкт-Петербург: Лань, 2022. – 88 с. ISBN 978-5-507-44806-7. EDN SMJGBE.
6. Маркова А.С. Аспекты государственного управления в сфере физической культуры и спорта в ряде зарубежных стран / А.С. Маркова // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2022. № 7(209). С. 256–262. DOI 10.34835/issn.2308–1961.2022.7.p. 256–262. EDN NVJHYI.
7. Симашенков П.Д. Сравнительный анализ системы управления сферой физической культуры и спорта в Российской Федерации и за рубежом / П.Д. Симашенков, А.В. Буков // Вестник Международного института рынка. 2019. № 1. С. 97–102. EDN LAXHGQ.

TECHNOLOGIES FOR SOCIALLY ORIENTED MANAGEMENT OF THE SPHERE OF PHYSICAL CULTURE AND SPORTS: GENERALIZATION OF INTERNATIONAL EXPERIENCE

Chindoti Spinks

Russian State Social University

The article examines the theoretical foundations and foreign experience in the application of socially oriented management technologies in the field of physical culture and sports. The author analyzes the features of sports management in the USA, Great Britain and Germany, highlighting the role of the state, public organizations and the private sector in the development of mass and professional sports. The paper highlights successful examples of the implementation of socially oriented programs and initiatives aimed at involving various categories of the population in sports and physical activity. The author also examines the current situation and problems of sports management in Russia and suggests promising areas for adapting foreign experience, taking into account national characteristics and possible barriers. In conclusion, the importance of a selective and creative approach to the im-

plementation of the best international practices of physical culture and sports management in Russia is emphasized.

Keywords: physical culture and sports, socially oriented management, foreign experience, mass sports, sports of higher achievements, adaptation.

References

1. Babanov A.A. Comparative analysis of the social effectiveness of various mechanisms for managing the sphere of physical culture and sports / A.A. Babanov, Yu.A. Zubarev // Paradigms of management, economics and law. 2023. No. 3(9). pp. 7–13. EDN ZFTLTJ.
2. Grigorieva V.V. Features and priorities for the development of mass sports infrastructure / V.V. Grigorieva, N.V. Andreev, K.K. Pozdnyakov // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. 2021. No. 10–3. pp. 225–230. DOI 10.17513/vaael.1911. – EDN AJFNIE.
3. Dolmatova T.V. Public administration in the field of physical culture and mass sports abroad / T.V. Dolmatova. – Moscow: Federal Scientific Center for Physical Culture and Sports, 2020. – 480 p. – ISBN 978-5-94634-063-2. EDN MHTEWG.
4. Dolmatova T.V. Public administration in the field of physical culture and sports abroad using the example of Great Britain / T.V. Dolmatova, A.G. Abalyan, A.A. Antseliovich. – Smolensk: Print–Express, 2019. – 136 p. ISBN 978-5-91812-154-2. EDN ZX-PVJW.
5. Enchenko I.V. Trends in world sports: development of physical culture and sports services in Russia and abroad: Textbook for universities / I.V. Enchenko. – St. Petersburg: Lan, 2022. – 88 p. ISBN 978-5-507-44806-7. EDN SMJGBE.
6. Markova A.S. Aspects of public administration in the field of physical culture and sports in a number of foreign countries / A.S. Markova // Scientific notes of the University. P.F. Lesgafta. 2022. No. 7(209). pp. 256–262. DOI 10.34835/issn.2308–1961.2022.7.p. 256–262. EDN NVJHYI.
7. Simashenkov P.D. Comparative analysis of the management system for the sphere of physical culture and sports in the Russian Federation and abroad / P.D. Simashenkov, A.V. Bukov // Bulletin of the International Market Institute. 2019. No. 1. P. 97–102. EDN LAXHGQ.

Труд в ценностной палитре современной России

Баев Павел Анатольевич,

к.с.н., доцент, доцент кафедры социологии
и психологии, Байкальский государственный
университет экономики и права
E-mail: bayev.pa@mail.ru

Зимина Екатерина Викторовна,

к.с.н., доцент, зав. кафедрой социологии
и психологии, Байкальский государственный
университет экономики и права
E-mail: ziminaev@bgu.ru

В статье показывается изменение роли и места труда в структуре ценностей современников. Рассматриваются теоретические основы изучения роли труда в жизни человека, а также приводятся результаты исследования, проведенного в сибирских городах в виде онлайн опроса (n = 1500), позволяющие судить о новых смыслах трудовой реализации, возможных перспективах трудового потенциала современников. В анализе результатов обозначаются важные показатели изменения значимости пола (в виде размывания гендерного разделения трудовых условий), и возраста (в виде трансформации профессиональных пиков, стратегий и условий развития) в построении трудовой карьеры, меняются образы трудовой успешности и нарушаются традиции семейной преемственности профессиональной реализации. Выделяются факторы развития трудовой трансформации (социокультурный, социально-психологический, образовательный, мировоззренческий) и последствия их активизации для человека и общества. Делаются выводы об изменении труда как базовой категории функционирования общества и социального воспроизводства в условиях нового виртуального мира. И последующем изменении человека как человека трудящегося и общества, моделирующего свое настоящее и будущее с позиции новых смыслов трудовой активности, профессиональной реализации и социального положения в обществе человека трудящегося.

Ключевые слова: труд, ценности, молодежь, современная молодежь, трансформация ценностей, отношение к труду.

«Труд сделал из обезьяны человека» (Ф. Энгельс) – метафорично, но вполне соответствует пониманию того, что благодаря трудовой деятельности человек встраивается в социальную структуру общества, становится профессионалом своего дела, получает общественное признание и поддержку. Поэтому мы можем говорить о том, что труд помогает человеку найти свое место в жизни, определить сферу и форму реализации и общественного служения.

Мотивация к труду становится инструментом понимания всей ценностной структуры личности, позволяет прогнозировать этапы и особенности развития трудовой деятельности. А также определяет, какие приоритеты в профессиональной деятельности будут значимыми и весомыми показателями социальной успешности.

Мы не будем детально рассматривать классические типологии мотивации (внешней и внутренней: формирующейся в результате взаимодействия с внешней средой и желания получить от окружения поддержки, а от начальства материального и социального поощрения или внутренних процессов выбора себя как личности и ориентиров значимости самой работы или удовольствия от самого процесса ее выполнения). Во многих работах прослеживается линия взаимосвязи трудовой мотивации и самой профессиональной деятельности, специальности и специализации работы, уровня удовлетворенности трудом, лояльности к организации, а также возможных вознаграждений в будущем [12, 23]. Для профессиональной деятельности связанной с управленческой или в целом интеллектуальной деятельностью более важна внутренняя мотивация, а для технической сферы или технической работы внешняя [7–9]. В целом, трудовые ценности – это предпочтения в качестве, сфере и форме трудовой деятельности [15, 20]. В исследованиях это изучается через приоритетность важных блоков профессиональной деятельности [16, 21].

Ряд коллег, проводивших исследования молодежи и студентов выявили, что именно «хорошая оплата труда» и «хороший коллектив» становятся приоритетными условиями для трудовой мотивации. В силу того, что молодые люди не столь уверены в будущем, поэтому важны материальные аспекты жизни, а хороший коллектив способствует максимальному раскрытию своих способностей [10, 12]. Теоретически, мы согласны с данными утверждениями, но на практике, особенно после пандемии COVID-19, под влиянием виртуализации обучения и работы трудовые ориентиры существенно изменились. Значимость коллектива уходит на второй план и возможности заработка становятся более многовариантными, поэтому ориентир на то, что необходимо удержаться на одном месте работы становится все более абстрактным. Количество тех, кто ориентирован на творческую и креативную реализацию в профессиональной деятельности значительно растет (не в ущерб экономической обеспеченности) [17, 18] или же гендерных вопросов трудовой реализации [11, 19]. Более того, внешние условия реализации социальных, экономических и в конечном счете трудовых перспектив становятся зависимыми от процессов, происходящих в обществе [2, 3, 4, 5, 7, 8, 13, 14]. Другие коллеги делали акцент на ценностные ориентиры молодых людей, где трудовая мотивация занимает одно из значимых мест, но не выступает первостепенной [5, 22].

Поэтому, трудовые ценности и мотивация трудовой деятельности становятся полем неоднозначности смыслов и контекстов интерпретации, что требует особого внимания и дополнительных фокусов изучения (внешних факторов, способствующих этим переменам или внутренним, основанных на личном выборе и самоопределении).

Особенности исследования

Целью нашей работы стало выявление места труда и трудовой мотивации в ценностной палитре современников. Мы не стремились найти общую типологию

мотивов труда в современном обществе, но хотели показать векторы трансформации трудовой активности современников, общие изменения в ценностях и как следствие – новый формат, опыт и условия мотивации труда современных россиян.

Наше исследование проводилось через онлайн-опрос. В нем приняло участие 1500 россиян, проживающих, обучающихся и/или работающих в таких городах как Иркутск, Красноярск, Улан-Удэ, Новосибирск и Томск (по 300 человек из каждого города); из них 58% женщин и 42% мужчин в возрасте от 18 до 65 лет. Погрешность выборки составила 3,2 процента.

Результаты исследования

Экономические притязания являются значимым фактором профессионального роста (54%), на втором месте социальная успешность и карьера (47%), саморазвитие (39%), полезность обществу (35%), значимость коммуникации (29%), возможность обучаться новому (24%), стабильность работы (12%). Гендерное распределение не имеет четких ориентиров, т.е. и девушки и юноши выбирали примерно в равной мере одни и те же важные критерии для успешной трудовой деятельности.

Также, делая выбор между личным карьерными стратегиями и служением стране – предпочтение отдается первому (78% и 22% соответственно); между личными интересами и общественным одобрением распределение схожее (77% и 23% соответственно); высокий заработок и хороший коллектив (67% и 33% соответственно); соотношение между надежностью и стабильностью и креативностью не столь однозначное (52% и 48% соответственно); следование традициям и стандартам и формирование авторского подхода и видения (46% и 54% соответственно).

При анализе значимых показателей трудовых ценностей нами выявляется несколько групп факторов, определяющих формы и векторы развития трудовой мотивации и ценностных ориентиров в трудовой сфере, при описании 68,6% общей дисперсии (табл. 1).

Таблица 1. Факторы трудовых ценностей молодежи

Фактор	Переменные	Коэффициент
Социокультурный. Вес фактора – 8,6. Объяснительная дисперсия – 17,1%	Отношения в коллективе должны быть добрыми	0,759
	Преемственность опыта поколений	0,744
	Труд – общее благо	0,632
Социально-психологический. Вес фактора – 16,6. Объяснительная дисперсия – 18,9%	В любой деятельности стоит опираться на коллектив	0,714
	Роль руководителя определяет то, как замотивированы его сотрудники	0,686
	Труд это способ проявить себя	0,635
Образовательный. Вес фактора – 10,1. Объяснительная дисперсия – 21,4%	В процессе трудовой деятельности человек развивается	0,672
	Знания, примененные на практике, преумножаются	0,666
	Обучение через всю жизнь – залог востребованности в любом возрасте	0,528
Мировоззренческий. Вес фактора – 12,2. Объяснительная дисперсия – 11,2%	Новые условия жизни – новые возможности для труда	0,577
	Виртуальный мир расширяет возможности трудовой деятельности	0,538
	В труде нет ограничений, есть только возможности	0,524

Социокультурный позволяет фиксировать сложившиеся исторически нормы восприятия труда. Он раскрывает ценности в трудовой деятельности как результат их развития в конкретный исторический период.

Социально-психологический показывает роль психологических условий в развитии мировоззренческих условий отношения к труду в разных возрастных и гендерных группах. Он предполагает проявление как внешней, так и внутренней мотивации к трудовой деятельности.

Образовательный показывает механизмы развития и воспитания человека в процессе трудовой деятельности и как это меняется в современных условиях.

Мировоззренческий показывает опыт эволюции сознания людей для адаптации к новым реалиям социального развития, включая морально-этическую адаптацию к новым условиям и формам профессиональной реализации.

Обсуждение результатов исследования

В литературе выделяются разные факторы, влияющие на формирование трудовых ценностей и мотиваций. Традиционно считается, что пол выступает той переменной, которая позволяет обозна-

чить большую значимость внешних мотив трудовой деятельности для мужчин (карьера, конкуренция, высокая зарплата), а внутреннюю для женщин (хороший коллектив, вовлеченность в социальные проекты) [25].

Полученные данные позволяют обозначить новые тенденции ценностного социально-трудового контекста реализации. Появляется все больше мужчин, ориентированных на творческий поиск, самореализацию, публичность и социальное служение, что выявляет их ориентацию на внутренние ценности. Также среди женщин все больше тех, кто ориентирован на карьеру, социальную реализацию в традиционно мужских сферах или через использование мужских стратегий поведения для конкуренции и карьеры. Соответственно, традиционное разделение, что мужчины ориентированы только на карьеру (индивидуалистические ценности), а женщины на общение и общественную пользу (коллективистские ценности) претерпевает смысловые и фактические трансформации.

Также достаточно регулярно указывается возраст – как показатель изменения трудовых ценностей и мотивов трудовой деятельности. В младшем возрасте больше тех, кто ценит внутренние

мотивы и ориентиры, чем старше становится (в связи с приобретением новых социальных ролей (мужа/жены, родителей, руководителя и проч.) происходит переключение на внешние ценности [1, 24].

Исследование также выявило размытие возрастных закономерностей. И в более старшем возрасте сохраняются ориентиры на внутренние критерии, так же, как и в младшем появляется более значимое количество тех молодых людей, что хотели бы прямо сейчас построить карьеру и заработать денег, не откладывая это на более старший возраст. Возможно, это следствие такого явления как кидалт (взрослый ребенок), когда юношеские порывы и мотивы сохраняются в более старшем возрасте. А также результат социальной активности и образа успешности, что предлагают нам блогеры и участники различных стартапов, которые быстро и без проблем разбогатели, построили свою концепцию бизнеса и жизни и транслируют это через различные социальные сети.

Трудовые ценности и мотивация к труду меняются не потому, что кто-то так решил – по-новому думать и действовать, а потому что увидел новые социально успешные ориентиры трудовой деятельности, которые отличаются от классического варианта трудовой жизни (с 9 до 17 часов каждый день, 5 дней в неделю). Виртуализация позволила сместить образы успешности, профессиональной реализации и самореализации – в результате мы можем констатировать новые ценностные смыслы трудовой сферы и новую структуру трудовой мотивации. Становится более приемлемым и понятным удаленная занятость, работа на фрилансе, что меняет представление о трудовом графике, о вознаграждении и формальном итоге профессиональной реализации.

В литературе, родительской семье придается особое значение, так как предполагается, что семейные ценности, в том числе касающиеся экономических притязаний [18] передаются детям в условиях социализации. И дети перебирают стратегии экономического по-

ведения и профессионального развития от родителей.

Современные молодые люди все чаще отрываются от экономических рамок и профессиональных ориентиров родителей. Частично это обусловлено влиянием массовой культуры и трансляции образов успешности, полученной не благодаря образованию, а благодаря знаниям и опыту, которые были получены в результате личного взаимодействия и социальных коммуникаций. Стратегия постепенного материального и профессионального роста, присущая нашим родителям и более старшему поколению, не работает среди молодежи – так как среди них все больше тех, кто хотел бы прямо здесь и сейчас иметь то, что имели его родители в 40–50–60 лет.

Выводы

Наше исследование позволяет утверждать, что в современном обществе, ценности трудовой деятельности начинают меняться в ряде ключевых моментов.

- Размывается гендерное разделение важности внешних и внутренних ориентиров.
- Меняются возрастные критерии и рамки социального моделирования трудовой активности (пик карьеры или значимые карьерные успехи могут происходить во все более младших возрастах).
- Трансформируется образ успешности в трудовой деятельности, отражающийся на форме и формате работы (не только обычная рабочая неделя, но и удаленная занятость становятся приоритетами развития; форма и регулярность оплаты трудовой деятельности меняется; навыки необходимые для успешной деятельности заменяются: от фундаментальных знаний к гибким стратегиям мобильной адаптации).
- Семейная преемственность передачи экономических притязаний и профессиональной реализации нарушается из-за новых образов успешности и профессионализма, транслирующихся через СМИ и сеть Интернет.

Все это позволяет говорить об изменении места и роли труда в ценностной палитре молодежи. В будущем это станет точкой отсчета для формирования личности нового типа и как следствие принципиально новой социально-трудовой структуры общественного воспроизводства.

Литература

1. Андрианова Е. В., Тарасова А. Н., Печеркина И. Ф. Мотивы и трудовые ценности молодежи: парадоксы развития // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 3. С. 324–343. – URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.3.17>.
2. Ардашев Р. Г. Виртуализация в новых смысложизненных ориентациях россиян // Глобальные и региональные воздействия в системе современных обществ. Сборник научных трудов. – Иркутск: ИГУ, 2021. – С. 130–134.
3. Ардашев Р. Г. Изменение сознания в эпоху постпандемического общества // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений. Материалы VI международной научно-практической интернет-конференции: в 2 ч. Вологодский научный центр Российской академии наук. – Вологда: Вол НЦ РАН, 2021. – С. 76–79.
4. Ардашев Р. Г. Новые смыслы в сознании молодежи: влияние виртуальности // В поисках социальной истины. Материалы III Международной научно-практической конференции. – Иркутск: ИГУ, 2021. – С. 152–156.
5. Былков В. Г. Атрибуты потребности в рабочей силе на рынке труда: межрегиональные сравнения (по материалам выборочного обследования Росстата) // Известия Байкальского государственного университета. 2022. Т. 32, № 1.
6. Евдокимова А. С. Ценностные ориентации студенческой молодежи как фактор экономической социализации личности // Психолог. 2019. № 6. С. 17–26. DOI: 10.25136/2409-8701.2019.6.31384
7. Журавлева И. А. Модернисты и традиционалисты: образовательные траектории российской молодежи // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2019. № 6. С. 31–34.
8. Журавлева И. А. Ресурсно-образовательный потенциал современной молодежи // Социология. 2020. № 1. С. 279–286.
9. Журавлёва И. А. Социальные рамки образовательных и трудовых перспектив российской молодежи // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2019. № 10. С. 264–274.
10. Кошарная Г. Б., Корж Н. В. Ценностные ориентации студенческой молодежи в трудовой сфере // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2013. № 2. С. 58–64. – URL: <https://izvuz.on.pnzgu.ru/on9213>
11. Мозулев С. Н., Санина Л. В., Шавкунова И. С. Равенство возможностей в бизнесе: гендерные вызовы и преодоление стереотипов // Baikal research journal. 2023. Т. 14. № 2. С. 536–546.
12. Пакина Т. А. Трудовые ценности и установки современных студентов (на материале социологического исследования) // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2014. № 3. С. 120–131. – URL: <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2014-0-3-120-131>
13. Полюшкевич О. А. Формальность доверия и солидарности в нестабильном мире // Социология. 2024. № 2. С. 121–127.
14. Полюшкевич О. А., Иванов Р. В., Борисова Ю. В. Представления о социальной успешности // Социодинамика. 2016. № 10. С. 37–44.
15. Поплавская А. А. Факторы формирования внутренних и внешних трудовых ценностей студентов российских вузов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 2. С. 181–206. – URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.2071>
16. Ретивина В. В. Трудовые ценности и установки современной студенче-

- ской молодёжи // Высшее образование в России. 2019. Т. 29. № 1. С. 57–63. – URL: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2019-28-1-57-63>.
17. Скуденков В.А. Трансформация жизненных целей молодежи под влиянием экономических санкций против России // Социология. 2020. № 1. С. 341–344.
 18. Скуденков В.А. Экономические притязания в условиях мобилизации // Социология. 2022. № 5. С. 80–87.
 19. Стребков Д. О., Шевчук А.В. Трудовые ценности самостоятельной и организационной занятости // Социологические исследования. 2017. № 1. С. 81–93. – URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=2624&jn=socis&jn=socis&jid=6518
 20. Терехова Т. А., Гаевская Л.Г. Система смыслообразующей активности личности в контексте метасистемного подхода // Baikal research journal. 2023. Т. 14. № 2. С. 680–689.
 21. Хаустов Д. С., Гуляева А.И. Молодежный рынок труда: проблемы социальной адаптации // Экономика и предпринимательство. 2024. № 2 (163). С. 296–300.
 22. Maloni M., Hiatt M.S., Campbell S. (2019) Understanding the Work Values of Gen Z Business Students. The International Journal of Management Education. Vol. 17. No. 3. – URL: <http://dx.doi.org/10.1016/j.ijme.2019.100320>.
 23. Ng E. S.W., Schweitzer L., Lyons S.T. (2010) New Generation, Great Expectations: A Field Study of the Millennial Generation. Journal of Business and Psychology. Vol. 25. No. 2. P. 281–292. – URL: <http://dx.doi.org/10.1007/s10869-010-9159-4>
 24. Spreitzer G. M., Cameron L., Garrett L. (2017) Alternative Work Arrangements: Two Images of the New World of Work. Annual Review of Organizational Psychology and Organizational Behavior. No. 4. P. 473–499. – URL: <http://dx.doi.org/10.1146/annurev-orgpsych-032516-113332>.
 25. Twenge J. M., Campbell S.M., Hoffman B.J., Lance C.E. (2010) Generational Differences in Work Values: Lei-

sure and Extrinsic Values Increasing, Social and Intrinsic Values Decreasing. Journal of Management. Vol. 36. No. 5. P. 1117–1142.

LABOR IN THE VALUE PALETTE OF MODERN RUSSIA

Baev P.A., Zimina E.V.

Baikal State University of Economics and Law

The article shows the changing role and place of labor in the structure of values of contemporaries. Theoretical bases of studying the role of labor in human life are considered, and the results of the research conducted in Siberian cities in the form of an online survey (n=1500) are presented, which allow to judge about new meanings of labor realization, possible prospects of labor potential of contemporaries. In the analysis of the results, important indicators of changing significance of gender (in the form of blurring of gender division of labor conventions), and age (in the form of transformation of professional peaks, strategies and conditions of development) in the construction of labor career, images of labor success are changing and traditions of family continuity of professional realization are broken. The factors of labor transformation development (socio-cultural, socio-psychological, educational, attitudinal) and the consequences of their activation for a person and society are singled out. Conclusions are drawn about the change of labor as a basic category of society functioning and social reproduction in the conditions of the new virtual world. And the subsequent change of a person as a working man and society, modeling its present and future from the position of new meanings of labor activity, professional realization and social position in society of a working man.

Keywords: labor, values, youth, modern youth, transformation of values, attitude to labor.

References

1. Andrianova E.V., Tarasova A.N., Pecherikina I.F. Motives and labor values of youth: paradoxes of development // Monitoring of public opinion: Economic and social changes. 2018. No. 3. P. 324–343. – URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.3.17>.
2. Ardashev R.G. Virtualization in new life-meaning orientations of Russians // Global and regional influences in the system of modern societies. Collection of scientific papers. – Irkutsk: ISU, 2021. – P. 130–134.
3. Ardashev R.G. Changes in consciousness in the era of post-pandemic society // Global

- challenges and regional development in the mirror of sociological measurements. Materials of the VI international scientific and practical Internet conference: at 2 o'clock. Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. – Vologda: Vol NC RAS, 2021. – pp. 76–79.
4. Ardashev R.G. New meanings in the minds of young people: the influence of virtuality // In search of social truth. Materials of the III International Scientific and Practical Conference. – Irkutsk: ISU, 2021. – pp. 152–156.
 5. Bylkov V.G. Attributes of labor demand in the labor market: interregional comparisons (based on materials from a sample survey of Rosstat) // News of the Baikal State University. 2022. T. 32, No. 1.
 6. Evdokimova A.S. Value orientations of student youth as a factor in the economic socialization of the individual // Psychologist. 2019. No. 6. pp. 17–26. DOI: 10.25136/2409-8701.2019.6.31384
 7. Zhuravleva I.A. Modernists and traditionalists: educational trajectories of Russian youth // Alma Mater (Bulletin of Higher School). 2019. No. 6. pp. 31–34.
 8. Zhuravleva I.A. Resource and educational potential of modern youth // Sociology. 2020. No. 1. pp. 279–286.
 9. Zhuravleva I.A. Social framework of educational and labor prospects for Russian youth // The problem of the relationship between the natural and the social in society and man. 2019. No. 10. pp. 264–274.
 10. Kosharnaya G. B., Korzh N.V. Value orientations of student youth in the labor sphere // News of higher educational institutions. Volga region. Social Sciences. 2013. No. 2. P. 58–64. – URL: https://izvuz_on.pnzgu.ru/on9213
 11. Mozulev S. N., Sanina L.V., Shavkunova I.S. Equality of opportunity in business: gender challenges and overcoming stereotypes // Baikal research journal. 2023. T. 14. No. 2. P. 536–546.
 12. Pakina T.A. Labor values and attitudes of modern students (based on sociological research) // Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and political science. 2014. No. 3. pp. 120–131. – URL: <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2014-0-3-120-131>
 13. Polyushkevich O.A. Formality of trust and solidarity in an unstable world // Sociology. 2024. No. 2. pp. 121–127.
 14. Polyushkevich O. A., Ivanov R.V., Borisova Yu.V. Ideas about social success // Sociodynamics. 2016. No. 10. pp. 37–44.
 15. Poplavskaya A.A. Factors in the formation of internal and external labor values of students of Russian universities // Monitoring of public opinion: economic and social changes. 2022. No. 2. pp. 181–206. – URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.2071>
 16. Retivina V.V. Labor values and attitudes of modern student youth // Higher education in Russia. 2019. T. 29. No. 1. P. 57–63. – URL: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2019-28-1-57-63>.
 17. Skudenkov V.A. Transformation of the life goals of youth under the influence of economic sanctions against Russia // Sociology. 2020. No. 1. pp. 341–344.
 18. Skudenkov V.A. Economic claims in conditions of mobilization // Sociology. 2022. No. 5. pp. 80–87.
 19. Strebkov D. O., Shevchuk A.V. Labor values of independent and organizational employment // Sociological studies. 2017. No. 1. P. 81–93. – URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=2624&jn=socis&jn=socis&jid=6518
 20. Terekhova T. A., Gaevskaya L.G. The system of meaning-forming activity of the individual in the context of the metasystem approach // Baikal research journal. 2023. T. 14. No. 2. pp. 680–689.
 21. Khaustov D.S., Gulyaeva A.I. Youth labor market: problems of social adaptation // Economics and entrepreneurship. 2024. No. 2 (163). pp. 296–300.
 22. Maloni M., Hiatt M.S., Campbell S. (2019) Understanding the Work Values of Gen Z Business Students. The International Journal of Management Education. Vol. 17.No. 3. – URL: <http://dx.doi.org/10.1016/j.ijme.2019.100320>.
 23. Ng E. S. W., Schweitzer L., Lyons S.T. (2010) New Generation, Great Expectations: A Field Study of the Millennial Generation. Journal of Business and Psychology. Vol. 25.No. 2. P. 281–292. – URL: <http://dx.doi.org/10.1007/s10869-010-9159-4>
 24. Spreitzer G. M., Cameron L., Garrett L. (2017) Alternative Work Arrangements: Two Images of the New World of Work. Annual Review of Organizational Psychology and Organizational Behavior. No. 4. P. 473–499. – URL: <http://dx.doi.org/10.1146/annurev-orgpsych-032516-113332>.
 25. Twenge J.M., Campbell S.M., Hoffman B.J., Lance C.E. (2010) Generational Differences in Work Values: Leisure and Extrinsic Values Increasing, Social and Intrinsic Values Decreasing. Journal of Management. Vol. 36.No. 5. P. 1117–1142.

Глобальное многообразие культурных различий в образе жизни

Кравченко Альберт Иванович,

д.с.н., профессор, заместитель главного редактора
журнала «Социология»

E-mail: kravchenkoai@mail.ru

Образ жизни не входит в число фундаментальных категорий теоретической социологии. Он принадлежит скорее к ее описательно-эмпирической части, находясь на пересечении ряда дисциплин, в том числе культурной антропологии, этнографии, философии, истории. Тем не менее без характеристики образа жизни того или иного народа невозможно достичь полноценного социологического описания картины мира. Он характеризует любого актора социального действия, будь то индивид, группа, общность, нация, народность, а также любой временной период и историческую эпоху. Образ жизни понимается как совокупность характерологических черт повседневного поведения, обычаев, традиций, норм и ценностей, выражаемых в то, где человек живет, как он одевается, питается, спит и трудится. В такой трактовке данное понятие почти сближается с категорией культуры, но в отличие от нее не вбирает в себя материальные памятники народа и артефакты, которые служат обязательным компонентом культуры. Предметы материальной культуры правильнее рассматривать как инструменты и средства реализации того или иного образа жизни. Их особенности, которые рассматриваются в данной статье, определяют специфику образа жизни народа. Образ жизни можно назвать динамической стороной культуры подобно тому, как социальную роль мы называем динамической стороной социального статуса. Он выполняет функцию культурного маркера социально-классовых, этно-религиозных и исторических различий людей.

Ключевые слова: образ жизни, культура, нравы, поведение, стиль жизни, условия жизни, качество жизни, способ хозяйствования

Образ жизни: концептуальная структура

Понятие образа жизни тесно связано культурой поведения. Правда, само по себе понятие культуры гораздо шире, чем понятие «образ жизни». Действительно, традиции, обычаи, норму поведения, нравы и ценности составляют основу как культуры, так и образа жизни. Разница в том, что понятие культура выражает возвышенную, духовную сторону этой совокупности элементов, а *образ жизни* – повседневную, материально-практическую сторону.

Образ жизни людей описывает структуру мышления и поведения, т.е. ценности, верования и правила поведения, формы экономической деятельности, условия труда и быта, состояние религиозной и культурной жизни, образование, экологию и многое другое. Конкретный пример. В машине и с помощью машины американцы делают, кажется все: не выходя из нее, они заказывают себе сандвич и кофе, в машине они заезжают в супермаркет, в машине они смотрят кино и т.п. Днем в Детройте можно и не увидеть пешеходов – все жители на колесах. Отсюда гиподинамия. Спасаются от нее на стадионах. Американцы высокого и среднего достатка предпочитают питаться в ресторанах. Недоеденные блюда (а порции очень большие) американцы, как правило, забирают с собой. Традиционное блюдо американцев – сандвичи. Американцы покупают вещи, которые не нуждаются в глажке и штопке, а то, что нуждается, гладится в прачечной и ремонтируется в мастерской. Отдыхая или беседуя, они кладут ноги на стол. Только у людей культура организует, придает определенную ритмику и символический смысл совокупности событий, характеризующих образ жизни. В таком случае культура и образ жизни – две стороны одного целого. Действительно, традиции, обычаи, норму по-

ведения, нравы и ценности составляют основу как культуры, так и образа жизни.

В широком смысле образ жизни – это вошедший в привычку способ жизнедеятельности, поведения. Он имеет определенную структуру, составные элементы, характерные особенности, отличающие образ жизни одного народа или индивида от всех других. В узком значении образ жизни – сознательно регулируемый способ поведения людей как членов общества.

Образ жизни сообщает нам о том, чем питаются и во что одеваются люди в разных странах, как они трудятся и отдыхают, каков распорядок дня, о чем думают и во что верят. Одним словом, как живут на свете вельможи и простые граждане, шахтеры и адвокаты, женщины и мужчины, взрослые, дети и старики. Образ жизни выражает себя в манерах поведения, традициях, обычаях и стиле жизни. Повседневный опыт и поведение людей, которые основываются на индивидуальных привычках, правилах и нормах, подобно строительным кирпичикам, формируют наш образ жизни.

Любую культуру можно рассматривать как традиционный образ жизни, выраженный в специфическом наборе обычаев, институтов и артефактов. Разнообразие культур выражает разнообразие образов жизни. Иначе говоря, вопрос о культуре, это вопрос о том, как и почему различаются формы жизни людей. Образ жизни людей описывает структуру мышления и поведения, т.е. ценности, верования и правила поведения, формы экономической деятельности, условия труда и быта, состояние религиозной и культурной жизни, образование, экологию и многое другое. Образ жизни – это «общая формула каждодневного бытия личности, типичные, часто практикуемые нормы поведения людей, способ их деятельности в труде и быту, в производстве и потреблении как материальных, так и духовных ценностей» [15].

Образ жизни выражает одновременно типичное и специфическое. Он отражает не культурное наследие, а текущую жизнь, не столько материальные

артефакты, сколько социальные нормы, обычаи, ценности простых людей. Образ жизни – это заведенный порядок или уклад жизни. Привычка рано вставать или поздно ложиться, курить натошак, одеваться дома во все старое, покупать продукты на оптовом рынке, а не в магазине, по выходным бегать в лесы или каждый день делать зарядку, читать перед сном и многое другое. Образ жизни не накапливается из поколения в поколение, не образует подобие культурного наследия. Образ жизни символизирует *динамическую сторону* культуры. В понятие культуры входят как настоящее, так и прошлое, как статика, так и динамика. Культура и образ жизни настолько увязаны друг с другом, что порой их невозможно разорвать. Специалисты утверждают, что корни культуры лежат в повседневном опыте людей, который строится на коллективных привычках, правилах и нормах поведения. Последние – строительные кирпичики и культура, и образа жизни. Описывая образ жизни людей, мы не интересуемся тем, например, к какой религии индивид принадлежит и принадлежит ли вообще. Наше внимание привлекают факты: ходит ли он в церковь, а если ходит, то как часто. Точно также нас не касается то, какие именно книги люди читают, в какие музеи или театры ходят, на каком именно предприятии работает. Нам необходимы факты: читают ли книги и как часто, посещают ли музеи и театры и как часто, трудятся или они безработные. Конкретный пример. Японцы не ходят в гости и не приглашают гостей домой. 90% домохозяек никогда не берут и не дают займы. Японцы так много работают, что их приходится обучать тому, как надо отдыхать. Понятий «отдых» и «свободное время» в Японии не существует. Японцы тратят на лекарства так много денег, как не тратят ни в одной стране мира. Задерживаться на работе, сверхурочный труд – норма. К примеру, 62% японских женщин любят проводить свободное время в ходьбе по магазинам. После рабочего дня японские мужчины идут в бар пропустить рюмку-две. Се-

годня в Японии пьют все от мала до велика и везде. Это своеобразная разрядка, форма проявления себя, реализация несбывшихся надежд. Отдохнуть в дискотеке за рюмочкой здесь называется «размагнитится». Пьют они так же, как и работают – много.

Именно обыденные и привычные нам факты, рассматриваемые как социальные действия, характеризуют организацию повседневной жизни, ее ритмику и содержание. Они отвечают на вопрос: что делает индивид, как, где и когда он это делает? При этом естественно во внимание принимаются прежде всего типичные для индивида, группы или общества черты и социальные действия. Человек, регулярно читающий газеты, чистящий зубы и посещающий работу, делающий самоличные покупки в магазине, а не пользующийся слугами, ведет совсем иной образ жизни, нежели тот, для кого все это не типично.

Как и к культуре, к образу жизни применим термин *черты*. Так, характерной чертой образа жизни латиноамериканских народов выступает карнавал, а характерной особенностью образа жизни испанцев является знаменитая коррида. Сами по себе карнавал и коррида – черты культуры. Однако для одних народов они характерны, а для других нет, у одних народов они присутствуют, а у других нет. Стало быть, черты образа жизни одного народа не являются чертами образа жизни другого народа.

Все черты культуры подразделяются на характерные и нехарактерные. Характерные черты – это регулярно встречающиеся, повторяющиеся или доминирующие в жизни данного индивида, группы или общества. Отсюда вывод о том, что только характерные черты культуры отнесимы к чертам образа жизни. Поэтому говорят, что образ жизни – это совокупность характерных для данного субъекта (индивида, группы, общества) черт культуры. Образ жизни – выражение наиболее характерных, ярких черт индивида, народа, общества. В нем, как в портрете, выражается характер личности или группы – воля или безволие, порок или добродетель (табл. 1).

Таблица 1. Концептуальная структура образа жизни

Объективные аспекты	Субъективные аспекты
качество жизни уровень жизни условия жизни бюджет времени досуг (отдых)	концепция жизни смысл жизни жизненный план концепция личности стиль жизни

Уровень жизни – материальный достаток индивида или группы. *Качество жизни* – комфортность условий существования, безопасность. *Условия жизни* – вещественная среда образа жизни: жилье, работа, экологическая обстановка. *Смысл жизни* – понятие, выражающее предназначение индивида, субъективное понимание цели своего существования. *Жизненный план* – идеализированная картина предстоящей жизни, стержнем которой служит предполагаемая траектория социальной карьеры и сумма возможных достижений. В молодом возрасте жизненные планы принимают форму неопределенной мечты, смутных желаний, в зрелом четко выстроенной должностной карьеры, а в пожилом возрасте они исчезают. *Свободное время* – все время, за вычетом домашней работы, затрат на еду, покупки, передвижение в транспорте, но плюс дополнительные заработки. *Досуг* – время любительской деятельности, просмотр телепередач, чтение книг, посещение театров и т.п. *Отдых* – не только сон, но также отпуск, прогулки. *Концепция жизни* – система философских представлений о смысле и перспективах личной жизни, совокупности общих принципов, которыми человек руководствуется в житейских ситуациях.

Стиль жизни – индивидуальный характер, своеобразие образа жизни. Стиль жизни выражает склонности, вкусы, предпочтения, пристрастия, направленность ценностных ориентаций. Это социально–психологическая сторона образа жизни, выражающая особенности поведения и общения индивида либо группы. Образ жизни включает также язык, верования, установки, ценности, манеры поведения, фасон одежды,

качество жилья, условия труда, время препровождения, обычаи, нравы, этикет, нормы и другие элементы культуры, которые не только типичны для данной социальной группы, но и отличают ее от других групп.

Мы говорим про образ жизни охотников и земледельцев, рабочих и дворян, горожан и селян как про что-то разное, специфическое. Образ жизни – комплекс черт, который отличает одного субъекта (индивида, группу, общество) от другого. Скажем, прямохождение никак не вписывается в подобное определение. Оно не отличает одно от другого. Или более точно: прямохождение отличает образ жизни людей от образа жизни животных, но не специфицирует образ жизни одних людей от других.

Образ жизни включает не только характерные, но и отличительные черты поведения. Скажем, чистить зубы, используя зубную щетку, – черта культуры, точнее сказать, черта личной гигиены. Она присуща людям, но не присуща ни одному человеку. Правда, из этого правила есть исключения. Во-первых, далеко не все народы чистят зубы. Во-вторых, некоторые виды животных все же чистят зубы, т.е. удаляют остатки пищи при помощи каких-либо приспособлений или других животных. До изобретения зубной щетки и люди использовали всевозможные заменители щетки: золу, растертые в порошок камни, древесный уголь, смолу, корни растений и др. Но с изобретением и широким распространением щетки она стала чертой образа жизни. И вовсе не потому, что зубной щеткой пользуются все без исключения жители планеты. Как раз наоборот. Она является чертой образа жизни только потому, что ею пользуются далеко не все народы.

Образы жизни классифицируются в науке по разным основаниям. Так, различают *коллективный* и *индивидуальный* образ жизни. Первый присущ большим социальным группам – народам, нациям, культурам, обществам: кочевой и оседлый образ жизни, образ жизни христиан, мусульман, буддистов, язычников, образ жизни людей, живших в разные

исторические эпохи, образ жизни представителей разных социальных слоев и классов, образ жизни представителей разных национальностей, городской и сельский образ жизни. Парадоксально, но большинство прямоходящих обитателей Земли не пользуются щеткой по сей день. В миллиардном Китае 80% населения не знает, что это такое. А многие ли пользуются зубной щеткой в Африке? Да и в нашей стране ее употребление не для всех стало первой жизненной потребностью: деклассированные элементы обычно пренебрегают этим атрибутом личной гигиены. А два раза в день чистят зубы меньшинство жителей планеты. Тем не менее, чистить зубы – черты человеческого образа жизни. В рамках культуры чистка зубов – элемент, скажем так, второстепенный. В культуре есть вещи и поважнее. Зато для характеристики образа жизни это один из главных моментов. Итак, мы можем сделать вывод: не все, что является главным в культуре, считается таковым в образе жизни, и наоборот.

Вот характерный пример. Камба (Кения) прославились как великие охотники на слонов и искуснейшие стрелки из лука – как маленького, так и большого, натягиваемого лежа ногами. С конца 18-го века они стали участвовать в торговле слоновой костью, продавая ее купцам-суахили. Это открыло им доступ к иностранным товарам и тканям (ярко-синий ситец). С тех пор их национальные костюмы богато декорированными, а в языческие обряды вкрапились элементы христианства. Камба считаются лучшими резчиками Кении. Сегодня мужчины камба на несколько месяцев покидают родную деревню, отправляясь на заработки. Иногда они не появляются дома годами. В поселениях остаются одни женщины и дети, терпеливо ожидая своих кормильцев. Любят камба украшения из металла и бисера. В прошлом они также раскрашивали и татуировали тело, но в последнее время эти традиции отмирают. Несмотря на то, что камба занимаются скотоводством, мясо они едят редко, предпочитая кислое молоко, иногда с кукурузной мукой, кашу из бобо-

вых. Приезжают мужчины в сентябре, чтобы помочь женщинам (здесь практикуется многоженство) подготовить поля для посева. С заработков мужчины привозят европейские деликатесы: конфеты, печенье, фрукты. Иногда отцы привозят детям книжки с картинками. Камба обожают танцевать и сочинять стихи. У них много народных певцов и поэтов, а их стихи можно сравнить с европейской классической поэзией, только их не пишут, а поют. Народные песни и танцы камба долго заменяли этому народу школы, учили молодежь почитать традиции и обычаи. Только благодаря крепкой общине эти люди выживали во время засух и неурожаев.

Старики недовольны тем, что их внуки учатся в европейских школах и вузах. Часто деды отправляют детей не в школу, а пасти скот. Когда власти стали требовать отправлять в школу детей из каждой семьи, отцы посылали туда самых непослушных сыновей. Или даже нанимали для этого ребенка из бедной семьи. Строптивые камба могли женить своего сына даже в 9 лет, лишь бы не учить. Интересно, что юный мальчик иногда получает в жены взрослую девушку. Это делается во благо семьи, чтобы увеличить благосостояние рода. Мнения жениха с невестой даже не спрашивают. Взрослая жена обязана уважать мужа и во всем повиноваться. Следит за ней кто-нибудь из старших братьев ребенка-мужа. Мальчик привыкает к супруге, но когда вырастает, может взять другую жену, свою ровесницу. Может он жениться еще и еще раз. Получалось неплохо: больше земли можно обработать¹.

Культура как способ адаптивного поведения

При анализе культуры в науке сложились два подхода – *функциональный* и *экологический*. К представителям первого следует отнести А. Радклифф-Брауна, Б. Малиновского, Т. Парсонса, Р. Мертона. Они рассматривали культуру как систему взаимосвязанных элементов: ни один элемент не может быть понят

в изоляции от других, либо без изучения его функций.

Внутри любой культуры элементы-обычаи связываются друг с другом в целые комплексы, который, в свою очередь, находятся друг с другом во взаимосвязи, формируют целостную культуру. Культурные элементы функционально связаны в том смысле, что множественность членов общества учитывается в умах как связь, независимая от того, сознают они это или нет. Функциональную взаимосвязь обеспечивает им принадлежность к одной и той же культурной теме, например, стадиону, одежде великосветской дамы, рыцарским доспехам или современному музею.

Экологический подход стал популярным в последнее время. Его представители, в частности Марвин Харрис, анализируют разнообразие форм культуры исходя из факторов окружающей среды. Культура понимается ими как средство адаптации к природным условиям. Форма и тип хозяйства, жилых построек, орудий труда, одежды и обычаев в значительной, если не в решающей мере определяются климатом, географическим местоположением, флорой и фауной, температурным режимом и другими объективными причинами. Человеческая история – наглядный пример того, как условия среды и очертания поверхности планеты способствовали или, напротив, препятствовали развитию человечества. Если на Крайнем Севере человек вырвал у негостеприимной суровой природы средства существования ценой мучительных усилий, то в тропиках необузданная пышность расточительной природы ведет человека, как ребенка, на помочах и не делает его развитие естественной необходимостью. Теплый климат не стимулирует человека к совершенствованию условий и организации труда, развитию промышленности и внедрению научно-технических достижений. В странах с умеренным климатом меньше болезней, но и хуже условия для развития сельского хозяйства. За год здесь получают один урожай, а в тропиках – четыре. Не прикладывая особых

¹ <http://old.magickalkenya.com>; <http://repin.info>

затрат, люди здесь всегда сыты, и стимулов к инновациям у них нет.

Сходным образом рассуждали правители Испании, Португалии, Англии и Франции, долгое время владевшие многочисленными заморскими колониями в тропической Африке и Юго-Восточной Азии. Англия и Франция, находясь в застое, накапливали золотые запасы, эксплуатируя труд рабов в своих колониях. Через некоторое время их обогнали более молодые США, которые не успели заполучить кусок колониального пирога. Им пришлось полагаться только на внутренние ресурсы, стимулируя промышленность и экономику. Германия, США и Япония формировали свой успех, опираясь на совершенствование научно-технической базы.

Исследователи из Оксфордского университета (University of Oxford), Великобритания, выяснили, что социализации наших древнейших предков способствовал отказ от ночного образа жизни. Об этом сообщает LiveScience. Ученые построили генеалогическое дерево для 217 видов приматов, социальные привычки которых известны. Было обнаружено, что 52 млн лет назад ранние приматы были ночными животными, которые вели одиночный образ жизни. Наши предки, видимо, отказались от ночной жизни и вместе с тем перешли к жизни в больших группах. Также развивались другие социальные группы – изолированные пары и гаремы, в которых один самец живет с несколькими самками. Первый предок приматов жил примерно 74 млн лет назад, он был похож на ныне живущих полуобезьян, таких как лемуры. Ученые пришли к выводу, что ко времени, когда наши предки начали собираться в большие группы, включающие представителей обоих полов, они стали более похожими на современных обезьян. Другие социальные структуры стали появляться позже.

По словам ведущего исследователя Сюзанны Шульц (Susanne Schultz), работать с филогенетическим деревом имеет смысл потому, что среди современных приматов, как правило, те же социальные механизмы. Однако если

говорить о человекообразных обезьянах – шимпанзе, гориллах и орангутангах – механизмы стали сложнее из-за разницы в самоорганизации. Люди являются наиболее гибкими из всех. Человеческая социальная структура включает в себя не только пары или гаремы, но также может строиться внутри семей представителями одного пола – между сестрами, матерями и дочерьми, между братьями, отцами и сыновьями. Альтернативные теории предполагают, что социальная структура возникала последовательно в течение долгого времени, начиная с одиночных особей, потом пар, небольших групп и так далее. Доказательства теории основываются на примерах групп насекомых и птиц. Шульц и ее коллеги использовали математические модели сценариев, чтобы проверить правдоподобие своих теорий. Результаты подтвердили теорию о том, что приматы перешли непосредственно от одиночной жизни к жизни в больших группах. Они также подсчитали, что переломный момент, когда приматы стали жить в группах, произошел около 52 млн лет назад. Именно в это время произошел переход приматов от ночной жизни к дневной. Предки приматов были маленькими, обитающими в лесах существами с большими глазами, что свидетельствует о том, что они были активны ночью. Такая жизнь помогала им избегать хищников, но создавала трудности в добыче пищи. По мнению ученых именно это побудило некоторых переключиться на дневную активность около 52 млн лет назад. Дневная жизнь была более опасна, так как в это время были активны и хищники. Животные стали объединяться в группы для собственной безопасности².

На Земле всегда существовали богатые и бедные страны. Но вовсе не обязательно, что богатые страны всегда были богатыми, а бедные – всегда бедными. Интересное предположение о причинах того, почему богатые страны географическое расположение всегда в районах умеренного климата сделали недавно американские экономисты У. Мастерс

² <http://www.vokrugsveta.ru>

и М. Макмиллан³. Они считают, что холодный климат выполняет две важные роли: 1) способствует увеличению производительности труда в сельском хозяйстве и строительной индустрии и 2) избавляет людей от болезней, присущих более тепловому климату, например, от малярии. С одной стороны, морозы повышают иммунитет и жизнестойкость людей, увеличивают продолжительность жизни, с другой – помогают приобрести богатый экономический опыт и широкий круг знаний, накапливая их из поколения в поколение. Непогода заставляет северян постоянно совершенствовать сельскохозяйственное хозяйство, чтобы получать большие урожаи, и жилищное строительство, которое требует людям.

Хотя сегодня экономическая мощь развитых стран не базируется исключительно на достижениях сельского хозяйства, ученые полагают, что прошлые успехи именно в этой области сыграли ключевую роль в дальнейшем прогрессе общества. Разумеется, те северные или расположенные в умеренном климате страны, которым в течение нескольких столетий не удалось достичь заметных успехов в сельском хозяйстве, ныне вынуждены влачить незавидное существование. В пользу данной версии свидетельствует множество исторических фактов. Например, до начала гражданской войны в США существовало четкое разделение на промышленно развитый Север и неразвитый аграрный Юг (здесь к тому же процветало рабство).

История цивилизации знает немало примеров, когда меняющиеся климатические условия катастрофически сказывались на судьбе многих стран и народов. Извержение вулкана Санторин в Средиземном море около 1600 г. до н.э., которое значительно охладило атмосферу, вероятно, привело к падению Мinoйской империи. В периоды неблагоприятных климатических условий мировые запасы зерна сокращались с 20 до 5–10%, а стоимость зерна возрастала в несколько раз. Если в 1960-е годы потери мирового сообщества от неблагоприятных климатических

условий составляли несколько миллиардов долларов США, то в настоящее время они возросли на порядок.

Характеру природно-географической среды подчинялись также общественные отношения и некоторые стороны духовной жизни. Размещение поселений на местности и их группировка (разбросанная или гнездовая) влияли на социальную организацию и общественную жизнь. На севере и в горной местности (Вишера, Колва, Яйва, Косьма, Лозьва, Тура, Тавда, Сосьва, верховья Чусовой), где немало удаленных друг от друга поселений и труднодоступные пути сообщения, наиболее сплоченным коллективом людей являлась не волостная, а сельская (деревенская) община, объединяющая крестьян одного или нескольких близлежащих поселений. Для регулирования поземельных отношений и взаимоотношений с долго державшимися у северных крестьян нормами обычного права к концу XIX в. сельские (деревенские) общины были заменены сельскими обществами, состоящими также из одного или нескольких поселений [13]. Общинная жизнь и принятые обычаем правовые нормы включали также трудовую взаимопомощь. В местах скученного расселения и компактного размещения гнезд поселений крестьянская волостная община функционировала стабильно, и ее уровень действия был выше сельской общины и общества [6]. Традиции общинной жизни выглядели намного устойчивыми и эффективными, когда деятельность общин распространялась на территорию одного церковного прихода.

Природным началом определялась материальная культура (жилище, одежда, орудия труда, средства передвижения, утварь, пища). В каждом регионе, а порой и у каждого народа складывались свои нормы взаимодействия с природой, а также свои традиции, регламентирующие сроки охоты, рыболовства, сбора лесных Даров, размеры добычи, порядок земледельческих циклов. Устойчивая хозяйственная направленность крестьянских хозяйств, заложенная природным началом, сказалась на своеобра-

³ SciTecLibrary.com

зии других жанров народного творчества [19]. Так, заговоры, пословицы, поговорки, устные рассказы, отражающие полеводство и пчеловодство, знали преимущественно в южных уездах, а не в северных. На севере подобные жанры отражали охотничье–промысловый быт. В горно–таежных районах русские и обрусевшие манси Чердынского и Верхотурского уездов имели срубное жилище одного типа, однако устройство интерьера, сходные способы охоты, рыболовства разработки подсеки, однотипную меховую одежду. У северных русских и северных коми–пермяков Чердынского уезда были идентичное по планировке, устройству, наружным украшениям жилище, похожие охотничьи и рыболовные принадлежности, а также одежда (сарафанный комплекс с кокошником знали только косинско–камские и язвинские коми–пермяки), посуда и хозяйственная утварь. Много общего (тип жилища, костюм, транспорт, пахотные орудия, порядок проведения сабантуя) сложилось у татар и башкир Южного Прикамья и Зауралья. Близкими им стали и удмурты Осинского уезда [16].

Этнографы и антропологи выделили около 200 культурных изобретений, сыгравших решающую роль в истории. По этому списку мы можем составить культурный атлас Земли. К примеру, мыло изобретено галлами, пижама пришла к нам из Индии, а бритва из Шумера или Древнего Египта, где придумали также стекло. Все, что окружает нас и что создано людьми, появилось в разные эпохи и в разных странах. Печатные книги существуют с XV века, когда в Германии изобрели первый печатный станок. Бумаге более 2 тысяч лет, она появилась в Китае. Русский алфавит создан около тысячи лет назад с использованием древнегреческого, а древнегреческий (почти 3 тысячи лет) на основе еще более древнего финикийского, который пришел из Египта и Шумера.

Культурные маркеры пищевых пристрастий

У скотоводов степей и пустынь Африки и Азии молочные продукты занимают

более важное место в пище, чем мясо. Во всем же остальном мире растительная пища всегда берет верх в балансе питания над мясной. Длина желудочно–кишечного тракта у людей за последние несколько сот тысяч лет уменьшилась: переваривать пищу, приготовленную на огне, куда проще, чем сырую, и эволюция учла это обстоятельство. А уменьшение удельного веса пищеварительных органов позволило лучше развиваться некоторым другим органам, они лучше обеспечивались кровью. Возможно, это сказалось на эволюции человеческого мозга.

Задолго до того как появилась глиняная посуда, люди, оказывается, уже умели варить пищу. В чем? Например, в скале выдалбливалось углубление, туда заливалась вода, а поблизости разводился огонь, и в воду подбрасывались раскаленные камни. В субтропиках и тропиках для варки пищи использовали полый ствол бамбука. В такой посуде можно варить мясо над огнем, но это одноразовая посуда (перед едой ее раскалывают). Ученые раскопали в Южной Африке самые древние в мире останки съеденных людьми моллюсков, показавшие, что 164 тысячи лет назад человек впервые дополнил свой обычный рацион (плоды, корни, мясо животных) морской пищей. Моллюски стали одним из последних дополнений в рационе человека, перед появлением домашнего скота. Возможно, что моллюски и ракообразные послужили решающим элементом питания, позволившим древнему человеку начать свое распространение из Африки, вдоль морских побережий, в другие регионы⁴.

Культурные и национальные особенности находят выражение и в способе употребления и приготовления пищи. В Молдавии хлеб пекут из кукурузы. Русский студень – специально охлаждаемое блюдо – становится на Кавказе горячим блюдом хаша. Во Франции чай пьют редко, англичане же употребляют его с молоком. В Европе кофе пьют больше, чем в России.

⁴ <http://www.membrana.ru>

У каждого народа своя *кухня* и свои типичные блюда. Строганина из мороженой оленины на Севере, конина в Якутии, мамалыга и свиные кострицы в Молдавии. Привычка к определенному рациону очень консервативна и другая пища кажется негодной, невкусной. Так, в значительной части Китая и в Японии до последнего времени почти не употребляли в пищу молоко и молочные продукты. Монголы и тибетцы в Азии, зулусы в Африке не едят никакой рыбы, считая ее несъедобной. Коренные народы Сибири, богатой грибами, использовали разве что мухоморы в качестве наркотиков. Во Франции лягушки считаются деликатесом, в Новой Гвинее – гусеницы.

Вкусы определяются исторически. У зулусов и монголов, отказывающихся от рыбы, важнейшее значение в хозяйстве имеет скотоводство. А в Океании едят даже насекомых потому, что там не хватает в пище белка. Чукчи питались, в основном, отварным мясом, но не гнушались и сырым замороженным мясом. Но также ели листья, кору полярной ивы, щавель, ягоды, моллюски, морскую капусту, щавель и пили кровь животных. Чукчи почти не ели рыбу. Удивительным и малопривлекательным, на взгляд европейца, кажется блюдо, которое называется моняло. Это полупереваренный мох, который доставали из желудка оленя. Моняло считалось горячим блюдом, так как имело вид полужидкой похлёбки, куда добавлялись кровь, жир и мелко искрошенное мясо⁵. В течение долгой зимы мужчины-алеуты занимались изготовлением промысловых орудий, каменной и деревянной посуды, сидя у выдолбленных из камня площадок, в которых горел фитиль из мха, плавающий в китовом жире. Пищу жарили в таких же площадках. Если рядом с поселением были горячие источники, то алеуты варили в них рыбу и мясо. Умели они готовить и особые блюда из сырой рыбы. Для голодной зимы заготавливали сушеную рыбу и китовый жир, который держали в пузырях из желудков морских животных.

⁵ <http://www.arctic-online.ru>

Однако при всем разнообразии человеческих вкусов есть один продукт, который употребляют все народы, перешагнувшие определенный рубеж в своем развитии. Это *хлеб*. По мнению археологов, первый хлеб был приготовлен из желудей. Впервые злаки были использованы в пищу около 15000 лет до н.э. в Средней Азии. Вскоре люди научились смешивать протертые семена с водой, а затем запекать получившуюся смесь на плоских горячих камнях. Дрожжи появились в Египте 3,5 тыс. лет назад, но дрожжевой хлеб поначалу был доступен только избранным. Греки научились выпекать хлеб благодаря египтянам, римляне благодаря грекам. Однако вплоть до Средневековья главным хлебом большей части цивилизованного мира служили пресные лепешки. Лишь в самом начале Средних веков лепешки в Европе были оттеснены хлебом из квашеного теста. В те времена почти во всех городах Европы были булочные. Каждая страна знаменита своими собственными национальными рецептами хлеба. Мексика – это маисовые лепешки. Германия – претцель, фладен, сапельброт. Ирландия – содовый хлеб, фадж (картофельный хлеб). Швеция – лефсе. Шотландия – овсяный хлеб-пирог. Но признанным законодателем моды в хлебной культуре считается Франция.

В 40 минутах езды от Нови Сада, в селе Печинцы, находится «Музей хлеба» – единственный и самый уникальный культурный комплекс в мире подобного рода. Ничего подобного ему вы не найдете ни в одной стране мира. Несколько десятилетий назад его основал художник Слободан Еремич, по прозвищу Еремия. Он побывал более чем в 700 селах и собрал свыше 2000 этнографических предметов. Среди них были орудия для обработки земли, для помола кукурузы и пшеницы, а также и предметы для обработки теста. Во время своего путешествия по Сербии он писал картины старых деревенских домов и сооружений⁶. Половину своей жизни он посвятил

⁶ Рисовать Слободан начал пятилетним мальчиком и уже к совершеннолетию стал подготовленным художником.

живописи, а вторую – Музею хлеба, ради создания которого продал 230 своих картин. В советские времена он слыл диссидентом, и ему никто не помогал. В новое время власти, занятые хозяйственными проблемами, тоже не жаловали музей своим вниманием. Деньги собирал по крохам, помогали доброхоты⁷.

Центральная экспозиция первого частного музея в Сербии – коллекция из 96 видов обрядового хлеба. Сербия – страна хлеба. Еремия считает, что самое важное в нем – духовная составляющая и глубокое сакральное значение. Ведь хлеб – всему голова. Хлеб традиционно является непременным атрибутом каждой трапезы. Хлеба классифицированы по событиям, для которых изготавливаются, в том числе, рождественские, пасхальные, именинные, свадебные, поминальные. Есть хлеб для всей семьи, для каждого её члена, хлеб для ребенка, для девушки, для старика. Даже – для быка, для винной бочки, для лозы, для дерева, для растений и животных. В числе главных – хлеб на праздник Славы, посвященный святому – покровителю семьи, и связанный со множеством языческих ритуалов. Освящение воды в канун Славы, замешивание теста, выпекание, разламывание калача – всё это рассматривается как бескровная жертва, которую приносит семья. По образцу хлеба, который женщины месили в связи с разными событиями, Еремия изготовил глиняные муляжи. Особенно гордятся в Музее аутентичными макетами двух буханок хлеба, относящихся к неолиту, т.е. насчитывающих 8 тыс. лет, которые найдены в одном из сел Сербии.

На протяжении своей долгой истории человечество не раз меняло свои пристрастия в еде. В рацион древних греков входили пшеничные лепешки, пшеничная же каша, оливковое масло, молоко, виноград и изюм, вино. Средний свободный гражданин Афин мяса потреблял не больше килограмма в месяц. Дневной рацион раба включал 1,5 кг печеного хлеба. Кроме того, раб получал

0,5 л оливкового масла в месяц, острый рыбный рассол, маслины, уксус, инжир, яблоки, груши (что сами упали с деревьев). А вот вина – от 150 до 260 л в год. Свободные бедняки и даже мелкие земледельцы в Древней Греции и Риме питались ненамного лучше рабов. Западные и северные варвары, которых Рим покорял, питались несколько лучше своих победителей за счет богатой охоты.

В эпоху феодализма в Европе произошёл своеобразный экологический кризис. Крестьяне уничтожили большую часть лесов, и хотя хлеба стало в рационе больше – мясо сократилось, а животноводство не было достаточно развито, чтобы заменить охоту. Недостаток мяса в пищевом рационе привел к серьезным последствиям в организме человека. Ученые объясняют этим сравнительную низкорослость средневекового населения Европы. Относительным белковым голоданием объясняют иногда и низкорослость японцев – в Японии и ныне мясо дорого и редко входит в рацион среднего японца. Есть в истории убедительные исторические примеры роли еды для роста и физического развития людей. Так, Исландия в IX–X веках н.э. была заселена высокорослыми выходцами из Норвегии. Но через 3 века изменился климат, остров стал колонией Дании и исландцы в течение 5 веков вели полуголодное существование. В результате потомки высоких и сильных людей, богатырей из древних саг, стали низкорослыми. С XIX столетия исландцы довольно быстро снова выросли, поскольку улучшились условия жизни.

В книге «Создано человечеством» (1984) Ю.В. Бромлей и Р.Г. Подольный пишут о том, какую огромную роль в развитии культуры и народов играют естественные условия. Нередко именно они определяют не только различия, но и сходство обществ, далеко расположенных друг от друга. В разных частях света лежат Швейцария и Непал. Их истории никогда не пересекались. Жители Швейцарии и Непала принадлежат к разным расам, говорят на совсем не схожих языках, находятся на разных уровнях развития. Но обе страны

⁷ Еремия подарил музей своей стране, приурочив это к 35-летию своей творческой деятельности в 1998 г.

горные. И в жизни обитателей высокогорных районов обоих государств исследователи видят множество общих черт. Природные условия определяли и рацион питания. У народов северной зоны основу его составляли продукты животноводства и земледелия. Существенным дополнением было мясо диких животных, дичи и рыбы. В рацион питания входили продукты собирательства – грибы, ягоды, орехи. Овощные блюда больше употреблялись в южных уездах, где благодаря мягкому климату, продолжительному лету огородничество получило большее развитие.

Образ жизни древних племен во многом зависел от типа доступных пищевых ресурсов. Охота, рыболовство, собирательство тесно связаны с жизненными циклами животных и растений, употребляемых в пищу. Традиции питания определяют характер обменных процессов в организме, влияют на здоровье. Они коренным образом отличаются у населения разных природных зон – тундры, тайги, степей, внутриконтинентальных и прибрежных территорий.

Большинство археологических данных указывает на то, что человек верхнепалеолита (около 30 тысяч лет назад) добывал пищу преимущественно охотой, а его рацион состоял почти исключительно из мяса с очень небольшой примесью. Большинство археологических данных указывает на то, что человек верхнего палеолита (около 30 тысяч лет назад) добывал пищу преимущественно охотой, а его рацион состоял почти исключительно из мяса с очень небольшой примесью дикорастущих растений. Специалисты предполагают, что люди верхнего палеолита умели получать муку из размолотых растений, а значит, скорее всего, готовили пищу [11].

Жилище и поселения в регионах мира

Природные условия находили отражение в конструктивных приемах и архитектурно-художественном облике жилища. На севере все постройки возводились из дерева – ели, сосны, на столбы подбিরали кедр, на нижние венцы листвен-

ницу. В безлесных районах, где не хватало хорошего леса, строили из тонкой древесины, стены обмазывали глиной, иногда делали каркасно-столбовую конструкцию, внутрь которой закладывали землю, навоз, солому. На севере из-за обильных осадков крыши строили высокими, с крутыми, далеко выступающими от стен скатами, а на юге пологими. В горных районах, где выпадает много осадков, избу, холодный двор и теплые хлевы перекрывали раздельно двускатными крышами, расположенными рядом и параллельно друг другу.

На берегу ледяных морей жили веками люди, создавшие собственную цивилизацию. Они научились выживать в арктической тундре при помощи своеобразного уклада жизни и приспособлений в условиях, когда «три месяца холодно, а остальные – очень холодно». Перемещались на нартах в оленьей упряжке. Основное жилище – шатёр-яранга из оленьих шкур у тундровых чукчей и моржовых – у приморских. Свод опирался на три шеста в центре. Внутри яранга разгораживалась пологими в виде больших глухих меховых мешков, растянутых на шестах, освещалась и отапливалась каменной, глиняной или деревянной жировой лампой, на которой также готовили пищу. Основу питания чукчей составляло отварное мясо (оленье, тюлень, китовое), также употребляли в пищу листья и кору полярной ивы (емрат), морскую капусту, щавель, моллюски и ягоды⁸. В северной зоне (Чердынский, Соликамский, Пермский уезды), где крестьянство больше занималось охотой, рыболовством, безгвоздевые крыши украшали зооморфной скульптурой – коньками и птицами, а наличники – накладными или прорезными фигурами уток, лебедей, тетеревов, глухарей. В южных уездах с развитым земледелием наличники оформляли с солярными символами, выполненными на верхних досках глухой выемчатой резьбой или многоцветной росписью. Внутри небеленые стены расписывали цветами, птицами, животными, а также бытовыми сценами [4].

⁸ <http://sandbox.public.ru>

Климатическим условиям соответствовали особенности и хозяйственных построек. На севере дворы строили обязательно двухъярусными, с взвозами на поветь, где хранился хозяйственный инвентарь и корм для скота, который содержали в теплых хлевах нижнего яруса. Погреба размещались в холодном крытом дворе или же под полом в сенях. Чтобы уберечь продукты от сырости, грызунов, амбары–житницы стали на столбы в стороне от дома. Овины делали, как правило, верховые, т.е. с каменкой на земле, а овины в глиняном полом – с долонью [8]. И тут, и там от пастушьих домиков на высокогорных лугах извилистые тропы ведут к деревьям, расположенных на пологих склонах. И тут, и там сады примыкают к двухэтажным домам с двухскатными дощатыми крышами, в которых люди живут на втором этаже, а первый этаж – для скота. И тут, и там оконные рамы покрывают сложным резным узором. И у швейцарских горцев, и у непальцев большая часть жизни протекает на кухне, где стоят массивные столы и дымят открытые очаги [20]. Очень схожи и способы ведения хозяйства, образ жизни. У каждой семьи есть небольшие поля и покосы в деревне, а кроме того, более отдаленные участки земли на горных склонах. Но сами луга и леса находятся в собственности деревни. Все важнейшие вопросы решаются на общем собрании деревни (сколько скота и на какие пастбища гнать, когда и что сеять, где заготавливать лес). И как почти у всех горных народов – особо подчеркнутое уважение к старшим и строгая дисциплина [20].

Немало общих черт в хозяйстве, быту и искусстве можно отыскать у жителей Гималаев и Альп, Анд в Америке, Тибета и Памира в Азии, Пиренеев и Кавказа в Европе [5]. Сходство культур горных народов объясняется ограниченным выбором средств приспособления к суровым условиям. Получается достаточно четкая последовательность: люди разных народов, принадлежащие к разным расам, нередко возделывающие разные сельскохозяйственные культуры и ухаживающие за разными домашними жи-

вотными, создают однотипные системы хозяйства и быта, а шире – культуры, если живут в однотипных природных условиях. Дома на сваях строят в жарких сырых местах. Двух– или трехметровые сваи, на которые водружают дома, обеспечивают помещению прохладу и сухость даже в сезон дождей или во время шторма. Стены делают из плетеных бамбуковых матов. Окон как правило не бывает, свет проникает сквозь щели в стенах или через дверь. Крышу настилают из пальмовых веток. Во внутренние помещения обычно ведут ступени, украшенные резьбой. Так же декорированы и дверные проемы. Такие дома встречаются в Африке, Индонезии, Океании [10]. Жилище нмади – громадные палатки, изнутри обтянутые покрывалом, сшитым из разноцветных лоскутов, а снаружи – из цельного куска ткани, которая надувалась парусом под порывами шквального ветра. Палатка держится на каркасе из сплетенных веток, который крепится к двум центральным деревянным столбам. В каждой палатке живут сразу по несколько семей. Стоять в жилищах невозможно из-за невысокого потолка, поэтому все или лежат, или сидят, греясь у очага и обсуждая прошедший день. В глубине палаток находятся деревянные сундуки, в которых хранятся украшения, металлическая утварь, одежда. Тут же находятся собаки, которые пользуются особым почетом. В центре палатки – жаровня, на которой готовят сладкий крепкий чай и жарят добытую дичь⁹.

По мере продвижения человека по земле возникали системы взаимоотношений человека с природой или хозяйственно–культурные типы, связанные с определенными географическими условиями [2]. Хозяйственно–культурных типов на земле этнографы насчитывают несколько десятков [3]. Люди издавна жили по всему свету, кроме, разве что Антарктиды, и сумели в каждом случае создать культуру, приспособленную к конкретным географическим условиям. Яркий пример – эскимосы. Какая бедная досталась им природная зона: многомесячная зима с многомесячной

⁹ <http://planeta.moy.su;> <http://repin.info>

полярной ночью, снег и лед по 6–8 месяцев в году. Никаких условий для творчества и изобретательства. Тем не менее, орудия труда у аборигенов Арктики, как установили, ученые, разнообразнее, чем у тропических охотников и рыболовов: орудия из камня, кости, китового уса и дерева, великолепные лодки из обтянутых кожей деревянных каркасов. Разнообразна одежда народов Арктики, она тепла и удобна. Видимо, люди отличаются замечательным свойством – чем труднее им приходится, чем в более тяжелых условиях они живут, тем совершеннее они приспосабливаются к этим условиям.

Исследования уральского региона, проведенное Г.Н. Чагиным [17], доказали зависимость культурного комплекса от географических и климатических условий среды обитания. Исторически сложившиеся народы Среднего Урала – русские, коми–пермяки, удмурты, манси, татары, башкиры, марийцы – проживали в разных экологических условиях. Разнообразие природной среды, удобство водных и сухопутных путей издавна привлекали на Урал народы, потомки которых продолжают жить здесь и в наши дни. Проложенные через Урал дороги активно использовались для миграций с европейской территории на сибирские просторы. Природные условия вновь освоенных земель не создавали каких-либо препятствий к обращению народов. Всюду были проложены удобные дороги, часть которых превратилась в торговые почтовые тракты.

Многообразие природно–климатических условий на территории, занятой народами Среднего Урала, обусловило различия в их хозяйственно–культурной деятельности. В центральных и южных землях получило развитие трехполье, а на севере – трехполье с перелогом и подсечно–огневой системой. На Среднем Урале сложилась специализация районов по выращиванию сельскохозяйственных культур. В южных уездах высевали пшеницу, гречиху, в большом количестве выращивали картофель, в северных главными культурами оставались озимая рожь и ячмень.

Экологические условия определили специфику характера расселения и размещения сельских поселений. На севере преобладали малодворные, на юге – многодворные поселения. Дворы–хоромы со слитной связью избы и двухъярусного двора дольше бытовали на севере. Компактно–композиционный объем под единой или двумя смежными крышами обеспечивал в зимнее время сохранение тепла и удобство для ведения хозяйства. Корм для скота на всю зиму хранили на верхнем ярусе двора – повети, навоз накапливали в холодной части двора, из сеней удобно было пройти во двор, не выходя на улицу [18].

В характере расселения просматривается и такая взаимообусловленность: население, проживавшее в разных, но близлежащих речных бассейнах с одинаковыми климатом, рельефом, фауной и флорой, в большинстве случаев не обособлялось, а постоянно поддерживало общение на хозяйственном, культурном и семейно–брачном уровнях. В Верхотамье (земли вокруг источников Камы, Сепыча, Лысьвы, Обвы) хозяйственно–культурная общность обладала устойчивыми чертами с XVII в., когда сложились первые общины старообрядцев поморского согласия. Поэтому этот район на многие годы стал объектом изучения народной культуры с различных точек зрения – книжности, фольклора, музыки, этнографии, лингвистики, искусствоведения, социологии [9].

Жилище любого народа отражает его образ жизни, зависит от окружающей среды, климатических условий, обычаев, религии и от занятий людей. Многие народы – от цивилизованных европейцев до диких горцев – применяют камень, поскольку такое жилище помогает перенести суровый климат. Напротив, кочевые народы в Средней Азии использовали дерево, тростник, войлок, шкуры и шерсть животных для сооружения своих жилищ. Оседлые народы живут в полужемлянках или постройках. Кочевники живут в шалашах или палатках, которые легко разбирать и перевозить с места на место. Охотники покрывают свое жилище шкурами.

Жилые постройки из сырцового кирпича характерны для многих районах Африки, Азии и Америки.

Одни народы строят жилища из бамбука, другие – из коровьего навоза, третьи – из снега. Арктические народы длительное время использовали четыре основных материала, доступных в окружающей их среде: лёд, камень, кости и кожу. В иглу эскимосов двери нет, и входят в жилище совершенно необычным способом – снизу, через пол. К входному отверстию в полу ведет длинный тоннель, вырытый в снегу. В Африке камень как строительный материал почти не применяется. Не строят здесь и из бревен, ведь африканский климат не требует защиты от холодов. В зоне саванн основным материалом служит глина: каркас дома делают из жердей и прутьев, а потом обмазывают слоями глины, смешанной с навозом и мелко рубленой соломой. Там, где климат сухие, крыши чаще плоские, на них в жаркий сезон хорошо спать. Южнее, где дождей больше, дома чаще строят круглые, с коническими соломенными крышами. В зоне экваториальных лесов можно встретить и дома, плетеные из ветвей деревьев, черенков листа пальмы рафия, лиан, банановых листьев¹⁰.

Этнографы давно подметили любопытный факт: народы, живущие в сходных условиях и по соседству друг с другом, строят дома по-разному. Русские северяне традиционно ставили дом к улице торцом, а русские южане располагали его вдоль улицы. Балкарцы, осетины, карачаевцы живут на Кавказе в тесной близости друг к другу. Если первые строят каменные одноэтажные дома, вторые – двухэтажные, а третьи – деревянные дома. Те, кто живет в лесной местности, строят дома и изготавливают хозяйственную утварь из дерева. Если рядом глина, то из нее делают кирпичи и строят кирпичные дома, из глины лепят посуду и даже игрушки. Южнорусское население до сих пор продолжает строить глинобитные дома (мазанки). Шатер бедуинов в Сахаре состоит из покрывала, сотканного из верблюжьей или ко-

зьей шерсти, и шестов, подпирающих сооружение. О богатстве бедуина судят по числу шестов в шатре, которое порой достигает восемнадцати. Похожа на него юрта – жилище кочевых народов (монголы, казахи, калмыки, буряты, киргизы). Деревянный каркас собирают в течение нескольких часов, его удобно перевозить. Летом юрту ставят прямо на землю, а зимой – на деревянную платформу. Войлоком обтягивают снаружи, из него же делают дверь. Войлочные покрытия дают прохладу летом и сохраняют тепло зимой. Пол устилают шкурами животных, а стены внутри – тканью. Свет проникает через дымовое отверстие вверх. Окна в юрте нет.

Прежде каждая группа индейцев Северной Америки имела свой тип жилища: индейцы Навахо строили полуземлянки с глинобитной кровлей и входным коридором – хоганы. Индейцы Флориды жили в свайных хижинах. Кочевники Субарктики жили в шалашах – вигвамах, которые покрывались летом берестой, а зимой шкурами [10]. Яранга – жилище из жердей и оленьих шкур. Основу яранги делают из жердей и покрывают оленьими или моржовыми шкурами. С топливом в Арктике проблема, поэтому внутри яранги устраивают отдельную спальню – как ящик на боку, который закрывается шкурами мехом наружу и внутрь. Пространство за пологом отапливается жировыми лампами [10]. Жилища берберов в пустыне Сахаре – это глубокие земляные ямы, в которых сделаны внутренние помещения и двор. На склонах холмов и в пустыне вокруг них расположены пещеры. Кровати – небольшие углубления в стенах. Подземные жилища хорошо спасают от жары – в этих меловых пещерах прохладно [10]. Основным тип жилища банту – круглый дом с плетеными стенами, часто обмазанными глиной. Иногда стены штукатурились и расписывались.

Одежда и обувь как характеристики традиционного уклада

Климат, природа и культура обусловили многообразие видов человеческой одежды. Овчинную одежду (шубы, полу-

¹⁰ <http://www.kunstkamera.ru>

шубки) носили преимущественно в северном регионе. Русские, коми–пермяки, манси имели одежду из меха диких животных. Совики, малицы, гусь, порхи глухого покроя шили из оленьих шкур мехом наружу [7]. Многие народы Среднего Урала носили берестяные и лыковые лапти, кожаные коты, бахилы. Для ходьбы на лыжах манси, коми–пермяки, северные русские крестьяне надевали уледи, сшитые целиком из кожи, или порубни, их подошва была из кожи, а верх – из сукна. Общераспространенной зимней обувью являлись валенки. Овчинные шапки–ушанки, валяные колпаки носили преимущественно северные русские, коми–пермяки, манси [15].

При раскопках древних поселений археологи обнаружили следы одежды первобытных людей. Наши предки сидели у очага на шкурах, спали, накрывшись шкурами, накидывали их на плечи в прохладную погоду. Первобытный человек для выделки шкур использовал каменные скребки и иглы. Среди находок оказались комочки охры – красной минеральной краски. Люди в те времена раскрашивали ею свои тела из магических или эстетических соображений. Возможно, они обмазывались охрой с головы до ног, защищая кожу от холода и укусов насекомых. Так поступают до сих пор некоторые африканские и индейские племена. Именно краска была первой «одеждой» людей.

После наступления ледника племена, ушедшие на север, вынуждены были проявить недюжинную изобретательность, чтобы приладить поудобнее звериные шкуры на своих плечах и поясе. Правда, уже тогда были известны юбочка, передник, набедренная повязка из коры или сплетенной травы. Одежду придумали, чтобы уберечь тело от холода, насекомых, искр костра. Археологи считают, что люди, жившие в суровом климате, вблизи великого ледника на севере Европы и Азии, изначально носили меховую одежду, в частности штаны. У людей, живших в более теплых местах, этот вид одежды появился после одомашнивания лошади, когда человек начал ездить верхом.

Меховую одежду носили английские крестьяне ХП века. Вот что Вальтер Скотт писал в «Айвенго»: «Одежда состояла из кожаной куртки от шеи до колен, сшитой из дубленой шкуры какого–то зверя, мехом вверх. Чтобы куртка плотнее прилегала к телу, она была перетянута широким кожаным поясом с медной застежкой». Ее модно носить и сейчас, по прошествии ста тысяч лет. Никто не может раскрыть этой удивительной загадки: почему самая древняя одежда является самой модной?

Традиционная одежда алеутов парка – длинная глухая одежда из меха морского котика, калана, птичьих шкурок (парка) – защищает людей от сурового климата. Поверх неё надевали камлейку – глухую непромокаемую одежду из кишок морских животных с рукавами, глухим закрытым воротом и капюшоном (прообраз европейской ветровки). Края капюшона и рукавов затягивали шнурками. Парки и камлейки украшали вышитыми полосами и бахромой. Мужская и женская одежда полностью совпадала по крою и украшениям [1].

В глобальном мире все иначе. Если американке сказать, что на ней надето очень красивое платье, то она сразу вам начнет рассказывать, что только что купила его в очень дорогом магазине. Хотя на самом деле отоварилась на самой дешевой распродаже. Американцы всегда стараются выглядеть преуспевающими. А вот если москвичке сделать комплимент по поводу ее платья, то она, наоборот, заохает, что платье–то старое, долго лежало, куплено еще по старым ценам. Хотя на самом деле – новое. В этой разнице – отражение нашей привычки любить старые вещи и не хвастаться богатством, чтобы не сглазить.

Этнографы делят всю одежду на сшитую и напитуую. Сшитой считается одежда, при изготовлении которой куски ткани или кроя одного куска соединяются с помощью иголки и нитки. Несшитая – та, которая держится на человеке благодаря его умению правильно располагать ткань на своей фигуре. Сшитая одежда делится на глухую и распашную. Эскимос свою глухую куртку

с капюшоном надевает и снимает через голову, пешие охотники тайги – эвенки носят куртку распахнутую. От такого костюма в древнейшей форме произошли распахнутые халаты, которые стягивались в талии кушаком. Это преобладающий тип одежды в Средней, Центральной и частично в Юго–Восточной Азии, сохранившийся до наших дней.

Известно, что некоторые вещи, изначально призванные выполнять одну функцию, со временем начинают выполнять совсем иную, иногда противоположную. Одежда была изобретена человеком не только для спасения от холода, но и для прикрытия наготы, т.е. ради ограничения сексуальных возбуждений у представителей противоположного пола. Однако в современном обществе одежда молодых женщин, например, мини–юбки и платье с глубоким декольте не смиряют, а возбуждают страсти. Они стали выполнять совсем иные функции. Как ни странно, те предметы, которые сегодня на 100% считаются женскими, в момент возникновения были мужской привилегией. Так, шелковые чулки в XI веке с удовольствием носили крестоносцы. К чистоте и личной гигиене Европу приучили арабы в период их европейских завоеваний – они ввели опрятность в одежде, употребляя нижнее моющееся белье из полотна. Раньше платье не только грело и украшало человека, но и показывало его место в обществе. Знать стремилась к тому, чтобы ее костюм отличался от одежды простолюдинов. В каждом государстве это достигалось по–своему. На Руси богатые люди использовали мех соболя, а те, кто победнее, – бараний мех, а иногда и собачий.

Шотландский король носил семицветную одежду, его придворные могли одевать костюмы из пяти разных цветов, а бедноте положена была одежда однотонная. В Польше в XVI веке был принят специальный закон, в котором говорилось: «Чтобы никакой мещанин или плебей не дерзнул употреблять шелкового платья, чтобы никто из них не ходил в сафьяне и не носил никаких мехов, кроме лисьих. За нарушение сего

штраф». Мужчины–бедуины носят длинные рубашки–платья «джалабея» белого цвета. На голове – «смагг» (красно–белый платок) или «аймемма» (белый платок). У женщин – яркие длинные платья (также как и у мужчин), а когда выходят из дома одевают «абая» (тонкие, длинные черные платья–плащи). Они всегда покрывают голову и волосы при помощи «тарха» (черный, тонкий платок). Молодежь сегодня покрывает голову просто платком («тарха»)¹¹.

Способ и умение носить одежду определяли положение человека в обществе. Так, например, мудрецы и ученые мужи прятали под складками одежды кисти рук, чтобы показать, что они не занимаются физической работой. Рубаха и штаны входят в моду в конце существования Римской империи под влиянием варваров. Однако в средневековой Европе довольно долгое время мужчины и женщины ходили в юбках. Еще в IX–XI веках крестьянам запрещали носить штаны, они считались принадлежностью туалета господствующего класса – дворян. Юбка и сегодня – распространенная мужская одежда в Южной и Юго–Восточной Азии. В Европе штаны в мужском костюме вытеснили юбку лишь в XVII веке.

На Руси основной формой одежды было платье (сшитое из различных тканей, в зависимости от богатства хозяина), рубаха и порты. Поверх рубахи одевали зипун (узкая одежда до колен), который считался домашней одеждой. А если приходили гости, то поверх него надевали кафтан из цветного шелка или бархата. До Петра I кафтаны носили и мужчины, и женщины, и богатые, и бедные. Оказывается, на Руси мужская и женская одежда по покрою не отличалась друг от друга. Основой женской одежды была длинная сорочка. Сверху надевали сарафан, это одежда без рукавов, снизу доверху застегивающаяся на пуговицы. В Европе головной убор указывал на род занятий человека, например, богословы и ученые носили черную шапочку, врач – берет, нотариус – бобровую шапку. Драгуны являлись от-

¹¹ <http://www.vdahabe.ru>

борными конными войсками. К головному убору драгуна – шлему – прикреплялся сзади «конский хвост», защищавший шею и плечи всадника от удара саблей.

Долгое время одежду шили сами. Только с развитием городов в XIII–XIV веках знать и горожане стали одеваться в покупные ткани. Гардероб городских жителей был гораздо разнообразнее, чем одежда крестьян. Разница была не в покрое платья, а в количестве одежды и в той материи, из которой она шилась. Одежда казахов указывала на возрастные особенности ее хозяев. Например, женская одежда делилась на одежду невесты, замужней женщины, женщины до рождения первого ребенка, пожилой женщины. У мужчин такой четкой классификации не было. Одежду шили с учетом социального положения и профессии хозяина [22].

Одежда – такой же социальный символ, как речь и поведение. У нее три основные функции: обеспечение комфорта, соблюдение приличий и демонстративное выражение. В различные эпохи правила приличия не совпадали, но главный принцип оставался неизменным: чем более пуританским являлось общество, тем тщательнее пряталось тело. Не всякую униформу люди носят с удовольствием. К примеру, гусарскую одежду мужчины носили с огромной гордостью. Но можно ли то же самое сказать об униформе современного дорожного рабочего или заключенного? Гордятся ли они своей одеждой, которая выделяет их среди массы людей? Некоторые виды одевания придуманы нарочно только для того, чтобы оскорбить человека, подчеркнуть его униженное положение. К ним относятся, например, кандалы, которые носили каторжане и рабы. Во время второй мировой войны фашисты заставляли евреев надевать желтые звезды. В арабских странах одевание женщин скрывает не только тело, но и его очертания. Когда-то в Англии считалось непристойным произносить даже слово «нога», а ножки рояля закрывали чехлами.

В последние годы на Западе наметилась обратная тенденция. Демократиче-

ское общество все более неприязненно относится к привилегиям, и это заставляет представителей высшего класса демонстрировать свой статус как-то иначе. Стало немодным подчеркивать принадлежность к элите. На смену «клубному» пиджаку яхтсмена пришла одежда, заимствованная у представителей общественных «низов», – она позволяет показать, что в груди у богатых и знаменитых людей бьется сердце «простых парней» [12].

Одежда, созданная только для того, чтобы согреть человека, предлагает целый спектр превращений в символ, знаковую систему. Бесчисленны образцы мантий, кафтанов, поясов, навлекаемых из древних могил, выставленных в музеях, изображенных на полотнах художниками. Их основное назначение – обозначить место человека в обществе, его роль и социальный статус. Одежда покрывалась шитьем, золотыми аппликациями, драгоценными камнями, чтобы символика стада еще выразительнее. Стоимость одевания зачастую намного превышала цену человека. Стоимость платья придворного равнялась годовому бюджету большой семьи ткача или шахтера. То же самое и с жилищами – от лачуг до дворцов. Подчас символика едва ли не полностью поглощала их исходный смысл и функцию – укрывать людей от непогоды [21].

Литература

1. Антропова В.В. Алеуты. – М.; Л., 1956.
2. Арутюнов С.А., Мкртумян Ю.И. Проблемы типологического исследования механизмов жизнеобеспечения в этнической культуре // Типология основных элементов традиционной культуры. – М., 1984. – С. 19–34.
3. Арутюнов С.А., Хазанов А.М. Археологические культуры и хозяйственно–культурные типы: проблема соотношения // Проблемы типологии в этнографии. – М., 1979. – С. 140–147; Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н. 1955. Хозяйственно–культурные типы и историко–этнографические области: К постановке вопроса // СЭ.–1955. – No 4. – С. 3–17; Реше-

- тов А.М. 1980. Основные хозяйственно-культурные типы ранних земледельцев // Ранние земледельцы. – Л., 1980. – С. 34–42.
4. Барадулин В.А. Народные росписи Урала и Приуралья: Крестьянский расписной дом. – Л., 1988. – С. 76–166.
 5. Богораз–Тан В.Г. Распространение культуры на Земле. Основы этнографии. – М. – Л. 1928.
 6. Власова И.В. Община и обычное право у русских крестьян Северного Приуралья (XVII–XIX вв.) // Русские; Семейный и общественный быт. – М., 1989. – С. 30.
 7. Глушков И.Н. Чердынские вогулы: Этнографический очерк. – М., 1900. – С. 25; На путях из земли Пермской в Сибирь: Очерки этнографии североуральского крестьянства XVII–XX вв. – М., 1989. – С. 152.
 8. Дектерев С.А. Климат и архитектура народного жилища. – Свердловск, 1989; Чагин Г.Н. На древней Пермской земле. – М., 1988.
 9. Димухаметова С.А., Чагин Г.Н. Изучение культуры и быта старообрядческого населения Верхокамья // Музеи в атеистической пропаганде. – Л., 1986. – С. 5–18; Никитина С.Е. Устная народная культура и языковое сознание. – М., 1992.
 10. История человеческого жилища от древнейших времен до наших дней. – М., 1991.
 11. Маркина Н. Европейцы каменного века делали муку из рогоза и папоротника (Infox.ru).
 12. Моррис Д. Одежда и социология // Ровесник. 90. № 7. С. 12–13.
 13. См.: Списки населенных мест Пермской губернии. – Пермь, 1909–1912; Власова И.В. Община и обычное право у русских крестьян Северного Приуралья (XVII–XIX вв.) // Русские; Семейный и общественный быт. – М., 1989. – С. 24–44.
 14. Советская социология. Т. 1. М., 1982. С. 191.
 15. Чагин Г.Н. Культура и быт русских крестьян Среднего Урала в середине XIX – начале XX века (этнические традиции материальной жизни). – Пермь, 1991.
 16. Чагин Г.Н. На древней Пермской земле. – М., 1988.
 17. Чагин Г.Н. Природная среда и особенности культурно-бытовых традиций народов Среднего Урала в середине XIX – начале XX века // Материальная культура народов России / Гл. ред. В.Т. Пуляев, Н.А. Томилов. – Новосибирск, Наука, 1995. – С. 122–139.
 18. Чагин Г.Н. Сельское расселение в Северном Прикамье (вторая половина XVI – начало XX в.) // Демографические процессы на Урале в эпоху феодализма. – Свердловск, 1990. – С. 24–34.
 19. Чагин Г.Н. Этнокультурное взаимовлияние русских и манси Северного Урала в XVIII–XIX вв. // Взаимодействие древних культур Урала. – Пермь, 1990. – С. 72–78.
 20. Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А. Экология и типы традиционного сельского жилища // Типология основных элементов традиционной культуры. – М., 1984. – С. 34–64.
 21. Черных Е.Н. Символы древних культур // Знание–сила. 1989. № 9. С. 38–44.
 22. Этнография казахского народа. – URL: <http://bibliotekar.kz>

LIFESTYLE: A GLOBAL DIVERSITY OF CULTURAL DIFFERENCES

Kravchenko A.I.

professor, Deputy Editor-in-Chief of the journal "Sociology"

Lifestyle is not one of the fundamental categories of theoretical sociology. It belongs rather to its descriptive and empirical part, being at the intersection of a number of disciplines, including cultural anthropology, ethnography, philosophy, and history. Nevertheless, it is impossible to achieve a complete sociological description of the picture of the world without characterizing the lifestyle of a particular people. It characterizes any actor of social action, whether it is an individual, group, community, nation, nationality, as well as any time period and historical era. Lifestyle is understood as a combination of characterological features of everyday behavior, customs, traditions, norms and values ex-

pressed in where a person lives, how he dresses, eats, sleeps and works. In this interpretation, this concept is almost closer to the category of culture, but unlike it, it does not incorporate material monuments of the people and artifacts that serve as an indispensable component of culture. It is more correct to consider objects of material culture as tools and means of realizing this or that way of life. Their features, which are considered in this article, determine the specifics of the people's lifestyle. Lifestyle can be called the dynamic side of culture, just as we call the social role the dynamic side of social status. It serves as a cultural marker of social-class, ethno-religious and historical differences of people.

Keywords: lifestyle, culture, mores, behavior, lifestyle, living conditions, quality of life, way of managing.

References

1. Antropova V.V. Aleuts. – M.; L., 1956.
2. Arutyunov S.A., Mkrtumyan Yu.I. Problems of typological research of life support mechanisms in ethnic culture // Typology of the main elements of traditional culture. – M., 1984. – P. 19–34.
3. Arutyunov S.A., Khazanov A.M. Archaeological cultures and economic-cultural types: the problem of correlation // Problems of typology in ethnography. – M., 1979. – P. 140–147; Levin M.G., Cheboksarov N.N. 1955. Economic and cultural types and historical and ethnographic areas: Towards the formulation of the question // SE.–1955. – No. 4. – P. 3–17; Reshetov A.M. 1980. The main economic and cultural types of early farmers // Early farmers. – L., 1980. – pp. 34–42.
4. Baradulin V.A. Folk paintings of the Urals and the Urals: Peasant painted house. – L., 1988. – P. 76–166.
5. Bogoraz-Tan V.G. Spread of culture on Earth. Fundamentals of ethnography. – M. – L. 1928.
6. Vlasova I.V. Community and customary law among Russian peasants of the Northern Urals (XVII–XIX centuries) // Russian; Family and social life. – M., 1989. – P. 30.
7. Glushkov I.N. Cherdyn Voguls: Ethnographic essay. – M., 1900. – P. 25; On the routes from the land of Perm to Siberia: Essays on the ethnography of the Northern Ural peasantry of the 17th–20th centuries. – M., 1989. – P. 152.
8. Dekterev S.A. Climate and architecture of folk housing. – Sverdlovsk, 1989; Chagin G.N. On the ancient Perm land. – M., 1988.
9. Dimukhametova S.A., Chagin G.N. Study of the culture and life of the Old Believer population of Verkhokamyë // Museums in atheistic propaganda. – L., 1986. – P. 5–18; Nikitina S.E. Oral folk culture and linguistic consciousness. – M., 1992.
10. History of human habitation from ancient times to the present day. – M., 1991.
11. Markina N. Stone Age Europeans made flour from cattails and ferns (Infox.ru).
12. Morris D. Clothing and sociology // Coeval. 90. No. 7. P. 12–13.
13. See: Lists of populated places in the Perm province. – Perm, 1909–1912; Vlasova I.V. Community and customary law among Russian peasants of the Northern Urals (XVII–XIX centuries) // Russian; Family and social life. – M., 1989. – P. 24–44.
14. Soviet sociology. T.1. M., 1982. P. 191.
15. Chagin G.N. Culture and life of Russian peasants of the Middle Urals in the mid-19th – early 20th centuries (ethnic traditions of material life). – Perm, 1991.
16. Chagin G.N. On the ancient Perm land. – M., 1988.
17. Chagin G.N. Natural environment and features of cultural and everyday traditions of the peoples of the Middle Urals in the mid-19th – early 20th centuries // Material culture of the peoples of Russia / Ch. ed. V.T. Pulyaev, N.A. Tomilov. – Novosibirsk, Science, 1995. – P. 122–139.
18. Chagin G.N. Rural settlement in the Northern Kama region (second half of the 16th – early 20th centuries) // Demographic processes in the Urals in the era of feudalism. – Sverdlovsk, 1990. – P. 24–34.
19. Chagin G.N. Ethnocultural mutual influence of Russians and Mansi of the Northern Urals in the 18th – 19th centuries. // Interaction of ancient cultures of the Urals. – Perm, 1990. – pp. 72–78.
20. Cheboksarov N.N., Cheboksarova I.A. Ecology and types of traditional rural housing // Typology of the main elements of traditional culture. – M., 1984. – P. 34–64.
21. Chernykh E.N. Symbols of ancient cultures // Knowledge is power. 1989. No. 9. P. 38–44.
22. Ethnography of the Kazakh people. – URL: <http://bibliotekar.kz>

Виртуальный досуг молодежи как условие социализации

Кузнецова Екатерина Александровна,

преподаватель Государственного автономного профессионального образовательного учреждения Иркутской области «Байкальский техникум отраслевых технологий и сервиса»
E-mail: kuznecova.ea2023@bk.ru

В статье рассматриваются особенности трансформации досуга молодежи. Отдельно в сфере досуга рассматривается виртуальное пространство, анализируются его уникальные формы. Рассматривается процесс становления социализации молодежи в виртуальном пространстве через организацию цифрового досуга. Изучаются реальные условия и потенциальные формы развития социализации молодых людей в виртуальном досуге.

Ключевые слова: виртуальность, досуг, молодежь, новая реальность, интерактивность, цифровое пространство, социализация, цифровая социализация.

Досуг современной студенческой молодежи является важной темой для изучения. Этот слой населения представляется наиболее активным, у молодых людей больше энергии и эту энергию необходимо направлять в нужное русло. Именно в молодом возрасте качественная организация свободного от учебы времени даст полноценное развитие личности.

Обычно досуг воспринимается как то, что наполняет свободное время. Поэтому оно может формироваться исходя из индивидуальных потребностей и установок молодых людей, и поэтому помогает им самовыразиться. Хобби и увлечения могут быть частью досуга, так как они могут включать в себя не только то, что хочется, но и то, что надо делать. Тогда как досуг строится на той деятельности, которая приносит удовольствие.

В современном мире молодежь склонна к тому, чтобы проводить всё свое свободное время в интернете. Это объясняется, во-первых, быстрым развитием цифровых технологий и количеством контента, который публикуется в сети, во-вторых, в виртуальном мире молодые люди находят больше поддержки и внимания, чем в реальном, им там интереснее. Интернет обладает неограниченным ресурсом разнообразной информации, которая может изменить смыслы и контекст личного развития.

Компьютеры и смартфоны, социальные сети и онлайн-игры являются приоритетом досуга многих молодых людей. Более того, коммуникации, личные дружеские и интимные отношения также могут поддерживаться в виртуальной среде. При этом возникают негативные последствия включенности в виртуальное пространство – это всевозможные интернет-зависимости (зависимость от постоянного нахождения в социальных сетях, от виртуальных покупок, от компьютерных игр – не имеет значения).

Изменение форм и особенностей досуга молодежи изучается с разных сторон. Хобби как время препровождения исследуется А.С. Анушкиной [1], М.А. Головчина [8, 9], О.В. Дудина [14], Р.В. Ершова [15], И.А. Журавлевой [16]. Влияние виртуализации на новые смыслы жизни и ценности молодых людей затрагиваются в работах Р.Г. Ардашева [2–6], П.А. Баева [7], Л.А. Гуринович [12] и П.П. Люборцева [13], Е.А. Кузнецовой [17, 18], В.А. Скуденкова [24, 25]. Вопросы цифровой идентичности молодежи в виртуальном пространстве рассматриваются Н.А. Голубевой [10], Г.Я. Гревцевой [11], О.А. Полюшкевич [19–23], Г.У. Солдатовой [26] и т.д.

Особенности организации и анализ результатов исследования

В опросе приняли участие 2300 человек в возрасте от 18 до 25 лет включительно, 55% женщин и 45% мужчин. Респондентами были студенты вузов Иркутска, Улан-Удэ, Красноярска, Новосибирска и Томска. Исследование проводилось в виде онлайн-анкетирования.

На вопрос «Какое кол-во времени вы уделяете досугу (в день)?» Более половины (53%), ответили «до двух часов», 33% «до четырех часов», 10% более пяти часов и 4% до часа. Из этого можно сделать вывод, что в среднем досугу уделяется где-то полтора часа. Это связано с тем, что учебное время, задания, подготовка к экзаменам – всё это занимает большую часть дня, поэтому на собственные интересы остаётся не так много времени, но это оптимально для получения удовольствия и знаний от процесса, будь то спорт, хобби или чтение книги.

На следующий вопрос «Вы выбираете проводить время в одиночестве или в компании?» большинство респондентов ответили, что в компании (55%). Такой перевес можно объяснить тем, что человек – существо социальное, ему нужно взаимодействовать с людьми, обмениваться эмоциями и получать обратную связь.

Когда мы уточнили, в социальных сетях вы предпочитаете находится в оди-

ночестве, в общении тет-а-тет или в кругу большого количества людей (например, играя в игры или участвуя в групповом обсуждении). Мы получили не столь однозначные ответы. В виртуальном пространстве предпочитают быть наедине с собой (читая посты или книги, рассматривая фото или видео, слушая музыку) – 42% опрошенных общаться, тет-а-тет – 33% и только 25% указало на то, что предпочитают групповое взаимодействие (т.е. практически в два раза меньше, чем в реальной жизни). Это подчеркивает уникальность досуга молодежи в реальном мире и виртуальном пространстве.

Ответы о том, с кем чаще вы общаетесь в реальной жизни и виртуальной совпадают: с друзьями (по 70%), с родственниками (20% в реальной жизни и 10% в виртуальном пространстве), с незнакомцами (10% в реальной жизни и 20% в виртуальной). Иными словами, какие бы возможности общения с незнакомыми людьми не давал интернет – предпочтения на общение с известными людьми, которых можно назвать друзьями или приятелями остается в приоритете.

Следующий вопрос: «Чем вы занимаетесь в свободное от основных дел время?». На первом месте оказались прогулки с друзьями, их предпочитают 44%. Причина этому в предыдущем выводе. На втором – время, проведенное в интернете, данный вариант досуга выбирают 32%. Это обусловлено тем, что сейчас век информационных технологий, интернета, нейросетей и не секрет, что поколение Z значительную часть времени проводит в сети, поглощая разный контент, от развлекательного до образовательного. Ну и на третьем месте – различные хобби, этот ответ выбрали 23%. Это традиционный вид досуга. Даже при знакомстве после вопроса «кем ты работаешь?» или «где ты учишься?», идёт вопрос «какие у тебя хобби?» (табл. 1).

На вопрос «Какие каналы/шоу вы чаще всего смотрите по телевизору?» большинство респондентов ответили, что развлекательные (44%). Возможно, причина этому – нынешняя повестка.

Люди, не только молодёжь, в последнее время испытывают много стресса из окружающего мира и стараются потреблять позитивный контент из цифрового мира (табл. 2).

Таблица 1. Досуг молодежи

Характеристика	Процент
Гуляю с друзьями	85%
Хожу по клубам, дискотекам	25%
Посещаю музеи, театры	20%
Хобби (коллекционирование, музыка, живопись и т.д.)	50%
Играю в компьютерные игры	40%
Занимаюсь спортом	15%
Сижу в интернете	55%
Сижу дома, делаю уроки	35%

Таблица 2. Просмотр каналов

Наиболее частые каналы или шоу для просмотра	Процент
Аналитические	15%
Музыкальные	20%
Новостные	30%
Развлекательные	70%
Познавательные	35%
Я не смотрю телевизор	30%

Следующий вопрос: «Что вы чаще всего читаете?». На первом месте оказались книги в романтическом жанре. Молодёжь любит читать про любовь, это что-то легкое, жизненное, приближенное к реальности. На втором – фантастика, это как раз противоположность романам, выдуманный мир даёт возможность отвлечься от реальной жизни. Ну и на третьем месте расположились 2 жанра – биографическая и историческая литература. Возможно, это вызвано тем, что и тот и другой жанр рассказывает нам о выдающихся личностях и событиях и это мотивирует молодых людей на собственные подвиги и свершения.

Интересно и то, что печатные книги (в харде) читают 15% опрошенных,

53% предпочитает электронный формат и 32% аудиоформат (табл. 3).

Таблица 3. Предпочтительное чтение молодежи

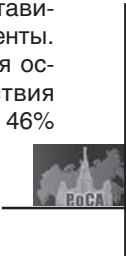
Предпочитаемое чтение	Процент
Журналы	15%
Фантастика	30%
Биографическая литература	25%
Историческая литература	25%
Фэнтези	20%
Научная литература	15%
Романы	45%
Я не люблю читать	15%

Далее идёт вопрос «Принимаете ли вы участие в общественной жизни вашего учебного заведения /города / страны?». 33% человек ответили «да», 48% человек ответили «нет», еще 19% не участвуют, но хотели бы. Из этого можно сделать вывод, что большинство респондентов не участвуют в общественной жизни своей образовательной организации /города /страны. Это может быть связано с отсутствием мотивации, интереса, непониманием своей значимости в том или ином мероприятии. К тому же здесь играет важную роль занятость студента, ему просто не хватает времени на что-то другое, кроме учебы и работы.

«Занимаетесь ли вы саморазвитием во время досуга?». Большинство респондентов, а именно 44% человека, ответили положительно. Это может быть связано с постоянным желанием совершенствоваться и поэтому выбор падает на соответствующий досуг. Но при этом 56% ответили, что нет и как следствие досуг и саморазвитие для них не связаны.

Размышляя о процессах социализации в результате интернет-взаимодействия молодые люди ставили достаточно разнообразные акценты.

Компьютерные игры становятся основой виртуального взаимодействия и последующей социализации для 46%

респондентов. Они говорят, что в процессе игры происходит развитие личных качеств и навыков (26%), умении стратегически мыслить (24%), общих навыках стратегического или тактического мышления (25%), умении переключать внимание (15%) и концентрировать внимание (10%). Иными словами, компьютерные игры – это форма саморазвития и социализации молодых людей.

Нахождение на маркетплейсах позволяет им не только тратить деньги, но и зарабатывать, давая комментарии и оценивая те или иные позиции – а это возможность адаптации и заработка (22%). В этом процессе они получают основы продвижения товаров (23%), осознают способы управления вниманием потребителей через рекламу (21%), осваивают техники фотошопа и выкладки товаров (20%), могут освоить техники нейролингвистического программирования (18%) и рассматривают в будущем данный вид деятельности как свой основной источник дохода, позволяющий быть не привязанным к месту и времени (18%).

Общение в социальных сетях развивает навыки коммуникации (42%), умение понимать собеседника по мелким деталям (наблюдательность, внимательность, логика, дедукция) – 58%.

Визуальное оформление социальных сетей (фото и видео материалы) требуют навыков фотографа (35%), видеографа (32%), стилиста (23%), визажиста (10%) и т.д.

Написание текстов (постов) в социальных сетях требует развития навыка «писательства» (56%), начитанности (34%), харизматичности (10%).

Иными словами, если к досугу в интернет-пространстве подходить серьезно и вдумчиво, то даже без непосредственной занятости – он дает возможность развить желаемые и необходимые навыки и качества, которые повышают уровень компетентности и в целом социализации молодого человека. Досуг в пространстве Интернет становится возможностью не просто самовыразиться, но и развиваться, получая те знания, которые можно будет в дальнейшем ис-

пользовать во взаимодействии с разными людьми и ситуациями. Это форма социализации, которая повышает социальный капитал и уровень конкуренции молодежи.

Латинский лозунг – быть первым среди равных (*лат. Primus inter pares*) становится формой состязания среди пользователей различных социальных сетей, а по факту инструментом их социализации в новом цифровом мире. Пока этот формат лишь возможность попробовать себя в новом качестве, но в будущем это может стать целой индустрией. В тоже время, именно это позволяет говорить о новых жизненных перспективах молодых людей, формировании альтернативных моделей успешной социализации, когда человек получает независимость, социальный статус, уважение через то, что он делает в виртуальном мире. Эти перспективы социального моделирования реальности людей нового цифрового общества изменят повседневный уклад и ценности всех поколений, но прежде всего молодежи, так как они в большей степени погружены в новое виртуальное поле социального взаимодействия.

Выводы

Современная молодёжь предпочитает проводить своё свободное время в компании друзей, прогуливаясь с ними по городу, например. Что касается книг и ТВ шоу, то тут сделан акцент на положительные эмоции и позитивный контекст. Чаще книги читают электронные или слушают в аудио формате также в онлайне. Также неотъемлемой частью досуга является интернет, в нём молодые люди обращаются к развлекательному и образовательному контенту.

Более того, процесс социализации (освоения новых навыков, качеств, получение нового опыта, который влияет на ценности и мировоззрение молодых людей, жизненные ориентиры и жизненные траектории (в виде учебы, работы, досуга в онлайн) становится все более распространенным следствием успешной социализации молодежи в виртуальном пространстве. Это указывает на реальное изменение пространства

возможностей для успешной жизни современных молодых людей и будущих кардинальных перемен в общественной жизни, когда сегодняшняя молодежь станет старше.

Видится достаточно перспективным направление более детального изучения механизмов социализации, методов личного, социального и профессионального развития молодых людей в цифровом пространстве. Виртуальность уже стала частью нашей жизни, поэтому ее возможности только расширят условия саморазвития каждого члена нашего общества. Но вместе с тем, необходимо проводить регулярный мониторинг и делать диагностику того – что меняется, как это влияет на идентичность людей и сообществ, как это воздействует на социальную солидарность или дезинтеграцию, какие идеологические смыслы раскрываются в новом виртуальном мире перед разными людьми и насколько удовлетворенными новыми условиями жизни и социализации будут сами молодые люди.

Это то, что позволит изучить уровень социального самочувствия молодежи в виртуальном мире, разработать программы и проекты по поддержке и развитию различных начинаний, создать условия для раскрытия множества возможностей и вместе с этим – появятся новые механизмы управления общественным мнением и социальным управлением общественным развитием.

Литература

1. Анушина А.С. Хобби как способ досугового времяпрепровождения молодежи // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2020. № 2 (42). С. 295–300.
2. Ардашев Р.Г. Виртуализация в новых смысловых ориентациях россиян // Глобальные и региональные воздействия в системе современных обществ: сборник научных трудов. Иркутск, ИГУ, 2021. С. 130–134.
3. Ардашев Р.Г. Изменение сознания в эпоху постпандемического общества // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений. Материалы VI международной научно-практической интернет-конференции: в 2 ч. Вологодский научный центр Российской академии наук. Вологда, Вол НЦ РАН, 2021. С. 76–79.
4. Ардашев Р.Г. Новые смыслы в сознании молодежи: влияние виртуальности // В поисках социальной истины. Материалы III Международной научно-практической конференции. Иркутск, ИГУ, 2021. С. 152–156.
5. Ардашев Р.Г. Особенности сознания и психологического здоровья в условиях виртуализации // Гуманистические и экологические ресурсы Байкала в укреплении социального здоровья и межнационального согласия в молодежной среде. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием: тематический сборник статей. Иркутск, ИГУ, 2021. С. 141–144.
6. Ардашев Р.Г. Сознание горожан в постпандемическом обществе // Креативные стратегии и креативные индустрии в экономическом, социальном и культурном пространствах региона. Материалы Третьей региональной научно-практической конференции. Иркутск, ИГУ, 2021. С. 125–128.
7. Баев П.А. Экспертный анализ моральных авторитетов современной молодежи // Экспертные институты в XXI веке: цивилизационные и цифровые концепции меняющегося мира. Сборник научных трудов Второй международной научно-практической конференции. Науч. редактор Т.И. Грабельных. Иркутск, ИГУ, 2023. С. 512–515.
8. Головчин М.А. Влияние интернет-активности на жизнь в эпоху цифровизации общества и экономики: на данных регионального исследования // Актуальные проблемы экономики и права. 2019. Т. 13. № 3. С. 1356–1369. DOI: 10.21202/1993-047X.13.2019.3.1356-1369.
9. Головчин М.А. Проявления цифровой социализации в молодежной среде: на данных пилотного опроса старшеклассников // Экономические и соци-

- альные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15. № 5. С. 237–256. DOI: 10.15838/esc.2022.5.83.13
10. Голубева Н.А. Особенности цифровой идентичности подростков и молодежи в современном технологическом обществе // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2020. № 1. С. 130–150.
 11. Гревцева Г.Я. Цифровая социализация личности в образовательной среде // Вестник ЮУрГУ. Серия: Образование. Педагогические науки. 2022. № 1. С. 40–49.
 12. Гуринович Л.А. Измерение социальной значимости виртуальной реальности в жизненном пространстве молодежи // Социальная реальность виртуального пространства. Материалы V Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, ИГУ, 2023. С. 23–26.
 13. Гуринович Л.А., Люберцев П.П. Исследование возможностей применения технологий воспитания и социального образования работающей молодежи в условиях виртуального пространства // Социальная реальность виртуального пространства. Материалы III Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, ИГУ, 2021. С. 360–363.
 14. Дудина О.В. К вопросу о структуре цифровой социализации в контексте современного образования // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. 2021. № 3 (112). С. 161–166.
 15. Ершова Р.В. Цифровая социализация личности в эпоху глобальных перемен // Прикладная психология на службе развивающейся личности. Коломна: Государственный социально-гуманитарный университет. 2019. С. 49–54
 16. Журавлева И.А. Восприятие студентами удаленного обучения в университете // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2020. № 8. С. 12–15.
 17. Кузнецова Е.А. Интернет как фактор социализации молодежи // Социология. 2023. № 6. С. 19–26.
 18. Кузнецова Е.А. Цифровая социализация молодежи // Социология. 2023. № 3. С. 59–66.
 19. Полюшкевич О.А. Виртуальная самопрезентация в период пандемии COVID-19 и после ее // Гуманитарное знание и духовная безопасность. Сборник материалов VII Международной научно-практической конференции. Грозный – Махачкала, 2020. С. 303–307.
 20. Полюшкевич О.А. Виртуальная составляющая социальной идентичности // Социальная реальность виртуального пространства. материалы II Международной научно-практической конференции. Иркутск, ИГУ, 2020. С. 10–25.
 21. Полюшкевич О.А. Иррациональные основы формирования социальной идентичности под влиянием виртуальности // Социология. 2020. № 5. С. 163–176.
 22. Полюшкевич О.А. Моральный выбор в структуре просоциального поведения // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2020. № 11. С. 127–131.
 23. Полюшкевич О.А. Репрезентация молодежи: приватное и публичное в социальных сетях // Диалоги о культуре и искусстве. материалы X Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). Пермь, 2020. С. 122–126.
 24. Скуденков В.А. Влияние виртуальности на экономические притязания граждан России // В поисках социальной истины. Материалы III Международной научно-практической конференции. Иркутск, ИГУ, 2021. С. 181–183.
 25. Скуденков В.А. Роль социальных сетей в удовлетворении желаний молодежи // Социальная реальность виртуального пространства. Материалы I Международной научно-практической конференции. Иркутский государственный университет; Под общей редакцией О.А. Полюшкевич, Г.В. Дружинина. Иркутск, ИГУ, 2019. С. 176–179.

26. Солдатова Г.У. Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 3. С. 71–80. DOI: 10.17759/sps.2018090308

VIRTUAL LEISURE OF YOUTH AS A CONDITION OF SOCIALIZATION

Kuznetsova E.A.

Baikal College of Industrial Technologies and Services

The article deals with the peculiarities of transformation of youth leisure. Virtual space is considered separately in the sphere of leisure, its unique forms are analyzed. The process of formation of youth socialization in virtual space through the organization of digital leisure is considered. Real conditions and potential forms of development of socialization of young people in virtual leisure are studied.

Keywords: virtuality, leisure, youth, new reality, interactivity, digital space, socialization, digital socialization.

References

1. Anushina A.S. Hobbies as a way of leisure time for young people // Skif. Questions of student science. 2020. No. 2 (42). pp. 295–300.
2. Ardashev R.G. Virtualization in new life-meaning orientations of Russians // Global and regional influences in the system of modern societies: collection of scientific works. Irkutsk, ISU, 2021. pp. 130–134.
3. Ardashev R.G. Changing consciousness in the era of post-pandemic society // Global challenges and regional development in the mirror of sociological dimensions. Materials of the VI international scientific and practical Internet conference: at 2 o'clock. Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Vologda, Vol Scientific Center RAS, 2021. pp. 76–79.
4. Ardashev R.G. New meanings in the minds of young people: the influence of virtuality // In search of social truth. Materials of the III International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, ISU, 2021. pp. 152–156.
5. Ardashev R.G. Features of consciousness and psychological health in the conditions of virtualization // Humanistic and environmental resources of Baikal in strengthening social health and interethnic harmony among

- youth. Materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation: thematic collection of articles. Irkutsk, ISU, 2021. pp. 141–144.
6. Ardashev R.G. Consciousness of citizens in a post-pandemic society // Creative strategies and creative industries in the economic, social and cultural spaces of the region. Materials of the Third Regional Scientific and Practical Conference. Irkutsk, ISU, 2021. pp. 125–128.
 7. Baev P.A. Expert analysis of moral authorities of modern youth // Expert institutions in the 21st century: civilizational and digital concepts of a changing world. Collection of scientific papers of the Second International Scientific and Practical Conference. Scientific editor T.I. Rake. Irkutsk, ISU, 2023, pp. 512–515.
 8. Golovchin M.A. The influence of Internet activity on life in the era of digitalization of society and the economy: based on regional research data // Current problems of economics and law. 2019. Vol. 13. No. 3. pp. 1356–1369. DOI: 10.21202/1993-047X.13.2019.3.1356-1369.
 9. Golovchin M.A. Manifestations of digital socialization among youth: based on data from a pilot survey of high school students // Economic and social changes: facts, trends, forecast. 2022. T. 15. No. 5. pp. 237–256. DOI: 10.15838/esc.2022.5.83.13
 10. Golubeva N.A. Features of digital identity of adolescents and youth in modern technological society // Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series "Psychology. Pedagogy. Education". 2020. No. 1. P. 130–150.
 11. Grevtseva G. Ya. Digital socialization of personality in the educational environment // Bulletin of SUSU. Series: Education. Pedagogical sciences. 2022. No. 1. P. 40–49.
 12. Gurinovich L.A. Measuring the social significance of virtual reality in the living space of young people // Social reality of virtual space. Materials of the V International Scientific and Practical Conference. Under the general editorship of O.A. Polyushkevich. Irkutsk, ISU, 2023, pp. 23–26.
 13. Gurinovich L.A., Lyubertsev P.P. Study of the possibilities of using technologies for education and social education of working youth in the conditions of virtual space // Social reality of virtual space. Materials of the III International Scientific and Practical Conference. Under the general editorship

- of O.A. Polyushkevich. Irkutsk, ISU, 2021. pp. 360–363.
14. Dudina O.V. On the question of the structure of digital socialization in the context of modern education // Bulletin of ChSPU im. AND I. Yakovleva. 2021. No. 3 (112). pp. 161–166.
15. Ershova R.V. Digital socialization of the individual in the era of global change // Applied psychology in the service of the developing personality. Kolomna: State Social and Humanitarian University. 2019. pp. 49–54
16. Zhuravleva I.A. Students' perception of remote learning at the university // Alma Mater (Bulletin of Higher School). 2020. No. 8. pp. 12–15.
17. Kuznetsova E.A. Internet as a factor in the socialization of youth // Sociology. 2023. No. 6. pp. 19–26.
18. Kuznetsova E.A. Digital socialization of youth // Sociology. 2023. No. 3. P. 59–66.
19. Polyushkevich O.A. Virtual self-presentation during the COVID-19 pandemic and after it // Humanitarian knowledge and spiritual security. Collection of materials of the VII International Scientific and Practical Conference. Grozny – Makhachkala, 2020. pp. 303–307.
20. Polyushkevich O.A. Virtual component of social identity // Social reality of virtual space. materials of the II International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, ISU, 2020, pp. 10–25.
21. Polyushkevich O.A. Irrational foundations of the formation of social identity under the influence of virtuality // Sociology. 2020. No. 5. pp. 163–176.
22. Polyushkevich O.A. Moral choice in the structure of prosocial behavior // The problem of the relationship between the natural and the social in society and man. 2020. No. 11. pp. 127–131.
23. Polyushkevich O.A. Representation of youth: private and public in social networks // Dialogues about culture and art. materials of the X All-Russian scientific and practical conference (with international participation). Perm, 2020. pp. 122–126.
24. Skudunkov V.A. The influence of virtuality on the economic claims of Russian citizens // In search of social truth. Materials of the III International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, ISU, 2021. pp. 181–183.
25. Skudunkov V.A. The role of social networks in satisfying the desires of young people // Social reality of virtual space. Materials of the I International Scientific and Practical Conference. Irkutsk State University; Under the general editorship of O.A. Polyushkevich, G.V. Druzhinin. Irkutsk, ISU, 2019. pp. 176–179.
26. Soldatova G.U. Digital socialization in the cultural-historical paradigm: a changing child in a changing world // Social psychology and society. 2018. Vol. 9. No. 3. pp. 71–80. DOI: 10.17759/sps.2018090308

Интернет-зависимость молодежи

Маслодудова Наталья Владимировна,

к.ф.н., доцент, доцент кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин Сибирский
юридический институт МВД России
E-mail: maslodudova77@mail.ru

В статье рассматриваются различные аспекты Интернет-зависимости, выявляются социальные и психологические факторы развития интернет-зависимости. Выделяется типология интернет-зависимости. На основе эмпирического исследования выявляется уровень и качество интернет-зависимости современной молодежи.

Ключевые слова: интернет, интернет-зависимость, виртуальное пространство, информационный мир, цифровое общество.

Появление Интернета стало знаковым периодом развития общества, информационное пространство стало более доступно, само по себе информация – открытой. Высокоскоростной интернет сделала доступным для обывателя возможности Интернет-пространства. Возможность находится в виртуальном мире стала одной из ключевых тенденций изменения качества жизни для миллионов людей по всему миру. Но это повлекло за собой и другую тенденцию – интернет-зависимость.

Интернет-зависимость, когда все свободное время человек проводит в виртуальном мире. В последние годы, стало больше возможностей и рабочее время, а также время обучения проводить в цифровом пространстве. Это привело к тому, что реальных событий в жизни обычных людей все меньше, а виртуальных событий – все больше.

Общество все больше будет формировать свой цифровой профиль. Изменить это невозможно. Можно только изучать и направлять, корректируя какие-то негативные последствия цифровизации и интернет-зависимости как следствия этого процесса. Необходимо понимать как внутренние процессы, так и внешние условия социального взаимодействия, помогающие раскрываться тем или иным сторонам Интернет аддикций и зависимостей.

Интернет-зависимость – это серьезное психологическое состояние, когда человек испытывает непреодолимое желание использовать интернет в ущерб другим аспектам своей жизни, таким как работа, общение в реальной жизни, семейные отношения и забота о собственном здоровье. Хотя интернет является важным и полезным инструментом, его непрерывное и чрезмерное использование может привести к серьезным проблемам.

Симптомы интернет-зависимости могут включать в себя следующее [26].

1. Неуправляемое желание использовать интернет.

2. Уход от обязанностей и обязательств ради времени в сети.

3. Затруднения в контроле времени, проводимого в интернете.

4. Использование интернета для ухода от негативных эмоций или проблем.

5. Уменьшение времени, проводимого с семьей, друзьями или в реальном мире.

Социальными последствиями интернет-зависимости становятся:

- разрыв социальных связей с людьми из реального окружения и появление социальных контактов с людьми, которых никогда не видел;
- стирание территориальных границ для общения;
- десоциализация (разрушения основ социализации в естественных условиях развития);
- трансформация структуры личности, ее поведенческих и мировоззренческих особенностей;
- изменение качества и формы социальных сообществ – люди внутри чаще общаются через менеджеров, нежели чем лично;
- отсутствие навыков социальной жизни (покупки еды и товаров осуществляются не реально, а через интернет; работа выполняется дистанционно; общение происходит удаленно и т.д.);
- повышение уровня тревожности и агрессивности (как по отношению к себе – аутоагрессия, так и по отношению к окружению (родственники, случайные прохожие и т.д.) из-за невозможности находится постоянно в Интернет-пространстве;
- желание получить признание в определенном виртуальном пространстве (начиная от лайков, заканчивая «донатами» и другими формами заработка);
- готовность тратить все свое время на интернет-занятость;
- желание работать и развлекаться в интернете;
- нежелание общаться с кем-бы то ни было вне сети Интернет.

Если мы рассмотрим имеющиеся на сегодняшний день теоретические раз-

работки, то можем выделить несколько направлений:

- психотерапевтическое направление, которое предполагает рассмотрение интернет-зависимости как условия развития врожденных негативных предрасположенностей (А.Ю. Егоров, С.В. Гречаный [10, 11], К. Янг [25]);
- медицинское направление, рассматривает интернет-зависимость наряду с другими зависимостями (алкогольным, наркотическим) как заболевание, вызванное особыми биохимическими процессами в организме (В.В. Титова, А.Л. Катков, Д.Н. Чугунов [23], А.В. Урсу, А.В. Худяков [24]);
- психологическое направление, рассматривает интернет-зависимость как индивидуальную стратегию формирования личности человека, формирующее особое самовосприятие и восприятие других, формирующее особые ценности и мировоззрение (П.А. Баев [6], Е.А. Кузнецова [12, 13], В.А. Скуденков [21, 22], О.А. Полюшкевич [16–20]);
- социологическое направление, рассматривает интернет-зависимость как результат деструктивных социальных процессов, разрушающих основы традиционной социализации и развития человека и сообществ в привычном установленном формате (Р.Г. Ардашев [1–5], С.Н. Варламова, Е.Р. Гончарова, И.В. Соколова [7], Л.А. Гуринович и П.П. Люберцев [8, 9], Н.В. Маслодудова [14, 15]).

По нашему мнению, психотерапевтическое, медицинское и психологическое направление можно также рассматривать как часть социологического исследования данного феномена, так как именно социальная среда позволяет смягчить или обострить личные предрасположенности или особые условия развития реакций на внешнее воздействие. Интернет-зависимость – это следствие научно-технического и социального развития общества, которое меняет социальную структуру общества и это стоит учитывать при анализе любых социальных трансформаций. На данный момент нет единой типологии изучения и понимания интернет-зависимости.

Мы полагаем, что не только количество времени, проведенного в интернет-пространстве, указывает на интернет-зависимость, но и то, что делал, с кем общался и какие эмоции испытывал человек во время этого процесса и что стал думать, чувствовать и делать, когда вышел из интернет-пространства, т.е. включаются поведенческие, когнитивные и аффективные аспекты восприятия зависимости Интернет-пространства в жизни человека.

На рисунке 1 представлена типология интернет-зависимости по степе-

ни зависимости пользователя от Сети, которая легла в основу нашего исследования, в таблице 1 представлена более подробная типология интернет-зависимости.

В исследовании приняли участие 1200 молодых людей в возрасте от 18 до 35 лет, проживающие в разных регионах России, %% девушек и 45% юношей. Опрос проводился онлайн, по случайной выборке методом снежного кома, квотой выборки помимо пола и возрасты было ежедневное включение Интернет-пространство.

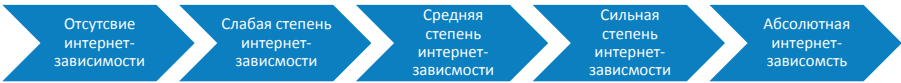

Рис. 1. Типология интернет-зависимости по степени зависимости пользователя от Сети [7]

Таблица 1. Типология интернет-зависимости

№ п/п	Показатель	Критерий (значение)	Тип интернет-зависимости
1	Количество времени, ежедневно проводимого в сети с нерабочими/неучебными целями	Более 10 часов в день	Абсолютная интернет-зависимость
		От 6 до 10 часов	Сильная интернет-зависимость
		Менее 3 часов в день	Слабая интернет-зависимость
			Отсутствие интернет-зависимости
2	Мотивы времяпрепровождения в интернете	Способ борьбы со скукой для отдыха и онлайн-игр	Абсолютная интернет-зависимость
		Преимущественно с целью самообразования, поиска рабочей/учебной информации и новостей	Сильная интернет-зависимость
			Слабая интернет-зависимость
3	Максимальный промежуток времени, в течение которого пользователь комфортно обходится без выхода в интернет	Менее нескольких часов	Абсолютная интернет-зависимость
		От нескольких часов до одного дня	Сильная интернет-зависимость
		От недели до месяца	Слабая интернет-зависимость
		От нескольких месяцев до бесконечно долгого времени	Отсутствие интернет-зависимости
4	Основной тип информации, получаемой из интернета	Развлекательного и коммуникационного характера	Абсолютная интернет-зависимость
		Рабочая/учебная информация, новости	Сильная интернет-зависимость
			Отсутствие интернет-зависимости
5	Количество времени, еженедельно проводимого пользователем с друзьями вне интернета	Менее часа в неделю	Абсолютная интернет-зависимость
		Сильная интернет-зависимость	Слабая интернет-зависимость
		От 4 часов в неделю и более	Слабая интернет-зависимость
		Более 7 часов в неделю	Отсутствие интернет-зависимости
6	Основные способы свободного времяпрепровождения	Исключительно в интернете	Абсолютная интернет-зависимость
			Сильная интернет-зависимость
		Различные виды досуга, не связанным с интернетом	Слабая интернет-зависимость
			Отсутствие интернет-зависимости

В проведенном нами исследовании только 12% опрошенных молодых людей не имеют интернет-зависимость, слабая степень интернет-зависимости у 18% опрошенных, средняя у 42%, сильная степень интернет-зависимости у 20%, абсолютная у 8%.

Наиболее значимыми факторами, влияющими на роль Интернет-пространства в жизни молодых людей стали *социальные факторы* (возможность только онлайн обучения (36%), только онлайн работа (44%), общественная деятельность в виртуальном пространстве (20%).

На втором месте *психологические факторы* (общение с интересными людьми (37%), личная востребованность и признание (30%), личная реализация в виртуальном мире (33%).

На третьем месте экономические факторы (наличие онлайн-занятости в чистом виде (профессии цифрового пространства – 42%) в виде дистанционной работы (30%) или фриланса на удаленке (23%).

Уровень интернет-зависимости у молодых людей выше, если нет семьи и детей. Если есть семья, то показатели в два раза ниже, наличие детей еще на треть снижает уровень Интернет-зависимости у женщин, но не у мужчин. Одинокие люди чаще имеют более высокий показатель по Интернет-значимости, нежели

чем те, у кого есть своя семья (родительская семья не выступает критерием безопасности от развития Интернет-зависимости). Иными словами, социальные обязательства перед семьей и детьми становятся для молодых женщин поводом переключения своего внимания, а мужчины из-за возможностей виртуальной занятости и досуга не готовы отказываться от этих возможностей.

По мере выраженности уровня Интернет-зависимости уменьшается количество реальных друзей, а также количество социальных контактов (магазины, банки, кафе) – все переходит на интернет-доставку или онлайн-обслуживание.

Интересно то, что отсутствие работы – приводит к увеличению интернет-зависимости (как фактор социального переключения) – 25%. Реальная занятость также уменьшает фактор интернет-зависимости (22%). Но если появляется возможность дистанционной или удаленной работы, то показатель значимости возрастает в два раза (44%). Включаются социальные виртуальные контакты, досуг и т.д., что приводит к зависимости от Интернета.

Также мы выявили прямую зависимость от срока пользования сетью Интернет. Чем он выше – тем выше уровень Интернет-зависимости, чем меньше – тем он менее выражен (табл. 2).

Таблица 2. Зависимость выраженности Интернет-зависимости от срока нахождения в Интернет-пространстве (в %)

Тип интернет-зависимости	До года	От 3 до 5 лет	От 5 до 10 лет	От 10 до 15 лет	Более 15 лет
Абсолютная интернет-зависимость	–	2,4	5,6	9,7	15,5
Сильная интернет-зависимость	2,9	7,4	8,9	19,7	19,6
Слабая интернет-зависимость	4,6	12,8	16,7	26,8	28,3
Отсутствие интернет-зависимости	–	3,3	5,4	8,4	9,7

Наличие хобби вне сети Интернет также уменьшает уровень зависимости, а его отсутствие увеличивает вероятность интернет-зависимости (у кого нет зависимости – 90% есть хобби, у слабо-зависимых – есть хобби в 54%, сильно-зависимых у 17% есть хобби, у абсолютных зависимых – хобби нет).

Таким образом, интернет-зависимость формируется как условие социального развития общества. Как показали наши данные – это социальный фактор, который зависит как объективных внешних условий развития общества, так и от индивидуальных форм и стратегий преодоления внешних нега-

тивных факторов общественного давления.

Профилактика интернет-зависимости играет ключевую роль в современном мире, где онлайн-ресурсы становятся все более важными для общения, работы, обучения и развлечений. Наши респонденты смогли сформулировать несколько стратегий для предотвращения или смягчения интернет-зависимости.

1. Установка границ. Установление четких временных рамок для использования интернета. Например, ограничение времени онлайн-активности до определенного количества часов в день.

2. Разнообразие активностей. Поощрение себя и своих близких участием в разнообразных активностях в реальной жизни, таких как спорт, искусство, чтение книг, общение с друзьями и семьей.

3. Планирование времени. Формирование расписания, в котором выделено время как на онлайн-занятия, так и на активности вне сети. Планирование поможет более осознанно использовать время и избежать чрезмерного погружения в интернет.

4. Поиск поддержки. Поддержка окружающих может сделать процесс преодоления зависимости более эффективным.

5. Ограничение доступа. Использование приложений и настроек устройств для ограничения доступа к определенным сайтам или приложениям в определенное время.

6. Саморегуляция. Самостоятельное обучение себя методам саморегуляции и управления стрессом, чтобы не обращаться к интернету в качестве способа справиться с негативными эмоциями.

7. Осознанное использование интернета. Формирование установки использования интернета осознанно, отдавая предпочтение качественным и полезным материалам, а не бесконечному просмотру контента.

8. Поощрение здорового поведения. Награждение себя за достижения в реальной жизни, вместо того чтобы использовать интернет в качестве награды.

9. Обучение цифровой грамотности. Обучение себя и своих близких правильному и этичному использованию интернета, а также осознанному взаимодействию с онлайн-средой.

10. Вовлечение в offline-сообщество. Присоединение к клубам, группам или организациям, которые предлагают активности в реальной жизни и позволяют развивать социальные связи вне интернета.

Эффективная профилактика интернет-зависимости часто включает в себя комбинацию этих стратегий, а также требует самоанализа и постоянного самоконтроля. Интернет-зависимость становится все большей реальностью для наших современников, поэтому надо понимать ее основу, особенности и формы развития. Для этого необходимо не только проводить мониторинг данного явления, но и отслеживать качественные трансформации интернет-зависимости в жизни человека. Так как эти перемены приведут к формированию нового типа личности и как следствие – нового типа общества.

Литература

1. Ардашев Р.Г. Виртуализация в новых смысловых ориентациях россиян // Глобальные и региональные воздействия в системе современных обществ. сборник научных трудов. Иркутск, ИГУ, 2021. С. 130–134.
2. Ардашев Р.Г. Изменение сознания в эпоху постпандемического общества // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений. материалы VI международной научно-практической интернет-конференции: в 2 ч. Вологодский научный центр Российской академии наук. Вологда, Вол НЦ РАН, 2021. С. 76–79.
3. Ардашев Р.Г. Новые смыслы в сознании молодежи: влияние виртуальности // В поисках социальной истины. материалы III Международной научно-практической конференции. Иркутск, ИГУ, 2021. С. 152–156.
4. Ардашев Р.Г. Особенности сознания и психологического здоровья

- в условиях виртуализации // Гуманистические и экологические ресурсы Байкала в укреплении социального здоровья и межнационального согласия в молодежной среде. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием: тематический сборник статей. Иркутск, ИГУ, 2021. С. 141–144.
5. Ардашев Р.Г. Сознание горожан в постпандемическом обществе // Креативные стратегии и креативные индустрии в экономическом, социальном и культурном пространствах региона. Материалы Третьей региональной научно-практической конференции. Иркутск, ИГУ, 2021. С. 125–128.
 6. Баев П.А. Экспертный анализ моральных авторитетов современной молодежи // Экспертные институты в XXI веке: цивилизационные и цифровые концепции меняющегося мира. Сборник научных трудов Второй международной научно-практической конференции. Науч. редактор Т.И. Грабельных. Иркутск, ИГУ, 2023. С. 512–515.
 7. Варламова С.Н., Гончарова Е.Р., Соколова И.В. Интернет-зависимость молодежи мегаполисов: критерии и типология // Мониторинг общественного мнения. 2015. № 2 (126). С. 165–182.
 8. Гуринович Л.А. Измерение социальной значимости виртуальной реальности в жизненном пространстве молодежи // Социальная реальность виртуального пространства. Материалы V Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, ИГУ, 2023. С. 23–26.
 9. Гуринович Л.А., Люберцев П.П. Исследование возможностей применения технологий воспитания и социального образования работающей молодежи в условиях виртуального пространства // Социальная реальность виртуального пространства. Материалы III Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, ИГУ, 2021. С. 360–363.
 10. Егоров А.Ю., Гречаный С.В. Современные подходы к терапии и коррекции интернет-аддикции // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2019. № 119(6). С. 152–159. <https://doi.org/10.17116/jnevro2019119061152>
 11. Егоров А.Ю. Современные представления об интернет-аддикциях и подходах к их коррекции. Медицинская психология в России. Электронный научный журнал. 2015. № 4. [Электронный ресурс]. <http://mprj.ru>
 12. Кузнецова Е.А. Интернет как фактор социализации молодежи // Социология. 2023. № 6. С. 19–26.
 13. Кузнецова Е.А. Цифровая социализация молодежи // Социология. 2023. № 3. С. 59–66.
 14. Маслодудова Н.В. Информационное пространство современного мира // Социология. 2023. № 6. С. 27–34.
 15. Маслодудова Н.В., Титова О.И. Гендерные особенности коммуникаций в виртуальной среде // Социология. 2023. № 1. С. 71–78.
 16. Полюшкевич О.А. Виртуальная самопрезентация в период пандемии COVID-19 и после ее // Гуманитарное знание и духовная безопасность. Сборник материалов VII Международной научно-практической конференции. Грозный – Махачкала, 2020. – С. 303–307.
 17. Полюшкевич О.А. Виртуальная составляющая социальной идентичности // Социальная реальность виртуального пространства. материалы II Международной научно-практической конференции. Иркутск, ИГУ, 2020. С. 10–25.
 18. Полюшкевич О.А. Иррациональные основы формирования социальной идентичности под влиянием виртуальности // Социология. 2020. № 5. С. 163–176.
 19. Полюшкевич О.А. Моральный выбор в структуре просоциального поведения // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2020. № 11. С. 127–131.

20. Полюшкевич О.А. Репрезентация молодежи: приватное и публичное в социальных сетях // Диалоги о культуре и искусстве. материалы X Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). Пермь, 2020. С. 122–126.
21. Скуденков В.А. Влияние виртуальности на экономические притязания граждан России // В поисках социальной истины. материалы III Международной научно-практической конференции. Иркутск, ИГУ, 2021. С. 181–183.
22. Скуденков В.А. Роль социальных сетей в удовлетворении желаний молодежи // Социальная реальность виртуального пространства. материалы I Международной научно-практической конференции. Иркутский государственный университет; Под общей редакцией О.А. Полюшкевич, Г.В. Дружинина. Иркутск, ИГУ, 2019. С. 176–179.
23. Титова В. В., Катков А.Л., Чугунов Д.Н. Интернет-зависимость: причины и механизмы формирования, диагностика, подходы к лечению и профилактике // Педиатр. 2014. № 4. С. 132–139.
24. Урсу А. В., Худяков А.В. Компьютерная игровая зависимость: клиника, динамика и эпидемиология // Психическое здоровье. 2009. № 8 (39). С. 28–32.
25. Янг К. Диагноз – интернет-зависимость // Мир Интернет. 2000. № 2. С. 24–29.
26. Chien Chou, Linda Condron, John C. Belland A Review of the Research on Internet Addiction // Educational Psychology Review. 2005. No.4. Pp. 335–345.

INTERNET ADDICTION OF YOUNG PEOPLE

Maslodudova N.V.

Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Various aspects of Internet addiction are considered in the article, social and psychological factors of Internet addiction development are

revealed. The typology of Internet addiction is emphasized. On the basis of empirical research, the level and quality of Internet addiction of modern youth are revealed.

Keywords: Internet, Internet addiction, virtual space, information world, digital society.

References

1. Ardashev R.G. Virtualization in new life-meaning orientations of Russians // Global and regional influences in the system of modern societies. collection of scientific papers. Irkutsk, ISU, 2021. pp. 130–134.
2. Ardashev R.G. Changing consciousness in the era of post-pandemic society // Global challenges and regional development in the mirror of sociological dimensions. materials of the VI international scientific and practical Internet conference: at 2 o'clock. Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Vologda, Vol Scientific Center RAS, 2021. pp. 76–79.
3. Ardashev R.G. New meanings in the minds of young people: the influence of virtuality // In search of social truth. materials of the III International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, ISU, 2021. pp. 152–156.
4. Ardashev R.G. Features of consciousness and psychological health in the conditions of virtualization // Humanistic and environmental resources of Baikal in strengthening social health and interethnic harmony among youth. Materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation: thematic collection of articles. Irkutsk, ISU, 2021. pp. 141–144.
5. Ardashev R.G. Consciousness of citizens in a post-pandemic society // Creative strategies and creative industries in the economic, social and cultural spaces of the region. Materials of the Third Regional Scientific and Practical Conference. Irkutsk, ISU, 2021. pp. 125–128.
6. Baev P.A. Expert analysis of moral authorities of modern youth // Expert institutions in the 21st century: civilizational and digital concepts of a changing world. Collection of scientific papers of the Second International Scientific and Practical Conference. Scientific editor T.I. Rake. Irkutsk, ISU, 2023, pp. 512–515.
7. Varlamova S.N., Goncharova E.R., Sokolova I.V. Internet addiction of young people in megacities: criteria and typology // Monitoring of public opinion. 2015. No. 2 (126). pp. 165–182.

8. Gurinovich L.A. Measuring the social significance of virtual reality in the living space of young people // *Social reality of virtual space. Materials of the V International Scientific and Practical Conference. Under the general editorship of O.A. Polyushkevich. Irkutsk, ISU, 2023, pp. 23–26.*
9. Gurinovich L.A., Lyubertsev P.P. Study of the possibilities of using technologies for education and social education of working youth in the conditions of virtual space // *Social reality of virtual space. Materials of the III International Scientific and Practical Conference. Under the general editorship of O.A. Polyushkevich. Irkutsk, ISU, 2021. pp. 360–363.*
10. Egorov A.Yu., Grechany S.V. Modern approaches to the treatment and correction of Internet addiction // *Journal of Neurology and Psychiatry named after. S.S. Korsakov. 2019. No. 119(6). pp. 152–159. <https://doi.org/10.17116/jnevro2019119061152>*
11. Egorov A. Yu. Modern ideas about Internet addictions and approaches to their correction. *Medical psychology in Russia. Electronic scientific journal. 2015. No. 4. [Electronic resource]. <http://mprj.ru>*
12. Kuznetsova E.A. Internet as a factor in the socialization of youth // *Sociology. 2023. No. 6. pp. 19–26.*
13. Kuznetsova E.A. Digital socialization of youth // *Sociology. 2023. No. 3. P. 59–66.*
14. Maslodudova N.V. Information space of the modern world // *Sociology. 2023. No. 6. pp. 27–34.*
15. Maslodudova N.V., Titova O.I. Gender characteristics of communications in a virtual environment // *Sociology. 2023. No. 1. pp. 71–78.*
16. Polyushkevich O.A. Virtual self-presentation during the COVID-19 pandemic and after it // *Humanitarian knowledge and spiritual security. Collection of materials of the VII International Scientific and Practical Conference. Grozny – Makhachkala, 2020. – pp. 303–307.*
17. Polyushkevich O.A. Virtual component of social identity // *Social reality of virtual space. materials of the II International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, ISU, 2020, pp. 10–25.*
18. Polyushkevich O.A. Irrational foundations of the formation of social identity under the influence of virtuality // *Sociology. 2020. No. 5. pp. 163–176.*
19. Polyushkevich O.A. Moral choice in the structure of prosocial behavior // *The problem of the relationship between the natural and the social in society and man. 2020. No. 11. pp. 127–131.*
20. Polyushkevich O.A. Representation of youth: private and public in social networks // *Dialogues about culture and art. materials of the X All-Russian scientific and practical conference (with international participation). Perm, 2020. pp. 122–126.*
21. Skudunkov V.A. The influence of virtuality on the economic claims of Russian citizens // *In search of social truth. materials of the III International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, ISU, 2021. pp. 181–183.*
22. Skudunkov V.A. The role of social networks in satisfying the desires of young people // *Social reality of virtual space. materials of the I International Scientific and Practical Conference. Irkutsk State University; Under the general editorship of O.A. Polyushkevich, G.V. Druzhinin. Irkutsk, ISU, 2019. pp. 176–179.*
23. Titova V.V., Katkov A.L., Chugunov D.N. Internet addiction: causes and mechanisms of formation, diagnosis, approaches to treatment and prevention // *Pediatrician. 2014. No. 4. pp. 132–139.*
24. Ursu A.V., Khudyakov A.V. Computer gaming addiction: clinic, dynamics and epidemiology // *Mental Health. 2009. No. 8 (39). pp. 28–32.*
25. Young K. Diagnosis – Internet addiction // *Internet World. 2000. No. 2. P. 24–29.*
26. Chien Chou, Linda Condron, John C. Bolland A Review of the Research on Internet Addiction // *Educational Psychology Review. 2005. No.4. pp. 335–345.*

Воздействие социокультурного контекста на реабилитацию когнитивных нарушений

Суворов Валерий Владимирович,

к.и.н., научный сотрудник центра координации фундаментальной научной деятельности, ФГБУ Национальный медицинский исследовательский центр терапии и профилактической медицины Минздрава России
E-mail: valeriy_s@inbox.ru

Киселев Антон Робертович,

д.м.н., руководитель центра координации фундаментальной научной деятельности, ФГБУ Национальный медицинский исследовательский центр терапии и профилактической медицины Минздрава России
E-mail: antonkis@list.ru

В настоящее время многими исследователями отмечается воздействие культурных особенностей пациента на его успех его лечения и сопутствующую реабилитацию. Широко обсуждается важность «культурной компетентности» и «культурного смирения» медицинских специалистов при взаимодействии с пациентами, имеющими от них существенные этно-религиозные отличия, в том числе и при реабилитации когнитивных нарушений. Подчеркивается важность знаний и понимания медицинскими специалистами традиций, обычаев, предрассудков пациентов, а в ряде случаев и их языка. Вместе с этим исследователями отмечается значимость воздействия различных проявлений коммуникаций на изменение когнитивные функций здоровых людей, что в свою очередь показывает необходимость учитывать их при реабилитации когнитивных нарушений. Подходом, позволяющим определить обусловленные этно-религиозным и семейно-бытовым культурным своеобразием в рамках существующего информационно-коммуникативного пространства мировоззренческие особенности пациентов, их окружения, в том числе лиц, осуществляющих за ними уход, выступает концепция социокультурного кода здоровья. Идентификация социокультурных особенностей пациента и его окружения может обеспечить более результативную с ними коммуникацию в ходе реабилитационных мероприятий, выстраивать соответствующую стратегию, в том числе с применением программно-аппаратных комплексов.

Ключевые слова: реабилитация когнитивных нарушений, социокультурный контекст, культурная компетентность, информационно-коммуникативное пространство, социокультурный код здоровья.

Работа выполнена в рамках научного проекта «Разработка программно-аппаратного комплекса для реабилитации пациентов с когнитивными и моторными нарушениями различной природы на основе мультимодальной биологической обратной связи», выполняемой в ФГБУ «НМИЦ ТПМ» Минздрава России в соответствии с государственным заданием Минздрава России № 123020600127–4 (2023–2025 гг.).

Введение

Познание является центральной особенностью человеческого существования и функционирования мозга. Когнитивные нарушения, вызванные различными причинами и имеющие разную степень проявления, могут заметно повлиять на функциональные процессы организма человека. Нарушения управляющих функций связаны со значительными ограничениями в повседневной деятельности, сложностями участия в общественной жизни, трудоустройстве. Когнитивно-коммуникативные расстройства могут существенно ограничивать способность человека общаться, работать и учиться.

Успешность реабилитации пациентов с когнитивными нарушениями обусловлена различными факторами, среди которых важное место принадлежит тому культурному и социальному контексту, в котором пациент был до заболевания и находится в период реабилитации. Социально-демографические характеристики, такие как пол, возраст, уровень дохода, образование и т.д. давно принимаются во внимание учеными и практикующими специалистами [1], однако многим культурно-обусловленным факторам часто не уделяется должного внимания, хотя они могут значительно способствовать или наоборот препятствовать процессу реабилитации пациентов с когнитивными нарушениями.

Культурную составляющую личности каждого человека следует рассматривать в двух измерениях – культурные компоненты, обусловленные этно-религиозными чертами и культурные компоненты, определяемые семейно-бытовыми традициями. Семейно-бытовые традиции могут различаться не только в пределах распространения крупных этносов, но и в рамках одного поселения или даже родственников, и могут зависеть как от внешних факторов, таких как материальный достаток и уровень образования членов семьи, так и от внутренних, таких как семейные практики, ценности, предрассудки, передаваемые из поколения в поколение и жизненным опытом каждого из членов семьи.

Культурная компетентность и культурное смирение (Cultural humility) при работе с пациентами с когнитивными нарушениями

Проблема оказания медицинской помощи с учетом культурных различий, прежде всего применительно к различным этническим группам, широко обсуждается зарубежными исследователями, рассматривающими нередко культурные отличия в контексте социально-экономической дискриминации национальных меньшинств и отсутствия у них возможности получать медицинскую помощь равноценную с основным этносом. Т. Диксон с коллегами отмечают, что для достижения необходимых результатов специалисты здравоохранения должны использовать методы, учитывающие культуру, социально-экономический статус, отношения, убеждения и практики каждого пациента [10].

Одним из аспектов в таких исследованиях выступает межкультурная коммуникация и одной из тем является «культурная компетентность» при оказании медицинской помощи. В западных странах, прежде всего США, концепция культурной компетентности в здравоохранении возникла и существует для решения проблемы этнических различий и обеспечения соответствующего качества помощи всем пациентам, в том числе при реабилитации [29]. Определяющими качествами медицинского работника, согласно данной концепции, должны быть уважение и умение адаптировать уход за пациентом в соответствии с его ценностями, потребностями, опытом и ожиданиями [15]. Культурная компетентность предполагает мультикультурную осведомленность, чувствительность к знаниям, навыкам и информации для ведения пациентов.

Развитие культурной компетентности в области реабилитации выступает важнейшей задачей для практикующих врачей. Недостаточное понимание и не принятие во внимание культурного фактора может негативно сказываться на результативности оказания медицинской помощи или реабилитации паци-

ентов. Дж.Р. Бетанкорт с коллегами, отмечают, что культурная принадлежность пациента может влиять на его ценности, убеждения и практики в отношении здоровья [5]. Вместе с этим многие исследователи пишут, что при разработке реабилитационных мероприятий, как правило, учитываются только культурные особенности преобладающих численно культурных групп, следствием чего становится неспособность учесть особенности остальных и удовлетворить их потребности [26; 27].

В качестве основных препятствий результативного взаимодействия медицинских работников и пациентов в зарубежной практике отмечаются культурные и языковые барьеры [13]. Языковой барьер осложняет взаимодействие медицинских работников со своими пациентами, нередко не позволяет общаться на их родном языке, давать рекомендации и инструкции [13]. Кроме этого, могут отсутствовать необходимые материалы на языке пациента, проявляться нехватка двуязычных специалистов, переводчиков, отсутствовать у них достаточная подготовка или образование. Для того чтобы практиковать культурно-компетентную медицинскую помощь, необходимо проводить медицинскую и социокультурную оценку пациента [13].

Концепция культурной компетентности находит отражение и в разработке рекомендаций для реабилитации пациентов с когнитивными нарушениями. Так, программа когнитивно-коммуникативной оценки и реабилитации для людей с черепно-мозговыми травмами должна учитывать культурные особенности и учитывать преморбидные физические и психосоциальные особенности человека, включая гендерную идентичность, родной и предпочитаемый языки, познавательные способности, стиль общения [35].

С 2014 года вместе с признанием важности понимания культурного разнообразия, справедливости и инклюзивности в области реабилитации после черепно-мозговой травмы, возросло понимание важности рекомендаций по обучению культурным компетенци-

ям [30]. Для людей, имеющих различный культурный опыт и социальное положение, воздействие когнитивно-коммуникативного расстройства может усугубляться из-за отсутствия доступа или неправильного проведения реабилитации. Например, медицинскому персоналу часто бывает трудно отличить коммуникативные расстройства, связанные с черепно-мозговой травмой, от культурно-лингвистических факторов [16]. Исследователи отмечают, что в сочетании с отсутствием культурно приемлемых коммуникативных ресурсов для оказания помощи, возможны неточные диагнозы и ненужные вмешательства [34].

Сотрудники профильных медицинских учреждений должны обучаться культурной компетентности (INCOG 2.0). Отмечается, что медицинские сотрудники должны иметь возможность эффективно общаться с пациентами, имеющими разнообразные социальные и культурные черты, участвовать в культурных мероприятиях, ориентированных на обучение культурной компетентности, включающей обучение культурному смирению [34].

Вместе с этим зарубежными исследователями отмечаются проблемы обучения медицинских специалистов культурным компетенциям. М.А. Маттелиано и Дж. Стон отмечают, что несмотря на требования по обучению студентов культурным компетенциям в медицинских учебных учреждениях, в том числе в рамках реабилитационных мероприятий, большинству не удается интегрировать культурную компетентность в учебные программы [23]. Для решения имеющейся проблемы Центр международных исследований, информации и обмена в области реабилитации (CIRRIE) подготовил учебные пособия для специалистов по реабилитации в области трудотерапии, физиотерапии, речевой патологии и реабилитационного консультирования [23]. Отсутствие теоретической ясности и консенсуса относительно того, что представляет собой атрибуты компетентности, является ключевым препятствием в обучении,

следствием чего является неоднородное культурное образование в медицинских образовательных учреждениях в различных странах [21].

Наряду с концепцией культурной компетенции обсуждается концепция «культурного смирения» [31], которая определяется как пожизненный, ориентированный на обучение подход к работе с людьми с различными культурными характеристиками. Культурное смирение ориентировано на исправление дисбаланса в отношениях пациент-медицинский работник путем включения критической самооценки со стороны медицинского работника и признания того, что культурные различия находятся не в самих пациентах, а в рамках отношений пациент-медицинский работник [14]. Данный подход отличается от культурной компетентности по нескольким параметрам, включающим акцент на постоянном обучении, а не на существовании конечного знания, признание культурно обусловленной позиции пациента как равнозначной точке зрения медицинского работника и критическое осмысление того, как системные проблемы и различия в управлении влияют на взаимодействие между медицинскими работниками и пациентами в системе здравоохранения. Важной особенностью «культурного смирения» является признание скрытых и явных предубеждений и предрассудков как части человеческого бытия и необходимости работы над их выявлением для обеспечения позитивных изменений [2]. При этом акцент делается не только на культурных особенностях пациента, но и медицинского специалиста, взаимодействующего с ним. Культурное смирение требует постоянного самоанализа со стороны медицинского работника, который может привести к выявлению его собственных предубеждений и реакций по отношению к другим [7].

Коммуникативный фактор когнитивных способностей и их восстановления

Наряду с этно-религиозными особенностями пациентов заметное внимание при изучении когнитивных функций уде-

ляется бытовым условиям, окружению и специфики коммуникаций с другими людьми. Исследователями отмечается, что в последние годы произошел значительный прогресс в понимании когнитивных функций в здоровом состоянии, и новый комплекс знаний может дать новые возможности для понимания и лечения различных когнитивных нарушений [9]. В различных исследованиях обсуждаются факторы, влияющие на снижение или сохранение когнитивных функций, особенно в контексте развития деменции или болезни Альцгеймера.

Так, например, отмечается, что снижение когнитивных функций может быть связано с возрастом, более низким образовательным или социально-экономическим статусом, сердечно-сосудистыми заболеваниями, генетическими факторами риска болезни Альцгеймера [17; 33]. Вместе с этим исследователями отмечается, что факторы образа жизни, включая здоровое питание и физическую активность, связаны с более медленным снижением когнитивных функций и снижением риска развития болезни Альцгеймера [24; 4]. Окружающая среда, поощряющая здоровое поведение, может выступать модифицируемым фактором, позволяющим предотвратить или отсрочить начало снижения когнитивных функций.

Одним из факторов, обусловленных бытовыми или профессиональными коммуникациями, выступает стресс. Исследования показывают, что посттравматическое стрессовое расстройство было связано с ускоренным снижением когнитивных функций у женщин среднего возраста [28]. Ускоренное снижение когнитивных функций наблюдалось среди женщин с неразрешенными или регрессировавшими симптомами посттравматического стрессового расстройства [22].

Важность социального взаимодействия отмечается в исследовании, посвященном связи неблагоприятных детских переживаний, вызванных угрозами и депривациями, со снижением когнитивных функций в более позднем возрасте. Авторы отмечают потенциальные

преимущества обеспечения социальной интеграции для поддержания когнитивных функций в дальнейшей жизни у людей, переживших депривацию в детстве (эмоциональное пренебрежение, домашнее психическое заболевание, член семьи, находящийся под стражей, разлука или развод родителей, а также смерть родителей) [20].

Социально-экономическое неблагополучие района оказывает особенно сильное негативное влияние на когнитивные функции среди людей, которые сами бедны [3]. Существует множество потенциальных механизмов, с помощью которых неблагоприятное окружение может отрицательно повлиять на когнитивные способности, например, меньшие возможности получения образования, ограниченный доступ к медицинскому обслуживанию, отсутствие продовольственной безопасности/плохое питание и большее количество сопутствующих заболеваний [6]. Также отмечается, что старение в неблагополучном регионе было связано с ухудшением когнитивных функций [36; 11].

Исследования показывают различия внутри расовых или этнических групп и между ними в том, как факторы соседства связаны с когнитивными способностями. В экономически и социально благополучных районах когнитивные способности проживающих в них людей были более высокими. По показателям застройки и состава кварталов результаты были неоднозначными [32], однако доступ к соседнему парку, по мнению исследователей, может помочь сохранить или улучшить когнитивные способности в пожилом возрасте [8; 32]. Парки предлагают общественные пространства не только для физической активности, но также для снижения стресса и социального взаимодействия, что связано с улучшением когнитивных функций. Время, проведенное в зеленых насаждениях, может улучшить психическое здоровье за счет уменьшения тревоги и депрессии

Объектом исследования, в частности, выступало влияние владения домашними животными на снижение ког-

нитивных функций у одиноких пожилых людей. Так, владение домашними животными было связано с более медленными темпами снижения вербальной памяти и беглости речи среди пожилых людей, живущих в одиночку, но не среди тех, кто живет с другими [19].

Окружение, коммуникативные факторы, влияющие на снижение или сохранение когнитивных функций, необходимо учитывать при организации реабилитации пациентов с когнитивными нарушениями. В зависимости от того в каких информационно-коммуникативных условиях такие пациенты окажутся в период реабилитации, во многом будет зависеть и ее результативность. Вместе с этим при определении стратегии лечения необходимо учитывать предшествующий коммуникативный опыт, специфику взаимодействия с ближним окружением, а также взаимодействие с тем социальным контингентом, который характеризует место проживания.

Социокультурный код здоровья и реабилитация когнитивных нарушений

Вместе с этим возникает проблема оценки всей совокупности факторов и разработки соответствующих методик. В данном отношении представляется полезным обращение к концепции социокультурного кода здоровья [12], ориентированной на определение устойчивых мировоззренческих установок в отношении здоровья и соответствующих действий пациентов.

Концепция социокультурного кода здоровья ориентирована на оценку таких факторов как как общемировоззренческие особенности, характеризующие как отдельного человека, так и например, семью в целом (представление об ответственности в целом и ответственности за здоровье, способности к самоорганизации, уровне доверия к медицине в целом, учреждениям системы здравоохранения, отдельным медицинским специалистам, грамотность в вопросах здоровья), так и прикладные умения, например, в использовании современных устройств и технологий, а применитель-

но к окружению – наличие или отсутствие необходимого опыта в осуществлении заботы, понимание кто является основным лицом, принимающим решение в семье.

Если зарубежными исследователями культура определяется как набор усвоенных моделей поведения, убеждений, отношений и идеалов, которые уникальны для конкретного общества или группы людей и которые оказывают существенное влияние на поведение в отношении здоровья, включая поведение при заболеваниях, обращение за помощью и восприимчивость к медицинскому вмешательству [25], то в рамках концепции социокультурного кода здоровья, основное внимание уделяется не культурным атрибутам как таковым, а их функционированию в рамках информационно-коммуникативного пространства, а культура рассматривается как информационно-семиотическая система, обеспечивающая получение, сохранение и обработку информации с дальнейшим её использованием, а соответственно самовоспроизведение и развитие культуры.

Следует отметить особую роль коммуникаций с близкими, играющую важную роль как при формировании когнитивных навыков в детстве, так и при их восстановлении во взрослом состоянии. Информационно-коммуникативное пространство, окружающее каждого человека, определяет его индивидуальные мировоззренческие особенности, в том числе в отношении здоровья. Это важно учитывать при оценке комплаентности пациента, имеющего незначительные когнитивные нарушения и проходящего соответствующую реабилитацию, а также окружения, осуществляющего уход за пациентами с значительными когнитивными нарушениями. В данном случае особое значение приобретает культурный контекст, обусловленный семейно-бытовыми традициями.

Вместе с этим культурно-коммуникативный фактор ставит вопрос о возможности компенсации недостатка реального общения с близкими или домашними питомцами при реабилитации

когнитивных нарушений путем имитации такого общения электронными устройствами с соответствующим программным обеспечением.

Заключение

Таким образом, социокультурный контекст и социокультурные особенности пациентов могут оказывать значительное влияние на реабилитацию пациентов с когнитивными нарушениями. Зарубежные исследователи отмечают значимость для реабилитационных мероприятий понимания культурных традиций и ценностей пациентов, изучения истории культурных групп, роли религии и традиционных методов лечения, уважения к культурам, понимание основного языка пациентов. Владение соответствующими навыками должно позволить практикующим медицинским специалистам обеспечить более компетентную в культурном отношении практику по лечению и реабилитации пациентов. Однако подобный подход как правило учитывает преимущественно религиозно-этнические особенности на макроуровне и не учитывает более тонкие культурные различия, существующие в пределах одной культурной группы. Несмотря на развитие навыков «культурной компетенции» или «культурного смирения», и их применения при реабилитации когнитивных нарушений остаются проблемы, связанные с обучением соответствующим культурным навыкам медицинских специалистов.

Совокупность коммуникативных факторов, влияющих на когнитивные способности здорового человека, а также комплекс мировоззренческих особенностей пациентов с когнитивными нарушениями целесообразно учитывать при проведении реабилитационных мероприятий. В этом призвана помочь концепция социокультурного кода здоровья, позволяющая оценить индивидуальные установки в отношении здоровья как пациента, так и окружения, осуществляющего за ним уход, в рамках того информационно-коммуникативного пространства, в котором они находятся с учетом как религиозно-этнических особенностей, так и семейно-бытовых.

При проведении реабилитационных мероприятий важное значение приобретает проведение идентификации социокультурных особенностей пациента и его окружения, что позволило бы более результативно выстраивать с ними коммуникацию в ходе реабилитационных мероприятий и выстраивать соответствующую стратегию, в том числе с применением программно-аппаратных комплексов. В совокупности это приводит к решению проблемы возможности использования индивидуально-ориентированных реабилитационных мероприятий, учитывающих культурные особенности пациентов, их привычки, степень ответственности, готовность следовать рекомендациям медицинских специалистов.

Литература

1. Суворов В.В., Киселев А.П. Социальные аспекты реабилитации когнитивных нарушений у лиц трудоспособного возраста // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 10. С. 14–18.
2. Agner J. Moving From Cultural Competence to Cultural Humility in Occupational Therapy: A Paradigm Shift // The American Journal of Occupational Therapy 2020. Т. 74. № 4. С. 7404347010p1–7404347010p7.
3. Aneshensel C.S., Ko M.J., Chodosh J., Wight R.G. The urban neighborhood and cognitive functioning in late middle age // Journal of Health and Social Behavior. 2011. Т. 52. № 2. С. 163–179.
4. Baumgart M., Snyder H.M., Carrillo M.C., Fazio S., Kim H., Johns H. Summary of the evidence on modifiable risk factors for cognitive decline and dementia: A populationbased perspective // Alzheimer's & Dementia. 2015. Т. 11. № 6. С. 718–726.
5. Betancourt J.R., Green A.R., Carrillo J.E., Ananeh-Firempong O. 2nd. Defining cultural competence: a practical framework for addressing racial/ethnic disparities in health and health care // Public Health Reports. 2003. Т. 118. № 4. С. 293–302.
6. Busch R.M., Dalton J.E., Jehi L., Ferguson L., Krieger N.I., Struck A.F., Hermann B.P. Association of Neighborhood Deprivation With Cognitive and Mood Outcomes in Adults With Pharmacoresistant Temporal Lobe Epilepsy // Neurology. 2023; Т. 100. № 23. С. e2350–e2359. doi: 10.1212/WNL.0000000000207266.
7. Charles J.L.K., Holley L.C., Kondrat D.C. Addressing our own biases: Social work educators' experiences with students with mental illnesses // Social Work Education. 2017. Т. 36. № 4. С. 414–429. <https://doi.org/10.1080/02615479.2017.1297393>
8. Cherrie M.P.C., Shortt N.K., Mitchell R.J., Taylor A.M., Redmond P., Thompson C.W., Starr J.M., Deary I.J., Pearce J.R. Green space and cognitive ageing: A retrospective life course analysis in the Lothian Birth Cohort 1936 // Social Science & Medicine. 2018. Т. 196. С. 56–65.
9. Cramer S.C., Richards L.G., Bernhardt J., Duncan P. Cognitive Deficits After Stroke // Stroke. 2023. Т. 54. № 1. С. 5–9.
10. Dickson T., Wilkinson T., Hegedus E.J., Gisselman A.S. Transforming the patient experience: moving beyond cultural competence to cultural safety // Physical Therapy. 2022. Т. 102. № 6. С. zac034.
11. Dintica C.S., Baborik A., Xia F., Kind A., Yaffe K. Dementia Risk and Disadvantaged Neighborhoods // JAMA Neurology. 2023. Т. 80. № 9. С. 903–909.
12. Drapkina O.M., Suvorov V.V., Umetov M.A., Suslov I.V., Kiselev A.R. Sociocultural health code as a methodological approach to social studies in the field of healthcare // Herald of the Russian Academy of Sciences. 2023. Т. 93. № 2. С. 119–126.
13. Grandpierre V., Milloy V., Sikora L., Fitzpatrick E., Thomas R., Potter B. Barriers and facilitators to cultural competence in rehabilitation services: a scoping review // BMC Health Services Research. 2018. Т. 18. № 1. С. 23.
14. Hammell K.R. Occupation, well-being, and culture: Theory and cultural humil-

- ity // Canadian Journal of Occupational Therapy. 2013. T. 80. № 4. C. 224–234.
15. Henderson S., Horne M., Hills R., Kendall E. Cultural competence in health-care in the community: A concept analysis // Health and Social Care in the Community. 2018. T. 26. № 4. C. 590–603.
16. Hersh D., Armstrong E., McAllister M., Ciccone N., Katzenellenbogen J., Coffin J., Thompson S., Hayward C., Flicker L., Woods D. General practitioners' perceptions of their communication with Australian Aboriginal patients with acquired neurogenic communication disorders. Patient Education and Counseling. 2019. T. 102. № 12. C. 2310–2317.
17. Hu C., Yu D., Sun X., Zhang M., Wang L., Qin H. The prevalence and progression of mild cognitive impairment among clinic and community populations: A systematic review and meta-analysis // International Psychogeriatrics. 2017. T. 29. № 10. C. 1595–1608.
18. Kawathekar U.S., Campbell D.F. Cultural Competence In Physical Therapy: The Road Less Traveled // Journal of Manual & Manipulative Therapy. 2023. T. 3. № 3. C. 131–132.
19. Li Y., Wang W., Zhu L., Yang L., Wu H., Zhang X., Guo L., Lu C. Pet Ownership, Living Alone, and Cognitive Decline Among Adults 50 Years and Older // JAMA Network Open. 2023. T. 6. № 12. C. e2349241.
20. Lin L., Cao B., Chen W., Li J., Zhang Y., Guo V.Y. Association of Adverse Childhood Experiences and Social Isolation With Later-Life Cognitive Function Among Adults in China // JAMA Network Open. 2022. T. 5. № 11. C. e2241714.
21. Liu J., Gill E., Li S. Revisiting cultural competence // Clinical Teacher. 2021. T. 18. № 2. C. 191–197.
22. Liu J., Roberts A.L., Lawn R.B., Jha S.C., Sampson L., Sumner J.A., Kang J.H., Rimm E.B., Grodstein F., Liang L., Haneuse S., Kubzansky L.D., Koenen K.C., Chibnik L.B. Posttraumatic stress disorder symptom remission and cognition in a large cohort of civilian women // Psychological Medicine. 2024. T. 54. № 2. C. 419–430.
23. Matteliano M.A., Stone J.H. Cultural competence education in university rehabilitation programs // Journal of Cultural Diversity. 2014. T. 21. № 3. C. 112–118.
24. Ngandu T., Lehtisalo J., Solomon A., Levalahti E., Ahtiluoto S., Antikainen R., Backman L., Hanninen T., Jula A., Laatikainen T., Lindstrom J., Mangialasche F., Paajanen T., Pajala S., Peltonen M., Rauramaa R., Stigsdotter-Neely A., Strandberg T., Tuomilehto J., Soininen H., Kivipelto M. A 2 year multi-domain intervention of diet, exercise, cognitive training, and vascular risk monitoring versus control to prevent cognitive decline in at-risk elderly people (FINGER): A randomised controlled trial // Lancet. 2015. T. 385. № 9984. C. 2255–2263.
25. O'Shaughnessy D.F., Tilki M. Cultural competency in physiotherapy: a model for training // Physiotherapy. 2007. T. 93. № 1. C. 69–77.
26. Phillips R., Worley L., Rhoades E. Socioemotional considerations // Rhoades E., Duncan J. Auditory-verbal practice: toward a family-centered approach. Springfield: Charles C Thomas Publisher, 2010. C. 187–223.
27. Rhoades E. Working with multicultural and multilingual families of young children // Madell J., Flexer C. Pediatric audiology: diagnosis, technology, and management. New York: Thieme Medical Publishers, 2008. C. 262–268.
28. Roberts A.L., Liu J., Lawn R.B., Jha S.C., Sumner J.A., Kang J.H., Rimm E.B., Grodstein F., Kubzansky L.D., Chibnik L.B., Koenen K.C. Association of Posttraumatic Stress Disorder With Accelerated Cognitive Decline in Middle-aged Women // JAMA Network Open. 2022. T. 5. № 6. e2217698.
29. Royeen M., Crabtree J., Culture in Rehabilitation: From Competency to Proficiency. – N.J.: Pearson Education. 2006. – 386 c.
30. Sander A.M., Lequerica A.H., Ketchum J.M., Hammond F.M., Gary K.W., Pappadis M.R., Felix E.R., Johnson-Greene D., Bushnik T. Race/ethnicity and retention in traumatic brain

- injury outcomes research: a traumatic brain injury model systems national database study // *Journal of Head Trauma Rehabilitation*. 2018. T. 33. № 4. C. 219–227.
31. Singh H., Sangrar R., Wijekoon S., Nikolaichuk E., Kokorelias K.M., Nelson M.L.A., Mirzazada S., Nguyen T., Assaf H., Colquhoun H. Applying 'cultural humility' to occupational therapy practice: a scoping review protocol // *BMJ Open*. 2022. T. 12. № 7. C. e063655.
 32. Sullivan A., Armendariz M., Thierry A.D. A Scoping Review of Neighborhoods and Cognitive Health Disparities Among US Midlife and Older Adults // *Journal of Aging and Health*. 2024. T. 36. № 3–4. C. 257–270.
 33. Tilvis R.S., Kahonen-Vare M.H., Jolkonen J., Valvanne J., Pitkala K.H., Strandberg T.E. Predictors of cognitive decline and mortality of aged people over a 10-year period // *The Journals of Gerontology: Series A*. 2004. T. 59. № 4. C. 268–274.
 34. Togher L., Douglas J., Turkstra L.S., Welch-West P., Janzen S., Harnett A., Kennedy M., Kua A., Patsakos E., Ponsford J., Teasell R., Bayley M.T., Wiseman-Hakes C. INCOG 2.0 Guidelines for Cognitive Rehabilitation Following Traumatic Brain Injury, Part IV: Cognitive-Communication and Social Cognition Disorders // *Journal of Head Trauma Rehabilitation*. 2023. T. 38. № 1. C. 65–82.
 35. Togher L., Wiseman-Hakes C., Douglas J., Stergiou-Kita M., Ponsford J., Teasell R., Bayley M., Turkstra L.S. INCOG recommendations for management of cognition following traumatic brain injury, part IV: cognitive communication // *Journal of Head Trauma Rehabilitation*. 2014. T. 29. № 4. C. 353–368.
 36. Wong C.G., Miller J.B., Zhang F., Rissman R.A., Raman R., Hall J.R., Petersen M., Yaffe K., Kind A.J., O'Bryant S.E.; HABS-HD Study Team. Evaluation of Neighborhood-Level Disadvantage and Cognition in Mexican American and Non-Hispanic White Adults 50 Years and Older in the US // *JAMA Network Open*. 2023. T. 6. № 8. C. e2325325.

THE IMPACT OF SOCIOCULTURAL CONTEXT ON THE REHABILITATION OF COGNITIVE IMPAIRMENTS¹

Suvorov V.V., Kiselev A.R.

National Medical Research Center for Therapy and Preventive Medicine

Currently, many researchers note the impact of the patient's cultural characteristics on the success of his treatment and accompanying rehabilitation. The importance of "cultural competence" and "cultural humility" of medical specialists when interacting with patients who have significant ethno-religious differences from them, including in the rehabilitation of cognitive impairment, is widely discussed. The importance of knowledge and understanding by medical specialists of traditions, customs, prejudices of patients, and in some cases, their language is emphasized. At the same time, researchers note the significance of the impact of various manifestations of communications on changes in the cognitive functions of healthy people, which in turn shows the need to take them into account when rehabilitating cognitive impairments. An approach that makes it possible to determine the ideological characteristics of patients, their environment, including those caring for them, determined by the ethno-religious and family-everyday cultural identity within the existing information and communication space, is the concept of a sociocultural code of health. Identification of the sociocultural characteristics of the patient and his environment can ensure more effective communication with them during rehabilitation activities, and build an appropriate strategy, including the use of software and hardware systems.

Keywords: rehabilitation of cognitive impairment, sociocultural context, cultural competence, information and communication space, sociocultural code of health.

References

1. Suvorov V.V., Kiselev A.R. Social aspects of rehabilitation of cognitive impairments in

¹ The work was carried out within the framework of the scientific project "Development of a software and hardware complex for the rehabilitation of patients with cognitive and motor impairments of various natures based on multimodal biofeedback", carried out at the Federal State Budgetary Institution "National Medical Research Center for TPM" of the Ministry of Health of Russia in accordance with the state assignment of the Ministry of Health of Russia No. 123020600127–4 (2023–2025).

- people of working age // Social and humanitarian knowledge. 2023. № 10. pp. 14–18.
2. Agner J. Moving From Cultural Competence to Cultural Humility in Occupational Therapy: A Paradigm Shift // *The American Journal of Occupational Therapy* 2020. V. 74. № 4. pp. 7404347010p1–7404347010p7.
3. Aneshensel C.S., Ko M.J., Chodosh J., Wight R.G. The urban neighborhood and cognitive functioning in late middle age // *Journal of Health and Social Behavior*. 2011. V. 52. № 2. pp. 163–179.
4. Baumgart M., Snyder H.M., Carrillo M.C., Fazio S., Kim H., Johns H. Summary of the evidence on modifiable risk factors for cognitive decline and dementia: A population-based perspective // *Alzheimer's & Dementia*. 2015. V. 11. № 6. pp. 718–726.
5. Betancourt J.R., Green A.R., Carrillo J.E., Ananeh-Firempong O. 2nd. Defining cultural competence: a practical framework for addressing racial/ethnic disparities in health and health care // *Public Health Reports*. 2003. V. 118. № 4. pp. 293–302.
6. Busch R.M., Dalton J.E., Jehi L., Ferguson L., Krieger N.I., Struck A.F., Hermann B.P. Association of Neighborhood Deprivation With Cognitive and Mood Outcomes in Adults With Pharmacoresistant Temporal Lobe Epilepsy // *Neurology*. 2023; V. 100. № 23. pp. e2350–e2359. doi: 10.1212/WNL.0000000000207266.
7. Charles J.L.K., Holley L.C., Kondrat D.C. Addressing our own biases: Social work educators' experiences with students with mental illnesses // *Social Work Education*. 2017. V. 36. № 4. pp. 414–429. <https://doi.org/10.1080/02615479.2017.1297393>
8. Cherrie M.P.C., Shortt N.K., Mitchell R.J., Taylor A.M., Redmond P., Thompson C.W., Starr J.M., Deary I.J., Pearce J.R. Green space and cognitive ageing: A retrospective life course analysis in the Lothian Birth Cohort 1936 // *Social Science & Medicine*. 2018. V. 196. pp. 56–65.
9. Cramer S.C., Richards L.G., Bernhardt J., Duncan P. Cognitive Deficits After Stroke // *Stroke*. 2023. V. 54. № 1. pp. 5–9.
10. Dickson T., Wilkinson T., Hegedus E.J., Gisselman A.S. Transforming the patient experience: moving beyond cultural competence to cultural safety // *Physical Therapy*. 2022. V. 102. № 6. pp. zac034.
11. Dintica C.S., Bahorik A., Xia F., Kind A., Yaffe K. Dementia Risk and Disadvantaged Neighborhoods // *JAMA Neurology*. 2023. V. 80. № 9. pp. 903–909.
12. Drapkina O.M., Suvorov V.V., Umetov M.A., Suslov I.V., Kiselev A.R. Sociocultural health code as a methodological approach to social studies in the field of healthcare // *Herald of the Russian Academy of Sciences*. 2023. V. 93. № 2. pp. 119–126.
13. Grandpierre V., Milloy V., Sikora L., Fitzpatrick E., Thomas R., Potter B. Barriers and facilitators to cultural competence in rehabilitation services: a scoping review // *BMC Health Services Research*. 2018. V. 18. № 1. pp. 23.
14. Hammell K.R. Occupation, well-being, and culture: Theory and cultural humility // *Canadian Journal of Occupational Therapy*. 2013. V. 80. № 4. pp. 224–234.
15. Henderson S., Horne M., Hills R., Kendall E. Cultural competence in healthcare in the community: A concept analysis // *Health and Social Care in the Community*. 2018. V. 26. № 4. pp. 590–603.
16. Hersh D., Armstrong E., McAllister M., Ciccone N., Katzenellenbogen J., Coffin J., Thompson S., Hayward C., Flicker L., Woods D. General practitioners' perceptions of their communication with Australian Aboriginal patients with acquired neurogenic communication disorders. *Patient Education and Counseling*. 2019. V. 102. № 12. pp. 2310–2317.
17. Hu C., Yu D., Sun X., Zhang M., Wang L., Qin H. The prevalence and progression of mild cognitive impairment among clinic and community populations: A systematic review and meta-analysis // *International Psychogeriatrics*. 2017. V. 29. № 10. pp. 1595–1608.
18. Kawathekar U.S., Campbell D.F. Cultural Competence In Physical Therapy: The Road Less Traveled // *Journal of Manual & Manipulative Therapy*. 2023. V. 31. № 3. pp. 131–132.
19. Li Y., Wang W., Zhu L., Yang L., Wu H., Zhang X., Guo L., Lu C. Pet Ownership, Living Alone, and Cognitive Decline Among Adults 50 Years and Older // *JAMA Network Open*. 2023. V. 6. № 12. pp. e2349241.
20. Lin L., Cao B., Chen W., Li J., Zhang Y., Guo V.Y. Association of Adverse Childhood Experiences and Social Isolation With Later-Life Cognitive Function Among Adults in China // *JAMA Network Open*. 2022. V. 5. № 11. pp. e2241714.
21. Liu J., Gill E., Li S. Revisiting cultural competence // *Clinical Teacher*. 2021. V. 18. № 2. pp. 191–197.

22. Liu J., Roberts A.L., Lawn R.B., Jha S.C., Sampson L., Sumner J.A., Kang J.H., Rimm E.B., Grodstein F., Liang L., Haneuse S., Kubzansky L.D., Koenen K.C., Chibnik L.B. Posttraumatic stress disorder symptom remission and cognition in a large cohort of civilian women // *Psychological Medicine*. 2024. V. 54. № 2. pp. 419–430.
23. Matteliano M.A., Stone J.H. Cultural competence education in university rehabilitation programs // *Journal of Cultural Diversity*. 2014. V. 21. № 3. pp. 112–118.
24. Ngandu T., Lehtisalo J., Solomon A., Levalahti E., Ahtiluoto S., Antikainen R., Backman L., Hanninen T., Jula A., Laatikainen T., Lindstrom J., Mangialasche F., Pajanan T., Pajala S., Peltonen M., Raunamaa R., Stigsdotter-Neely A., Strandberg T., Tuomilehto J., Soininen H., Kivipelto M. A 2 year multidomain intervention of diet, exercise, cognitive training, and vascular risk monitoring versus control to prevent cognitive decline in at-risk elderly people (FINGER): A randomised controlled trial // *Lancet*. 2015. V. 385. № 9984. pp. 2255–2263.
25. O'Shaughnessy D.F., Tilki M. Cultural competency in physiotherapy: a model for training // *Physiotherapy*. 2007. V. 93. № 1. pp. 69–77.
26. Phillips R., Worley L., Rhoades E. Sociomotional considerations // Rhoades E., Duncan J. *Auditory-verbal practice: toward a family-centered approach*. Springfield: Charles C Thomas Publisher, 2010. pp. 187–223.
27. Rhoades E. Working with multicultural and multilingual families of young children // Madell J., Flexer C. *Pediatric audiology: diagnosis, technology, and management*. New York: Thieme Medical Publishers, 2008. pp. 262–268.
28. Roberts A.L., Liu J., Lawn R.B., Jha S.C., Sumner J.A., Kang J.H., Rimm E.B., Grodstein F., Kubzansky L.D., Chibnik L.B., Koenen K.C. Association of Posttraumatic Stress Disorder With Accelerated Cognitive Decline in Middle-aged Women // *JAMA Network Open*. 2022. V. 5. № 6. e2217698.
29. Royeen M., Crabtree J., Culture in Rehabilitation: From Competency to Proficiency. – N.J.: Pearson Education. 2006. – 386 p.
30. Sander A.M., Lequerica A.H., Ketchum J.M., Hammond F.M., Gary K.W., Pappadis M.R., Felix E.R., Johnson-Greene D., Bushnik T. Race/ethnicity and retention in traumatic brain injury outcomes research: a traumatic brain injury model systems national database study // *Journal of Head Trauma Rehabilitation*. 2018. V. 33. № 4. pp. 219–227.
31. Singh H., Sangrar R., Wijekoon S., Nekolichuk E., Kokorelias K.M., Nelson M.L.A., Mirzazada S., Nguyen T., Assaf H., Colquhoun H. Applying 'cultural humility' to occupational therapy practice: a scoping review protocol // *BMJ Open*. 2022. V. 12. № 7. pp. e063655.
32. Sullivan A., Armendariz M., Thierry A.D. A Scoping Review of Neighborhoods and Cognitive Health Disparities Among US Midlife and Older Adults // *Journal of Aging and Health*. 2024. V. 36. № 3–4. pp. 257–270.
33. Tilvis R.S., Kahonen-Vare M.H., Jolkkonen J., Valvanne J., Pitkala K.H., Strandberg T.E. Predictors of cognitive decline and mortality of aged people over a 10-year period // *The Journals of Gerontology: Series A*. 2004. V. 59. № 4. pp. 268–274.
34. Togher L., Douglas J., Turkstra L.S., Welch West P., Janzen S., Harnett A., Kennedy M., Kua A., Patsakos E., Ponsford J., Teasell R., Bayley M.T., Wiseman-Hakes C. INCOG 2.0 Guidelines for Cognitive Rehabilitation Following Traumatic Brain Injury, Part IV: Cognitive-Communication and Social Cognition Disorders // *Journal of Head Trauma Rehabilitation*. 2023. V. 38. № 1. pp. 65–82.
35. Togher L., Wiseman-Hakes C., Douglas J., Stergiou-Kita M., Ponsford J., Teasell R., Bayley M., Turkstra L.S. INCOG recommendations for management of cognition following traumatic brain injury, part IV: cognitive communication // *Journal of Head Trauma Rehabilitation*. 2014. V. 29. № 4. pp. 353–368.
36. Wong C.G., Miller J.B., Zhang F., Rissman R.A., Raman R., Hall J.R., Petersen M., Yaffe K., Kind A.J., O'Bryant S.E.; HABS-HD Study Team. Evaluation of Neighborhood-Level Disadvantage and Cognition in Mexican American and Non-Hispanic White Adults 50 Years and Older in the US // *JAMA Network Open*. 2023. V. 6. № 8. pp. e2325325.

Феномен «учитель» в социокультурной реальности

Хушбоков Ойбек Уралович,

аспирант кафедры права и философии
Мордовского государственного педагогического
университета имени М.Е. Евсевьева
E-mail: oibekh@yahoo.de

На современном этапе развития общества, который характеризуется динамическими изменениями, технологическими прорывами, ориентацией на инновации, происходит переосмысление качеств и умений, требующихся от учителей-профессионалов. Современный учитель должен обладать рядом качеств и умений, позволяющих ему не только эффективно осуществлять свою педагогическую профессиональную деятельность, но и быстро адаптироваться к любым изменениям внешней среды. В статье особенности учителя представлены как система ценностных ориентаций. Рассматриваются аспекты социокультурного феномена учителя относительно духовной жизни. Культура учителя выполняет роль пускового механизма в процессе его творческого саморазвития. Данный феномен способен транслировать и трансформировать нашу человеческую культуру. В каждой культуре учитель имеет свои особенности, связанные с историческими, культурными и социальными факторами.

Ключевые слова: учитель, педагог, статус учителя, наставничество, образование, культурная традиция.

В настоящее время человечество переживает новый качественный этап развития, наиболее часто обозначаемый термином «глобализация», понимаемый и оцениваемый неоднозначно.

Учителя уважали и в истории человечества, и сейчас, в современном мире, уважают – за ум, знания талант, мастерство, интеллект и, конечно же, за уровень его духовной культуры. На современном этапе развития общества, который характеризуется динамическими изменениями, технологическими прорывами, ориентацией на инновации, происходит переосмысление качеств и умений, требующихся от профессионалов. Современный учитель должен обладать рядом качеств и умений, позволяющих ему не только эффективно осуществлять свою педагогическую профессиональную деятельность, но и быстро адаптироваться к любым изменениям внешней среды. Сегодня, когда существенно повышается социальная роль образования, от его гуманистической направленности и эффективности во многом зависят перспективы общественного развития. Культура для личности педагога является не просто интеллектуальным украшением, а определяющим качеством, имеющим огромную силу воздействия на ученика.

Современный учитель – это человек, идущий в ногу со временем и образовательными технологиями, но никогда не забывающий, что он прежде всего, наставник для молодого поколения. Учитель для ученика – это пример мудрости, благочестия, добросовестности и порядочности. В современной школе нельзя забывать важную значимость наставничества. История развития учительства показывает, что «Учитель-ученик» является важным жизненным фактором в культурном мире Востока и Запада.

В словаре синонимов русского языка к слову «Учитель» выстраивается целый ряд синонимов как наставник, преподаватель, воспитатель, руководитель, ментор, педагог, профессор [1, с. 3–9].

Часто используется журналистами в качестве синонима *university teacher* из-за своей краткости. Tutor – преподаватель, наставник, руководитель группы в университете (Оксфорд), который дает индивидуальные консультации студентам. Supervisor – имеет тоже значение, что и tutor, но в Кембриджском университете [2, с. 5–16].

Известный советский педагог Василий Сухомлинский занимался на протяжении своей педагогической деятельности проблемами воспитания и развития школьников. «Сердце отдаю детям» – книга, которая стала итогом тридцати трех лет работы в сельской школе. Сухомлинский писал: «Учитель не только открывает мир перед учеником, но и утверждает ребенка в окружающем мире как активного творца, созидателя, испытывающего чувство гордости за свои успехи. [3, с. 83]. Главной заповедью для учителя Сухомлинский считал: «Будьте доброжелательны!».

Идея о том, что образование, просвещение способны привести к миру, творчеству, гармонично сочетается с известным хадисом, который призывает стремиться к знаниям на протяжении всей жизни. В настоящее время, когда мир быстро меняется, наблюдаются различные проблемы, сложности, которые возникают по итогам социальных преобразований. В результате весомую роль следует уделять саморазвитию, моральным ценностям. В условиях строительства демократического правового государства, развития гражданского социума становится более важным аспектом педагогическая деятельность, роль учителя в качестве трудового деятеля.

Учителя меняют мир. Первые учителя были известны ещё в Древней Греции. История учительства началась вместе с историей человечества. Первый лицей был создан в Афинах более двух тысячелетий назад. И тогда появилась профессия учителя. Образованные и грамотные люди – это основная движущая сила развития человечества в XXI веке. Учитель – профессия, востребованная во все времена. Современный учитель – это прежде всего главный помощник

и советник. Учитель выполняет важную роль в обществе, выступая в качестве связующего звена между социумом и молодым поколением. Он не только передает знания, но и формирует у подрастающего поколения научный подход к деятельности, национальную идентичность, гражданскую позицию, способствуя развитию социума на принципах демократии и правового государства: воспитанию ценностей, норм, принципов, связанных с этическими, моральными аспектами жизни.

Роль учителя в современном мире очень большая. У современного педагога есть всегда актуальные задачи. В настоящее время перед обществом стоит важная задача – воспитать активную, самостоятельную личность, способную отвечать за свои действия и поступки. В Федеральном Законе «Об образовании в Российской Федерации» отмечается, что гуманизация образования призвана развивать способность детей ориентироваться в социальных ситуациях [4].

Учителя – одна из наиболее массовых профессиональных групп интеллигенции. По мнению К.Д. Ушинского, учитель должен искренне любить детей, обладать педагогическим мастерством и педагогическим тактом. Место и роль учителя в обществе неразрывно связаны с социальной, экономической и политической жизнью общества, с уровнем его развития. Изменения общественно-экономических отношений, ценностных ориентаций, жизненной философии обуславливают отношение общества к образованию, а значит – к учителю.

Учитель как феномен может быть проанализирован в социокультурной реальности. Феномен «Учитель» может быть понят не только в контексте его педагогических проявлений, но и как конструкт многомерной социальной реальности, как духовно-жизненный феномен. И данный феномен способен транслировать и трансформировать нашу человеческую культуру. И таким образом учитель должен всегда приспосабливаться к новым условиям, ограничениям и вызовам. Учительство – это вдохновение.

В античной философии нашли отражение мысли о воспитании, организации обучения, значении образования для развития человека. Ученик Сократа, философ Платон (427–347 до н.э.) основал Афинскую философскую школу – Академию и проповедовал там всестороннее образование. Педагогические идеи Платона неразрывно связаны с его философским учением об особом интеллектуальном мире – мире идей. По мысли философа, цель воспитания состоит в развитии знания, постигающего гармонию между реальностью и творческой идеей, заложенной в человеке.

Платон основал свою школу на собственных средствах на участке, засаженном деревьями и орошаемом источниками, в парке героя Академа, посреди которого возвышался гимнасий, на Элевсинской дороге, близ Кефиса, недалеко от Колона. Академия полагала своей целью готовить юношей к активной роли в государственной жизни и давать им философское образование согласно с программой, изложенной в VI и VII книгах *Государства*. По всей видимости, Платон объединил вокруг себя друзей и единомышленников, которым было поручено вести отдельные предметы. Наиболее известны Аристотель, Спевсипп, Ксенократ, Филипп из Опунта, Гермодор из Сиракуз, Гераклид Понтийский, Евдокс, Гестий из Перинфа и Тезетт [5, с. 656].

Анализируя профессию учителя, нельзя не упомянуть, что с годами менялось не только отношения к учителям, но также их статус и портрет. Главной задачей учителя становится задача научить учеников самостоятельно находить информацию, анализировать, делать выводы, выражать и отстаивать свою точку зрения. В процессе обучения учителю также необходимо научить учеников и ценностям, общественным нормам. Сегодня учитель может выступать в качестве наставника, который помогает ученикам развивать навыки и умения, а также в качестве фасилитатора, который помогает ученикам самостоятельно исследовать и учиться.

Основополагающим аспектом современной педагогики можно определить

духовное, нравственное и умственное развитие человека. Усиление значимости учителя в формировании образа национальной исторической идентичности является одной из важнейших задач современного образования. Учитель играет ключевую роль в передаче знаний о прошлом своей страны, формировании патриотизма и гордости за свою нацию.

Несмотря на все трудности, профессия учителя остается важной и значимой для общества. Учителя продолжают формировать будущее страны, воспитывая новое поколение граждан. Поэтому необходимо создавать условия для повышения статуса и престижа профессии педагога, а также поддерживать их в профессиональном развитии. Таким образом, следует отметить, что перед современным учителем стоят различные проблемы и вызовы. Сегодняшний учитель должен быть готов к изменениям, постоянно совершенствуя свои знания и навыки.

Таким образом, в статье рассмотрены вопросы социокультурного характера феномена «Учитель».

Литература

1. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // ИАН СЛЯ, 1983. С. 3–9.
2. Teach in the UK // Teachaway. 2021. – URL: <https://www.teachaway.com/teach-uk>
3. Алымова Е.В. Образование в зеркале лингвокультурологии. Екатеринбург, 2017. С. 5–16.
4. <http://www.mon.gov.ru>
5. Греческая философия. Моники Канто-Спербер. Москва, 2008. 656 с.
6. Гумбольдт В. Фон. Избранные труды по языкознанию. – Москва: Прогресс, 1984. – 400 с.
7. Кант И. Критика чистого разума. – Москва: Мысль, 1994.

THE PHENOMENON OF “TEACHER” IN SOCIOCULTURAL REALITY

Khushbokov O.U.

Mordovian State Pedagogical University named after M.E. Evseev

At the present stage of development of society, which is characterized by dynamic chang-

es, technological breakthroughs, and a focus on innovation, there is a rethinking of the qualities and skills required of professional teachers. A modern teacher must have a number of qualities and skills that allow him not only to effectively carry out his teaching professional activities, but also to quickly adapt to any changes in the external environment. In the article, the characteristics of a teacher are presented as a system of value orientations. Aspects of the sociocultural phenomenon of a teacher regarding spiritual life are considered. The teacher's culture acts as a trigger in the process of his creative self-development. This phenomenon is capable of broadcasting and transforming our human culture. In each culture, the teacher has his own characteristics associated with historical, cultural and social factors.

Keywords: teacher, pedagogue, teacher status, mentoring, education, cultural tradition.

References

1. Likhachev D.S. Conceptosphere of the Russian language // IAN SLYA, 1983. pp. 3–9.
2. Teach in the UK//Teachaway. 2021. – URL: <https://www.teachaway.com/teach-uk>
3. Alymova E.V. Education in the mirror of linguoculturology. Ekaterinburg, 2017. pp. 5–16.
4. <http://www.mon.gov.ru>
5. Greek philosophy. Monica Canto-Sperber. Moscow, 2008. 656 p.
6. Humboldt V. Fon. Selected works on linguistics. – Moscow: Progress, 1984. – 400 p.
7. Kant I. Critique of Pure Reason. – Moscow: Mysl, 1994.

Ролевая, иерархическая структура и отличительные свойства института образования современности

Щербинина Зинаида Николаевна,

аспирант кафедры философии и социологии,
Академия труда и социальных отношений
E-mail: optionjet@gmail.com

Ведущая роль социального института образования в процессах развития современного общества неоспорима. С целью поиска путей развития института образования, возникает необходимость исследования его фундаментальных категорий и характеристик. В статье описана структура института образования в классической формулировке применительно к настоящему времени, выявлены объект, субъект, интересы, ценности рассматриваемого института. Выявлены способы оказания влияния на личность, как на субъект института образования, государства, семьи, религии. При рассмотрении взаимного влияния и проникновения социальных институтов, определена роль социального института образования как объединяющая или генерализующая.

Ключевые слова: социальный институт образования, структура социального института, институт семьи, институт государства, институт религии.

Образование охватывает все общество и играет важнейшую роль в формировании индивидуальности каждого человека. По мнению некоторых исследователей, роль образования как способа общественной интеграции равна роли семьи, государства и даже превосходит влияние такого старейшего общественного института, как религия. Институт образования, будучи одним из важнейших социальных институтов, отвечает за передачу знаний, развитие умственных способностей и формирование базовых навыков самого человека. В своей научной статье мы рассмотрим институт образования в контексте его составных частей, их взаимное влияние и проанализируем его роль и функции в социуме, «охват» влиянием общества.

Не смотря на широкий интерес и многочисленные исследования образования, как социального института, остаются вопросы, рассмотрение которых следует продолжать.

Один из вопросов, требующий дальнейшего изучения, касается ролевой конструкта института образования. В современном образовании среди его акторов активно используются инновационные технологии в построении и контроле учебных процессов, оценке достижений, однако их эффективность и влияние на качество образовательного процесса не до конца ясны. Необходимо изучить влияние образовательной структуры на текущее состояние и перспективы трансформации института образования, его симбиоз с важнейшими социальными институтами.

В исследовании применен внутриинституциональный метод исследования – построение ролевой и иерархической структуры института образования, формулировка типов внутриинституциональных концепций. Сделана попытка совместить теоретические формулировки с реальными социологическими

феноменами. Применен сравнительный анализ.

Как любой социальный институт, институт образования имеет функциональную структуру, зависящую от решаемых им задач. Рассматривая дефиниции структуры социального института авторитетных исследователей, следует отметить, сегодня нет единого устоявшегося определения социального института и, соответственно, его характеристик. Определение понятию социальной структуры даны в трудах многих исследователей: М. Вебера [6], Я. Щепаньского [13], Т. Парсонса, Дж. Флейбмана, современники С.С. Фролов [12].

Понятие структура означает совокупность устойчивых связей частей объекта, обеспечивающих его целостность и тождественность самой себе, сохранение основных свойств при различных внешних и внутренних изменениях. В социологической дисциплине структура – это установленный порядок связей в социальной системе, системе человеческих отношений и как любой порядок, она имеет субъекты (стороны, между которыми возникают отношения); объект (по поводу чего возникают отношения между субъектами); потребности (отношения субъект – объект); интересы (отношения субъект – субъект); ценности (отношения между идеалами взаимодействующих субъектов).

Субъектами в образовании традиционно выступают: само общество людей, представленное социальным институтом государства, образовательные учреждения и организации (включая структуры материального обеспечения образовательного процесса), социальный институт семьи, индивиды (учащиеся).

Субъектом и одновременно объектом института образования является непосредственно индивид, то есть учащийся (ученик, студент, курсант и т.д.), а опосредованно – общество.

Интересы – это побудительные мотивы, обусловленные принадлежностью к тому или иному субъекту с присущими ему уникальными потребностями. Интересы общества заключаются в потребности в высококвалифицированных спе-

циалистах, соответствующих росту развития науки, техники, технологий и уровня жизни; заинтересованность общества в становлении института образования – интерес к собственному будущему. Государство, будучи общественным институтом, принимает институт образования, как фундамент поддержки и силу для развития национальных интересов, таких как государственная безопасность, политическая свобода, обеспечение экономической стабильности [13]. Организации образования выступают основным исполнителем функций института и их интересы заключены в создании качественного образовательного продукта, который будет иметь высокую оценку и, как следствие, востребованность и признание всех потребителей: общества, государства, граждан и выразится в развитии самой образовательной организации. Для семьи институт образования служит если не возможности вертикальной или горизонтальной мобильности, то способом повышения качества среды существования через «аристократизацию» общества [10, 11]. Обучающемуся индивиду образование становится личным активом, фактором адаптации в обществе и критерием социального статуса.

Ценности – значимость участия в институте для каждого субъекта. Значение ценностей и ценностной ориентации субъектов института образования недооценено, поскольку именно они являются главной движущей силой и обеспечивают порядок. Общеизвестно, что именно образованию отводится роль трансляции ценностей в обществе.

Семантическое значение слова образование – создание, возникновение, явление. Применительно к общественной жизни образование – это процесс создания из индивида субъекта социальной жизни, который начинается с момента его рождения и длится всю жизнь. Кроме непосредственной передачи знаний и умений, необходимых для функционирования избранной индивидом профессии, он проходит всестороннюю социализацию, самостоятельно делая выбор вектора своего развития, достигая к концу

жизни определенной позиции в обществе. На разных этапах образовательным процессам сопутствуют различные процедуры, формирующие человека: обучение навыкам поведения в обществе, этическое, идеологическое, патриотическое воспитание, выработка индивидуальных вкусов, поддержка ценностей и принципов, присущих определенному общественному слою.

Модели института образования конструируются в зависимости от иерархического положения в его структуре субъектов. В большинстве случаев главенствующая роль принадлежит государству.

Государство, как социальная инсти-туция, отвечает за обеспечение достойного уровня жизни граждан и защиту их интересов в области социального благополучия. Оно представляет собой слаженную структуру с определенной группой людей, обладающих публичными полномочиями и профессиональной экспертизой, которые занимаются управлением и руководством, а также охраной экономического, социального и политического устройства общества, включая меры принуждения [1]. Сущность государства выражает его социальную природу и является организующей силой общества.

Социальная функция государства закреплена Статьей 7 Конституции Российской Федерации, в соответствии с которой Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека [1]. Смягчение и преодоление бедности, неравенства в доходах, безработицы является одним из направлений социальной функции. На эти явления можно в значительной степени влиять с помощью развития института образования, поэтому развитие образования входит в перечень основных государственных интересов и его основные траектории развития отражены в Государственной программе «Развитие образования». Фундаментальные направления программы: сбережение народа Российской Федерации, разви-

тие человеческого потенциала, укрепление традиционных российских духовно–нравственных ценностей, культуры и исторической памяти, устойчивое развитие экономики Российской Федерации на новой технологической основе, развитие безопасного информационного пространства [2].

В программе закреплены целевые критерии: вхождение Российской Федерации в число 10 ведущих стран мира по качеству общего образования; выравнивание стартовых возможностей детей дошкольного возраста за счет обеспечения и сохранения 100 процентов доступности качественного дошкольного образования, в том числе присмотра и ухода за детьми; увеличение доли выпускников образовательных организаций, реализующих программы среднего профессионального образования, занятых по виду деятельности и полученным компетенциям, до 63,3%; формирование эффективной системы выявления, поддержки и развития способностей и талантов у детей и молодежи, основанной на принципах справедливости, всеобщности и направленной на самоопределение и профессиональную ориентацию всех обучающихся; развитие системы кадрового обеспечения сферы образования, позволяющей каждому педагогу повышать уровень профессионального мастерства на протяжении всей профессиональной деятельности [2].

Государственные задачи решаются через структуру образовательных учреждений, как полноценного институционального субъекта. Для образовательных учреждений образование является видом деятельности, в то же время сами образовательные учреждения выступают составной частью механизма социального института образования. Стоит обратить внимание, что подготовка специалистов для воплощения непосредственного процесса (учителей, преподавателей) происходит в самих же образовательных учреждениях, воплощающих этот процесс, то есть объект института образования является составной частью субъекта, а формирование объекта – непосредственным интересом субъекта.

Главное отличие института государства от всех остальных – это наличие у него потенциала властного насилия. Применительно к институту образования эта особенность государства проявляется несколькими способами.

1. Законодательное закрепление обязательности образования определенного уровня. Например, в России обязательным является получение начального, основного и среднего общего образования [2]. Граждане не освоившие эти ступени образования не допускаются для обучения на следующих уровнях. Этим достигается повышение качества общества.

2. Регулирование наполнения рынка профессий через механизмы финансирования образовательных учреждений. Потребности государства в специалистах различной квалификации постоянно претерпевает изменения. Удовлетворение народного хозяйства необходимыми кадрами является залогом его успешного развития.

3. Создание справедливых условий для получения образования через законодательство. Это проявляется в разработке законодательных и нормативных актов, нацеленных на определение параметров качества образования, принципов передачи знаний и опыта и критериев их оценки. Такими мерами достигается обеспечение права граждан на равенство в реализации социальных прав, таких как право на труд, социальное обеспечение, свободу творчества.

Следует заметить, что государственный аппарат состоит из чиновников, государственных служащих различных специальностей, которые в свою очередь сами являются выходцами из образовательных учреждений. Институт образования, безусловно влияет на состояние государства, то есть служит цели развития и укрепления государства.

Механизм институтов государства и образования, направленные на формирование общества посредством образования, можно характеризовать как воздействие – комплекс мер необходимых, чтобы добиться определенного результата.

Неоспоримое влияние на человека оказывает семья. Макс Спенсер, впервые ввел в социологическую науку понятие институт, выделил институт родства, как одну из первейших систем, обеспечивающих жизнедеятельность общества [7]. Современная семья, как промежуточная среда для индивида до его встраивания в общество, является одним из субъектов института образования. В семейной среде формируются жизненные ориентиры, которые будут оказывать существенное влияние на всю жизнь человека. Родители индивида, будучи уже подверженными влиянию института образования являясь носителями ценностей, сформированных при получении образования.

За семьей традиционно закреплено заложение в человека следующих параметров.

1. Как союз, основанный на инстинктивных и эмоциональных привязанностях, семья является индикатором отношения к жизни, как ценности и благу, заложенную природой тягу к продолжению рода.

2. Как объединение людей, основанное на кровном родстве, семья формирует различную степень вовлеченности человека в общество. Семьи с ограниченным минимальным количеством родственников предполагают наличие прав в небольшом коллективе и, соответственно, возникновение обязанностей так же перед минимальным кругом лиц. Наоборот, большие семьи расширяют численность претендентов на внимание каждого члена.

3. Как группа, связанная общностью быта и взаимной ответственностью, наделяет человека привычками, манерами поведения и формирует перечень способов взаимодействия с окружающими.

Как и в государственном институте, члены института семьи являются или являлись в прошлом субъектами института образования. Иначе, институт образования влияет на среду влияния своих субъектов.

Взаимодействие института семьи и индивида можно определить как влияние – прямая и косвенная передача

качеств и характеристик, вербальное и невербальное сообщение личностных свойств, ранее приобретенная в семье предков и передаваемая из поколения в поколение. Главным инструментом влияния семьи на человека является не принуждение, а убеждение.

Религия принадлежит к старейшим из известных социальных институтов и существует в наше время, как безусловный институт—лидер по формированию, поддержанию и развитию нематериальных качеств и благ человека, одним из которых является неоспоримая ценность семейственности и продолжения рода. Учеными доказана взаимосвязь между уровнем религиозности общества и уровнем рождаемости в странах. Это достигается благодаря заложенному в религиозные учения механизма семейного образа жизни.

Институт образования отчасти противостоит институту религии. Наиболее ярким примером служит факт, что мировоззренческая и поведенческая функция не находится в монопольном ведении религиозных конфессий. Самые актуальные функции религиозного института в настоящее время: психологический компенсаторный — способ утешения в сложных ситуациях, коммуникативно-интеграционный — представителям одной конфессии легче общаться и образовывать общность в случае необходимости, воспитательно-культурный — формирование человеческих не физических качеств высшего порядка. Порой сформированные религией характеристики имеют выражение в материальной сфере. Так, Макс Вебер установил, что этика религии протестантизма влияет на экономические состояние человека и семь [5].

Выводы

1. Текущее состояние института образования является следствием функционирования его конструкта. Влияние на действующую структуру возможно через интересы, задающие вектор развития и ценности, обеспечивающие порядок и целостность общества. Активной инструментальной регуляцией института образования занимается государство.

2. Общеизвестно, что социальный институт образования — это продукт взаимодействия людей, направленный на получение, накопление, систематизацию и распространение эмпирического, теоретического и логического опыта. Он имеет физическое воплощение и смысловое наполнение, которое, в свою очередь трансформирует самих людей и государство в целом. Расчеты параметров качества, динамики темпов развития с ориентацией на потребности рынка труда, возможно использовать как катализатор экономического и социального развития страны и упрочения положения в мире.

3. Большинство общественных явлений, происходящих в обществе, или непосредственно связаны с институтом образования, или имеют объяснение, как следствие его функционирования. Институт образования является генерализующим, поскольку состав акторов прочих социальных институтов, то есть их личностное наполнение, сформировано институтом образования, включая сам институт, как единственную самовоспроизводящуюся систему.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.] // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 31.03.2024).
2. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273–ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ред. от 25.12.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2024).
3. Беликов В.А. Образование Деятельность Личность. — М.: Академия естествознания, 2010. — URL: <https://www.monographies.ru/ru/book/view?id=76> (дата обращения: 11.02.2024).
4. Бошно С.В. Государство. // Право и современные государства. — 2013. — № 6. — URL: <https://cyberleninka.ru/ar>

- ticle/n/gosudarstvo (дата обращения: 06.04.2024).
5. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. – М.: Избранные произведения, 1990.
 6. Веблен Т. Теория праздного класса. – М.: Прогресс, 1984.
 7. Гармонова А. В., Щеглова Д. В., Юманова И. Ф., Опфер Е. А. Ценности современных российских студентов в контексте трансформации системы высшего образования // Вестник Института социологии. 2021. Том 12. № 4. С. 167–192. DOI: 10.19181/vis.2021.12.4.758
 8. Глотов М. Б. Социальный институт: определение, строение, классификация // Социс. 2003. № 10. С. 23–35.
 9. Дюркгейм Э. Социология образования. – М.: Прогресс, 1996.
 10. Сорокин П. А. Популярны очерки социальной педагогики и политики / Подгот. текста, вступ. ст. и коммен. В. В. Сапова. – СПб.: Скифия-принт, 2020.
 11. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика / Пер. с англ., вступ. ст. и коммент. В. В. Сапова. – М.: Академический проект, 2017.
 12. Фролов С. С. Социология: учеб. пособие. – М.: Наука, 1994.
 13. Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии. – М.: Прогресс, 1969.
 14. George A., Keohane R. The Concept of National Interests: Uses and Limitations' // George A. Presidential Decisionmaking in Foreign Policy. Boulder, 1980. P. 217–238.

ROLE, HIERARCHICAL STRUCTURE AND DISTINCTIVE PROPERTIES OF THE MODERN EDUCATIONAL INSTITUTION

Shcherbinina Z.N.

Academy of Labor and Social Relations

The leading role of the social institute of education in the processes of development of modern society is undeniable. In order to find ways to develop the institute of education, there is a need to study its fundamental categories and characteristics. The article describes the structure of the institute of education in the classical

formulation in relation to the present time, reveals the object, subject, interests, values of the considered institute. The ways of influencing the personality as a subject of the institute of education, state, family, religion are revealed. When considering the mutual influence and penetration of social institutions, the role of the social institute of education as unifying or generalizing is defined.

Keywords: social institute of education, structure of social institute, institute of family, institute of state, institute of religion.

References

1. Constitution of the Russian Federation: [adopted by popular vote on December 12, 1993 with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020] // Official Internet portal of legal information. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (date of access: 03/31/2024).
2. Federal Law of December 29, 2012 No. 273-FZ "On Education in the Russian Federation" (as amended on December 25, 2023) (as amended and supplemented, entered into force on April 1, 2024).
3. Belikov V. A. Education Activity Personality. – M.: Academy of Natural Sciences, 2010. – URL: <https://www.monographies.ru/ru/book/view?id=76> (access date: 02/11/2024).
4. Boshno S. V. State. // Law and modern states. – 2013. – No. 6. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvo> (date of access: 04/06/2024).
5. Weber M. Protestant ethics and the spirit of capitalism. – M.: Selected works, 1990.
6. Veblen T. Theory of the leisure class. – M.: Progress, 1984.
7. Garmonova A. V., Shcheglova D. V., Yumanova I. F., Opfer E. A. Values of modern Russian students in the context of transformation of the higher education system // Bulletin of the Institute of Sociology. 2021. Vol. 12. No. 4. pp. 167–192. DOI: 10.19181/vis.2021.12.4.758
8. Glotov M. B. Social institution: definition, structure, classification // Socis. 2003. No. 10. P. 23–35.
9. Durkheim E. Sociology of education. – M.: Progress, 1996.
10. Sorokin P. A. Popular essays on social pedagogy and politics / Prepared by. text, intro. Art. and comment. V. V. Sapova. – St. Petersburg: Skifia-print, 2020.

11. Sorokin P.A. Social and cultural dynamics / Transl. from English, intro. Art. and comment. V.V. Sapova. – M.: Academic project, 2017.
12. Frolov S.S. Sociology: textbook. Benefit. – M.: Nauka, 1994.
13. Shchepansky J. Elementary concepts of sociology. – M.: Progress, 1969.
14. George A., Keohane R. The Concept of National Interests: Uses and Limitations' // George A. Presidential Decisionmaking in Foreign Policy. Boulder, 1980, pp. 217–238.

Реконструкция математического платонизма Павла Флоренского

Сафонов Андрей Анатольевич,

преподаватель философии, высшая школа философии, истории и социальных наук, Балтийский федеральный университет имени И. Канта
E-mail: Andreyaleteya87@yandex.ru

Данная статья посвящена реконструкции того, что можно назвать математическим платонизмом Павла Флоренского. В ней рассматриваются взгляды философа на математику, в которых она оказывается ключом к его целостному мировоззрению, а отдельные математические структуры – предельно общими символами, связывающими самые удаленные уголки его философской сетчатой ткани. Используя системный метод и историко-философскую реконструкцию, автор данного исследования проанализировал такие работы Павла Флоренского, как «Мнимости в геометрии», «Иррациональность в математике и догмат», «Число как форма», *Symbolarium*, «О символах Бесконечности», главу «У водоразделов мысли», посвященную Золотому сечению, а также его студенческую переписку. В результате проведенного анализа удалось выявить математические идеи, игравшие ключевую роль в философии Павла Александровича: точка, золотая пропорция, мнимо-действительная плоскость, односторонняя риманова поверхность, инварианты, иррациональные числа. По мнению автора, проведенный анализ позволяет глубже понять образ мысли философа – уникальное сочетание научного и духовного, дискурсивного и интуитивного, математического структурализма и символизма.

Ключевые слова: Павел Флоренский, Георг Кантор, математика, символизм, мнимости в геометрии, точка, бесконечно-малая, лента Мебиуса, иррациональности.

Как известно, математика играла важнейшее значение в формировании мировоззрения П. Флоренского. Об этом он пишет одним из студенческих писем матери:

«Математика для меня – это ключ к мировоззрению, такому мировоззрению, для которого нет ничего настолько неважного, чем не надо было бы заниматься, нет ничего не стоящего в связи с другим. При математическом мировоззрении нет надобности намеренно или бессознательно игнорировать целые области явлений, урезывать и достраивать действительное. Натурфилософия соединяется в одно целое с этикой и с эстетикой. Религия получает совершенно особенный смысл ... Но я пишу тебе, как будто всё это уже есть. Это не более, как смутные предчувствия будущего синтеза. Когда он будет сделан, где, кем? – все это еще вопросы. Я только убежден, что это совершится исключительно при вмешательстве математики, скорее даже философии математики» [2, с. 175].

Если в приведенном выше отрывке только намечаются контуры будущего мировоззрения философа, то в автореферате мы встречаем что-то вроде подведения итогов: «мировоззрение Флоренского сформировалось главным образом на почве математики и пронизано ее началами» [3, т. 1, с. 37–43].

Флоренский проявляет удивительную цельность и верность своим ключевым интуициям. Очевидно, что одной из путеводных нитей для него всегда являлась математика.

Но речь не шла о построении законченной философской системы по математическому образцу, как у Декарта или Спинозы. Флоренский ищет точки пересечения между математикой, религией, этикой, эстетикой и т.д. Математические структуры интересуют его как предельно общие, а следовательно, совместимые с самыми разными областями того, что охватывается интеллектом.

«Ты не думай, что я хочу возвращения к геометрическому методу Декарта или Спинозы. Вовсе нет. Там была чистая мысль, лучше сказать один голый рассудок. Это было односторонностью, которая и погубила их. Я же хочу положения, одинаково требуемого как умственными запросами человека, так и эстетическими и этическими, в силу чего основоположение не может быть понятно фиктивному чистому рассудку. Оно для него одна из бесчисленных возможностей, одна из бесчисленных поверхностей пространства, геометрическое место возможностей. Только пересечение с эстетической и этико-религиозной поверхностями геометрических мест дает одну точку, точку абсолютного если не в его целом, то качественно подобном целому» [2, с. 175].

В математических воззрениях о. Павла органично соединяется его понимание платонизма с платоновской линией в математике, получившей новое дыхание в XX веке. Но, если у большинства представителей математического платонизма последний сводится к вопросу об онтологическом статусе математических структур, у последнего они становятся универсальными формами применимыми везде, где возможно познание.

С учетом всего вышесказанного видится крайне перспективным исследование базовых математических архетипов в творчестве П. Флоренского.

Точка. Бесконечно малая

В планы Флоренского входило создание идеографической энциклопедии символов Symbolarium, как некой схемы, «способной организовать всю кажущуюся раздельность символических образов и свести их к некому единому конструктивному типу» [3, т. 2, с. 573].

Геометрические фигуры оказываются при таком подходе некой символической азбукой, ведь они представляют собой органическую основу зрительных образов, «в них укладывается все разнообразие конкретных явлений, носящих символическое значение. Так значение вертикальной линии человеческого тела, колонны или дерева обусловле-

ны «смыслом вертикальной линии вообще», графика кольца, венца, Стоунхенджа укладывается в графике круга и т.д.» [3, т. 2, с. 573].

Простейшими и базовым графическим образом является точка. В нем, по мнению Флоренского, сходятся все ключевые антиномии: бытия и небытия, пустоты и полноты, видимого и невидимого и т.д. Но, поскольку точка репрезентует антиномизм, он должен проявляться в ее графическом выражении:

«Антиномическая значимость точки должна упираться в конечном счете в графическую ее антиномичность и без этого, естественно, висела бы в воздухе и была бы условной и произвольной» [3, т. 2, с. 574].

Далее автор отмечает два понимания точки, развивавшиеся параллельно и соперничавшие на протяжении всей истории математики. При первом подходе точки рассматриваются как некие первичные элементы, из которых составляются пространственные объекты. В таком случае пространство есть некая абстракция, приписываемая к данной реальности точек. При втором подходе реальным является некий континуум, сплошное пространство, а точки – некие фикции в нем.

Двумя этими пониманиями, которые можно проследить от Пифагора и элейцев, обуславливается двойственное символическое значение точки – как символа «единства и самодовлеваемости», либо, напротив, как отсутствие объекта.

Два этих значения Флоренский отождествляет с единицей и нулем, но они «суть пределы» [3, т. 2, с. 573], однако можно использовать точку как стремящуюся к этим пределам, т.е. как дифференциал. Антиномическая «андрогиничность» точки превращает ее в отрезок с «исчезающей» длиной. В «Мнимостях в геометрии» Флоренский делает попытку реабилитировать понятие актуально-бесконечно малой, от которого к тому времени отказался математический анализ.

В отличие от безразмерной математической точки, последняя обладает нефиксированной, как бы ускользаю-

щей протяженностью. В классическом математическом анализе введение актуально-бесконечно малой приводит к противоречию с аксиомой Архимеда. Однако Флоренский рассуждает об этом не сколько как математик-теоретик, сколько как философ, способный при необходимости заглянуть за пределы научного цеха и инженер-практик, использующий в геометрии аналогии из опыта.

«Пульсирующая», как бы наделенная некой разностью потенциалов бесконечно малая становится у него символом жизненного центра в биологии (зерна, клетки и т.д.), символом монады, мыслимой «как материальный минимум», символом духовного зародыша будущего воскресения.

В задуманной энциклопедии П. Флоренский, как будто бы стремится нащупать некую универсальную эйдеитическую геометрию, в которой точка может репрезентовать онтологическое начало. Он связывает ее с Началом, Первопричиной, Единицей, Духом, Разумом, Богом Отцом, Эн Соф, андрогиническим принципом и т.д. Она есть символ «непознаваемого» и «неименоуемого».

Таким образом, в символе точки мы имеем уже зародыш антиномизма и диалектизма Флоренского. Всякая идея, согласно гипотезе Флоренского, начинает свое проявление в материальном мире как напряженное единство двух разделяющихся полюсов. Для того, чтобы осуществиться, она должна «выйти из себя, перестать быть собою», стать евангельским зерном, которое «не оживет, если не умрет».

Здесь мы переходим к следующим важным для понимания антиномизма символам.

Закон постоянства, золотое сечение и антиномическое проявление идеи

В уникальном органическом платонизме Флоренского всякая идея проявляется как некое «целое». Но всякое «целое» является «множеством многообразного». Первичным различием является «противоположность тождественного, равного». Таким образом, всякая первичная двойность является полярностью,

«да и нет с одним содержанием» [3, т. 2, с. 573].

В качестве примеров подобных полярностей Павел Флоренский приводит магнит, электричество и даже рассматривает с этой точки зрения человеческую судьбу, взятую как целое. В подобных рассуждениях намечаются контуры оригинальной версии платонизма, где «антиномическая сопряженность полюсов» оказывается необходимым условием проявления идеи. Всякое целое, став явлением, неизбежно включает в себя, по мнению философа, тезис и антитезис, противоречащие друг другу «Да» и «Нет».

И наоборот – сопряжение «да» и «нет» в явлении указывает на целое, которое через них раскрывается. Таким образом, «антиномичность – залог цельности, полюсы это начало и конец явления сверхчувственного в области чувственной, места входа и выхода ИДЕИ в мир эмпирический» [3, т. 2, с. 573].

Далее Флоренский ставит следующий вопрос: если всякая идея воплощается в физическом мире как антиномия, переходя в «свое иное», можно ли найти математический символ, адекватно описывающий это одновременное разотождествление и сохранение себя так, чтобы А, превращаясь в не А, на новом витке вновь становилось А?

Алгебраическим выражением этой диалектики равной и не равной себе идеи является формула т.н. «золотой пропорции», в ходе многократного применения которой все ее элементы поочередно меняются ролями:

Целое / большая часть = большая часть / меньшая часть.

Флоренский уверен что закон золотого сечения имеет универсальное онтологическое значение и его следует поставить в один ряд с законом непротиворечия и законом достаточного основания. Подобная метафизическая интерпретация божественной пропорции с диалектической необходимостью следует из того значения которое играет понятие целостности в философии Флоренского. Всякое явление развивается как некое целое, некий организм, «Антиномизм –

залог целостности» [3, т. 2, с. 573], а Божественная пропорция – арифметическая реализация антиномизма.

Особое внимание мыслитель уделяет проявлением целого во времени и прежде человеческой биографии. Поскольку последняя является неким единством, определяемым полюсами рождения и смерти, автор предполагает наличие и в ней некой точки золотого деления экстремальной точки акме, в которой целое познает себя, находит свой истинный центр, к которому копилось все развитие его и из которого исходит все дальнейшее его творчество, «узел жизни к которому сходятся все линии жизни и из которого они расходятся» [3, т. 2, с. 573]. Здесь его философская интерпретация золотого сечения достигает, пожалуй, наибольшей силы.

Загадочная точка Фи связывается с тайной индивидуальности, призвания, жизненной полноты, разделяет жизнь на восходящую (арсис) и нисходящую (тесис) части. Отдельного внимания заслуживает интерпретация второго отрицательного корня уравнения, получаемого из золотой пропорции, как дополнительного вневременного полюса жизни.

«Мнимая сторона»

На протяжении всей жизни Павел Флоренский не мог отделаться от ощущения двойственности мироздания, наличия у него иной, ноуменальной стороны.

Эту интуицию он развивает в своей интерпретации мнимостей, проделанной еще в университетские годы и дополненной в поздние годы. Поставив себе задачу расширить область двумерных образов геометрии, «так чтобы в систему пространственных представлений вошли и мнимые образы» [1, с. 10], автор рассматривает плоскость, с одной стороны которой область действительных функций, с другой – область мнимостей, а между ними – бесконечно малый слой, занятый комплексными числами.

Эта модель по мнению автора может применяться при изучении явлений, в которых можно выделить две неравные стороны – к примеру, в случае

магнитного листа, в электротермических явлениях и т.д.

Но, как и каждая даже прикладная идея, мнимая плоскость связана со множеством других узлов интеллектуальной сети П. Флоренского и получает метафизическую интерпретацию.

Как и у данной плоскости, по мнению мыслителя, у каждого явления присутствует внешняя и внутренняя сторона. В сетчатой картине мира Флоренского описанная интерпретация мнимостей причудливо связывается с его иконологией и философией культа. Ведь иконастас – это «окно в другой мир», «граница между миром видимым и миром невидимым» [3, т. 2, с. 441].

В наиболее известной широкому читателю последней главе мнимостей идея перехода на «иную» сторону находит неожиданного союзника в теории относительности.

Размышляя о формуле Эйнштейна, Флоренский делает предположение, что при достижении объектом скорости света время останавливается, что соответствует неподвижности мира идей Платона, а при преодолении скорости света происходит переход в мнимую область, где время начинает течь в обратном направлении, становясь телеологическим временем, где цели становятся причинами и всякое событие приобретает символическое событие, поскольку подчинено логике целого.

Опираясь на эту модель, Флоренский говорит о телеологии и символичности сновидений, предполагая, что последние являются наиболее доступным опытом перехода от «видимого» к «невидимому». Эти рассуждения служат своеобразной интеллектуальной подготовкой к философии иконы, которая понимается Флоренским как наиболее безопасный с духовной точки зрения участок границы между мирами.

Примечательно, что интересоваться мнимостями Флоренский начал еще в студенческие годы, а упомянутые рассуждения относятся к его позднему творчеству. Очевидно, что и в юности, и в зрелом возрасте «русский Данте» пытался найти точку своего переворо-

та, приоткрыть «нефизическую тайну», «полуприкрывающуюся физическим», жаждал «слить себя с таинственно высвечивающими ноуменами».

Односторонняя Риманова поверхность

В приложении к мнимостям в геометрии Павел Флоренский публикует статью, посвященную юбилею Данте, где пытается определить духовную геометрию Божественной комедии. Согласно его версии, путь поэта проходил по односторонней Римановой поверхности. Простым примером подобных структур является лист Мебиуса – поверхность, имеющая одну сторону и один край.

Особенностью подобных объектов является то, что в результате перегиба его сторона оказывается своей собственной изнанкой. Таким образом, внешнее как бы оказывается в то же самое время и внутренним.

Впоследствии А. Лосев разовьет эти идеи и сделает вывод о том, что подобные структуры являются неизбежным диалектическим следствием синтеза бесконечного и конечного в отношении пространства.

Примечательно, что «топология» односторонних поверхностей очень хорошо сочетается и с гносеологией Павла Флоренского, в которой существует путь от субъективного к объективному, однако, чтобы его совершить, субъект должен совершить подобный дантовскому поворот от гееннского «Я = Я» к эдемскому «Я = не Я».

Инвариант

Идея инварианта, т.е. некоторых характеристик, свойств, остающихся неизменными при определенных преобразованиях, является ключевой для теории групп, поиск инвариантов в различных системах крайне перспективным, однако для Павла Флоренского он имеет и глубочайшее мировоззренческое значение.

Работа «Число как форма» является развитием аритмологии Бугаева и направлена на возрождение пифагорейского понимания числа. Измененность некоторых свойств натуральных чисел

при переходе к другим системам исчисления, доказанная с помощью арифметики остатков служит прекрасной иллюстрацией антиномии изменчивого и неизменного, связанной с оригинальной интерпретацией Флоренским слова Алетейя.

Анализируя слова, переводимые с разных языков как истина, философ предполагать, что греческий корень так или иначе связан с идеей забвения, а алетейя соответственно является чем-то неподверженным забвению.

Инвариант очевидно является формой и принадлежит сфере неизменной Алетейи. И в то же время, это понятие обретает смысл именно в отношении к преобразованиям.

Эта полярность вообще характерна для мысли Флоренского: если бы она останавливалась только на неизменном и самотождественном, она вряд ли принципиально отличалась от статичной метафизики Парменида. Если бы ограничивалась только метаморфозами – наминала бы иррационализм Бергсона. Но Флоренскому близок и Парменид и Бергсон, его символы брошены в стихию метаморфоз и в то же время в них есть некая вневременная инвариантная ядро.

Иррациональность и лестница бесконечностей

Особенное место в математической философии Флоренского занимает проблема статуса иррациональных чисел, которую он поднимает в приложении к «Столпу и утверждению истины» «Иррациональность в математике и догмат». В истории науки иррациональные числа долгое время были «туманной нелепостью» нарушающей красоту математического здания. Общеизвестна история о том, как открытие несоизмеримости диагонали квадрата и его стороны разрушило пифагорейскую философию числа. Невозможность выразить величину через отношение натуральных чисел делала ее невозможной, своего рода слепым пятном.

Это положение дел сохранилось до 19 века, когда назрела потребность

в окончательном решении проблемы. Особенное значение для П. Флоренского имел «интеллектуальный подвиг» Кантора. Предполагающий выход за пределы существующих рассудочных операций и создание новых сущностей, построенных на идее актуальной бесконечности.

«Итак: встретив невозможную комбинацию символов, мы были абсолютно не в силах решить задачу. Мы наткнулись на стену, — на ограниченность самых арифметических сущностей, воплощаемых в данных знаках. Оставалось одно: либо отказаться от самой задачи, либо подняться над тою плоскостью мышления, которая оперирует с «конечными» символами, — привести новую идею, идею актуальной, — т.е. синтезированной, — бесконечности и, при помощи нее, создать особым творческим актом духа совершенно новую мысленную сущность, — иррациональность» [4, 400].

История иррациональностей — яркий пример антиномической диалектики П. Флоренского. До канторовского решения проблема сводилась к противоречию $r \neq p$. Ее можно интерпретировать так: пусть p — корень из двух — рациональное число, просто потому что все числа, на тот момент должны быть выразимы в виде отношения целого к натуральному. А не p — корень из двух не рациональное число, что доказывается соответствующей теоремой.

Однако тезис p устраняется, и антиномия снимается, как только вводится новое понятие иррационального числа. Противоречие устраняется введением новой сущности!

«Была ли тут последовательность выведений? Конечно нет! Мы совершили скачок, — перерыв в развитии; мы внесли нечто существенно новое. Мы могли и не вносить его, ограничившись теми сущностями, которые даны, — т.е. сущностями «конечными», — предавшись позитивистическому обеспложиванию разума и успокоившись на невозможности выйти за границы данных символов. Мы могли также подняться ввысь; но для этого требовалось напряжение воли и подвиг разума, — совершенно специфическое усилие и смирение пред объектом ис-

следования потребовалось для создания символов иррациональности... Нужно преодолеть самодовольство рассудка, порвать магический круг его конечных понятий и выступить в новую среду, — в среду сверх-конечного, рассудку недоступного и для него нелепого. Таков разумный подвиг в арифметике» [4, 400].

Заключение

Итак, цель данной работы достигнута: нам удалось выделить ключевые математические архетипы и увидеть, как они связаны с различными «узлами» мысленной ткани П. Флоренского. Во многом мы шли по пути, намеченному А. Трубачевым, и искали символы, в которых «предельно фокусировался опыт Флоренского» [3, 412], но в данном исследовании ограничились математическими символами. Этот подход видится крайне перспективным и соответствующим духу П. Флоренского, ибо, по словам философа, математика — ключ к его мировоззрению, она занимается предельно общими структурами человеческого разума, что делает ее точкой пересечения самых разных и на первый взгляд не связанных областей.

От точки мы перешли к идее динамической творческой антиномии, от нее — с одной стороны, к закону золотого деления, как универсальному закону становления, с другой — к мнимо-комплексной плоскости, которая наряду с чисто прикладным значением является своеобразной символической гранью миров. От комплексной плоскости — к односторонним Римановым поверхностям и идее символического «дантовского» переворота на пути познания.

Математическая составляющая у П. Флоренского — это самый сложный интеллектуальный лабиринт, связывающий самые отдаленные уголки его творчества. И, конечно же, в этом лабиринте осталось еще много неисследованных уголков.

Литература

1. Иеродиакон Андроник. Основные черты личности, жизнь и творчество священника Павла Флоренского //

- П.А. Флоренский: pro et contra, антология. – СПб.: Изд-во РХГИ, 2001.
2. Демидов С.С., Паршин А.Н., Половинкин С.М. О переписке Н.Н. Лузина с П.А. Флоренским // Историко-математические исследования. М., 1989. Вып.31. С. 116–125.
3. Демидов С.С. Из ранней истории Московской школы теории функций // Историко-математические исследования. М., 1986. Вып. 30. С. 124–130.
4. Никоненко С.В. Рассел и Флоренский о реализме в философии и математике: схожие посылки, разные выводы. Вестник Русской христианской гуманитарной академии, 2020.
5. Мороз В.В. Взаимосвязь философии и математики в творчестве П.А. Флоренского Текст. / В.В. Мороз. Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. № 3. 1997. С. 26–43.
6. Паршин, А.Н. Путь. Математика и другие миры Текст. / А.Н. Паршин. – М.: Добросвет, 2002. – С. 185–236.
7. Петрова С.С., Сучилин А.В. О «мнимостях» П.А. Флоренского // Историко-математические исследования. М., 1993. Вып. 34. С. 153–163.
8. Половинкин С.М. О студенческом математическом кружке при Московском математическом обществе в 1902–1903 гг. // Историко-математические исследования. М., 1986. Вып.30. С. 148–159.
9. Половинкин, С.М. П.А. Флоренский. Логос против хаоса Текст. / С.М. Половинкин. М., 1989.
10. Половинкин, С.М. Реальность 1920–1930-х годов и «Мнимости геометрии» священника Павла Флоренского Текст. / С.М. Половинкин // Энтелехия. 2000. № 2. С. 67–77.
11. Сафонов А. А. «Будущее цельное мировоззрение» Павла Флоренского: опыт реконструкции. Вестник Русской христианской гуманитарной академии, 2023.
12. Федоров В.Е. Русский Сизиф метафизики («науквидение» Флоренского) // П.А. Флоренский: pro et contra, антология. – СПб.: Изд-во РХГИ, 2001.
13. Флоренский П. Мнимости в геометрии – изд. Лазурь, 1991–96 с.
14. Флоренский П. А. Флоренский П.В. Обретение Пути. Павел Флоренский в университетские годы. В 2 т. Т. 1 – М.: Прогресс-Традиция, 2011. – 584 с.
15. Флоренский П.А. Введение к диссертации «Идея непрерывности как элемент мирозерцания». М., 1986.
16. Флоренский П.А. Собрание сочинений в 4 томах – Москва: Мысль, 1994.
17. Флоренский, П.А. Столп и утверждение истины: Опыт православной теодицеи – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2007. – 633 с.
18. Флоренский П.А. Число как форма. – Москва: издательство МЦНМО, 2021.
19. Флоренский, П.А. О символах бесконечности: Соч. в 4-х т. Т. 1 / П.А. Флоренский. – М.: Мысль, 1994.
20. Ярославцева И.П. Философский символизм в русской мысли (О. Павел Флоренский) – Известия Южного федерального университета. Технические науки, 2006.

RECONSTRUCTION OF THE MATHEMATICAL PLATONISM OF PAVEL FLORENSKY

Safonov A.A.

Immanuel Kant Baltic Federal University

This article is devoted to the reconstruction of what can be called the mathematical platonism of Pavel Florensky. It examines the philosopher's views on mathematics, in which it turns out to be the key to his holistic worldview, and individual mathematical structures are extremely common symbols connecting the most remote corners of his philosophical mesh fabric. Using a systematic method and historical and philosophical reconstruction, the author of this study analyzed such works of Pavel Florensky as *Imaginary in geometry*, *Irrationality in mathematics and dogma*, *Number as a form*, *Symbolum*, *On symbols of Infinity*, the chapter "At the watersheds of Thought" dedicated to the Golden Ratio, as well as his student correspondence. As a result of the analysis, it was possible to identify mathematical ideas that played a key role in Pavel Alexandrovich's philosophy: a point, a golden proportion, an imaginary-real plane, a one-sided Riemann surface, inv

According to the author, the analysis allows a deeper understanding of the philosopher's way of thinking – a unique combination of scientific and spiritual, discursive and intuitive, mathematical structuralism and symbolism.

Keywords: Pavel Florensky, Georg Kantor, mathematics, symbolism, imaginary in geometry, point, infinitesimal, Mobius strip, irrationality.

References

1. Hierodeacon Andronik. Main personality traits, life and work of priest Pavel Florensky // P.A. Florensky: pro et contra, anthology. – St. Petersburg: Publishing house RKH-GI, 2001.
2. Demidov S.S., Parshin A.N., Polovinkin S.M. About the correspondence of N.N. Luzin with P.A. Florensky // Historical and mathematical studies. M., 1989. Issue 31. pp. 116–125.
3. Demidov S.S. From the early history of the Moscow school of function theory // Historical and mathematical studies. M., 1986. Issue 30. pp. 124–130.
4. Nikonenko S.V. Russell and Florensky on realism in philosophy and mathematics: similar premises, different conclusions. Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy, 2020.
5. Moroz V.V. The relationship between philosophy and mathematics in the works of P.A. Florensky Text. / V.V. Freezing. Bulletin of Moscow University. Series 7. Philosophy. No. 3. 1997. pp. 26–43.
6. Parshin, A.N. Path. Mathematics and other worlds Text. / A.N. Parshin. – M.: Dobrosvet, 2002. – P. 185–236.
7. Petrova S.S., Suchilin A.V. On the “imaginaries” of P.A. Florensky // Historical and mathematical studies. M., 1993. Issue. 34. pp. 153–163.
8. Polovinkin S.M. About the student mathematical circle at the Moscow Mathematical Society in 1902–1903. // Historical and mathematical research. M., 1986. Issue 30. pp. 148–159.
9. Polovinkin, S.M. P.A. Florensky. Logos versus chaos Text. / CM. Polovinkin. M., 1989.
10. Polovinkin, S.M. The reality of the 1920–1930s and the “Imaginary Geometry” of priest Pavel Florensky Text. / CM. Polovinkin // Entelechy. 2000. No. 2. P. 67–77.
11. Safonov A. A. “Future integral worldview” by Pavel Florensky: experience of reconstruction. Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy, 2023.
12. Fedorov V.E. Russian Sisyphus of metaphysics (“science vision” of Florensky) // P.A. Florensky: pro et contra, anthology. – St. Petersburg: Publishing house RKH-GI, 2001.
13. Florensky P. Imaginaries in geometry – ed. Lazur, 1991–96 p.
14. Florensky P.A. Florensky P.V. Finding the Path. Pavel Florensky in his university years. In 2 volumes. T. 1 – M.: Progress-Tradition, 2011. – 584 p.
15. Florensky P.A. Introduction to the dissertation “The idea of continuity as an element of worldview.” M., 1986.
16. Florensky P.A. Collected works in 4 volumes – Moscow: Mysl, 1994.
17. Florensky, P.A. Pillar and statement of truth: Experience of Orthodox theodicy – M.: AST: AST MOSCOW, 2007. – 633 p.
18. Florensky P.A. Number as form. – Moscow: publishing house MTsNMO, 2021.
19. Florensky, P.A. On the symbols of infinity: Op. in 4 volumes. T.1 / P.A. Florensky. – M.: Mysl, 1994.
20. Yaroslavtseva I.P. Philosophical symbolism in Russian thought (O. Pavel Florensky) – News of the Southern Federal University. Technical Sciences, 2006.

Социально-философский анализ проявления дилеммы альтруизма и эгоизма в обществе: на примере произведений кинематографа

Забирова Алсу Альбертовна,

студент, кафедры «Разработка и эксплуатация газовых и нефтегазоконденсатных месторождений» Уфимский государственный нефтяной технический университет

Сорокин Матвей Дмитриевич,

студент, кафедры «Разработка и эксплуатация газовых и нефтегазоконденсатных месторождений» Уфимский государственный нефтяной технический университет

Неклеенов Роман Сергеевич,

студент, кафедры «Разработка и эксплуатация газовых и нефтегазоконденсатных месторождений» Уфимский государственный нефтяной технический университет

Аюпов Булат Рустамович,

студент, кафедры «Разработка и эксплуатация газовых и нефтегазоконденсатных месторождений» Уфимский государственный нефтяной технический университет

Ильясов Айдар Артурович,

студент, кафедры «Разработка и эксплуатация газовых и нефтегазоконденсатных месторождений» Уфимский государственный нефтяной технический университет

создавая сложную и переплетенную картину человеческой души.

Ключевые слова: альтруизм, эгоизм, моральные дилеммы, мысленные эксперименты, современное общество, дилемма узника, кинематограф.

Эта статья представляет собой погружение в сложный мир моральных выборов, стоящих перед человечеством в современной эпохе. Через анализ мысленных экспериментов, кинематографических произведений и философских концепций, автор раскрывает дилеммы альтруизма и эгоизма, выявляя их внутренние противоречия. Отразив сюжеты фильмов «Миллионер из трущоб», «Вне/себя» и «Семь жизней», статья подчеркивает разнообразие мотиваций, влияющих на наши решения, и исследует, как эти понятия взаимодействуют, создавая уникальный облик современного человека. Анализ методов исследования позволяет обнаружить сложность этических выборов в контексте современной культуры и их влияние на общественные ценности. Подчеркивается актуальность темы в современном обществе и важность обсуждения моральных дилемм для формирования нравственного сознания. В заключение, отмечается, что грани между альтруизмом и эгоизмом становятся все более размытыми в современном мире,

В мире, где каждый шаг сопровождается выбором, человечество сталкивается с вечной дилеммой между двумя противоположными силами – эгоизмом и альтруизмом. Эта древняя дилемма, пронизывающая корни философии и этики, не утрачивает своей актуальности и в современном обществе. От внутренних моральных решений до сложных социокультурных взаимодействий, вопрос о балансе между собственной персоной и преданностью другим остается одним из ключевых исследовательских направлений.

Альтруизм и эгоизм противопоставляются в поведении человека [1]. Альтруизм представляет собой форму социального взаимодействия, когда один индивид помогает другому, несмотря на возможные издержки для себя. Став важной составляющей личности, альтруизм определяет ее мировоззрение как гуманистическое. Основным двигателем альтруистического поведения считается стремление к улучшению благосостояния другого человека, а не ожидание вознаграждения.

Эгоизм, в свою очередь, представляет собой характеристику личности, проявляющуюся в самолюбии, фокусировке на собственном «Я» и равнодушии к окружающим людям. В отличие от альтруиста, эгоистичная личность заключена в себе, преследует свои личные интересы за счет интересов других [2].

Однако, помимо этих базовых понятий, существует разнообразие подходов, являющихся подклассами альтруизма и эгоизма, отражающие различные аспекты моральности и индивидуального поведения. Разнообразие видов альтруизма и эгоизма отражает сложность человеческого поведения и множество факторов, влияющих на мотивации и контекст взаимодействия. Эти термины несут в себе множество смыслов и интерпретаций, зависящих от философских, психологических и социокультурных рамок. Классификация видов альтруизма, таких как биологический, социальный, реципрокный и эффективный, а также различных форм эгоизма, таких как рациональный, психологиче-

ский и эмпатический, представляет собой попытку психологов, философов и ученых охватить многогранность этих явлений.

Однако отсутствие единого мнения свидетельствует о сложности определения и классификации этих понятий, так как они подвержены влиянию культурных норм, индивидуальных мотиваций и эволюции понятий со временем. Таким образом, обсуждения и диспуты на тему альтруизма и эгоизма продолжают, отражая глубину философских и психологических рассматриваний человеческого поведения.

Так как тема альтруизма и эгоизма в современном обществе всё еще порождает множество вопросов о природе человеческого поведения и моральных ценностях, мысленные эксперименты становятся неотъемлемой частью исследований. Эти эксперименты представляют собой воображаемые сценарии или ситуации, созданные с целью анализа реакции и выбора людей в различных этических и моральных ситуациях. Один из примеров таких экспериментов представляет собой ситуацию, известную как «дилемма заключенного». Этот сценарий иллюстрируется историей двух подозреваемых, которых отдельно друг от друга допрашивает окружной прокурор. Оба подозреваемых виновны, но прокурор имеет доказательства их причастности лишь к меньшим преступлениям. Поэтому он предлагает каждому из них сознаться: если один признается, а другой нет, то прокурор обещает свободу тому, кто признался (и использует его признание в качестве доказательства для обвинения другого в более серьезном преступлении). Если оба признаются, каждый получит умеренный приговор. Если никто не сознается, наказание для обоих будет минимальным.

На основе данной ситуации было создано несколько вариантов социальных игр. С первого взгляда, признание вины кажется выгодным, поскольку это позволяет игроку получить максимальную выгоду для себя, хотя другой игрок при этом страдает. Ведь если один игрок проявляет заботу о партнере, а партнер

использует это в своих интересах, то заботливый игрок проигрывает, в то время как действующий эгоистично выигрывает. Это представляет собой эгоистичную стратегию. Напротив, если оба игрока заботятся о своем партнере, то выгода, получаемая ими, уменьшается, но оба игрока получают выгоду, а не только один. Исследования показали, что многие люди все равно признаются виновными несмотря на то, что при взаимном признании выигрыш значительно уменьшается по сравнению с взаимным отрицанием. Однако каждый участник игры опасается, что если он признается, то другой получит максимальную выгоду, в то время как он сам окажется в полной проигрышной ситуации [3].

Этот сценарий представляет собой дилемму между сотрудничеством, выражением заботы не только о себе, но и о других, и стремлением к личной победе за счет полного поражения партнера. В определенном контексте предпочтение сотрудничеству может служить индикатором альтруистического поведения, особенно если рассматривать альтруизм с точки зрения теории социального обмена, где каждый альтруистический жест предполагает скрытый ответный альтруистический ответ. С другой стороны, эгоистичное поведение, ориентированное на личную победу, не требует дополнительных объяснений.

По мнению некоторых исследователей, выбор между альтруистическим и эгоистическим поведением является результатом активации определенной мотивации, которая определяется уровнем развития личностной сферы, степенью внутреннего осознания общечеловеческих ценностей и поддерживается положительными эмоциями [4].

Тема дилеммы выбора между альтруизмом и эгоизмом зачастую находит своё отражение в современной культуре через призму кинематографа, где множество фильмов исследуют сложные моральные ситуации, в которых персонажи сталкиваются с выбором между заботой о себе и заботой о других. Эти кинокартины становятся зеркалом, отражающим

внутренние конфликты и ценностные дилеммы современного общества.

Примером фильма, иллюстрирующего этический выбор можно привести «Миллионер из трущоб» 2008 года («Slumdog Millionaire») режиссера Дэнни Бойла. В этом фильме главный герой, Джамал, оказывается в ситуации, аналогичной дилемме заключенного. В своем пути к выигрышу в игре «Кто хочет стать миллионером», он сталкивается с вопросами, которые напрямую связаны с моральными выборами и социальной справедливостью.

Специфический момент фильма поднимает тему сотрудничества и эгоизма в условиях трудных жизненных обстоятельств. Герой оказывается в ситуации, где его ответы могут как выиграть ему деньги, так и повлечь за собой негативные последствия для других персонажей. Это подчеркивает важность выбора между индивидуальными интересами и более широкими обязательствами по отношению к другим людям.

Такой контекст фильма позволяет зрителям задуматься о том, какие решения они бы приняли в подобных ситуациях, и как их собственные ценности влияют на моральные дилеммы. Фильм предоставляет возможность обсудить, насколько альтруизм и эгоизм взаимосвязаны в реальной жизни, а также как индивидуальные решения могут влиять на общество в целом.

Другим известным мысленным экспериментом является сценарий, предложенный Джудит Томсон, называемый «скрипач Томас». Изначально, данный эксперимент рассматривался, как аргумент в пользу защиты абортот, но также его можно рассмотреть в контексте темы данной статьи. По этому сценарию, проснувшись утром, вы обнаруживаете себя в кровати, спиной к спине с известным скрипачом, который находится без сознания. Вы узнаете, что у него обнаружили смертельное заболевание, связанное с почками. Общество музыкальных ценителей тщательно изучило все медицинские документы и выяснило, что ваша кровь подходит для помощи скрипачу.

Именно поэтому они взяли вас в плен, а прошлой ночью ваша кровная система была соединена с кровеносной системой скрипача, чтобы ваш организм мог вывести яд из его крови, аналогично тому, как из вашей собственной.

От директора больницы вы слышите: «Нам очень жаль, конечно, что Общество любителей музыки так с вами поступило, и, если бы мы об этом знали, ни за что не допустили бы этого. Однако скрипач уже подключен к вам. Отключить его – значит убить. Вы не беспокоитесь, это всего на девять месяцев. К этому моменту он поправится, и его можно будет отсоединить от вас без угрозы для его жизни».

Возникает вопрос: следует ли вам сохранить жизнь скрипачу или у вас есть право немедленно отключить его от себя и тем самым прекратить его жизнь [5]?

Джудит Томсон широко известна своими мысленными экспериментами. В данном примере, она предполагает, что мы имеем полное право прекратить нашу связь со скрипачом. Это не потому, что у скрипача нет человеческих прав, а лишь потому, что он не может иметь прав на наше тело и на нашу жизнь. Томсон аргументирует, что, подобно плоду в утробе матери, скрипач не обладает правами на тело другого человека и, поэтому, может быть отсоединен в любое время. Основная трактовка этого аргумента заключается в том, что он не касается вопроса о смерти. Томсон не утверждает, что у нас есть право на убийство (будь то скрипач или плод), а у нас есть право отказаться предоставлять свое тело для поддержания жизни другого человека. По ее мнению, смерть является другим событием (хотя и связанным с отделением от тела), которое мы не обязаны предотвращать [6].

Рассмотрение данного мысленного эксперимента с точки зрения дилеммы альтруизма и эгоизма выявляет, что определенное действие можно однозначно признать альтруистическим, а другое – эгоистичным. С точки зрения альтруизма, совершенно ясно, что сохранение жизни скрипача представляет собой поступок, направленный на бла-

го другого человека, идущий в ущерб собственным интересам. В этом контексте альтруизм выражается в готовности жертвовать своими ресурсами (в данном случае, физическими и эмоциональными) ради блага другого.

С другой стороны, отделение скрипача от своего тела, даже если это означает прекращение его жизни, может быть рассмотрено как эгоистичное решение, так как оно призвано сохранить личные интересы, комфорт и свободу самого человека, поступающего в соответствии с этим выбором. Эгоизм в данном контексте проявляется в стремлении удовлетворить собственные потребности и предпочтения, даже в ущерб жизни другого.

Примером, который рассматривает данный эксперимент с неожиданной стороны, может служить фильм «Вне/себя» («Self/less») 2015 года режиссера Тарсема Сингха. Сюжет фильма описывает историю, в которой один ученый находит метод победить смерть, с помощью переноса сознания в молодое тело, созданное при помощи генной инженерии. Эта операция проводится тайно и стоит дорого, доступна лишь ограниченному числу людей. Умирающий от старости бизнесмен соглашается на нее, получая возможность начать новую жизнь. Однако в процессе ему раскрывается тайна происхождения его нового тела. Оказывается, что оно принадлежит молодому человеку, ставшему жертвой процесса, известного как «возрождение». Таким образом, мы можем посмотреть на мысленный эксперимент Томпсон глазами самого «скрипача».

В контексте дилеммы альтруизма и эгоизма, герой фильма сталкивается с моральными вопросами. С одной стороны, он получает второй шанс на собственную жизнь за счёт другой, что может рассматриваться как эгоистичный поступок. С другой стороны, он имеет возможность покинуть тело, отдав отбавленную жизнь молодому человеку, возвращая его в семью, которую тот был вынужден покинуть. Этот момент фильма предоставляет возможность рассмотреть ситуацию с точки зрения альтруизма.

Таким образом, фильм «Вне/себя» предоставляет альтернативную перспективу на тему, касающуюся мысленного эксперимента, Томсон. Он подчеркивает сложность этических решений и позволяет зрителям задуматься над тем, как различные сценарии могут взаимодействовать с принципами альтруизма и эгоизма в современном обществе.

Имеются и менее однозначные точки зрения на дилемму выбора между альтруизмом и эгоизмом. В одной из своих статей В.И. Левит представляет нам свои размышления на тему: «В жестком противопоставлении эгоизма и альтруизма по принципу «или – или» противоречия сразу бросаются в глаза. Предположим, я подаю нищему милостыню, тем самым повышая себе самооценку и настроение. Внешне мой поступок выглядит альтруистически, но «внутри» он эгоистичен, и я об этом знаю. Теперь представим полную противоположность вышесказанному: я не подаю милостыню нищему, хотя в глубине души сочувствую ему. Мое поведение (для меня и для окружающих) выглядит безусловно эгоистическим. Или рассмотрим третий вариант: я подаю милостыню, но в результате этого поступка мое настроение падает (денег в моем кармане стало меньше). Снова эгоизм. Откровенно эгоистический четвертый вариант (я не подаю милостыню и радуюсь этому, так же, как и страданиям нищего) понятен без слов. Создается впечатление, что эгоизм (в отличие от альтруизма) непобедим: ведь, давая нищему деньги, я тем самым «использую» его для поднятия своего настроения! И тогда единственно возможным, хотя и абсурдным способом избежать проявлений собственного эгоизма будет не давать людям ничего. Все встало с ног на голову» [7].

Таким образом, исходя из вышеизложенных размышлений, можно сделать вывод о том, что, несмотря на внешнюю противоположность, эгоизм и альтруизм могут сосуществовать и даже взаимодействовать. Почти любое проявление помощи другим в определенной мере способствует укреплению и благополучию самого деятеля, а не только тем, ко-

му помогают. С другой стороны, стремление к личностному росту, особенно в рамках продуктивной самореализации, часто приносит пользу не только самому себе, но и окружающим. Возможно, только чрезмерный гедонизм, выраженный в форме эгоизма, который приводит к бездействию и бесцельной жизни, лишен альтруистических компонентов.

В данной линии мышления пример из фильма «Семь жизней» 2008 года («Seven Pounds») от режиссера Габриэле Муччино, может бросить свет на сложности различения между эгоизмом и альтруизмом. В этом фильме главный герой Тимониус Слайдер, исполненный Уиллом Смитом, сталкивается с моральными дилеммами, отражающими смешение граней эгоизма и альтруизма.

Герой решает изменить судьбу семи людей, предоставив им второй шанс на жизнь, жертвуя при этом своей собственной. На первый взгляд, его поступок кажется высоким проявлением альтруизма, поскольку он посвящает себя делу спасения жизней других. Однако, при ближайшем рассмотрении, становится ясно, что этот акт также носит оттенок эгоизма – герой ищет искупление за свои прошлые ошибки через помощь другим.

Таким образом, фильм «Семь жизней» подчеркивает сложность разграничения между эгоистическими и альтруистическими поступками, показывая, что даже самоотверженные действия могут быть пронизаны личными мотивами и потребностями. Это дополнительный аспект в обсуждении вопросов моральности и выбора между альтруизмом и эгоизмом в современном обществе.

В постоянном внутреннем противостоянии между эгоизмом и альтруизмом, современное общество сталкивается с моральными дилеммами, отражёнными в мысленных экспериментах и искусстве. Разнообразие форм этих концепций, вмешательство личных мотиваций в самоотверженные поступки, а также сложные этические выборы демонстрируют, что грани между ними часто размыты. Подчеркивается, что в современном мире альтруизм и эгоизм

не исключают друг друга, а взаимодействуют, создавая сложную картину человеческого поведения. Сами понятия альтруизма и эгоизма переосмысливаются на фоне меняющегося общества, где эти концепции не столь четко очерчены, а их взаимодействие становится неотъемлемой частью человеческой динамики.

Литература

1. Ильин Е.П. Психология помощи. Альтруизм, эгоизм, эмпатия / Е.П. Ильин. – Санкт-Петербург: Питер, 2013. – 304 с.
2. Крысько В.Г. Социальная психология: словарь – справочник / В.Г. Крысько. – Санкт-Петербург: Питер, 2003. – 415 с.
3. Березина Т.Н. Многомерная психика. Внутренний мир личности / Т.Н. Березина. – Москва: Пер Сэ, 2001. – 319 с.
4. Степанова Г.В. Альтруизм или эгоизм: психологические аспекты выбора // Человек вчера и сегодня. Междисциплинарные исследования. 2014. № 8. С. 49–60.
5. Thomson J.J. A Defense of Abortion // Philosophy & Public Affairs. 1971. Vol. 1, no. 1. Pp. 69–80.
6. Семь мысленных экспериментов, после которых вы начнете сомневаться во всем [Электронный ресурс]. – URL: https://dzen.ru/a/WvFUI9e_IT1TL1I8/ (дата обращения: 10.12.2023).
7. Левит Л.З. Счастье, эгоизм, альтруизм: парадоксы взаимодействия // Научно-практический журнал «Психология. Социология. Педагогика». 2012. № 7. С. 10–19.

SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF THE MANIFESTATION OF THE DILEMMA OF ALTRUISM AND EGOISM IN SOCIETY: USING THE EXAMPLE OF WORKS OF CINEMA

Zabirova A.A., Sorokin M.D., Nekleynov R.S.,
Ayupov B.R., Ilyasov A.A.
Ufa State Petroleum Technical University

This article delves into the complex world of moral choices facing humanity in the modern era. Through the analysis of thought experiments, cinematic works, and philosophical concepts, the author unfolds the dilemmas of altruism and egoism, revealing their internal contradictions. Reflecting on the plots of films such as "Slumdog Millionaire," "Self/less," and "Seven Pounds," the article emphasizes the diversity of motivations influencing our decisions and explores how these concepts interact, shaping a unique portrait of the contemporary human. In conclusion, it underscores that in today's society, the boundaries between altruism and egoism are becoming increasingly blurred, forming a intricate and intertwined picture of the human soul.

Keywords: altruism, egoism, moral dilemmas, thought experiments, modern society, prisoner's dilemma, cinema.

References

1. Ilyin E.P. Psychology of help. Altruism, egoism, empathy / E.P. Ilyin. – St. Petersburg: Peter, 2013. – 304 p.
2. Krysko V.G. Social psychology: dictionary – reference book / V.G. Krysko. – St. Petersburg: Peter, 2003. – 415 p.
3. Berezina T.N. Multidimensional psyche. The inner world of personality / T.N. Berezina. – Moscow: Per Se, 2001. – 319 p.
4. Stepanova G.V. Altruism or egoism: psychological aspects of choice // Man yesterday and today. Interdisciplinary research. 2014. No. 8. pp. 49–60.
5. Thomson J.J. A Defense of Abortion // Philosophy & Public Affairs. 1971. Vol. 1, no. 1. Pp. 69–80.
6. Seven thought experiments after which you will begin to doubt everything [Electronic resource]. – URL: https://dzen.ru/a/WvFUI9e_IT1TL1I8/ (access date: 12/10/2023).
7. Levit L.Z. Happiness, egoism, altruism: paradoxes of interaction // Scientific and practical journal "Psychology. Sociology. Pedagogy". 2012. No. 7. pp. 10–19.

Развитие категории И. Канта «моральное должное» в традиции немецкого и русского неокантианства

Залевский Александр Владимирович,

к.ф.н., профессор кафедры «Экономика и гуманитарные науки», Энгельский технологический институт (филиал) Саратовского государственного технического университета имени Гагарина Ю.А.
E-mail: Zalevskiy.1963@mail.ru

Епифанова Наталия Николаевна,

к.ф.н., доцент кафедры «Экономика и гуманитарные науки», Энгельский технологический институт (филиал) Саратовского государственного университета имени Гагарина Ю.А.
E-mail: EpifanovaNN@bk.ru

Статья представляет анализ развития кантовского понятия морального должного в традиции немецкого и русского неокантианства. Практическая философия Канта выделяет мотив поступка, который определяется законом долженствования, а практическое действие – свободное уважение к нравственному закону. Неокантианцы видят этику как отношение к тому, что должно быть по нравственному закону. В этике априори субъекта используется критический подход к проблеме человека. В русской философии А. Введенский также обосновывает этические взгляды, и как кантианец, в этике он видит возможность обоснования нормативного закона душевной жизни. Этический идеализм утверждает, что нравственность определяет ценности и культуру, и моральная точка зрения является необходимым условием в поведении человека. Авторы раскрывают неокантианский проект этического идеализма. Предпосылкой, лежащей в основе единства культуры и ценностей, является концепция нравственности. Нравственные принципы определяют их взаимосвязь и значимость. Этический идеализм полагает, что индивидуальная моральная точка зрения – обязательное, «должное» условие в поведении человека. Ценностная сущность окружающего мира, как и любое явление в обществе, является отражением этического идеализма в целом.

Ключевые слова: практическая философия И. Канта, этика немецкого и русского неокантианства, моральное должное, долженствование по долгу, долженствование по принуждению, моральная личность, этический идеализм.

Введение

Современное обращение к Канту требует нового самостоятельного размышления об основах нравственного идеализма. Кант отличается от других мыслителей своего времени своей критической позицией, которая позволила ему привнести масштабные изменения в современность. В то время как Гегель видел современность как «мир самоотчуждающегося духа», Кант определил свою эпоху как «эпоху повсеместной критики». Он не стремился к примирению отчуждения, а сконцентрировался на познании истины и достижении свободного благополучия. Понятие *condition humanae*, введенное им, не сводится к простому «снятию» отчуждения [1, с. 14], а идет дальше – к определению оснований человеческого разума. Благодаря этой уникальной позиции, Кант сумел произвести настоящую революцию в философии и культуре, оставив свой след в истории мысли.

Практическая философия Канта выделяет мотив поступка, представляемый только разумом, изначально который сам определяется законом долженствования. Но именно конкретным и единственным проявлением закона долженствования выступает практическое действие – свободное уважение к нравственному закону. Ареной же опытного воплощения нравственного деяния в определяющем смысле выступает область практического разума и его целей, которые направляют волю познающего субъекта к действию, и которые при необходимых обстоятельствах выполнения могут иметь императивный характер.

Моральное долженствование представляет собой особый вид обусловленности, который не может быть объяснен естественными законами природы. Оно проистекает из свободы воли и действий людей в обществе, создавая основу для этических норм и ценностей. Моральные законы являются неотъемлемой частью человеческого общежития. В отношении

правильной и счастливой жизни, действительно, невозможно найти никакой императив, или идею разума, которые могли бы в строжайшем смысле слова (как нечто всеобщее и обязательное) предписывать те идеалы или нормы благопорядочной жизни, которые делали бы людей в ней счастливыми. Счастье – идеал не разума, но реального опыта и воображения, как одного из первоначальных источников возможности опыта вообще. Вопросы справедливости и образ «правильной жизни», как видим, в отличие от вопросов морали не соотносены с тем или иным определенным коллективом, но, в первую очередь, сопряжены с целями, наполненными нравственным идеалом должностования.

Этика Канта и методология Г. Когена

Неокантианские школы философии нацелены на тщательный анализ и переосмысление этических идей Иммануила Канта. Они уделяют особое внимание философской оценке этики и ее практическому значению в контексте обоснования возможности «интеллигибельного опыта». По словам Г. Когена, этика является неотъемлемой частью философии, она является центральной точкой в понимании человека и его моральных принципов. Именно благодаря этике философия обретает независимость и уникальность, становясь единой и цельной наукообразной системой [2, с. 1]. Этика неокантианства устанавливает основания для философского изучения принципов, ценностей и поведенческих правил. Философия этой этики, согласно Когену, исторически образует понимание того, что задача этики заключается не в данном состоянии, а в определении того, что должно быть. Это переносит представление о долге на новый уровень, показывая его не только как обязательство перед другими, но и перед самим собой и всем человечеством. Это также подчеркивает важность долга как основы нашего личного морального самоуважения. Этический субъект оказывается в значительной степени под влиянием критического положения к проблеме человеческой природы. Эти-

ка, прежде всего, должна определять понятие человека.

Для И. Канта понятие «должное» является ключевым элементом нравственности, поскольку оно задает вопрос о том, какие мотивы могут повлиять на человека и заставить его действовать морально. Кант проводит исследование на тему нравственности и обоснования должностования, стремясь выработать основные принципы деятельности человеческого разума. В результате своих размышлений он формулирует основные принципы использования практического разума и пытается дать ответ на вопрос о том, какие действия считать правильными и обязательными. Для него важно не только соблюдение моральных законов, но и цель, к которой они направлены. Трансцендентальное Я оправдывается постоянством и объективностью опыта, что является глубокой основой, как отмечает В.А. Лекторский. Согласно его точке зрения, – с одной стороны, оно воспринимается как внутренняя сила, что сходно со взглядами Гуссерля и Фихте. Однако трансцендентальный субъект также представляется как вещь в себе, как некая загадочная сущность за пределами нашего понимания. Таким образом, этот субъект выступает как нечто, присутствующее не только внутри нас, но и за пределами нас, как «сознание вообще», как объективная структура, лежащая в основе всех индивидуальных сознаний [3, с. 101]. Глубоко внутри каждого из нас заложен корень нашей направленности и стремления к достижению целей. Он связан с понятием блага и определяет все аспекты жизни – от мотивов до действий. В конце концов, все, что мы делаем, должно быть направлено на достижение идеи «высшего блага» как конечной цели человеческого существования и существования мироздания. Важно отметить, что «высшая цель» не может служить основанием нравственности. Вместо этого представления о благе, счастье и благостойной жизни человека являются следствием его моральных убеждений и принципов, «следуют из морали».

Как отмечает Г. Коген, патриарх Марбургской школы неокантианства, теория человека – это теория понятия человека, поскольку человек «всегда является единичным во множественности». В центре истинных этических раздумий остается вопрос об определении человека как существа, объединяющего в себе множественность индивидуальных черт и вселенскую универсальность. Эта проблема возникает из рассмотрения человеческой личности в контексте ее уникальности и одновременного принадлежности к общности человечества [4, с. 189].

Этическое долженствование у И. Канта: предмет дискуссии

У Канта этическое долженствование выражается через два различных подхода: обязательство по долгу и обязательство по внутреннему убеждению. Важно выделять эти два аспекта, так как они отличаются от понятий обязательств в правовой и религиозной сферах. Как отмечает В.Н. Белов, это уникальная черта кантовской этики, которая делает ее особенно значимой для этики кантианства: сущность долженствования не сводится к самой природе, так как моральный закон, который направляет практическое мышление, ориентирован на объекты, которых еще нет, но которые обязательно должны произойти. В этом заключается основная идея морали – стремление к идеалу, к лучшему существованию, к созданию таких условий, которые еще не существуют, но должны быть [5, с. 178]. Опыт не является источником долженствования, поскольку опыт не всегда предоставляет надежную основу и не имеет нормативного значения для наших действий и поведения.

За кантовской формулировкой этического долженствования стоит длительная историческая традиция, истоки которой начинаются в античности – в рациональной этике Сократа и Платона, которые усмотрели во взаимосвязи между знанием и этической добродетельностью изначальную универсальность. Сходство подходов определяется общим пониманием и поиском идеи основ практической, нравственной, ра-

циональности как «измерения», определяющего сферу должного. Сущность этических принципов заключается в моральном законе – уникальном кодексе, находящемся в сфере практического априорного знания. В нем очерчено происхождение фундаментальных этических идеалов. Вовлекаясь в понятную сферу, люди раскрывают потенциал для разумных действий. Человек, как разумное существо, всегда стремится к интеллигентному миру, поэтому он не может не связывать причинность своей воли с идеей свободы. Только в независимости от внешних причин человек находит свою истинную свободу. Эта свобода тесно связана с понятием автономии, которая, в свою очередь, лежит в основе всеобщего принципа нравственности. Идея свободы и автономии помогает человеку принимать морально верные решения и действовать в соответствии с общепризнанными нормами этики [6, с. 241].

В «Критике практического разума» *определяющее основание* человека И. Кант наделяет метафизическими постулатами а priori: свободой воли, бессмертием души и существованием Бога. Эти идеи отражают внутренние установки человеческой морали, которые опираются на поступки, соответствующие моральному закону и принципам категорического императива, которые человек постигает через три трансцендентальные идеи разума. Несмотря на трансцендентный характер морали, нравственный мотив человека имеет внутреннюю связь с личной свободой. Согласно философии Канта, человеческая личность и ее свобода имеют высший статус, который поднимает моральный мир человека выше природного мира и естественного порядка вещей. Для него, ценность личности и ее способность к свободному выбору являются основой ценностей и нравственности, отличающих нас от механического мира природы [7, с. 24].

И. Кант, как видим, понимает идею свободы как *идею выбора* в цепи причин и, как форму реализации определенных условий возможности и долженствования.

Философия Канта подчеркивает дуализм между природой и культурой, природой и свободной волей. Она подчеркивает, что мир характеризуется соотношением между необходимостью и свободой, где первая обозначает мир природы, вторая же – мир свободы. Разум, по словам Канта из «Критики чистого разума», выражает причинность в отношении свободы в общем, но не в отношении всей природы. Моральные принципы, согласно его учению, могут стимулировать свободные действия, однако не могут определять законы природы [8, с. 437]. Дуализм различных аспектов мира – природы и культуры, необходимости и свободы, теории и практики – позволяет нам увидеть исходное *трансцендентальное единство* жизни, которое предполагает объединение разума в целом и морально направленную свободу воли. Свобода нравственного выбора подразумевает, что каждый разумный человек должен поступать исключительно по законам морали, выражая тем самым свое уважение к нравственным нормам.

Необходимость совершения поступка единственно «из уважения к закону», по Канту, есть долг [6, с. 81–82, 91]. Его источником является разум, который возвышает человека над миром чувств и априори определяет, тем самым, его волю к действию [6, с. 95]. Философ выделяет два вида нравственного действия – поступки, сообразные с долгом, и поступки, совершаемые только из чувства долга.

Совершение действия по долгу становится приобретает моральную ценность не в зависимости от того, какой целью должно быть достигнуто это действие, а в самой максиме, по которой было решено совершить это действие [6, с. 79]. Это стремление к ценности формируется исходя из самой сути концепции «принципа свободы воли». Только в случае четкого различия между этими понятиями мы можем отметить значение свободы. Человек, будучи частью природной необходимости, выходит за рамки мирского ценностного порядка. Именно человек наделяет жизнь ценностью, устанавливая ее как высшую моральную цель. В данной перспективе жизнь

предстает не как просто механическое развитие в природном мире, а как нравственное обязательство каждого живущего существа. Говоря об этом, можно утверждать, что в жизни человека возникает момент, когда он осознает свою свободу и понимает, что у него есть способность проявить моральную волю. Через трансцендирование своего внутреннего мира человек выходит на новый уровень осознания, действия и самости, двигаясь в сторону мира, общества и самого себя в повседневной жизни.

Понятием «должного», согласно долгу, как видим, Кант очерчивает границы пространства возможного и должного, возможности и нравственной ответственности. Согласно философу, задача, которую мы ставим перед собой, уже содержит в себе этические нормы. При этом «объективная» цель также должна иметь моральное обоснование. Он утверждает, что этика существует независимо от конкретной цели и связана с необходимыми последствиями наших поступков, определяемых законами. Человек, который стремится следовать моральному закону, не нуждается в каком-либо внешнем давлении или указаниях относительно средств достижения своего намерения. Это расширяет представление о нравственном долге и подчеркивает значимость долга перед самим собой, обосновывая таким образом моральное достоинство.

Во второй формулировке категорического императива Кант раскрывает характер обязанности каждого отдельного индивида по отношению ко всему человечеству: действуй так, чтобы ты всегда видел в каждом человеке не только средство, но и цель; не пользуйся людьми как орудиями для достижения своих целей, но стремись к тому, чтобы каждый человек был самоцелью; уважай и цени человеческое достоинство, принимай каждого таким, какой он есть, и помогай развиваться не только себе, но и окружающим [6, с. 169]. Здесь он заявляет о самоценности личности и самоценности человечества, невозможности использования отдельного лица только как средства. Окружающие нас

в повседневном мире люди, в наших действиях и расчетах не должны восприниматься только в качестве средства или противников, препятствующих успешному достижению поставленных нами целей, но всегда как *партнеры* по коммуникации, обладающие собственными законными целями – как в себе, так и для себя. Уважение к моральному закону должно пониматься как основа для взаимного признания и обоюдного взаимоуважения.

Э. Левинас переосмысливает суть императивности, которую накладывает на нас Другой в своем качестве партнера в диалоге, придавая этому понятию новый смысл и глубину: «Отношения с Другим проблематизируют меня... Нагота лица – это крайняя нужда и мольба в прямой направленности ко мне. Но эта мольба требовательна, это унижение с высоты... Лицо требует от меня признания. [...] ... Присутствие лица означает не подлежащий обсуждению приказ – заповедь, что кладет конец принадлежности сознания самому себе... [...] Другой окликает меня и, в своей нужде, объявляет мне свое повеление. Само его присутствие требовательно вызывает к ответу. ...Отныне *быть Я* означает невозможность отстраниться от ответственности» [9, с. 171].

В труде «Кантовское обоснование этики» («Kants Begründung der Ethik»), по мнению Г. Когена, кантовская концепция «вещи в себе» может быть интерпретирована как идея. Это идеализированное представление позволяет рассматривать природу не как механически определенный мир, а как мир индивидуальных субъектов, который можно понять только через принцип целесообразности. Индивидуальность и целесообразность играют важную роль в формировании основ эстетической телеологии и морали, устанавливая цели как для отдельного человека, так и для общества в целом [4, с. 189].

Этические взгляды русского неокантианства: А.И. Введенский

В русской философии А.И. Введенский также обосновывает этические взгля-

ды в контексте целей и задач критической философии. Сфера этического, как и у Г. Когена, исследуется у него в связи с логикой и ее значимой ролью в самопознании человека. Как «правовверный» кантианец, в этике он видит возможность обоснования нормативного закона душевной жизни. Понять и осмыслить жизнь можно лишь через служение нравственному закону: «Если можно отыскать смысл жизни в самой жизни, то не иначе, как только в исполнении цели, указываемой требованиями нравственного закона» [10, с. 97]. Цель же деятельности человека предписывается нравственным долгом, правда, при этом философ уточняет, что «вера в смысл нравственного закона» непозволительна без веры в личное бессмертие. Единственным средством оправдания в виду невозможности чисто теоретической доказуемости этой идеи, могут служить постулаты нравственного чувства. А.И. Введенский полагает, что в числе постулатов нравственного чувства должно находиться и признание чужого одушевления, – это есть нравственное требование и необходимая обязательность нравственного долга. В отличие от «логицизма» немецкого неокантианства, А.И. Введенский допускает возможность построения критической метафизики, поскольку только так можно будет раскрыть истинные цели этики – приближение к установке общепризнанных аксиом нравственности [10, с. 134]. Критический метод русский философ относит к одному из важных элементов кантовой философии и рекомендует – не просто «возврат к Канту», а усвоение созданного им принципа критицизма, а это значит, что следует «идти еще дальше Канта».

Неокантианский проект этического идеализма

В современном мире процессы глобализации приводят к усилению атомизации личной жизни. Индивидуум становится все менее отличным, он окружен массовыми информационными потоками и интернетом, одновременно углубляясь в повседневные заботы и личные интересы. Этот параллельный мир развлече-

ний и самоисследования создает новую реальность, где каждый человек находит баланс между внешними влияниями и внутренними стремлениями. Идеальной чертой жизненного мира определяется общая дистанцированность и индивидуальность.

В контексте неокантианства Г. Риккерт прогнозировал значительное изменение европейской культуры, определяя ее как область ценностей, то есть как сферу сверхприродного. Он верил, что истинная сущность человечности проявляется только в области культуры, где можно ощутить самый глубокий и первоначальный опыт бытия. Трансцендентальная субъективность выражается через базовые и общепризнанные ценности, которые определяют идеальное состояние мира. Поэтому различие между природой и культурой играет ключевую роль в определении ценностей. Ценность считается трансцендентальным «дополнением» к естественному миру, раскрывая его глубинные смыслы и значения. Система отношений «мир-значение» выражает дуализм «природы» и «культуры». Значения или ценности мира вытекают из элементов мира культуры, подтверждая взаимодействие культуры и мира ценностей. Понятие нравственности выступает как априорное основание этой связи, определяя существенное различие между индивидуальными целями (например, воли, желаний и настроений) и общественно обусловленными целями, происходящими из сферы традиций, искусства, науки, государства и экономических институтов. Исследование философии раскрывает свою научную сущность в том, что она не только занимается познанием мироздания в целом, но также изучает человека как часть этого мира и его отношения с окружающей средой. Только таким образом философия может объединить все аспекты и не ограничиваться лишь отдельными фрагментами, как другие области науки [11, с. 282].

Согласно Г. Риккерт, анализируя трансцендентальную философию И. Канта, мир природы и мир культуры являются априорными логическими

основаниями для организации человеческого мира. Обе системы ценностей должны проходить процесс дедукции. Именно поэтому часто эмпирические науки не могут обойти вопрос о трансцендентном мире или о фальсификации в своей онтологии. Первенство практического разума над теоретическим не только разрешает противоречия между бытием и долженствованием, но также подчеркивает необходимость выхода за пределы чувственного мира для постижения чего-то иного, чего нельзя получить только через теоретическую деятельность.

«Теоретическое рассмотрение, – пишет В. Виндельбанд, основатель Баденской школы неокантианства, – может только констатировать тот факт, что им самим во всем его движении вперед руководит не осуществимое стремление выйти за пределы своего горизонта. Но объяснение этого факта лежит в более глубокой потребности, господствующей над теоретической жизнью, и эта потребность может состоять лишь в нравственном убеждении, что наше предназначение выходит за пределы мира нашего познания» [12, с. 113].

Таким образом, жизнь постоянно стремится к высшим этическим идеалам, которые она никогда не может полностью достичь. Ценности, присущие реальному миру, показывают основную суть социальной жизни идеализма. Наш опыт мира уже не соответствует классическим идеям Платона или Аристотеля, но все же остается под влиянием этих высших идеалов.

Основная морально-философская идея, вытекающая из этой этической идеализации мира, может быть сформулирована как концепция П. Новгородцева: Личность, которая сама определяет свою судьбу, играет ключевую роль в преобразовании общественных целей в нравственные ценности. Она является основой, на которой строится высшее благо в моральном мире, где центром внимания становятся не только интересы общества, но и личные цели и достоинства каждого человека. Это дает возможность каждому индивидууму стать

не просто частью системы, а субъектом, способным вносить свой вклад в формирование нравственного «царства лиц как целей» [13, с. 254]. Понимание своей нравственной ценности помогает человеку понять свою истинную сущность и связь с невероятными возможностями мира, где царит свобода. Категорический императив обращен к отдельной личности, и имеет своей задачей возвышение морального достоинства и самосознания лиц и членов гражданского общества.

Заключение

Сегодня, как никогда ранее, следует говорить о новом, возрождающем интересе к этическим идеям Канта, в широком смысле, и ко всему этическому идеализму в его немецкой и русской версиях. В недрах отечественной моральной философии и этики зреет импульс поиска *новых скрытых жизнеспособных мотивов*, объясняющих на данном этапе идеальные цели человеческого существования. Наше время есть момент рождения и перехода к будущему состоянию современности, измеряемой практическими максимумами своего нравственного и свободного выбора. Критическая философия Канта вызвала в свое время масштабную реформу философии и науки, ее импульс ощущается и сегодня.

Взгляд Н.В. Мотрошиловой на реализацию принципа критики Канта приводит к формированию цельной трансцендентальной концепции, получившей название «трансцендентальный идеализм» [14, с. 347, 355]. Неокантианский идеализм, однако, отличается этическим оттенком, что позволяет нам назвать его «этическим идеализмом» в российской литературе [15]. Согласно этой концепции, индивидуальный этический взгляд является обязательным и «должным» условием для человеческого поведения. В такой перспективе открывается возможность критического переосмысления этических основ существующего права и насущных задач гражданского общества. Кант определяет мир, соответствующий моральным законам, как идеал «морального мира», и отмечает, что

«он есть только идея, однако, практическая идея, которая действительно может и должна иметь влияние на чувственно воспринимаемый мир» [8, с. 473].

Литература

1. Schnädelbach H. Kant – der Philosoph der Moderne // Kant in der Diskussion der Moderne / hrsg. G. Schönrich und Y. Kato. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1996. – S. 11–26.
2. Cohen H. Ethik des reinen Willens // Cohen H. Werke. Hildesheim. 1981. Bd. 7. S. 1.
3. Лекторский В.А. Субъект, объект, познание. – М.: Наука, 1980.
4. Тетюев Л.И. Пома А. Критическая философия Германа Когена // Вопросы философии. 2012. № 12. С. 189–190.
5. Белов В.Н. Этика в системе философского критицизма Германа Когена // Этическая мысль. Ежегодник. – М.: ИФ РАН, 2014. – С. 174–199.
6. Кант И. Основоположение к метафизике нравов // Кант И. Соч. в 4-х т. на немецком и русском языках. – М.: Московский философский фонд, 1997. Т. 3. – 784 с.
7. Залевский А.В. Философско-методологический анализ проблемы физического совершенства человека: диссертация ... кандидата философских наук: 09.00.01 / Залевский Александр Владимирович; [Место защиты: Сарат. гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского]. – Саратов, 2009. – 177 с.
8. Кант И. Критика чистого разума. – М.: Мысль, 1994.
9. Левинас Э. Время и другой. Гуманизм другого человека / пер. с фр. А.В. Парибка. – СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1998.
10. Введенский А.И. Статьи по философии. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996.
11. Риккерт Г. Философия жизни. – Киев: Ника-Центр, 1998.
12. Виндельбанд В. От Канта до Ницше. История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками. – М.: КАНОН-пресс, «Кучково поле», 1998.

13. Новгородцев П. Нравственный идеализм в философии права // Манифесты русского идеализма. – М.: Астрель, 2009. – С. 217–266.
14. Мотрошилова Н.В. Гуссерль и Кант: проблема «трансцендентальной философии» // Философия Канта и современность. – М.: Мысль, 1974. – С. 329–377.
15. Тетюев Л.И., Епифанова Н.Н. Нравственный идеализм как парадигма образования и воспитания // Философские парадигмы образования: коллективная монография. – Саратов: Наука, 2011. – С. 22–49.

DEVELOPMENT OF I. KANT'S CATEGORY "MORAL OUGHT" IN THE TRADITION OF GERMAN AND RUSSIAN NEO-KANTIANISM

Zalevsky A.V., Epifanova N.N.

Engels Technological Institute (branch) of Saratov State Technical University named after Gagarin Yu. A.

The article analyzes the development of the Kantian concept of moral due in the tradition of German and Russian neo-Kantianism. Kant's practical philosophy emphasizes the motive of action, which is determined by the law of *oughtness*, and practical action is a free respect for the moral law. Neo-Kantians see ethics as an attitude toward what ought to be according to the moral law. The ethics of the *a priori* subject takes a critical approach to the problem of man. In Russian philosophy, A. Vvedensky also substantiates ethical views, and as a Kantian, he sees in ethics the possibility of substantiating the normative law of mental life. Ethical idealism argues that morality determines values and culture, and a moral viewpoint is a necessary condition in human behavior. The authors reveal the neo-Kantian project of ethical idealism. The *a priori* basis for the unity and connection of culture and values is the concept of morality. It is the autonomous sphere of morality that defines this significant distinction. The value aspect of the real world, like any social phenomenon, reveals in this design the foundations of ethical idealism as a whole. Ethical idealism believes that an individual moral point of view is an all-general, "due" condition in the affairs and thoughts of a person.

Keywords: practical philosophy of I. Kant, ethics of German and Russian neo-Kantianism, moral due, duty due, forced duty, moral personality, ethical idealism.

References

1. Schnädelbach H. Kant – der Philosoph der Moderne // Kant in der Diskussion der Moderne / hrsg. G. Schönrich and Y. Kato. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1996. – S. 11–26.
2. Cohen H. Ethik des reinen Willens // Cohen H. Werke. Hildesheim. 1981. Bd. 7. S. 1.
3. Lektorsky V.A. Subject, object, cognition. – M.: Nauka, 1980.
4. Tetyuev L.I. Poma A. Critical philosophy of Hermann Cohen // Questions of Philosophy. 2012. No. 12. pp. 189–190.
5. Belov V.N. Ethics in the system of philosophical criticism of Herman Cohen // Ethical Thought. Yearbook. – M.: Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, 2014. – P. 174–199.
6. Kant I. Fundamentals to the metaphysics of morals // Kant I. Soch. in 4 volumes in German and Russian. – M.: Moscow Philosophical Foundation, 1997. T. 3. – 784 p.
7. Zalevsky A.V. Philosophical and methodological analysis of the problem of human physical perfection: dissertation ... Candidate of Philosophical Sciences: 09.00.01 / Zalevsky Alexander Vladimirovich; [Place of protection: Sarat. state University named after N.G. Chernyshevsky]. – Saratov, 2009. – 177 p.
8. Kant I. Critique of Pure Reason. – M.: Mysl, 1994.
9. Levinas E. Time and the other. Humanism of another person / trans. from fr. A.V. Paribka. – St. Petersburg: Higher Religious and Philosophical School, 1998.
10. Vvedensky A.I. Articles on philosophy. – St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House, 1996.
11. Rickert G. Philosophy of life. – Kyiv: Nika-Center, 1998.
12. Windelband V. From Kant to Nietzsche. The history of new philosophy in its connection with general culture and individual sciences. – M.: KANON-press, "Kuchkovo Pole", 1998.
13. Novgorodtsev P. Moral idealism in the philosophy of law // Manifestos of Russian idealism. – M.: Astrel, 2009. – P. 217–266.
14. Motroshilova N.V. Husserl and Kant: the problem of "transcendental philosophy" // Kant's philosophy and modernity. – M.: Mysl, 1974. – P. 329–377.
15. Tetyuev L.I., Epifanova N.N. Moral idealism as a paradigm of education and upbringing // Philosophical paradigms of education: collective monograph. – Saratov: Science, 2011. – P. 22–49.

Выявление методологических оснований когнитивной семиотики в работах де Соссюра

Кашеев Сергей Иванович,

к.ф.н., кафедра философии, Саратовская
государственная юридическая академия
E-mail: Skash1766@mail.ru

Гусева Светлана Владиславовна,

к.ф.н., кафедра философии, Саратовская
государственная юридическая академия
E-mail: gusevasvetlana19@mail.ru

Когнитивная семиотика – междисциплинарная наука, вызывающая огромный интерес своими исследовательскими возможностями. Однако, несмотря на обилие материалов, посвященных этой дисциплине, среди исследователей, как ни странно, до сих пор нет единого подхода к пониманию ее методологических основ. Это затруднение связано, на наш взгляд, в первую очередь с тем, что семиотическая методология закладывалась и разрабатывалась в двух различных направлениях – как логическая семиотика Пирса и лингвистическая семиология де Соссюра. В отечественной традиции преобладает интерес именно к логико-философскому подходу, восходящему к Пирсу, Моррису и их последователям. Соссюровское же направление разрабатывается почти в полной мере лишь среди лингвистов. Между тем, принципы, заложенные швейцарским ученым, позволяют реализовать исследовательский потенциал философской семиотики, возможно, даже в большей степени, нежели первый подход. Обоснованию этой точки зрения и посвящена данная статья.

Ключевые слова: когнитивная семиотика, знак, культурный код, язык, речь, языковая деятельность.

В современной семиотике, по нашему мнению, сложилась неоднозначная ситуация. Любая наука в первую очередь определяется своими предметом и методом. Давайте внимательнее рассмотрим с этой точки зрения к науке под названием «семиотика».

Первый вопрос – вопрос о предмете. Исходя из самого слова, интуитивно ясно, что семиотика – это наука о знаках, *знакия*, как можно было бы дословно перевести это название на русский язык (по аналогии с *химия*, *история* и т.д.). Само название *семиотика* было введено, как известно, еще Джоном Локком, хотя этот факт зачастую упускается из виду. Нередко семиотику определяют как «молодую науку», ведя отсчет от Пирса и де Соссюра. Даже если принять эту точку зрения, этой молодой науке уже более ста лет, а фактически – гораздо больше, поскольку семиотические проблемы поднимались и разрешались и Гоббсом, и схоластами, и античными авторами. Платоновский «Кратил» – великолепный образец семиотического исследования, на что указывает, в частности, Э. Тайсина: «В целом, в нем можно усмотреть, по меньшей мере, четыре важнейших для семиотики ... вывода ...: 1) анализ диалектики условности и мотивированности, обусловленности языкового знака; 2) утверждение о том, что отражение (изображение), в том числе и мысленное, имеет разной степени сходство с объектом, но никогда не может и, главное, не должно сравниться с ним; отсюда разворачивается диалектика образа и знака; 3) рассуждение о главных функциях языка и знака, диалектика коммуникативной и познавательной, номинативной и модальной функций; 4) это вполне современно проведенное представление знаков как эвристических орудий мысли, фиксирующих и выражающих главнейшие состояния и законы природы и общественной жизни: движение и покой» [6].

Однако и античная семиотика, представленная работами Платона, Аристотеля, стоиков и др., не является самой древней. Уже в первой главе Книги Бытия мы видим семиотическую постановку вопроса, начиная с первого дня творения: «И сказал Бог: да будет свет! И стал свет, и отделил Бог свет от тьмы, и назвал свет днем, а тьму – ночью» (Быт., с. 1, 2–4). Как видим, Библия рисует сложную семиотическую схему: свет как концепт, свет как физическое явление, день как слово для обозначения концепта. Так что основание семиотики смело можно возводить к сотворению мира.

Возвращаясь к семиотике Локка, следует отметить один существенный момент, оказавший, видимо, значительное влияние на последующее развитие. Исследуя знаки, он приходит к выводу, что первыми и главными знаками являются слова, и потому учение о знаках может также называться логикой. Этот аспект подробно раскрыт К.Д. Скрипником: «В “Опыте о человеческом разумении” в качестве третьего раздела наук Дж. Локк называет $\sigma\mu\iota\omega\tau\iota\kappa\eta$, или учение о знаках. Но поскольку далее он говорит, что “...так как наиболее обычные знаки – это слова, то семиотику довольно удачно называют также $\lambda\omicron\gamma\iota\kappa\eta$ – логика”, то первый термин как бы исчезает из рассмотрения и комментарии сосредоточиваются либо на его характеристики логики, либо – если принимается во внимание его указание на слова – на его философию языка» [5, с. 172–174].

Подобное синонимичное рассмотрение логики и семиотики проливает свет на некоторый перекокс в развитии последней. Пирс поддерживает эту традицию, так, в письме к леди Уэлби от 31 января 1909 г. он пишет: «...книгу, которую я теперь пишу, я должен был бы назвать “Логика, рассмотренная как Семиотика”» [4, с. 306]. И такой подход привел в конечном итоге к тому, что семиотика стала рассматриваться преимущественно с логических позиций, т.е. внимание обращалось в первую очередь на семантическую основу (напомним, что последователь Пирса Моррис разделил семиотику на три составные части – семан-

тику, или учение об отношении знака и обозначаемого; синтаксис, или учение об отношениях между знаками; прагматика, исследующая отношения знака и человека). И по сей день большинство семиотических исследований в качестве методологической основы использует именно логико–семантический подход. Примером обоснования выбора методологии Пирса может служить учебник Е. Бразговской: «Важнейшие характеристики знака могут существенно отличаться в зависимости от того, говорим мы о нем в рамках семиотики Чарльза Пирса или континентальной семиологии Фердинанда де Соссюра... У Ф. де Соссюра модель знака выглядит как двухкомпонентная структура, где означаемое (предмет означивания) определяется через означающее (то, посредством чего происходит означивание). Соссюр определяет знак как неразрывное единство означающего и обозначаемого (бином), сравнивая их отношения с двумя сторонами листа бумаги: нет означаемого без означающего... Схема пирсовской триады несравнимо богаче. Знак здесь наделен обязательной физической оболочкой, что позволяет человеку воспринимать его органами чувств. Знак направлен вовне – на объект, внеположенный языку. Смысл знака рождается в процессе отображения референта, и этот процесс связан исключительно с человеком... Таким образом пирсовская модель ... обладает большим, по сравнению с соссюрским, эвристическим потенциалом» [2, с. 17–21].

Подобная аргументация, характерная для многих семиотических исследований, имеет один существенный изъян. Дело в том, что методологию анализа знака у де Соссюра невозможно рассматривать в отрыве от двух его основных положений – знаменитой соссюрской триады *langue – langage – parole*, во-первых, и произвольном идеальном характере знака – во-вторых. Главная заслуга швейцарского лингвиста – его постановка вопроса о естественном языке и тщательнейшая его проработка. Семиология Соссюра – это лингвистическая семиология, и предметом ее должен быть

в первую очередь сам язык. Языковые структуры сами по себе являются знаками – этот тезис приводит в конечном итоге к появлению структурализма, а затем и пост–, и постпост– и т.д. Грандиознейший пласт континентальной философии от Леви–Стросса и Барта до Деррида и Лиотара был бы невозможен без лингвистического подхода де Соссюра. Фуко и Лакан, Эко и Бодрийяр, Делез и Гваттари – все они вырастают из лингвистической семиологии. Де Соссюр создает универсальную методологию, поскольку естественный язык является первой знаковой системой, усваиваемой человеком, и все остальные языки и коды интерпретируются человеком именно через естественный язык.

Триада *langue – langage – parole* представляет собой известную сложность для перевода и понимания. Если с крайними понятиями все обстоит более–менее ясно (*langue* – язык, *parole* – речь), то французское слово *langage* не имеет достойного эквивалента в русском языке. Традиционно, начиная с первого издания «Курса общей лингвистики» на русском, это понятие передавалось сочетанием «речевая деятельность». Однако по своей структуре это слово имеет очевидное родство с *langue*, поэтому в последнее время оно все чаще интерпретируется как «языковая деятельность». И такой перевод на самом деле гораздо более точно соответствует оригинальному значению соссюровского понятия, поскольку он отражает одну крайне любопытную особенность, а именно – его двусторонний, разнонаправленный характер.

Когда мы говорим о деятельности, всегда подразумевается ее активный субъект. Хозяйственная деятельность, познавательная деятельность, творческая деятельность – постоянно имеется в виду, хотя и не проговаривается, что этой деятельностью занимается человек или группа людей. А вот в случае языковой деятельности это не вполне верно. С одной стороны, языковая деятельность, как и все прочие ее виды, означает некое воздействие человека на язык. С другой же – это словосочета-

ние может быть интерпретировано как деятельность языка, в которой сам язык выступает в качестве активного субъекта. Это второе понимание вполне соответствует идеям самого де Соссюра, что можно проиллюстрировать примерами из его записей: «... чем можно доказать, что этот элемент ... выделяется самым языком? Ответ: ... формами, в которых активность языка и механизм его действий находят свое неопровержимое подтверждение» [7,72]. Язык проявляет свою активность независимо от человека. Более того, эта активность выражается в первую очередь в том, что именно язык формирует самого человека. Человеком рождаются, разумным человеком становятся благодаря языковой деятельности, т.е. деятельности языка, направленной на человека. Процесс социализации может проходить только благодаря членораздельной речи, обращенной к младенцу. Природа предоставляет человеку речевой аппарат, приспособленный для произнесения совершенно особых звуков, однако это – всего лишь возможность овладеть речью, для того, чтобы эта возможность реализовалась, необходимо целенаправленное воздействие самого языка, производимое через других людей – носителей этого языка. Именно благодаря этому воздействию человек усваивает первые знаки, через которые он начинает опосредованно воспринимать мир. Впоследствии любые другие знаковые системы с необходимостью будут интерпретироваться через знаки естественного языка.

Что выступает в роли таких знаков? Минимальные значения элементы языка – фонемы (в устной речи) и буквы, обозначающие эти фонемы. И уже здесь мы сталкиваемся с коренным отличием знаков естественного языка от всех остальных. Для того, чтобы это различие стало очевидным, необходимо обратиться к таким характеристикам знака, как значение и смысл.

Споры по этому поводу не утихают на протяжении нескольких столетий. Может ли существовать значение без смысла, смысл без значения и знак без них обоих? Начиная со средневековых схо-

ластов и заканчивая аналитической философией XXI века единого мнения нет. На наш взгляд, это происходит в первую очередь как раз из-за того, что знаки естественного языка и знаки культурных кодов рассматриваются с одних позиций, в то время как их природа разительно отличается. Данное положение можно проиллюстрировать примером из естествознания.

Физики до сих пор говорят о горении ядерного топлива в звездах, хотя это – явный лингвистический анахронизм. Ядерные реакции не имеют ничего общего с химической реакцией окисления (горения). Однако, несмотря на это, никому из физиков-ядерщиков не приходит в голову использовать научный аппарат неорганической химии для описания ядерных реакций. Это – принципиально разные процессы, которые требуют принципиально разных подходов для своего описания и анализа. В сфере же семиотики до сих пор практически не было попыток рассмотреть знаки естественных языков и культурных кодов с точки зрения их принципиального различия. Хотя Б. Успенский и предлагал в свое время различать семиотику Пирса и семиологию де Соссюра как две разные научные дисциплины, это предложение осталось незамеченным, хотя в нем заложен глубокий смысл.

Логико-семантический анализ знаков естественного языка обречен на неудачу, что не раз отмечалось самими логиками. Естественный язык не поддается алгоритмизации в силу своей нерегулярности. Поэтому попытки логического атомизма вычленив минимальную смысловую единицу высказывания оказываются вполне успешными, если речь идет о культурном коде, но совершенно бесплодны в случае с естественным языком. Такое положение дел отмечал и сам де Соссюр: «От внимания философов и логиков ускользнуло то обстоятельство, что, как только система символов становится независимой от обозначаемых ею объектов, она со своей стороны подвергается в результате действия фактора времени сдвигам, которые логик не в состоянии исчислить» [7, с. 92].

Все дело заключено как раз в категориях значения и смысла. Минимальные знаковые единицы естественного языка обладают значением всегда, а вот со смыслом все обстоит гораздо сложнее. Буква *у*, обозначающая соответствующий звук, всегда обладает этим значением (по крайней мере, если речь идет о носителе русского языка). Смысл же в ней появляется лишь в том случае, когда она является смыслоразграничителем (как и фонема *у*). В слове *лук* *у* показывает всем, владеющим данным языковым кодом, отличие от других смыслодержущих слов. *Лук* не есть *люк*, *лак* или *лик*. Лингвисты давно знакомы с этим явлением, потому в лингвистике и принято считать фонему минимальной смыслоразграничительной единицей, лишенной, однако, собственного смысла. У фонемы есть только значение. Смысл появляется лишь тогда, когда фонема (или буква) встраиваются в общую систему языка.

Звук *у* может принадлежать человеческой речи, а может быть издан воющим волком. В этом последнем случае он тоже может быть знаком – но лишь для человека, знающего повадки волков и звуки, которые они издают. Смысл, таким образом, можно определить как интерпретацию значения конкретным человеком или человеческим сообществом. *Смысл* – это то, что приходит с *мыслью*. Слово *ἀλήθεια* для человека, не владеющего греческим языком, будет не более, чем бессмысленным набором знаков, хотя он и может допустить, что эти знаки обладают определенным значением. Греческая буква *Ι* имеет строго определенное значение – соответствующий звук – но выражение «не уступить ни йоты» обретает смысл лишь при знакомстве с историей христианства и спорами о единосущности или подобносущности Отца и Сына. Фреге определял смысл как мысль, содержащуюся в высказывании. Это не совсем верно. Смысл – это мысль, которую вызывает высказывание.

Именно в этом, на наш взгляд, заключается главное различие между знаками естественного языка и знаками куль-

турных кодов. Первые всегда обладают значением, смысл же в них привносится только человеком и только при включении в общую единую языковую систему. Вторые, будучи созданы человеком, изначально содержат в себе и значение и смысл. Но поскольку вторые всегда интерпретируются через первые, это различие обычно не принимается во внимание.

Отдельные знаки культурных кодов действительно могут быть проанализированы с позиций логического атомизма – именно в силу имманентно присутствующего им смысла. Эту проблему великолепно обозначил один из выдающихся лингвистов XX века Э. Бенвенист: «...художник творит свою собственную семиотику: в расположении мазков на холсте он создает свои оппозиции, которые он сам делает значимыми в пределах их собственного яруса, он не получает готового и признанного набора знаков и не устанавливает его сам. Материал, то есть цвет, обладает свойством безграничных градаций оттенков, ни одну из которых нельзя приравнять к языковому “знаку”» [1, с. 83].

Если рассматривать проблему с этой точки зрения, становится понятным разделение, предложенное Успенским. Семиология де Соссюра и его последователей (в первую очередь – лингвистов) – это учение о знаках именно естественных языков, в то время как Пирс не проводил разницы между знаками, понимая под ними любые «нечто, способные заменить собой другие нечто». Но де Соссюр еще в 1894 году писал: «Язык – это человеческое установление, но природа его такова, что все другие человеческие установления, за исключением письменности, могут только обмануть нас относительно истинной сущности языка, если мы будем полагаться на его сходство с ними» [7, с. 94].

Итак, можно зафиксировать как минимум три принципиальных различия между естественными языками и культурными кодами.

1. Естественные языки отличаются нерегулярностью, их знаки в ходе исторического развития с течением времени

подвергаются случайным изменениям, которые невозможно предсказать с точки зрения логики.

2. Знаки естественного языка всегда обладают значением, но не всегда – смыслом; этот последний появляется в них только благодаря связи с другими знаками. Отсюда вытекает главенствующая роль синтаксиса в любом семиотическом исследовании (в противоположность приоритету семантики при исследовании логическом).

3. Знаки культурного кода создаются человеком и для человека. Знаки естественного языка создают самого человека.

Теперь становится понятной неразбериха при определении предмета семиотики. Не проводя строгого разграничения между лингвосемиотикой и семиотикой культуры, его попросту невозможно определить. Картины и скульптуры, музыка и математика, исследования русского мата и квантовая механика – все это и многое другое оказывается предметом семиотических исследований. Поистине, семиотика превращается в науку обо всем. Дополнительную путаницу вносит и тот факт, что зачастую смешиваются предмет и метод семиотики.

На самом деле, если говорить о методе, мы сразу же обнаружим, что методом семиотики является семиотика. Здесь имеет место совершенно то же, что и в философии структурализма. У. Эко, отвечая на вопрос о том, является ли он структуралистом, говорил, что если рассматривать структурализм как философскую систему, то нет. Но да, если говорить о структурализме как методе. С семиотикой дело обстоит точно так же – одно и то же название обозначает и саму науку, и ее метод. Одинаковые слова вводят в заблуждение, на подсознательном уровне заставляя нас воспринимать их обозначаемые как тождественные, хотя это совершенно не так. Механизм такого воздействия слов на мышление человека детально раскрыт в теории лингвистического детерминизма, но задолго до Сепира и Уорфа сходные мысли высказывал и де Соссюр. Говоря об историческом развитии

языка, он утверждал, что нельзя считать, будто один язык происходит из другого, и французский не вытекает из латыни, он и есть латынь на определенном этапе истории. Однако различные названия заставляют относиться к французскому и латыни как к двум различным объектам. В этом отношении, утверждал ученый, больше «повезло» греческому, поскольку и древнегреческий, и современный греческий язык обозначаются одним словом: «Это возможно лишь потому, что оба объекта называются греческим языком, хотя они различаются между собой так же, как различаются французский и латынь, а во многих отношениях даже гораздо больше. И ... я убежден, что, ... несмотря на все то, что я сказал, наименования французский язык и латынь бесконечно сильнее. Они всегда или в течении долгого времени будут оказывать на ваш разум в тысячу раз более мощное влияние, чем все те увещания, к которым я могу прибегнуть как лингвист, чтобы разрушить этот бумажный дуализм, который тяготеет над нами и называется французский язык и латынь. Однажды придется написать специальную и очень интересную книгу о роли слова как основной помехи в науке о словах» [7, с. 55].

Семиотическая методология действительности является универсальной, приложимой к любым областям человеческого знания. Человек живет в символическом мире, следовательно, исследования знаков – это исследования самого человеческого бытия. В этом смысле можно говорить о семиотике как об универсальном философском методе. Но и в этом случае необходимо постоянно «держат в уме» область приложения. Семиотические методы могут быть приложены к изучению как явлений природы, так и культурных процессов. Но это будут совершенно различные способы исследования.

В природе не существует знаков, в ней есть лишь сигналы, следы и метки (которые тоже являются особым видом сигналов). Перед тем, как залечь в нору, лисица путает след. Охотничья собака идет по следу, послушно повторяя все

изгибы и петли. И только для охотника эти петли будут знаком, что лисья нора где-то неподалеку.

Любое природное явление содержит в самом себе метки этого явления. Молния и гром, т.е. процессы, определяющие сущность явления «гроза», одновременно являются и признаками грозы. Однако в природе нет и не может быть знаков. Чтобы след или метка стали знаком, необходим активный познающий субъект, способный сопоставить представление и понятие, т.е. означаемое и означающее. В природе есть явление гроза, но нет понятия гроза. Сопоставление означаемого и означающего, которое и представляет собой знак, возможно только в идеальном пространстве мыслительности человека. Превращение следа в знак происходит в результате процесса интерпретации, и отсюда становится понятным, например, почему один из величайших лингвистов XX века Роман Якобсон на протяжении многих лет работал вместе с одним из величайших физиков XX века Нильсом Бором. Квантовая механика имеет дело с объектами, недоступными непосредственному наблюдению. Элементарные частицы невозможно увидеть ни невооруженным глазом, ни при помощи приборов. Физики наблюдают только их следы, которые необходимо интерпретировать, т.е. превратить в знаки. Отсюда – и названия различных течений в квантовой механике: копенгагенская интерпретация, вероятностная интерпретация, фейнмановская интерпретация и т.д. А уж в том, что касается исследования интерпретаций, лингвистические методы не имеют себе равных.

Дело обстоит таким образом как в неживой, так и в живой природе, хотя по отношению к этой последней понятие знака, на первый взгляд, вполне приложимо. Животные подают друг другу знаки – в этом убеждены многие исследователи. Однако на деле речь идет не о знаках, а о сигналах. Между этими понятиями существует огромная разница, которая, тем не менее, зачастую упускается из вида, хотя еще Павлов говорил о двух сигнальных системах: «...

Слово составило вторую, специально на-шу, сигнальную систему действительности, будучи сигналом первых сигналов [3, с. 270]. Отсюда следует и еще одна распространенная ошибка – систему сигналов зачастую называют «языком животных». Чаще всего это происходит применительно к языку пчел, существование которого было открыто К. фон Фришем. Это открытие, разумеется, не могло пройти мимо внимания лингвистов. Но лингвистический анализ дает весьма скептическую оценку такому языку.

Вот что пишет Э. Бенвенист в статье «Коммуникация в мире животных и человеческий язык»: «В применении к животному миру понятие языка используется только из-за смешения терминов. Как известно, до сих пор не удалось установить, имеют ли какие-нибудь животные хотя бы в зачаточной форме такой способ выражения, который обладал бы характерными свойствами человеческого языка и выполнял бы аналогичные функции» [1, с. 97]. Добавим, что это смешение терминов в своей основе восходит как раз к отождествлению понятий *знак* и *сигнал*. Но как же в таком случае быть с языком пчел? В нем налицо все необходимое для передачи сообщения – объект окружающей действительности (источник пищи), расположенный в конкретном месте, набор движений пчелы–разведчика, указывающий направление на объект и расстояние до него, и адресат сообщения – рабочая пчела. И тем не менее, выражение «язык пчел» – не более, чем метафора, и в действительности этот язык имеет весьма немного общего с языком человека. На то есть несколько причин, некоторые из которых приводит сам Бенвенист в конце своего исследования: «Совокупность ... наблюдений выявляет существенную разницу между способами коммуникации у пчел и нашим языком. Это различие резюмируется термином, который, как нам кажется, лучше всего подходит для определения вида коммуникации, используемого пчелами; это не язык, а сигнальный код. Отсюда и происходят все его свойства: посто-

янство содержания, неизменяемость сообщения, отнесенность к одной–единственной ситуации, неразложимость сообщения, однонаправленность его передачи» [1, с. 102].

Этот анализ является почти исчерпывающим, но все же представляется возможным добавить несколько моментов. На самом деле, рабочая пчела не может «переспросить» разведчицу, уточнить маршрут и т.д., равно как и отправитель сообщения не может разнообразить его содержание. В сигнальных системах животных невозможна передача одного и того же сообщения различными способами, в них отсутствует одна из важнейших особенностей человеческого языка – синонимия. Еще одним важнейшим отличием выступает невозможность передать информацию о том, чего нет. Язык как уникальная знаковая система позволяет формировать в представлении человека «зоны отсутствия» (Ф. Растье). Противопоставление «здесь – там» дает возможность мыслить «там» как «не здесь», однако на этом мышление не останавливается. Последовательная трансформация «есть там – есть не здесь – не есть здесь» разворачивает в человеческом разуме диалектику бытия и небытия. В результате становится возможным сформировать понимание «двойного отрицания» (не в логическом, а, скорее, в метафизическом смысле) – «не есть не здесь (там)». Пчела может передать сообщение «там есть пища», но никогда не транслирует информацию «там пищи нет». Это – еще одна причина говорить о метафоричности понятия «язык пчел» (и вообще животных). Язык в равной степени может и должен оперировать как категорией «есть» (присутствия), так и категорией «нет» (отсутствия).

Все сказанное относилось к передаче информации «с точки зрения адресанта» – пчелы–разведчицы. Однако к этому можно добавить еще один существенный момент. При анализе сообщения, передаваемого пчелой–разведчицей, внимание исследователей практически полностью приковано именно к *передаче* информации, и почти не уделяется

внимания процессу *приема*. В частности, сам фон Фриш в своей нобелевской лекции всего пару раз упоминает об этом аспекте, отмечая лишь тот факт, что пчелы в улье повторяли танец пчелы-разведчицы: «...незамедлительно подбегали к ближайшей танцующей пчеле, следуя за ней, после чего вылетали из улья» [8].

Повышенное внимание именно к процессу передачи информации вполне объяснимо, если вспомнить общераспространенное представление о коммуникации как симметричном процессе. В «Курсе общей лингвистики» де Соссюра даже рисует схему «говорение – слушание» [7, с. 50].

Прием воспринимается всего лишь как зеркальное отображение передачи. Однако в данном случае мы сталкиваемся с еще одним разительным отличием «языка» пчел от языка в прямом смысле слова. При человеческом общении мы, действительно, имеем дело с зеркальной ситуацией – понятие, выраженное при помощи акустических или графических средств, вызывает у слушателя (читателя) определенное представление, которое соотносится с соответствующим понятием, заранее известным реципиенту. Акустический или графический образ является в данном случае осью зеркальной симметрии. Но в случае с танцем пчел пчела в улье не конструирует такого представления. Двигаясь за пчелой-разведчицей, рабочая пчела *воплощает* ее танец путем точного повторения движений. Не *представление*, а *воплощение* – вот главное отличие приема информации у пчел и у человека. Повторяя движение пчелы-разведчицы, рабочая пчела сама в сжатом виде – на плоскости – проходит маршрут, который затем разворачивается в пространстве.

Итак, когда сигнал, след или метка становятся знаком, они перестают быть частью природы и переходят в пространство культуры. Именно в этом знакомом пространстве и разворачивается бытие человека. Но, как уже было сказано, знаки языка занимают совершенно особое место: «Если учесть, что сила <языковых – С. К.> знаков обусловлена

их условной, произвольной природой, их независимостью от реальности, которую они обозначают, тогда станет ясно, что в багаже человечества это такой предмет, который нельзя сравнить ни с чем иным» [7, с. 92].

В этих словах де Соссюра заключены два ключевых положения его семиотической концепции. Во-первых, языковой знак произволен и независим от реальности, т.е. идеален. Во-вторых, он уникален, т.е. в силу самой своей природы не может быть отождествлен с другими знаками.

Восточная поговорка гласит: «Сколько ни говори халва, во рту слаще не станет». Это – вполне семиотический подход. Слово халва не имеет ничего общего с лакомством халва. Слово не обладает сладостью, тягучестью, ароматом и прочими качествами лакомства. Но слово способно вызвать представление о лакомстве. Именно совокупность представления и понятия и являя собой знак, в котором представление – означаемое, а понятие (слово) – означающее. Языковые знаки, в отличие от знаков культурных кодов, целиком и полностью идеальны, они на самом деле не имеют ничего общего с реальностью, кроме случайно возникшего в человеческом сообществе соглашения о приложении именно этого знака именно к этому объекту. Часто приходится сталкиваться с утверждением, что языковой знак все равно нуждается в материальном носителе – звуке, если речь идет о фонеме. Это неверно. Языковой знак может быть выражен в материальном носителе, но отнюдь не нуждается в нем. Для того, чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить о таком явлении, как внутренняя речь. Слово может быть произнесено «про себя», и вызывать при этом точно такое же представление, как и в результате акустического воздействия. Языковой знак, таким образом, может выражаться при помощи материального носителя, – а может и не выражаться. Знаки же культурных кодов действительно не могут существовать вне своего материала. Если же мы вызываем такой знак в памяти, он обязательно будет ин-

терпретирован через слова, т.е. сведен к языковому знаку.

Подытоживая сказанное, можно, наконец, попытаться упорядочить предмет семиотики, дабы избавит ее от сомнительной славы «науки обо всем». Во-первых, решительно выводим за ее пределы природные знаки, которые, как мы видели, нельзя считать знаками в полной мере. Следы и метки сами по себе не соответствуют структуре знака, поскольку в них отсутствует один из двух важнейших элементов этой структуры. В природе есть означаемое, но нет и не может быть означающего, по крайней мере, до появления познающего субъекта. Но в этом случае следует говорить не о семиотике природы, а о семиотических методах естественных наук.

Во-вторых, в пространстве культурных знаков следует строго разграничивать знаки естественного языка и знаки языков и кодов культуры. Подробный анализ языковых знаков будет дан в заключительном разделе этой работы, сейчас же зафиксируем, что методология исследования должна быть различной в силу абсолютно разной природы этих знаков. Отсюда вытекает разделение двух ветвей семиологии: лингвосемиотика и семиотика культуры.

Ф. де Соссюр, как известно, не признавал сравнения языка с вуалью, брошенной на действительность. В противовес этой метафоре он приводил свою, в которой сравнивал язык с биноклем, позволяющим лучше рассмотреть окружающий мир. В этом моменте еще раз проявилась гениальная интуиция великого ученого. Вуаль, зеркало, пленка и прочее – сравнения, вызывающие образ *плоскости*. Место языка – между человеком и миром, но вот насколько тонкой является эта граница – вопрос далеко не однозначный. Образ бинокля дает четкое представление о *пространстве* языка, о том, что язык обладает собственным телом. Таким образом, в отличие от вуали, создающей плоскую сингулярную границу между миром и человеком, бинокль указывает на двойную границу «мир – язык» и «язык – человек». Как мы уже показывали ранее, можно

констатировать, что, начиная с грамматики Пор-Рояля, зарождается и крепнет мысль, что язык является не просто границей между бытием и мышлением, он и сам отграничивает себя как от того, так и от другого, показывая их противоположность и в то же время возможность синтеза этих противоположностей. Непосредственной границы между бытием и мышлением, между материей и сознанием нет, есть две границы, два водораздела – между бытием и языком – с одной стороны, и между языком и мыслью – с другой. Внутри себя язык может считаться тождественным как одному, так и другому, но для человека это тождество зафиксировать невозможно, оно является постоянным ускользанием.

И все же метафора языка как бинокля тоже не до конца отражает суть языка и его пространства. Дело в том, что бинокль показывает нам – верно или искаженно – лишь то, что существует в реальности, в то время как язык дает возможность увидеть то, чего нет и никогда не было. Скорее, уместно будет говорить о некоем магическом кристалле, представляющем нашему мысленному взору удивительный синтез двух миров – реального и вымышленного. Тем не менее, соссюровское представление о языке как особого рода оптическом приборе оказывается неимоверно продуктивным. Человек *смотрит не сквозь язык, а на язык*, человек – зритель удивительной картины, разворачивающейся посредством магической оптики языка.

Литература

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М., 1974. – С. 83.
2. Бразговская Е.Е. Семиотика. Языки и коды культуры. Учебник и практикум для академического бакалавриата. – М., 2019. – С. 17–21.
3. «Павловские среды». Т. 3, 1949. С. 270.
4. Пирс Ч. Письма к леди Уэлби. // Пирс Ч. Логические основания теории знаков. – СПб., 2000. – С. 306.
5. Скрипник К.Д. «Σημωτική» Дж.Локка: историко-философская ретроспектива // Вестник Пермского универ-

ситета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып.2. С. 172–182. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-2-172-182

6. Тайсина Э.А. Философские вопросы семиотики / Под ред. И.С. Нарского. – Казань: Казан. гос. энерг. ун-т, 2002. – URL: <http://www.tajkina.dialog21.ru/semyotika.htm#S-I-1>, (дата обращения: 30.09.2023).
7. Ф. де Соссюр. Заметки по общей лингвистике. – М., 2001. – С. 72.
8. Фриш К. Расшифровывая язык пчел (Нобелевская лекция К. фон Фриша). – URL: <https://baskina.com/archives/7812>. (дата обращения: 28.11.2023).

IDENTIFICATION OF THE METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF COGNITIVE SEMIOTICS IN DE SAUSSURE'S WORKS

Kashcheev S.I., Guseva S.V.
Saratov State Law Academy

Cognitive semiotics is an interdisciplinary science that arouses great interest with its research capabilities. However, despite the abundance of materials devoted to this discipline, among researchers, oddly enough, there is still no single approach to understanding its methodological foundations. This difficulty, in our opinion, is primarily due to the fact that the semiotic methodology was laid down and developed in two different directions – as Peirce's logical semiotics and de Saussure's linguistic semiology. The Russian tradition is dominated by interest in the logical and philosophical approach, which goes back to Pierce, Morris and their followers. The Saussure

direction is being developed almost completely only among linguists. Meanwhile, the principles laid down by the Swiss scientist make it possible to realize the research potential of philosophical semiotics, perhaps even to a greater extent than the first approach. This article is devoted to substantiating this point of view.

Keywords: cognitive semiotics, sign, cultural code, language, speech, language activity.

References

1. Benveniste E. General linguistics. – M., 1974. – P. 83.
2. Brazgovskaya E.E. Semiotics. Languages and cultural codes. Textbook and workshop for academic bachelor's degree. – M., 2019. – pp. 17–21.
3. "Pavlovian environments". T.3, 1949. P. 270.
4. Pierce Ch. Letters to Lady Welby. // Pierce Ch. Logical foundations of the theory of signs. – St. Petersburg, 2000. – P. 306.
5. Skripnik K.D. "Σημιωτική" by J. Locke: historical and philosophical retrospective // Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology. 2017. Issue 2. pp. 172–182. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-2-172-182
6. Taisina E.A. Philosophical issues of semiotics / Ed. I.S. Narsky. – Kazan: Kazan. state energy univ., 2002. – URL: <http://www.tajkina.dialog21.ru/semyotika.htm#S-I-1>, (access date: 09/30/2023).
7. F. de Saussure. Notes on general linguistics. – M., 2001. – P. 72.
8. Frisch K. Deciphering the language of bees (Nobel lecture by K. von Frisch). – URL: <https://baskina.com/archives/7812>. (access date: 11/28/2023).

Статус метамодернизма как философско-культурологической концепции: обобщение исследовательского дискурса 2017–2022 годов

Кириллова Анна Николаевна,

аспирант, кафедра философии им. А. Ф. Шишкина,
Московский государственный институт
международных отношений МИД РФ
E-mail: anna.opera.kirillova@mail.ru

Предметом исследования является концепция метамодернизма, рассмотренная сквозь призму взглядов отечественных исследователей в период 2017–2022 гг. Появившаяся в начале XXI века в результате ряда кризисных явлений, включающих утверждаемую исчерпанность эвристического потенциала постмодернизма, концепция метамодернизма оказалась весьма востребованной в русскоязычном исследовательском дискурсе. Посредством подробного рассмотрения существующих линий критики и точек зрения на новый «–изм», автор статьи осуществляет попытку продемонстрировать интенсивность осмысления статуса метамодернизма в качестве перспективной эстетико-философской концепции. Анализ ряда публикаций отечественных ученых позволил выявить разнохарактерные позиции в отношении метамодернистской теории. По мнению ряда исследователей, в отношении становления метамодернизма в качестве полноценной теории культуры в настоящее время существуют значительные препятствия: семантическое несовершенство термина, отсутствие должного уровня обобщения в вопросах экономики и политики, уклонение от содержательной определенности, а также несогласованность предлагаемых концептуальных построений с декларируемыми идейными источниками. Вместе с тем в фокусе исследовательского внимания остаются такие продуктивные стороны концепции, как высокий эвристический потенциал осциллирующей динамики, ориентированность на достижение целостности и синкретизма, а также присущая метамодернизму универсальность, позволяющая включать в парадигму широкий спектр смысловых элементов.

Ключевые слова: метамодернизм, постмодернизм, структура чувства, осцилляция.

Введение

На рубеже тысячелетий ряд исследователей заявляет о возникновении нового языка описания явлений и тенденций современной культуры. В 2002 году влиятельный специалист в области литературной критики Л. Хатчеон резюмирует эпилог ко второму изданию книги «Политика постмодернизма» утверждением о том, что момент постмодерна прошел, и поэтому требуется новый ярлык для обозначения приходящего ему на смену явления [1, с. 181]. Позднее данный тезис был многократно в той или иной форме артикулирован рядом исследователей [2, с. 199–212; 3, с. 34–37; 4, с. 57–72].

Внутренней причиной кризиса постмодерна выступили все более осознаваемая ограниченность постмодернистской лексики в отношении изменившейся социокультурной ситуации [5, с. 40]. В качестве внешних причин, запустивших новый тип культурной рефлексии, указываются наступление эпохи четвертой промышленной революции с ее тотальной прозрачностью и невероятной скоростью распространения информации [6, с. 15], а также ряд последних геополитических, экономических и экологических кризисов.

Таким образом, фиксируемый кризис постмодерна предоставил ряду философов и теоретиков культуры возможность обратиться в своих трудах к описанию, как предполагается, новой «эпохи». В этот период (также благодаря Л. Хатчеону) закрепляется зонтичный термин «постпостмодернизм» [1, с. 181], обозначивший вакантное место в философии и теории культуры.

Далее возникают различные концепции постпостмодернизма, среди которых перформатизм (2000), гипермодерн (2005), автомодерн (2008), диджимодерн (2009), альтермодерн (2009) и реновализм (2010) [7–12] и, одна из последних,

метамодернизм [13]. На сегодняшний день концепция метамодернизма является наиболее востребованным «—измом», планомерно занимающим все большее интеллектуальное пространство.

К определению метамодернизма

Термин «метамодернизм» приобретает заметную популярность (как в академической среде, так и за ее пределами) в связи с выходом в 2010 г. статьи норвежского искусствоведа Т. Вермюлена и голландского философа Р. ван ден Аккера «Заметки о метамодернизме» [13]. Появление данного документа также инициирует широкое обсуждение метамодернизма как нового явления современной культуры. В 2017 году, желая дополнить и внести некоторые коррективы в первоначальный документ, Р. ван ден Аккер и Т. Вермюлен вместе с английской исследовательницей литературы Э. Гиббонс выпустили сборник статей авторов, пожелавших включить свои исследовательские интересы в проект метамодернизма.

По определению, предложенному Р. ван ден Аккером и Т. Вермюленом в книге «Метамодернизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодернизма» (позиционируется другими исследователями в качестве основного [14, с. 41]), «метамодернизм представляет собой структуру чувства, возникшую в 2000-х годах и ставшую доминантной культурной логикой западных капиталистических обществ» [5, с. 43].

Для «рассказа об эпохе XXI века» Р. ван ден Аккер и Т. Вермюлен обращаются к концепту истории в трактовке Фр. Фукуямы (к этому ходу авторы ранее прибегали в «Заметках»). Так, согласно американскому философу, с победой либеральной демократии человечеству удалось достигнуть формы общественного устройства, которая помогла удовлетворить его самые фундаментальные и глубокие чаяния, что в итоге остановило прогресс в развитии принципов и институтов общественного устройства [15, с. 7]. Таким образом наступил «конец Истории», который одновременно устранил историческое воображение.

Однако начало нового тысячелетия, по мнению метамодернистов, демонстрирует, что История «не прекратилась и не стала топтаться на месте». Эсхатологическому постмодернистскому «ощущению конца» Р. ван ден Аккер и Т. Вермюлен противопоставляют «ощущение поворота», связанное с «поворотом Истории» [5, с. 39]. Такое развитие событий приводит к «затуханию» ряда постмодернистских импульсов, а циничное отношение к реальности сменяется «ощущением вдумчивости и надежды». Для метамодернизма прошлое и будущее становятся «альтернативными кредиторами», что приводит к отказу от постмодернистской «вторичной переработки» в пользу метамодернистского заимствования «с мусорной свалки истории элементов, позволяющим им [художникам в самом широком смысле слова] иначе показывать настоящее и по-другому осмыслять будущее» [5, с. 54].

Одной из ранних (описанной еще в «Заметках») методологических находок метамодернизма версии Аккера–Вермюлена является осцилляция. Обращаясь к творческим интуициям деятелей современного искусства, авторы предлагают рассматривать новые художественные реальности посредством описания их интеллектуального «раскачивания» между «искренностью» модерна и «иронией» постмодерна, включающие такие полюса, как «энтузиазм» — «насмешка», «приверженность» — «отчуждение», «надежда» — «меланхолия», «осведомленность» — «простодушие», «эмпатия» — «апатия», «цельность» — «расщепление», «ясность» — «неоднозначность» и пр.

Маятник между этими регистрами культурной чувственности постоянно раскачивается и никогда не находится в статике, что порождает своеобразную «новую прямоту», «новую искренность», «новую уязвимость» и восстанавливает на новом уровне возможность метанарратива. Эти колебания также приводят к тому, что авторы «Заметок» называли «информационным простодушием» или мышлением «как если бы» (обозначенное М. Ивом не иначе, как «эпистемо-

логический драйв» [16, с. 13]), то есть к состоянию волевого прагматического идеализма, допускающего воображение невозможных возможностей.

Осмысление концепции метамодернизма в отечественном научном дискурсе

Согласно М.Г. Меркуловой, «знаковым для изучения теории метамодернизма в России, прежде всего в отечественной философии, можно назвать 2019 год» [17, с. 9], когда ряд сотрудников Института философии РАН опубликовали работы [18–24], посвященные подробному анализу и критическому разбору различных вариантов постпостмодернизма – в том числе концепции метамодернизма.

А.В. Павлов в статье «Образы современности в XXI веке: метамодернизм» анализирует теоретические основания метамодернизма, пытаясь найти причины его популярности и живучести. Ключевой проблемой амбициозной концепции А.В. Павлов считает отсутствие убедительной философской базы у авторов «Заметок»: «Одна из ключевых проблем идеи метамодернизма состоит в том, что ее авторы выбирают тактику уклонения от определения содержательного компонента. [...] Одним словом, метамодернисты соглашаются продемонстрировать, насколько они некомпетентны в философии, лишь бы, хотя и уместно, процитировать какой-нибудь философский источник» [21, с. 6–7]. Кроме того, по мнению А.В. Павлова, центральный для метамодернизма термин *metažú* (в русском переводе – «метаксис») является значительным упрощением концепции Э. Фегелина и превращается «буквально в ничто, обычную приставку для игры слов» [21, с. 7].

В критическом введении к сборнику статей метамодернистов А.В. Павлов также приходит к выводу, что в узком смысле метамодернизм нельзя назвать серьезной философией, так как Р. ван ден Аккер и Т. Вермюлен стараются не заходить на территорию метафизики и пытаются избежать онтологических и эпистемологических вопросов. Вместе

с тем исследователь признает за метамодернизмом философский статус в широком смысле благодаря тому, что «соавторы сборника в своем большинстве постоянно обращаются к философии во всем ее многообразии...» [5, с. 17].

Кроме того, А.В. Павлов утверждает, что метамодернистам не удалось выйти на должный уровень обобщения в вопросах экономики и политики [5, с. 18] для того, чтобы обоснованно возвестить о приходе новой эпохи (отметим, что А.В. Павлов писал вступительное слово до выхода книг Х. Фрайнахта [25, 26] и Л.Р. Андерсона [27], в значительной степени углубивших социальное и политическое измерения теории метамодернизма).

Во многом солидаризируясь с А.В. Павловым, А.В. Морозов также указывает на ряд спорных моментов метамодернистской концепции, среди которых выделяется недостаточная разработанность понятийного аппарата общей теории, «проблема с описанием/предписанием, расплывчатость по сравнению с альтернативными языками описания» [19, с. 248]. Обозначенная метамодернистами «ретрофутуристическая позиция» (особое отношение метамодернизма к прошлому и будущему как «альтернативным кредиторам» [5, с. 52]), по мнению исследователя, червата «скатыванием в ретроمانию», что делает его трудно отличимым от постмодернизма [19, с. 242]. Наряду с этим А.В. Морозов указывает на шаткость метамодернистской претензии на описание тенденций, «доминирующих в современных творениях культуры и искусства» [5, с. 46] – это ни что иное, как необоснованное уравнивание «доминирующей и авангардной позиций» [19, с. 245].

А.М. Кардаш в статье «Критика философских оснований метамодерна», анализируя парадигму, полагает, что Т. Вермюлен и Р. ван ден Аккер добросовестно выполнили запрос Л. Хатчон: изобрели концепт новой культурной модели, описывая в рамках привычного для большинства постмодернистов языка. При этом осцилляция – это лишь формальный термин, с одной стороны

характеризующийся несостоятельной философской базой, с другой – полным отсутствием значимых социологических и культурологических оснований. Исследователь критикует метамодернистов (в частности, Р. ван ден Аккера и Т. Вермюлена) за слишком узкое восприятие культурной ситуации постмодерна. Ошибочность их взглядов, по мнению А.М. Кардаша, заключается в узкой интерпретации разрушительной сути постмодерна (представленного авторами в виде линейного антимодерна, «культурного луддизма») [28].

Подытоживая, А.М. Кардаш приходит к выводу, что Р. ван ден Аккер и Т. Вермюлен, «вбросив» в академическое пространство новую идею, рассчитывали, что «кто-то за них придумает метамодерн». Неожиданным образом это вдохновило некоторых деятелей искусства и журналистов распространить ряд гипотез этих авторов как некий свершившийся факт. Ярким примером является автор «Манифеста метамодернизма» Люк Тернер, организовавший рекламную кампанию в тандеме с американским актером Шайя Лабафом, которая поспособствовала укоренению термина в современных медиа. По мнению А.М. Кардаша, это не более, чем «описанный классиком заговор искусства» [28].

Линию критики А.М. Кардаша фактически продолжает и Е.Ю. Андреева: исследовательница отказывает метамодернизму в эвристическом потенциале, рассматривая его как «теорию, дублирующую теорию постмодернизма, если не сводить последнюю исключительно к теории симулякров Жана Бодрийера» [29, с. 154].

Непосредственно сам термин «метамодернизм» нередко подвергается критике и вдохновляет на поиск альтернативы. М.А. Меланин, например, предлагает отказаться от корня «–модерн–», который в сочетании с приставкой «мета–» звучит вымученно и невыразительно, т.к. «слишком много «модернизмов» пережил мир за менее чем полтора столетия; как итог – дискредитация» [30, с. 135]. Термин «метаизм», как свидетельству-

ет исследователь, нагляднее передаст «саму суть этой тенденции, основанной на свободной игре «между»» [30, с. 135].

Д.И. Егоров считает «несстыковки с избранными идейными источниками» причиной пока безуспешного «конструирования собственной исторической легенды», следствием чего является неспособность теории метамодернизма сказать что-то принципиально новое о социально-историческом процессе [31, с. 88]. Э.Е. Сафронов прогнозирует, что в итоге «мы [...] посмеемся, что вообще употребляли когда-то термин «метамодернизм»» [24, с. 217].

Вместе с тем критический настрой разделяют не все отечественные исследователи. Так, Е.В. Хлыщева предлагает рассматривать актуальные явления в контексте новой эпохи формирования «целостного, синкретического сознания», следующего за постмодерном [32, с. 11]. Н. Сюдюков полагает, что «осцилляция» – весьма «цепкий образ» и, лишь колеблясь между двумя крайними полюсами, «мысль способна усмотреть отсветы многогранной, живой истины». При этом исследователь призывает не воспринимать эту находку как неопределенное пребывание вне «–измовых» рамок или бесконечный «дрейф мысли» [33]. Скорее, метамодернизм создает иную форму отношения к истине, которая формируется убеждением, что «между истиной и человеком возможно общение (неконфликтное взаимодействие) и сотворчество» [34]. Гибкость данного подхода подчеркивает и П.Е. Спиваковский, отмечая, что он «предполагает возможность инкорпорирования в данную философскую и эстетическую систему практически любых тенденций, ни одна из которых не может и не должна стать доминирующей, а тем более единственно возможной» [35, с. 202]. Согласно М.Л. Зайцевой и И. Аль-Хатиб, осцилляция способствует «движению к целостности через антиномии» [36, с. 10].

Помимо своей универсальной и всеобъемлющей природы, метамодернистская мысль, по мнению Д.И. Егорова, привлекательна своими гуманистиче-

скими аспектами, особенно для молодого поколения. Исследователь пишет: «Теоретические положения метамодернизма и его понятийно–терминологический аппарат нацелены на реконструирование позитивного опыта прошлого, описание бытующих социальных реалий в целостном и многогранном измерении, создание духовно–ценностных стимулов для дальнейших преобразований» [31, с. 88]. М.Н. Мухамеджанова также обращает внимание на конструктивные интенции метамодернизма, возрождающие «стремления к великой традиции с ее подвигами и героями, приключениями и путешествиями, самоотверженностью и жертвенностью» [37, с. 80]. В.В. Коромыслов высказывает предположение о том, что в направлении метамодернизма можно увидеть «надежду современного мира в контексте обостряющегося духовного кризиса». Для автора феномен метамодернизма не что иное, как «возвращение здравого смысла под прессом мировых проблем, выявивших беспечность постмодернистской позиции», одним из следствий которого становится переосмысление и «реабилитация понятия мудрости» [38, с. 93].

Обращение к ряду публикаций отечественных ученых свидетельствует о стремительном осмыслении статуса метамодернизма как перспективной эстетико–философской концепции. Исследователи активно используют и развивают концепцию, находя ей применение в самых разных областях. Как пишет, М.Г. Меркулова, в дискуссиях, посвященных метамодернизму, не обнаруживается былой остроты, а сама концепция обрела «лидирующее положение ввиду универсальности заключенного в нем смысла» [17, с. 8].

Теоретики метамодернизма взяли за задачу выявления «некоторого среднего [из модерна и постмодерна], но имеющего новую качественность» [39, с. 83]. Однако концепция метамодернизма в исполнении Р. ван дер Аккера и Т. Вермюлена, охарактеризованная, как «структура чувства», уже создала предпосылки для того, чтобы в последующем она повторила судьбу своего куль-

турного предшественника: как и постмодернизм, метамодернизм уже не сводим к единому концепту и, возможно, будет представлять из себя конгломерат самых разных мыслей, идей, течений, которые в совокупности составят его мировосприятие [40, с. 23]. Понимая, в какой непростой ситуации оказались метамодернисты и их критики, Н.Н. Суворов пишет: «Очевидно, что теоретическая задача оказалась достаточно трудной, поскольку высокая степень неопределенности постмодерна еще более усилилась за счет прибавления новой неопределенности метамодерна и тем самым свидетельствует об увеличении общей культурной энтропии» [39, с. 83].

Заключение

В начале XXI века в результате кризисных явлений в постмодернизме, связываемых с констатируемой недостаточностью описательных возможностей сложившегося теоретического инструментария, возникают попытки осмыслить современную культуру с помощью адекватного ей языка. В ряду построений постпостмодернизма появляется несколько альтернативных концепций, среди которых наибольшую популярность (в том числе, в полемическом измерении) приобретает концепция метамодернизма Аккера–Вермюлена. Согласно данной концепции, метамодернизм представляет собой актуальную «структуру чувства», под которой понимаются наиболее распространенные в определенном периоде тип восприятия и эмоции, возникшую в связи с новым ощущением исторической динамики и ослаблением ряда импульсов постмодернизма – прежде всего скептицизма, иронии и установок на обесценивание любых метанарративов.

Обращение к отечественным работам, посвященным феномену метамодернизма, позволило установить, что в российских академических текстах делается упор на критическую рефлексию, нежели на совершенствование теории. Критика концепции метамодернизма, претендующей не только на утверждение нового направления в искусстве,

но и полноценную теорию актуальной культуры, сводится к следующим положениям:

недостаточный уровень обобщения в вопросах экономики и политики, развитие которых, в дополнении к наблюдениям в области искусства, могло бы фундаментализировать основания полноценной социальной теории или теории культуры;

несогласованность предлагаемых концептуальных построений с декларируемыми идейными источниками;

уклонение от определения содержательного компонента при построении теории, а также превращение сложного понятийного аппарата в поле для игры слов;

семантическое несовершенство термина «метамодерн(изм)».

Продуктивные стороны концепции метамодернизма в трудах российских исследователей:

ориентированность на достижение целостности и синкретизма, в том числе через антиномии;

высокий эвристический потенциал осциллирующей динамики;

возможность включения в парадигму практически любых элементов без доминирования какого-либо из них.

Представляется, что рассмотрение выявленных свойств концепции метамодернизма в приложении к конкретному эмпирическому материалу имеет высокий эвристический потенциал и может выступить целью дальнейших исследований.

Литература

- Hutcheon L. The Politics of Postmodernism. – N.Y.; L.: Routledge, 2002. – 232 p.
- Hassan I. Beyond Postmodernism: Toward an Aesthetic of Trust // *Beyond Postmodernism: Reassessments in Literature, Theory, and Culture* / Stierstorfer K. (ed.). Berlin – New York: Walter de Gruyter, 2003. – Pp. 199–212.
- Kirby A. The Death of Postmodernism and Beyond. *Philosophy Now*, 58, 2006. Pp. 34–37.
- McGowan J. They Might Have Been Giants // *Postmodernism: What Moment?* P. Goulimari (ed.). Manchester: Manchester University Press, 2007. Pp. 57–72.
- Метамодернизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодернизма / Р. Ван ден Аккер; [пер. с англ. В.М. Липки; вступит. ст. А.В. Павлова]. – М.: РИПОЛ классик, 2021. – 444 с.
- Хрущева Н. Метамодерн в музыке и вокруг нее. – М.: Группа Компаний «Рипол классик», 2021. – 304 с.
- Lipovetsky G. *Hypermodern Times*. – Cambridge: Polity Press, 2005. – 150 p.
- Eshelman R. *Performatism, or the End of Postmodernism*. Aurora: Davies Group, 2008. – 270 p.
- Samuels R. *Auto-Modernity After Postmodernism: Autonomy and Automation in Culture, Technology, and Education // Digital Youth, Innovation, and the Unexpected* / T. McPherson (ed.). – Cambridge, MA: MIT Press, 2008. – pp. 219–240.
- Kirby A. *Digimodernism: How New Technologies Dismantle the Postmodern and Reconfigure Our Culture*. – N.Y.; L.: Continuum, 2009. – 282 p.
- Bourriaud N. *Altermodern*. Tate Triennial. – L.: Tate Publishing, 2009. – 224 p.
- Toth J. *The Passing of Postmodernism: A Spectroanalysis of the Contemporary*. – Albany: SUNY Press, 2010. – 200 p.
- Vermeulen T., van den Akker R. Notes on Metamodernism // *Journal of Aesthetics & Culture*. 2010. Vol. 2. pp. 1–14.
- Yousef T. Modernism, postmodernism, and metamodernism: A critique // *International Journal of Language and Literature*. – 2017. – Т. 5. – № 1. – pp. 33–43.
- Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма; Пер. с англ. М.Б. Левина. – М.: ООО «Издательство АСТ: ЗАО НПП «Ермак», 2004. – 588 с.
- Eve M.P. Thomas Pynchon, David Foster Wallace and the problems of 'metamodernism': post-millennial post-postmodernism? // *C21 Literature: Journal of 21st Century Writings*. – 2012. – Т. 1. – № 1. – Pp. 7–25.

17. Меркулова М.Г. Метамодернизм в новелле И. Макьюэна «Таракан» // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2021. № 4 (44). – С. 7–15.
18. Афанасов Н. Б., Павлов А.В. Образы современности в XXI веке: космодернизм. Знание. Понимание. Умение. 2019. № 2. С. 46–62.
19. Морозов А.В. Осторожно, метамодерн: современность как зонтик и маятник // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2019. № 3. С. 238–249.
20. Павлов А.В. Образы современности в XXI веке: гипермодернизм. Философский журнал. 2019. № 2 (12). С. 20–33.
21. Павлов А.В. Образы современности в XXI веке: метамодернизм. Философско-литературный журнал «Логос». 2018. № 6 (127). С. 1–19.
22. Павлов А.В. Образы современности в XXI веке: сверхмодернизм. Знание. Понимание. Умение. 2019. № 1. С. 69–83.
23. Павлов А.В. Постгуманизм: преодоление и наследие постмодернизма. Вопросы философии. 2019. № 5. С. 27–35.
24. Сафронов Э.Е. Что будет после пост-модерна? Диджимоде́рнизм как культурная доминанта. *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2019. № 1. С. 178–195.
25. Freinacht H. *The Listening Society: A Metamodern Guide to Politics*, Book One (Metamodern Guides). Metamoderna ApS, 2017, 414 p.
26. Freinacht H. *Nordic Ideology: A Metamodern Guide to Politics*, Book Two (Metamodern Guides), Metamoderna ApS, 2019, 495 p.
27. Andersen L.R. Metamodernity: Meaning and hope in a complex world. – *Nordic Bildung*, 2019. – 138 p.
28. Кардаш А.М. Критика философских оснований метамодерна. [Электронный ресурс] – URL: https://ai-news.ru/2019/06/kritika_filosofskih_osnovanij_metamoderna.html (дата обращения: 11.03.2024).
29. Андреева Е.Ю. Усталая конструкция теории искусства: о метамоде́рнизме // Новое искусствознание. 2021. № 2. С. 154–157.
30. Меланин А.М. Заметки на полях «заметок»: существует ли метамоде́рнизм? / А.М. Меланин // Актуальные проблемы филологии: Материалы международной научно-практической конференции молодых ученых, Екатеринбург, 28 апреля 2022 года. Том Выпуск 24. – Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2022. С. 127–136.
31. Егоров Д.И. Историзация метамоде́рнизма // Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки. 2022. № 4. С. 82–90.
32. Хлыщева Е.В. Метамоде́рн как новое мировидение: синтез массового и элитарного // ВЭ. 2021. № 2. С. 10–21.
33. Сюндюков Н. К пониманию осцилляции в метамоде́рнизме: Ахиллес догонит черепаху [Электронный ресурс] – URL: <https://metamodernizm.ru/oscillation/> (дата обращения: 10.03.2024).
34. Горюнов В. Заметки о культуре и новой чувственности [Электронный ресурс] – URL: <https://metamodernizm.ru/about-culture-and-new-sense/> (дата обращения: 10.03.2024).
35. Спиваковский П.Е. Метамоде́рнизм: контуры глубины // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2018. № 4. С. 196–211.
36. Аль-Хатиб, И. Проявление метамоде́рнистских тенденций в режиссерской интерпретации Дмитрием Черняковым оперы П.И. Чайковского «Евгений Онегин» (2006 г.) / И. Аль-Хатиб, М.Л. Зайцева // Вестник Саратовской консерватории. Вопросы искусствознания. 2022. № 1(15). С. 9–15.
37. Мухамеджанова Н.М. Метамоде́рнизм как культурная логика эпохи кризиса // Вестник ЧелГ У. 2021. № 5 (451). С. 77–83.
38. Коромыслов В.В. От «свободы» пост-модерна к ответственности и мудрости метамодерна // МНИЖ. 2020. № 3–2 (93). С. 91–94.

39. Суворов Н.Н. Новизна с спектре культурных изменений XX–XXI веков: модерн, постмодерн, метамодерн // Вестник СПбГИК. 2020. № 1 (42). С. 82–89.
40. Сербинская В.А. Постмодернизм и метамодернизм: разграничение понятий и черты метамодернизма в современной литературе // Парадигма. 2017. № 26. С. 22–30.

THE STATUS OF METAMODERNISM AS A PHILOSOPHICAL AND CULTURAL CONCEPT: SUMMARIZING THE RESEARCH DISCOURSE 2017–2022

Kirillova A.N.

Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

The research subject is the concept of metamodernism, considered through the prism of views of domestic researchers in the period between 2017 and 2022. Emerged in the early 21st century as a result of a number of crisis phenomena, including the alleged exhaustion of the heuristic potential of postmodernism, the concept of metamodernism turned out to be in great demand in the Russian-speaking research discourse. Through a detailed examination of the existing lines of criticism and points of view on the new “-ism”, the author of the article makes an attempt to demonstrate the intensity of reflection on the status of metamodernism as a promising aesthetic–philosophical concept. The analysis of a number of publications by domestic scholars has revealed different positions with regard to the metamodernist theory. According to a number of researchers, with respect to the formation of metamodernism as a full-fledged theory of culture, there are currently significant obstacles: semantic deficiencies of the term, the lack of a proper level of generalization in the issues of economics and politics, avoiding substantive certainty, as well as the inconsistency of the proposed conceptualizations with the declared ideological sources. At the same time, such productive aspects of the concept as the high heuristic potential of oscillating dynamics, the focus on achieving integrity and syncretism, as well as the inherent universality of metamodernism, which allows to include a wide range of ideas into the paradigm, remain in the focus of the research attention.

Keywords: metamodernism, postmodernism, structure of feeling, oscillation.

References

1. Hutcheon L. The Politics of Postmodernism. – N.Y.; L.: Routledge, 2002. – 232 p.
2. Hassan I. Beyond Postmodernism: Toward an Aesthetic of Trust // Beyond Postmodernism: Reassessments in Literature, Theory, and Culture / Stierstorfer K. (ed.). Berlin – New York: Walter de Gruyter, 2003. – Pp. 199–212.
3. Kirby A. The Death of Postmodernism and Beyond. Philosophy Now, 58, 2006. Pp. 34–37.
4. McGowan J. They Might Have Been Giants // Postmodernism: What Moment? P. Goulimari (ed.). Manchester: Manchester University Press, 2007. Pp. 57–72.
5. Metamodernism. Historicity, Affect and Depth after Postmodernism / R. Van den Akker; [transl. from English V.M. Lipki; will enter. Art. A.V. Pavlova]. – M.: RIPOL classic, 2021. – 444 p.
6. Khrushcheva N. Metamodern in music and around it. – M.: Group of Companies “Ripol Classic”, 2021. – 304 p.
7. Lipovetsky G. Hypermodern Times. – Cambridge: Polity Press, 2005. –150 p.
8. Eshelman R. Performatism, or the End of Postmodernism. Aurora: Davies Group, 2008. – 270 p.
9. Samuels R. Auto-Modernity After Postmodernism: Autonomy and Automation in Culture, Technology, and Education // Digital Youth, Innovation, and the Unexpected / T. McPherson (ed.). – Cambridge, MA: MIT Press, 2008. – pp. 219–240.
10. Kirby A. Digimodernism: How New Technologies Dismantle the Postmodern and Reconfigure Our Culture. – N.Y.; L.: Continuum, 2009. – 282 p.
11. Bourriaud N. Altermodern. Tate Triennial. – L.: Tate Publishing, 2009. – 224 p.
12. Toth J. The Passing of Postmodernism: A Spectroanalysis of the Contemporary. – Albany: SUNY Press, 2010. – 200 p.
13. Vermeulen T., van den Akker R. Notes on Metamodernism // Journal of Aesthetics & Culture. 2010. Vol. 2. pp. 1–14.
14. Yousef T. Modernism, postmodernism, and metamodernism: A critique //International Journal of Language and Literature. – 2017. – T. 5. – No. 1. – pp. 33–43.
15. Fukuyama F. The end of history and the last man / F. Fukuyama; Per. from English M.B. Levina. – M.: OOO “ACT Publishing House: JSC NPP “Ermak”, 2004. –588 p.
16. Eve M.P. Thomas Pynchon, David Foster Wallace and the problems of ‘metamod-

- ernism': post-millennial post-postmodernism? // C21 Literature: Journal of 21st Century Writings. – 2012. – Т. 1. – No. 1. – Pp. 7–25.
17. Merkulova M.G. Metamodernism in I. McEwan's short story "Cockroach" // Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. Series: Philology. Theory of language. Language education. 2021. No. 4 (44). – P. 7–15.
 18. Afanasov N. B., Pavlov A.V. Images of modernity in the 21st century: cosmopolitanism. Knowledge. Understanding. Skill. 2019. No. 2. pp. 46–62.
 19. Morozov A.V. Be careful, metamodern: modernity as an umbrella and a pendulum // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2019. No. 3. P. 238–249.
 20. Pavlov A.V. Images of modernity in the 21st century: hypermodernism. Philosophical magazine. 2019. No. 2 (12). pp. 20–33.
 21. Pavlov A.V. Images of modernity in the 21st century: metamodernism. Philosophical and literary magazine "Logos". 2018. No. 6 (127). pp. 1–19.
 22. Pavlov A.V. Images of modernity in the 21st century: supermodernism. Knowledge. Understanding. Skill. 2019. No. 1. P. 69–83.
 23. Pavlov A.V. Posthumanism: overcoming and legacy of postmodernism. Questions of philosophy. 2019. No. 5. pp. 27–35.
 24. Safronov E.E. What will happen after postmodernity? Digimodernism as a cultural dominant. Galactica Media: Journal of Media Studies. 2019. No. 1. P. 178–195.
 25. Freinacht H. The Listening Society: A Metamodern Guide to Politics, Book One (Metamodern Guides). Metamoderna ApS, 2017, 414 p.
 26. Freinacht H. Nordic Ideology: A Metamodern Guide to Politics, Book Two (Metamodern Guides), Metamoderna ApS, 2019, 495 p.
 27. Andersen L.R. Metamodernity: Meaning and hope in a complex world. – Nordic Bildung, 2019. – 138 p.
 28. Kardash A.M. Criticism of the philosophical foundations of metamodernity. [Electronic resource] – URL: https://ai-news.ru/2019/06/kritika_filosofskih_osnovanij_metamoderna.html (access date: 03/11/2024).
 29. Andreeva E. Yu. Tired construction of the theory of art: on metamodernism // New art history. 2021. No. 2. P. 154–157.
 30. Melanin A.M. Notes in the margins of "notes": does metamodernism exist? / A.M. Melanin // Current problems of philology: Materials of the international scientific and practical conference of young scientists, Ekaterinburg, April 28, 2022. Volume Issue 24. – Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University, 2022. P. 127–136.
 31. Egorov D.I. Historicization of metamodernism // Bulletin of MGOU. Series: History and political sciences. 2022. No. 4. pp. 82–90.
 32. Khlysheva E.V. Metamodernity as a new worldview: synthesis of mass and elite // VE. 2021. No. 2. P. 10–21.
 33. Syundyukov N. Toward an understanding of oscillation in metamodernism: Achilles will catch up with the turtle [Electronic resource] – URL: <https://metamodernizm.ru/oscillation/> (access date: 03/10/2024).
 34. Goryunov V. Notes on culture and new sensibility [Electronic resource] – URL: <https://metamodernizm.ru/about-culture-and-new-sense/> (access date: 03/10/2024).
 35. Spivakovsky P.E. Metamodernism: contours of depth // Bulletin of Moscow University. Series 9. Philology. 2018. No. 4. pp. 196–211.
 36. Al-Khatib, I. Manifestation of metamodernist tendencies in the director's interpretation of P.I. Tchaikovsky's opera "Eugene Onegin" by Dmitry Chernyakov (2006) / I. Al-Khatib, M.L. Zaitseva // Bulletin of the Saratov Conservatory. Questions of art history. 2022. No. 1(15). pp. 9–15.
 37. Mukhamedzhanova N.M. Metamodernism as cultural logic of the era of crisis // Bulletin of ChelS U. 2021. No. 5 (451). pp. 77–83.
 38. Koromyslov V.V. From the "freedom" of postmodernity to the responsibility and wisdom of metamodernity // MNIZH. 2020. No. 3–2 (93). pp. 91–94.
 39. Suvorov N.N. Novelty in the spectrum of cultural changes of the 20th-21st centuries: modernity, postmodernity, metamodernity // Bulletin of St. Petersburg State Institute of Cinematography. 2020. No. 1 (42). pp. 82–89.
 40. Serbinskaya V.A. Postmodernism and metamodernism: differentiation of concepts and features of metamodernism in modern literature // Paradigm. 2017. No. 26. pp. 22–30.

Феноменология уважения в этике образования

Хуссейн Паям Хазим Хуссейн,

магистрант, кафедра философии, Российский университет дружбы народов (РУДН)

E-mail: Payam.hazm11@gmail.com

В статье рассмотрена феноменология уважения в этике образования, обозначена этическая доминанта образования. Построение социальных отношений, неотделимо от присутствия взаимного уважения личностей. Взаимное уважение и уважение в целом является широким понятием, которое можно отметить в трудах многих ученых-моралистов или философов. Этика не может существовать без такого важнейшего понятия, как уважение. Данное понятие можно рассматривать с различных сторон и векторов, но прежде всего, уважение предопределяет наличие справедливости, проявление интереса к чувствам, эмоциям и позиции другого человека, осуществление принципа равенства прав всех людей вне зависимости от статуса. Уважение обеспечивает эффективное становление индивидуальности, располагает личность к освоению новых профессиональных, творческих, интеллектуальных и культурных способностей. Уважение в этике образования имеет ключевое значение. Уважение – это признание ценности, достоинства и качеств педагога учащимися и наоборот. Если человека уважают, значит, признают его права и потребности, а также считаются с его убеждениями.

Ключевые слова: воспитанник, контроль, педагогический процесс, познание, уважение, феноменология, этика, Современное, Феноменологический метод, Ценности, Достоинство, Образование, Доверие, Профессионализм, Личностный анализ, Ценностные суждения, Антиценности.

Введение

Современное российское общество уделяет особое внимание изучению сферы формирования и развития этического поведения в условиях реализации педагогической деятельности, целесообразному построению взаимоотношений между различными субъектами, включенными в образовательный процесс. Этика не может существовать без такого важнейшего понятия, как уважение. Данное понятие можно рассматривать с различных сторон и векторов, но прежде всего, уважение предопределяет наличие справедливости, проявление интереса к чувствам, эмоциям и позиции другого человека, осуществление принципа равенства прав всех людей вне зависимости от статуса. Доверительные отношения между людьми, отсутствие ограниченности в действиях в разумных пределах – все это определяет уважение. Только на основе уважения может появиться взаимопонимание.

Сам термин «феноменология уважения» подразумевает необходимость отстраниться от рациональной структурированной системы общепринятых образовательных принципов, обратившись в сторону первичного опыта, который формируется из желания познания собственного сознания, основанного на «личностном Я» и «чистом смыслообразовании».

Феномен уважения в этической педагогике: ключевые аспекты и методы формирования

По мнению Н.А. Моревой: «Этическая доминанта подчеркивает аксиологическую сущность педагогики, непротиворечивость цели и средств её достижения. Предлагая парадигму этической педагогики, мы признаём авторитет субъектно-го мира ребёнка» [9, с. 43].

Одним из наиболее важных факторов восприятия и усвоения качественного учебного материала является интерес обучающихся к учебному материалу,

к процессу учения в целом. Ключевым условием всестороннего и адекватного познания определяется наличием уважения. Уважение следует формировать в структуре феноменологического метода, который призван обеспечивать эффективное становление индивидуальности, располагать личность к освоению новых профессиональных, творческих, интеллектуальных и культурных способностей [2, с. 122].

Уважение можно расценивать с точки зрения двух абсолютно разных типов. Рассмотрим каждый из них более подробно.

Первый тип уважения подразумевает признание ценности личности и его прав и свобод. В данном случае можно говорить в какой-то степени о проявлении заботы к человеку. Будь человек кем-либо занят в данный момент, или хочет отдохнуть, мы будем всеми способами стараться не доставлять беспокойства данному человеку в определенной ситуации. Важно отметить, что данная забота будет проявляться к любому человеку, независимо от его статуса или возраста [13, с. 43].

Второй тип определяет уважение к человеку с точки зрения его достижений в жизни или на определенном жизненном этапе. В данном случае стоит говорить о доверии к человеку, о доверии к его профессиональным навыкам. Уважение определяется в поддержке человека на пути достижения его цели. Кроме того, уважение, с данной точки зрения, определяется тем, что высоко ценится индивидуальность каждого человека и его отличительные особенности. Признание того, что каждый может поучиться чему-либо у другого человека определяет уважение и доверие [12, с. 56].

Основным методом определения феномена уважения в этике образования является создания условия непосредственного созерцания путем очевидности, наглядности и возможность проводить свои индивидуальные размышления, создавая личностный анализ. Уважение – это признание ценности, достоинства и качеств педагога учащимися

и наоборот. Если человека уважают, значит, признают его права и потребности, а также считаются с его убеждениями.

Феноменология уважения позволяет развить в ученике способность формировать ценностные суждения о различных предметах или действиях, с которыми он должен взаимодействовать и благодаря которым должен делать выбор. Ученик открывает навык постигать ценности абсолютные и относительные, важные и косвенные, качественные, условные, корреляционные. На ряду с качественными ценностями ребенок открывает для себя и антиценности: ложь и правда, предательство и поддержка, гордость и гордыня [6].

Формирование уважения в педагогике: роль жизненного мира и этические связи

Отличительным является тот факт, что наравне с естественными науками в полной мере задействована постоянная роль жизненного мира в познании природы. В момент изучения окружающего мира ребенок не осознает, что постоянным основанием все же субъективной работы его мысли является окружающий жизненный мир; он постоянно предполагается как почва, поле его деятельности, в котором только и имеют смысл его проблемы и способы мышления [3, с. 20].

Педагогу следует определиться с требованиями и установками, выполнение которых весомо влияют на достижение положительного результата. Отсутствие механизмов стимулирования, мотивационных рычагов воздействия, осязаемых положительных перспектив могут привести к негативным последствиям, отдалив педагога и воспитанников друг от друга [5, с. 105]. Ключевое значение в установлении доверительных отношений имеет как общее мнение коллектива, так и отдельных его микрогрупп, сложившихся под влиянием общих увлечений и интересов. В этой связи следует выделить явных лидеров в учебном коллективе, мнение которых, убеждения, пропаганда личных принципов и качеств, способны оказывать влияние на мнение большинства.

Необходимо понимать, что продуктивное взаимодействие между учениками и педагогами возможно лишь при выстраивании гуманных этических связей, которые будут содержать признание педагога своим лидером с весомым авторитетным взглядом и мнением.

Педагог, умеющий создать условия для развития принципа уважения у ребенка к образованию, школе, сверстникам, и самому себе является профессионалом своего дела. Лишь квалифицированный специалист, имеющий большой запас практического опыта способен качественно воздействовать на подопечных, применяя инновационные методики и научные техники, деликатно корректировать личностные характерные проявления, отображать навык контроля и направления. Феноменология уважения является проявлением духовного, морального и культурного начал личностного сознания, которые в симбиозе с четкой гражданской позицией, обширным кругозором, профессиональным мастерством, чувством воли, упорства, целеустремленности образуют надежные и доверительные отношения между воспитанниками и педагогом [4, с. 54].

С момента поступления ребенка в общеобразовательное учреждение преподаватель становится для него объектом подражания, недостижимым авторитетом, человеком на которого хочется равняться. Частое взаимодействие педагога и воспитанников позволяет воспринимать преподавателя не только как источник знаний и информативных данных, но и открывает его как личность, дает возможность почувствовать его душевные переживания, усвоить жизненные ориентиры [11, с. 58].

Феноменология уважения в педагогике: внутренние переживания и этические принципы

Сапунов М.Б. считает: «Феноменология уважения в системе этического научного познания определяется формой разнотипных и разнотипных феноменов, данных конкретному педагогу в непосредственном чувственном опыте. Для построения феноменологического

уважения следует задействовать непосредственно существующие, происходящие события и явления» [10, с. 126]. Следовательно, в определении структуры уважения личности педагога особое место отводится его внутренним переживаниям, неподдельным жизненным реакциям на происходящее вокруг, ценностным ориентирам, моральным и духовным принципам.

Выстраивание позитивного дружеского общения между педагогом и учениками невозможно без проявления уважения и понимания к личности воспитанника, которые прежде всего образуются на базовых представлениях о равноправии, партнерских отношениях, равенстве, принятии ребенка как полноценного товарища и соратника [1, с. 43].

Доверие возникает в тесной связи с интересом к жизни ребенка, изучением его увлечений, взглядов, мыслей, намерений и целей. Необходимость узнать ребенка, посмотреть на него под другим ракурсом, чаще всего, начинается с проявления терпимости, снисходительности. Следует осознать, что ученик имеет право на свободное проявление своей личности, осуществление независимого и самостоятельного мышления и мировоззрения, которые могут проявляться под видом внешнего самовыражения, отставания внутренним принципам, воплощению неординарного поведения [14, с. 112].

По мнению В.А. Сластенина: «Ушло в прошлое то время, когда идеалом воспитанности был дисциплинированный подросток, поступающий «как все» и, сидящий на уроках – «руки на парту» [5, с. 46]. Для современного педагога желанной находкой должен быть «инакомыслящий» ученик, взгляды которого могут расходиться с мнением педагога и с положениями учебника. И терпимость педагога к самым «завиравальным» идеям и каверзным вопросам такого ученика, к его скептицизму и желанию «дойти до самой сути» – это не только показатель педагогической культуры, но и залог формирования личности нового типа – свободной, творческой.

Осознание эмоциональных реакций и их отношения к восприятию уважения должно быть облегчено в теории и на практике. Для удовлетворения потребностей, учащихся в обучении необходимы репетиция применения уважения, включающей эмоциональный труд, а также размышления в практике уважительной заботы [7, с. 219].

Особое значение в системе этических ценностей в структуре российского образования отводится формированию и сохранению принципов уважения личности ученика с недопустимостью унижения его индивидуальных качеств и чувства собственного достоинства.

Применение метода воздействия в форме повешения голоса, использования оскорбительных слов, агрессивного поведения, недовольства, постоянных замечаний, запретов, ограничений содержит в себе разрушительные функции. Первая характеризуется недобросовестным использованием служебного положения, ведь в сложившихся обстоятельствах преподаватель понимает, что ученик зависит от него и не сможет дать достойный ответ. Вторая демонстрирует возможность решения спорной ситуации с помощью силового давления, что в последствие может отразиться на поведении самих воспитанников. Третья формирует основы приспособленчества, подхалимства, ведь основным управляющим чувством является страх и неуверенность, а не мораль и совесть. В этой связи необходимо признать, что силовое и агрессивное воздействие на ребенка в состоянии вызвать отрешение, равнодушие, ненависть к педагогу в частности и к системе педагогического познания в целом, что в корне разнится с ключевыми задачами этического образования Российской Федерации [15, с. 64].

По моему мнению, педагог, как и любой другой человек, имеет свои внутренние переживания, эмоции, чувства, у него бывает плохое самочувствие и отсутствие хорошего настроения, он может быть не подготовлен к происходящим непредвиденным, или что еще хуже, провокационным ситуациям со стороны подопечных. На данный момент в системе

образования не редки случаи, когда ученик позволяет себе фривольное, неуважительное отношение к педагогу, может высказать оскорбительное мнение, унижить учителя в присутствии одноклассников. В таких ситуациях учитель ощущает растерянность, бессилие, волнение, что чаще всего приводит к агрессии и озлобленности. Педагог, пользуясь своим неприкасаемым статусом, может воздействовать на такого ученика, создавать препятствия в учебе, игнорировать, показывать свое негативное отношение, занижать оценки.

Феноменология уважения является ключевым элементом хороших отношений между педагогом и воспитанниками, что весьма важно для создания положительного взаимодействия. Она имеет ценность для детей различных потребностей, культур, национальностей, уровня морального и психологического развития. Особое место отводится уважению прав человека в системе общегосударственных и межличностных принципов [9, с. 78].

Педагог, придерживающийся феноменологии уважения в этике образования, не даст возобладать эмоциям, он степенно и размеренно объяснит ученику, что он не прав, не станет вступать в деструктивную дискуссию. Преподаватель проявит уважение к мнению подопечных, он выслушает претензии и жалобы, при необходимости внесет коррективы в свое профессиональное и личностное поведение [8, с. 56].

Следовательно, педагог сам подбирает моменты и обращает на них внимание учеников, происходящие в процессе выполнения педагогической деятельности, призванные формировать и развивать отношения с воспитанниками, основанные на принципах взаимоуважения и понимания. Реализация целесообразной профессиональной деятельности обеспечивает выявление и становление всесторонне развитой личности ученика, с преобладание таких черт как самостоятельность, внимательность, самоконтроль, целеустремленность, социализация, самореализация. Уважение и доверие являются разными аспектами наших

отношений с другими людьми. Уважение связано с признанием и оценкой качеств и достоинств другого человека, в то время как доверие относится к нашей уверенности в надежности, честности и намерениях другого человека. Мы можем уважать кого-то, не доверяя ему, и наоборот, доверять кому-то, не испытывая к нему уважения.

Феноменологическое уважение отличается от обычного тем, что оно фокусируется на непосредственном созерцании и осознании уважения в нашем собственном опыте. Феноменология призывает нас обратить внимание на наши эмоциональные реакции, мысли и ощущения, связанные с уважением. Это позволяет нам глубже понять сущность уважения и его значимость для нашей жизни.

В контексте образования, уважение может основываться на признании равенства и человеческого достоинства каждого участника образовательного процесса. Несмотря на разные позиции и опыт учащегося и педагога, уважение может быть базировано на признании и ценности их индивидуальности, уникальных перспектив и права на образование. Уважение в этом контексте проявляется в понимании и поддержке различных образовательных потребностей и стилей учеников, а также в создании инклюзивной и поддерживающей образовательной среды.

Заключение

Таким образом, построение социальных отношений, неотделимо от присутствия взаимного уважения личностей. Взаимное уважение и уважение в целом является широким понятием, которое можно отметить в трудах многих ученых-моралистов или философов. Множество определений было продемонстрировано в научных работах. Но единство всех определений заключается в том, что уважение не существует без признания одной личности достоинства и индивидуальности другой личности.

Феноменология уважения в этике образования является ключевой доминантой успешного познавательного процес-

са, построенного на основе качественных данных, подтвержденных научно-доказательной базой и эффективно выстроенной структурой межличностных отношений, что открывает новые возможности в решении востребованных и актуальных вопросов взаимоотношений между педагогами и воспитанниками. Сущность и смысл феноменологии педагогической деятельности определяется направленностью учителя на принятие ученика. Принятие другого таким, каков он есть. Это означает изначальную ориентацию на человека и его ценность как личности.

Литература

1. Аббаньяно Н. Воспоминания философа. – М.: Алетеия, 2000. – 312 с
2. Батарчук Д.С. Толерантность как социально-психологический феномен этнически диверсифицированного общества // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2010. Вып. 5. С. 129–134.
3. Гуссерль Э. Феноменология (статья в «Британской энциклопедии»). Источник: журнал «Логос». 1991. № 1. С. 12–21.
4. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. – М.: Академичеки проспект, 2009. – 456 с.
5. Джурицкий, А.Н. История педагогики и образования. В 2 частях. Часть 2. XX–XXI века. Учебник / А.Н. Джурицкий. – М.: Юрайт, 2016. – 284 с.
6. Драммонд, Дж.Дж. Уважение как моральная эмоция: феноменологический подход. Husserl Stud 22, 1–27 (2006). – URL: <https://doi.org/10.1007/s10743-006-9001-z>
7. Звенигородская Г.П. Феноменологическая педагогика: монография. – Хабаровск: Изд-во ДВГГУ. – 179 с
8. Зелеева В.П. Педагогическая феноменология: возвращение и новые смыслы // Образование и саморазвитие. 2010. № 5 (21). С. 56–61.
9. Морева Н.А. Основы педагогического мастерства: учеб. пособие для вузов [Текст] / Н.А. Морева. – М.: Просвещение, 2006. – 320 с.

10. Основы этических знаний / под редакцией М. Росенко. – М.: Лань, 2017. – 224 с.
11. Плеханов Е.А. Феноменология образования: эпистемологические аспекты // Эпистемология и философия науки. 2009. № 2 (20). С. 58–61.
12. Сапунов М. Б., Гогоненкова Е.А. Философия образования и науки: возвращение к матефизике? // Философия и социально гуманитарное познание. – М., 2003. – 249 с.
13. Степашко Л.А. Философия образования: онтологические, аксиологические, антропологические основания: учеб. пособие. – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2008. – 248 с.
14. Тимошук Е.А. Теория социокультурных объектов в феноменологии Р. Ингардена: дисс. ... канд. филос. н / Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет. – Нижний Новгород, 2009. – С. 112–123.
15. Ушинский К.Д. Человек как предмет воспитания: Опыт педагогической антропологии. – М.: Фаир-ПРЕСС, 2004. – 576 с.

THE PHENOMENOLOGY OF RESPECT IN THE ETHICS OF EDUCATION

Hussain P.H.H.

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN)

The article examines the phenomenology of respect in the ethics of education, identifies the ethical dominant of education. Building social relationships is inseparable from the presence of mutual respect for individuals. Mutual respect and respect in general is a broad concept that can be noted in the writings of many moral scientists or philosophers. Ethics cannot exist without such an important concept as respect. This concept can be viewed from various sides and vectors, but above all, respect determines the existence of justice, the manifestation of interest in the feelings, emotions and position of another person, the implementation of the principle of equal rights of all people regardless of status. Respect ensures the effective formation of individuality, disposes a person to develop new professional, creative, intellectual and cultural abilities. Respect in the ethics of education is of key importance. Respect is the recognition of the

value, dignity and qualities of a teacher by students and vice versa. If a person is respected, it means that his rights and needs are recognized, as well as his beliefs are taken into account.

A teacher who knows how to create conditions for the development of the principle of respect for education, school, peers, and himself is a professional in his field. Only a qualified specialist with a large stock of practical experience is able to qualitatively influence the students. The phenomenology of respect allows the student to develop the ability to form value judgments about various objects or actions with which he must interact and through which he must make a choice.

Keywords: pupil, control, pedagogical process, cognition, respect, phenomenology, ethics, Modern, Phenomenological method, Values, Dignity, Education, Trust, Professionalism, Personal analysis, Value judgments, Anti-values.

References

1. Abbagnano N. Memoirs of a philosopher. – М.: Aletheya, 2000. – 312 p.
2. Batarchuk D.S. Tolerance as a socio-psychological phenomenon of an ethnically diversified society // Vestn. Tomsk State ped. University (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2010. Issue. 5. pp. 129–134.
3. Husserl E. Phenomenology (article in the Encyclopedia Britannica). Source: Logos magazine. 1991. No. 1. P. 12–21.
4. Husserl E. Ideas for pure phenomenology and phenomenological philosophy. – М.: Akademicheskii Prospekt, 2009. – 456 p.
5. Dzhurinsky, A.N. History of pedagogy and education. In 2 parts. Part 2. XX–XXI centuries. Textbook / A.N. Dzhurinsky. – М.: Yurayt, 2016. – 284 p.
6. Drummond, J.J. Respect as a moral emotion: a phenomenological approach. Husserl Stud 22, 1–27 (2006). – URL: <https://doi.org/10.1007/s10743-006-9001-z>
7. Zvenigorodskaya G.P. Phenomenological pedagogy: monograph. – Khabarovsk: Publishing House of Far Eastern State University. – 179 s
8. Zeleeva V.P. Pedagogical phenomenology: return and new meanings // Education and self-development. 2010. No. 5 (21). pp. 56–61.
9. Moreva N.A. Fundamentals of pedagogical mastery: textbook. manual for universities [Text] / N.A. Moreva. – М.: Education, 2006. – 320 p.

10. Fundamentals of ethical knowledge / edited by M. Rosenko. – M.: Lan, 2017. – 224 p.
11. Plekhanov E.A. Phenomenology of education: epistemological aspects // Epistemology and philosophy of science. 2009. No. 2 (20). pp. 58–61.
12. Sapunov M. B., Gogonenkova E.A. Philosophy of education and science: a return to mathematics? // Philosophy and social and humanitarian knowledge. – M., 2003. – 249 p.
13. Stepashko L.A. Philosophy of education: ontological, axiological, anthropological foundations: textbook. allowance. – Vladivostok: DVGU Publishing House, 2008. – 248 p.
14. Timoshchuk E.A. Theory of sociocultural objects in the phenomenology of R. Ingarden: diss. ...cand. Philosopher n / Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering. – Nizhny Novgorod, 2009. – pp. 112–123.
15. Ushinsky K.D. Man as a subject of education: Experience in pedagogical anthropology. – M.: Fair-PRESS, 2004. – 576 p.

Негативные сценарии развития человечества в контексте цифровой цивилизации: социально-философский анализ

Равочкин Никита Николаевич,

д.ф.н., доцент, профессор кафедры педагогических технологий Кузбасской государственной сельскохозяйственной академии, профессор кафедры истории, философии и социальных наук Кузбасского государственного технического университета имени Т.Ф. Горбачева
E-mail: nickravochkin@mail.ru

Леона Александр Владимирович,

д.ф.н., доцент, заведующий лабораторией военной истории и военной педагогики Сибирского федерального университета
E-mail: alleona@mail.ru

Мельникова Татьяна Витальевна,

д.ф.н., доцент, доцент кафедры гражданского права Сибирского федерального университета
E-mail: mtv-10@mail.ru

Рахинский Дмитрий Владимирович,

д.ф.н., доцент, профессор кафедры общественного здоровья и здравоохранения Красноярского государственного медицинского университета имени профессора В. Ф. Войно-Ясенецкого, профессор кафедры гражданского права и процесса Красноярского государственного аграрного университета
E-mail: siridar@mail.ru

практиками сценарии, которые могут быть положены в основу человечества будущего, чье бытие приходится на координаты цифрового мира. В заключение сформулированы выводы, пополняющие современное социально-философское знание в аспекте футурологического изучения трансформаций образов человечества в контексте наступления цифровой цивилизации, что может быть использовано в теоретико-методологическом и прикладном аспектах.

Ключевые слова: человечество, общество, цифровизация, будущее, трансформации, прогнозирование, угрозы.

В статье через призму социальной философии рассматриваются негативные сценарии развития человечества в реалиях цифровой цивилизации. Приводятся позиции классиков и современников, раскрывающие различные взаимосвязи между человеком и техникой. Показывается, что пессимистично настроенные интеллектуалы не разделяют безграничных возможностей техники и технологий, буквально ставящих человечество на грань исчезновения, а не предоставляющих желаемые инструменты для достижения долгой и счастливой жизни или же вовсе формирования сверхъестественных навыков. Демонстрируется, что получившие свое наиболее широкое распространение конsumerистские практики негативным образом влияют на изменения человеческой духовности, существенно сказываясь на духовной и чувственно-эмоциональной сферах бытия современного человека в контексте осуществленного перехода к цифровой цивилизации. Приведены отрицательные и тесно связанные с симулятивными

Проблема будущего человека на социальном уровне является одной из важнейших для современной философской мысли, однако валидное прогнозирование в условиях вариативности и многообразия возможных путей развития и трансформации под влиянием цифровизации все еще остается размытым. Формируется противоречие, обусловленное очевидной и непреходящей значимостью выявления образов будущего человеческого развития и их реальной размытостью в современном исследовательском дискурсе. Необходимо отметить, что уже прошлый XX век обнаружил беспредельную пластичность природы человека. Разумеется, человек изучал себя всегда, однако именно в прошлом столетии в исследовании личности произошли революционные перемены. Фактически то, что на протяжении тысячелетий воспринималось как нечто неизменное, стабильное, доказало свою изменчивость, динамичность и сложность [5].

На протяжении длительного времени именно на теле было сосредоточено основное внимание ученых, специалистов различных областей научного знания (например, медицина). В отдельных случаях стремление к «созданию» идеального человека на основании создания идеального тела приводило к появлению дискуссионных сфер научного знания, например, евгенике. Более того, в логике той же евгеники проводились практические эксперименты, направленные на создание идеального, «чистого» человека. Важно подчеркнуть, что в прошлом столетии человечеству удалось достичь значительных результатов в познании своего тела. В целом, на восприятие человека, прежде всего, его тела и телесности прошлого столетия влияние оказал произошедший в Новое время мировоззренческий сдвиг, после чего стало ясно, что человек более не божественное творение и венец эволюции, а к изучению тела стали применяться материалистические научные объяснения. В целом, прогрессивное человечество оказалось близко к открытию возможностей влиять на наследственные процессы.

С древнейших времен ведущие философы и мыслители предпринимали попытки прогнозирования возможного развития человека и общества в будущем. Как полагает А.А. Дыдров, заявленная проблематика обладает непреходящей значимостью и актуальностью, поскольку «дискурсы о человеке будущего задают рамки индивидуального развития, предписывают направление и дают рецептуру изменений» [3, с. 26]. При этом длительное время развитие человека воспринималось исключительно в логике поступательного непрерывного эволюционного прогресса, однако уже во второй половине XIX ст. «исторический оптимизм и вера в возможность эволюционного развития человечества сменились скептицизмом, пессимистическим восприятием наших будущих перспектив, усилением эсхатологического мировоззрения» [10, р. 68].

Наглядно власть и могущество техники выявилось в условиях научно-технической революции прошлого столетия. Важно отметить, что влияние современных технологий на личность, повседневный образ жизни человека по-разному оценивается философами и мыслителями. В современной философии представлены кардинально противоположные оценки возможных сценариев развития будущего. Как любой иной столь масштабный сдвиг, технократизация и цифровизация влекут за собой и значительные риски, прежде всего, риски перерождения человека и культуры. Прежде всего, следует подчеркнуть, что критическое осмысление прогнозов возможного развития человека в условиях усиления дигитализации весьма условно можно отнести к гуссерлианской концепции о связи кризиса европейской культуры и социальных следствий для общества, отображающих становление научной рационализации. К примеру, в работах Э. Фромма обожествление техники связано с некрофилией в широком понимании указанного термина, проникновение технических средств во все аспекты жизнедеятельности личности воспринимается как усиление деструктивного начала, утрата «человеческого

в человеке», связи с действительностью: «автоматизм деструктивности, в результате которого практически устраняется реальное осознание того, что происходит» [6, с. 451]. К философам, которые негативно оценивают любое вмешательство в изменения человека, следует отнести другого фрейдомарксиста Ю. Хабермаса, который полагает что подобные интервенции абсолютно точно приведут к умалению статуса будущей личности [8].

Философы, критические осмысливающие влияние технологий и научно-го развития на становление личности и образ общества в целом выражают опасения по поводу антигуманного характера проводимых экспериментов и не допускают отсутствия каких-либо пределов в пластичности человеческой природы, физиологической и интеллектуальной, даже с учетом безграничного развития наук. В своих негативных сценариях философы—«пессимисты» развивают скепсис по отношению к тотальной уверенности в успех идей относительно последних достижений науки и техники, способных гарантировать резкое увеличение продолжительности жизни или же вовсе сформировать сверхъестественные способности. Следовательно, изменения телесной организации с большой долей вероятности окажут нежелательные эффекты на самых различных уровнях социального бытия, более того, усугубят духовное измерение целого ряда субъектов. Выходит, что даже достижение долгой и счастливой жизни одной частью населения почти наверняка будет фундировано испытаниями и лишениями других социальных групп.

Мировоззрение человека будущего находится в прямой зависимости от характера общественных отношений, сформированных часто в обществах тоталитарного типа, в которых власть принадлежит тем, кто обладает доступом к технологиям. Сам человек становится не активным субъектом познания, но пассивным объектом воздействия технологий, человеком—потребителем информации. Стирается грань между субъективным, индивидуальным,

личностным и социальным, внешним по отношению к человеку: «больше нет ни природы, ни человека, есть лишь процесс, который производит одно в другом и состыковывает машины. Повсюду производящие и желающие машины, шизофренические машины, целая порождающая жизнь; я и не-я, внешнее и внутреннее больше ничего не значат» [2, с. 14]. При этом, человек все больше вовлекается в процессы модернизации собственного тела, изменения восприятия собственной телесности, оставляя за пределами внимания социальные взаимодействия. Люди будущего, по мнению философов—антиутопистов, лишены важнейшей составляющей мировоззрения — сомнений. Для человека будущего, лишенного критического отношения к миру, текущее состояние общества является идеальным. В реалиях, когда индивиды перекладывают ответственность за происходящее с ними на какого-либо «Большого Брата», они в целом утрачивают видение будущего, у него не может быть иных жизненных целей, отличных от декларируемых в соответствии с логикой технократизации и цифровизации.

Утрата ценностных ориентиров, аксиологем, которые на протяжении длительного времени определяли выбор интенций, стратегий будущего развития, привела к утрате у современного человека идентичности, так называемой «плавающей» идентичности, когда человек не может уверенно определить себя [4]. Эмоционально—чувственная природа человека подчиняется императивам власти и аффектам, объективация которых конгруэнтна практикам репрессивной машины. В отдельных случаях люди, конечно же, могут испытывать чувство бессилия. В погоне за успехом индивиды утрачивают мыслительные навыки и вряд ли могут продуцировать взвешенные решения, как и критически осмысливать информацию или же вовсе концентрировать внимание на протяжении длительных временных отрезков. В мире будущего консюмеризм становится рельефно прорисованной социальной тенденцией, а в некоторых странах и даже целых (макро)регионах он фактически

возведен в культ. По сути, сегодняшний мир представляет собой не что иное, как масштабный объект купли–продажи. По мнению Э. Фромма, наличный мир буквально трансформировался в (не) упорядоченную совокупность «артефактов: человек весь (от искусственного питания до трансплантируемых органов) становится частью гигантского механизма, который находится вроде бы в его подчинении, но которому он в то же время сам подчинен» [6, с. 455]. При этом усиление роли и значения потребительства осуществляется на фоне критического состояния ресурсообеспеченности, превращения природы в некогда описанную М. Хайдеггером «гигантскую бензоколонку», что реализуется через инкорпорирование человека в техническое мироотношение, вследствие чего интерес переносится на неживые артефакты и закономерное игнорирование чистых межличностных отношений.

Усиление процессов цифровизации, дигитализации сопровождается следующими трансформациями личности:

- 1) разорванность, рассогласованность разума, чувств, воли кибернетической личности. Как было выявлено ранее, ведущим принципом взаимодействия с окружающей средой человека будущего является рационализм, что может рассматриваться как позитивный сценарий развития человека;
- 2) эмоциональное обеднение личности находит свою репрезентацию на поведенческом уровне, проявляется в механичности, склонности к стереотипным моделям и паттернам [6, с. 457–458].

Усиление процессов цифровизации влечет за собой риски полного исчезновения человека, его растворения в виртуальной реальности, превращения в вымышленный персонаж, утраты человеком своего «Я», превращения в человека–потребителя. Виртуальная реальность предоставляет человеку многочисленные возможности для самореализации, воплощения в различных образах, но в процессе этих воплощений человек может полностью утрачивать собствен-

ную субъектность, индивидуальность, себя как личность. В виртуальном пространстве человек может создать свое «второе Я», желаемое, в противовес «Я» собственному. Как отмечает Н.А. Бердяев, «массовая техническая организация жизни уничтожает всякую индивидуализацию, всякое своеобразие и оригинальность, все делается безлично–массовым, лишенным образа» [1, с. 253]. Под влиянием цифровизации человек обретает множество виртуальных имен, личин, утрачивая внешнюю и внутреннюю индивидуальность. Закономерно, что следствием является создание множества копий «Я». Само понимание человека как совокупности виртуальных личин отражает отсутствие понимания, восприятия человека как целостности, единства, редуцируют последнего до «информации», «интеллекта», «сознания», «биологической машины». Иными словами, внутренний мир, мировоззрение человека редуцируется до интеллекта и когнитивных способностей.

При этом само стремление трансгуманистов создать «сверхразум», превратить человека в «неочеловека», «сверхчеловека» сталкивается с критикой со стороны философов–«пессимистов», которые полагают, что в мире сверхума человеку и человеческому просто не останется места. Рациональность, высокий уровень интеллекта сопровождается утратой эмоционального, иррационального, т.е. того, что свойственно человеку сегодня, что делает его человеком. Проникновение ИКТ во все аспекты жизнедеятельности личности влечет за собой риски усиления контроля за всеми и каждым. Техника угрожает замене функциональности человека, тем самым маркируя индивидов и целые группы в качестве ненужных для утилитаристски настроенных обществ: «Инструменты механизации уже 5000 лет тому назад были отделены от тех человеческих функций и целей, которые не способствовали постоянному росту власти, порядка и прежде всего контроля» [6, с. 444]. То есть с первого дня своего существования техника выступала средством рационализации, установле-

ния порядка и контроля, обеспечивая определенной части общества господствующее положение. Как отражает анализ теоретических источников, опасения философов, алармистические сценарии развития будущего связаны непосредственно с технологическим развитием, внедрением ИКТ, осознанием того, что «техника развивается и будет развиваться по своим собственным законам, не зависящим от воли человека и, в конечном счете, создаст свою собственную цивилизацию» [3, с. 76].

Под влиянием технократизации и цифровизации меняется профессиональная деятельность человека и общества. Технокоммунизм, который должен был ликвидировать физический труд и принести всеобщее процветание, на практике привел к тому, что целый ряд профессий уже в ближайшем будущем утратит свою актуальность. Как отмечает Н.А. Бердяев, «техника заменяет органически-иррациональное организованно-рациональным. Но она порождает новые иррациональные последствия в социальной жизни» [1, с. 250]. Более того, специалисты, которые имеют не востребованные постинформационным обществом профессии, могут пополнить ряды маргиналов. Впрочем, не следует отказывать человеку в способностях адаптации к новым условиям. В частности, проникновение ИКТ сопровождалось не только утратой многими специалистами рабочего места, но и становлением нового социального класса – прекариата, численность которого сегодня постоянно возрастает.

Изменения характера производственной деятельности, активное использование технических средств, систем искусственного интеллекта – все это способствует не только оптимизации производственных процессов, но и служит цели порабощения личности. Как отмечает М. Фуко, «работа – судьба современных людей; она заменяет им мораль, заполняет пустоту, оставленную верой, и считается началом всякого блага. Работа должна быть религией тюрем. Обществу-машине требуются чисто механические средства преобразования»

[7, с. 354]. Важно добавить, что даже яркие представители трансгуманизма, которые позитивно оценивают развитие науки и техники, отстаивают идеи бесконечного усовершенствования человека, выдвигают пессимистические предположения о дальнейшем будущем человечества и личности. В частности, Н. Бостром считает, что хотя бы один из сценариев будущего человечества в контексте цифровизации воплотится в глобальном масштабе:

- 1) исчезновение человечества до вступления в эру Технологической Сингулярности;
- 2) запуск нескольких симуляций постчеловеческой истории;
- 3) переход социального бытия в компьютерную симуляцию [9].

Считаем, что данные прогнозы социального развития человечества приведут к смерти Homo Sapiens: в первом случае люди исчезнут в результате влияния внешних факторов, а во втором и третьем – в результате развития компьютерных технологий, систем искусственного интеллекта, под влиянием которых человек становится следствием компьютерного моделирования.

Соответственно, на основании проведенного анализа негативных сценариев развития человечества можно сделать следующие выводы.

1. Усиление роли и значения технологий сопровождается отчуждением человека от природы и от системы социальных взаимодействий, в результате чего «упрощается» сам человек, его эмоции, образ мышления, поведение, осуществляется утрата «человеческого в человеке», способности быть творцом собственной жизни, деантропологизация, формирование так называемой «плавающей» идентичности.
2. Преимущества, связанные с внедрением технологий, сопровождаются существенными рисками и вызовами. Например, преодоление физических патологий, неизлечимых заболеваний, повышение качества и продолжительности жизни одной части населения может достигаться за счет

- невыносимых условий жизни другой. Технологии при этом становятся источником власти, основой тоталитарного общества.
3. В условиях постинформационного общества потребление возводится в культ, человек приобретает не то, что в чем он действительно нуждается, но новые впечатления, что ведет к духовному «коллапсу» личности. Усиление потребления в условиях ограниченности ресурсов может сопровождаться переосмыслением ценности жизни, повышением толерантности к агрессии, насилию, жестокости.
 4. Обеднение эмоциональной составляющей личности может сопровождаться ее редуцированием до когнитивных способностей, интеллекта, сознания. При этом повышение производительности, результативности реализации когнитивных процессов сопровождается снижением вовлеченности в систему взаимодействий с окружающими, духовным «коллапсом», о котором говорились выше, деантропологизацией.
 5. Переход личности в виртуальное пространство может повлечь за собой полное ее растворение в нем, в множестве виртуальных «Я», личин.
 6. Технологизация, информатизация производственных процессов сопровождается утратой актуальности целого ряда профессий, может привести к увеличению безработицы, утраты личностью смыслов профессиональной деятельности.
 4. Зидентоп Л. Демократия в Европе. – М.: Логос, 2001. – 312 с.
 5. Равочкин Н.Н., Рвалов П.Н. Футурошок Э. Тоффлера и социальные прогнозы // Kant. 2023. № 4 (49). С. 235–240.
 6. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. – М.: АСТ, 2015. – 618 с.
 7. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. – М.: Ad Marginem, 1999. – 480 с.
 8. Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология». – М.: Праксис, 2007. – 208 с.
 9. Bostrom N. Are You Living in a Computer Simulation? // Philosophical Quarterly. 2003. № 211. pp. 243–255.
 10. Mozgovoy L., Fed V., Dubinina V., Malikova Yu., Steshenko V., Butko Yu., Slabouze V. Alarmism vs Eschatology: Conceptual Analysis (On Material of Ukrainian Discourse) // Wisdom. 2022. № 2. pp. 68–80.

NEGATIVE SCENARIOS FOR THE DEVELOPMENT OF HUMANITY IN THE CONTEXT OF DIGITAL CIVILIZATION: SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Ravochkin N.N., Leopa A.V., Melnikova T.V., Rakhinskiy D.V.

Kuzbass state agricultural academy, Kuzbass state technical university named after T.F. Gorbachev, Siberian federal university, V.F. Voyno-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University, Krasnoyarsk State Agrarian University

The article, through the prism of social philosophy, examines negative scenarios for the development of humanity in the realities of digital civilization. The positions of classics and contemporaries are presented, revealing various relationships between man and technology. It is shown that pessimistic intellectuals do not share the limitless possibilities of technology and technology, which literally put humanity on the brink of extinction, and do not provide the desired tools for achieving a long and happy life or even developing supernatural skills. It is demonstrated that the most widespread consumerist practices negatively affect changes in human spirituality, significantly affecting the spiritual and sensory-emotional spheres of life of modern man in the context of the transition to digital civilization. Negative scenarios closely related

Литература

1. Бердяев Н.А. Человек и машина (проблема социологии и метафизики техники) (извлечение) // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 4. С. 246–256.
2. Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. – Екатеринбург: У-Фактория, 2008. – 672 с.
3. Дыдров А.А. Человек будущего в контексте инновационных стратегий: дисс. д-ра филос. наук. Челябинск, 2020. 354 с.

to simulation practices are presented that can be used as the basis for future humanity, whose existence falls on the coordinates of the digital world. In conclusion, conclusions are formulated that complement modern socio-philosophical knowledge in the aspect of the futurological study of transformations of images of humanity in the context of the onset of digital civilization, which can be used in theoretical, methodological and applied aspects.

Keywords: humanity, society, digitalization, future, transformation, forecasting, threats.

References

1. Berdyaev N.A. Man and machine (the problem of sociology and metaphysics of technology) (extract) // Bulletin of the University named after O.E. Kutafina (MSAL). 2022. No. 4. pp. 246–256.
2. Deleuze J., Guattari F. *Anti-Oedipus: Capitalism and schizophrenia*. – Ekaterinburg: U-Factoria, 2008. – 672 p.
3. Dydrov A.A. *Man of the future in the context of innovative strategies: diss. Doctor of Philosophy Sci.* Chelyabinsk, 2020. 354 p.
4. Siedentop L. *Democracy in Europe*. – M.: Logos, 2001. – 312 p.
5. Ravochkin N.N., Rvalov P.N. E. Toffler's futuroshock and social forecasts // *Kant*. 2023. No. 4 (49). pp. 235–240.
6. Fromm E. *Anatomy of human destructiveness*. – M.: AST, 2015. – 618 p.
7. Foucault M. *Supervise and punish. The birth of a prison*. – M.: Ad Marginem, 1999. – 480 p.
8. Habermas Yu. *Technology and science as "ideology"*. – M.: Praxis, 2007. – 208 p.
9. Bostrom N. *Are You Living in a Computer Simulation?* // *Philosophical Quarterly*. 2003. № 211. pp. 243–255.
10. Mozgovoy L., Fed V., Dubinina V., Malikova Yu., Steshenko V., Butko Yu., Slabouz V. *Alarmism vs Eschatology: Conceptual Analysis (On Material of Ukrainian Discourse)* // *Wisdom*. 2022. № 2. pp. 68–80.

Феномен правосознание как фактор формирования правового нигилизма

Сирин Сергей Анатольевич,

к.ф.н., доцент, ФГБОУ ВО «Иркутский
государственный медицинский университет»
E-mail: tkocmina@gmail.com

В данной статье проведен социально-философский анализ деформации правосознания как фактора правового нигилизма; рассмотрены направления исследования правосознания и его роли для общества; определены факторы деформации правосознания и причины антисоциального поведения с точки зрения практики социальной философии; исследован правовой нигилизм как социальное явление, следствие и форма деформации правосознания; определены две его активные формы: правовая индифферентность и правовой негативизм. Чтобы противодействовать таким негативным процессам, необходимо правовое, культурное, научное и нравственное просвещение, необходимо возрождение интереса к знанию, познанию и самопознанию, необходимо возрождение диспозитивно-правовых общественных институтов, отказ от императивности правовых и иных общественных инструментов. Вне усилий со стороны государства такие процессы просто невозможны, необходима государственная политика по интеллектуальному развитию, модернизации менталитета, разработке правовой идеологии и правовых идей, необходимы поддержка гражданственности и институтов гражданского общества. Кроме того, в статье представлена авторская позиция о необходимости пересмотра теоретических аспектов правового нигилизма. В частности доказано, что дополнительной пассивной формой деформации правосознания является правовая неграмотность индивида.

Ключевые слова: личность, деформация, антисоциальное поведение, правовая грамотность.

Кроме своего юридического содержания, т.е. представления индивида о правовых нормах, правосознание может выступать предметом научного анализа. Следовательно, правосознание представляет собой динамично развивающееся направление исследований, которое сегодня привлекает все большее количество ученых.

Юристы и социологи стремятся объяснить, каким образом и когда право начинает занимать важное место в жизни социума. Закон применяется сегодня практически повсеместно. Его влияние обнаружить можно даже в обыденных взаимодействиях в рамках жизнедеятельности общества. Невозможно сегодня разграничить культурное (социальное) и юридическое содержания разнообразных жизненных ситуаций.

Тем не менее, остается не раскрытым вопрос о трансформации правосознания при нарушениях восприятия правовой сферы приданием ей неправовых качеств.

Различные ученые применяли к анализу правосознания широкий спектр подходов. Так, одни под правосознанием понимают способ, при помощи которого человек действует с точки зрения закона. Данное направление содержит познание, поведение, практику и идеологию людей, ориентирующихся в таких ситуациях, где закон сыграть может определенную роль [10].

В свою очередь, другие исследователи понимают под правосознанием не только предназначенную для определения знания закона правовую осведомленность, но и такие действия, которые индивид совершает согласно своей правовой позиции.

На наш взгляд, вторая точка зрения выступает самой точной. Так как человек – это социальный субъект, то его правосознание рассматривать следует с учетом совершаемых им действий, а не только сквозь призму его представлений [5].

Данный подход к анализу правосознания с позиции последствий обеспечивает полноту анализа этого феномена. Значение правосознания, равно как любой иной социально–философской категории, следует оценивать на основании деструктивных либо, наоборот, положительных воздействий на социум.

Эта социальная категория в своем оптимальном варианте характеризуется такими положительными последствиями, как соблюдение и личностное принятие конкретного правового регулирования.

Человек в другом варианте правовые нормы не рассматривает в качестве единственно правильных вариантов допустимого поведения, т.е. не следует им в своих социальных коммуникациях как постулатам.

В первом случае цели, причины и мотивы поведения личности ясны, а во втором – они требуют более подробного анализа при деформации правосознания в отношении общепринятой нормы.

Следует отметить, что факторы и причины деформации правосознания крайне вариативны. Так, для молодежи это дисфункциональность в государстве правосознательной деятельности, а для так называемого «взрослого» населения – изменения в поведении и материальные события, изменившие взгляды на значение института права, несогласие с политикой правящей власти [11].

Выраженная антисоциальным поведением деформация правосознания может на практике привести к крайне отрицательным социальным последствиям, вредным для социума.

Изначально понятие «антисоциальное поведение» означало повторяющиеся нарушения в разных контекстах или ситуациях (например, дома, в школе и др.) социальных норм.

Подобное поведение содержит физическую и словесную агрессию в отношении окружающих, выраженное пренебрежение к общественным авторитетам, нарушение нравов и социальных норм [3]. Например, в условиях современной школы антисоциальное поведение выра-

жается в виде неповиновения, прогулов, издевательств, воровства, исключения из учебного заведения.

Отличительным признаком антисоциального поведения служит вербальная, жестовая и физическая агрессия [4]. Антисоциальное по своему определению представляет собой противоположность просоциального, характеризующегося совместными позитивными моделями и образцами социального взаимодействия [6].

Теоретики и практики нередко концептуализируют выраженное проблемное поведение как интернализирующее или экстернализирующее. В последнем случае понятие относится к плохо контролируемым, исходящим извне проблемам индивидуального поведения (разрушение, агрессия и т.п.).

В другом случае понятие принято относить к поведенческим проблемам, которые выступают чрезмерно контролируемыми и внутренне направленными (соматические жалобы, депрессия, тревога и др.) [7].

С позиции социально–психологических составляющих социальной философии мы можем оценивать антисоциальное поведение как основу диагноза (расстройства поведения) и форму экстернализирующего поведения. На наш взгляд, это вызывает тревогу, принимая во внимание тот факт, что поведенческое расстройство рассматривается в качестве пожизненного хронического заболевания [8].

Считающееся предвестником преступности и правовых нарушений антисоциальное поведение, по мнению философов и социологов, является наиболее часто встречающейся формой поведения и взрослого населения, и молодежи. Индивидуальные представления о правовых нормах и правилах поведения, а также особенностях их принятия в данной ситуации служат факторами образования антисоциального поведения.

Следовательно, антисоциальное поведение обусловлено изменениями в правосознании, а также сменой представлений в социуме о правовых нормах и их значении. Данное описание соци-

ального поведения служит давно объектом пристального изучения научной дисциплины – социальной философии.

Как социальный феномен правовой нигилизм на практике исследуется и как различные проявления реакций на правоприменительную практику, и как отрицание ценности права, адекватного воплощения в любой из форм, присущих ему.

Сенин И.Н. пишет о том, что правовой нигилизм, во-первых, характеризуется отсутствием четко выраженных правовых знаний и юридической некомпетентностью, а также, во-вторых, отрицанием позитивной роли права в качестве способа регулирования социальных связей, распространенностью стереотипов (навыков) противоправного и неправового поведения [12].

Правовой нигилизм, согласно всем аналитическим методологиям, рассматривается в качестве формы (следствия) правосознательной деформации [9].

Правовой нигилизм, согласно научным источникам, выражается в следующих формах:

- правовой негативизм;
- правовая индифферентность.

Под индифферентностью следует понимать безучастность или равнодушие, к праву, тогда как под негативизмом – выраженное отрицательное (неактивное) отношение к праву. Следовательно, правовой нигилизм представляет собой осознаваемую индивидом, а также реализуемую на практике форма активного поведения в отношении института права [13].

С учетом реалий государственности, на наш взгляд, представленные выше формы требуют обязательного дополнения.

Например, выделение развития (совершенствования) правовой грамотности как важнейшей цели современной отечественной государственной политики.

Вышеназванная цель – следствие трансформации экономических и социальных аспектов функционирования современного государства. Правовая грамотность сегодня рассматривается

в качестве необходимой для поддержания демократии в обществе проблемы доступа граждан к правосудию. Наряду с этим, возможность взаимодействовать через бизнес с экономикой на деле может послужить незаменимым механизмом доступа к широкому спектру экономических ресурсов.

Тем не менее, сфера торговли опирается в рамках реализации своей деятельности на оформленные юридические требования, четкое понимание которых помогает соблюдать актуальные законодательные требования.

Правовая грамотность представляет собой ключевой элемент жизни современного социума [1]. Люди без наличия у них правовой грамотности, как правило, несут имущественные и личные иные потери непосредственно до восстановления, например, в рамках судебных разбирательств правовой справедливости.

Большинство граждан, столкнувшись с разнообразными юридическими проблемами, для поиска выхода из ситуации ничего не предпринимают либо не получают юридическую консультацию (помощь) по причине недостатка данных, отсутствия доверия к системе и др. Такие категории населения испытывают проблемы, связанные с решением юридических вопросов.

На сегодняшний день актуальность учета бизнеса и правовой грамотности не вызывает сомнений, так как инновации часто приводят к значительным сдвигам в экономике, способах ведения предпринимательской деятельности и др. Данные трансформации охватывают огромный перечень проблем, решить которые предстоит компаниям, правительствам и частным лицам.

За короткий период экономика так называемого «совместного использования» разрушила классические бизнес-модели, вследствие чего уже устоявшиеся организации и целые правительства столкнулись с проблемой относительно того, как необходимо принимать законы, а также их контролировать. Данная экономика может открыть перед отдельными гражданами качественно новые возможности для увеличения доходов.

Вместе с тем, для таких людей их обязанности и правовой статус далеко не всегда бывают понятны, так как иногда платформы обмена данными от ответственности дистанцируются. На практике это может вовлеченных лиц оставить в неведении по поводу их юридических обязательств. Правовая грамотность в настоящее время сегодня выступает незаменимой составляющей правового поведения в социуме [2].

Главная цель увеличения уровня правовой грамотности заключается в обеспечении граждан фундаментальными знаниями в отношении правовой системы, а также их обязанностей (прав) и др.

Правовая грамотность повлиять может на особенности восприятия индивидом правовой системы, включая информацию о достоинствах, справедливости. В свою очередь, это приводит к формированию моральных обязательств по отношению к системе права.

Такое понятие, как «юридическая грамотность» распространяется на действия в социуме, реализуемые индивидом, и на его способности. Правоспособность следует относить к компетенциям (характеристикам): навыки, знания и психологические ресурсы. Данные компетенциям позволяют человеку преодолевать юридические проблемы.

Вышеуказанные личностные характеристики, на наш взгляд, могут послужить основополагающими признаками использования правовых знаний. Таким образом, несоблюдением установленных норм права может обернуться отсутствие сформированной правовой грамотности. Подобное антиправовое поведение, выраженное в пассивной форме, выступает антисоциальным, поскольку приводит к отрицательным последствиям для социума.

Сама идея роста уровня правовой грамотности взаимосвязана тесно с концепцией доступа к осуществлению справедливого правосудия, включающего различные образовательные программы, к законодательству, стремление к объяснению юридической документации простым языком.

Аргументация в пользу высокой значимости юридической грамотности сконцентрирована была на ее тесной связи со знаменитой теорией (концепцией) общественного договора. Иные причины, в соответствии с которыми исследуемый феномен – юридическая грамотность следует рассматривать как важный, содержат как понятие о социальной справедливости, так и разъяснение права требовать обеспечения справедливости в социуме.

Согласно вышеупомянутой теории, правовая грамотность способствовать может развитию ценностей нормативно-правовой системы, где человеческое достоинство, справедливость, порядочность, доверие, терпимость способствуют реальному верховенству закона.

Именно так юридическая грамотность привести может к уважению права, которого могло бы и не быть. Это людям помогает понять его, стимулирует к взаимодействию с актуальной правовой системой. Также благодаря глубинному пониманию закона юридическая грамотность позволяет отстаивать отдельным гражданам их права, так как они наделены такими полномочиями, как определение, осознание и обеспечение неукоснительного соблюдения законных прав.

Человек без сформированной юридической грамотности на практике могут не осознать, каким образом тот или иной закон может применяться для его защиты. Правовая грамотность привести может к тому, что граждане будут понимать лучше собственные юридические обязательства, что позволит им избежать различных юридических проблем.

Напротив, правовая грамотность может привести людей к принятию превентивных мер, которые позволят избежать эскалации и кризисов. Отсутствие правовой грамотности может привести к процветанию коррупции в обществе, поскольку правовая система не используется для поддержания верховенства закона.

Кроме того, юридическая неграмотность может сделать людей уязвимыми для использования в мошеннических це-

лях, независимо от того, идет ли речь о первоначальном участии в мошенничестве или о последующих действиях по обеспечению соблюдения их прав. Например, предполагаемые преимущества налогового законодательства часто используются в качестве стимулов или тактики продаж для многих инвестиций и особенно для мошенничества с рискованными инвестициями.

Таким образом, в настоящее время следует пересмотреть представления о сущности правового нигилизма и формах проявления деформации правосознания. В частности, правовой нигилизм в XXI веке может проявляться не только в активной форме поведения по отношению к праву, осознаваемой индивидом и реализуемой им на практике (правовая индифферентность и правовой негативизм), но и в пассивной – правовая неграмотность.

Предлагаемая позиция подтверждается тезисом, ранее указанным в статье И.Н. Сенина о сущностной характеристике правового нигилизма в части юридической некомпетентности, то есть отсутствия правовых знаний.

Предлагаемая к анализу форма характеризуется пассивностью в поведении (выражена в бездействии в части обучении или изучении права), может не осознаваться индивидом (например, ввиду отсутствия в ней потребности), а также не выражается в конкретных действиях личности. Вместе с тем ее социальные последствия для индивида и общества в целом – негативны.

Литература

1. Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан (утв. Президентом РФ 4 мая 2011 г.) // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/55071558/> (дата обращения: 22.12.2023).
2. Авдокушин Е.Ф. Экономика совместного потребления: сущность и некоторые тенденции развития // Экономический журнал. 2019. С. 6–12.
3. Бочанцева Н.И. Антисоциальное поведение учащихся профессиональных образовательных учреждений как психолого–педагогическая проблема: из опыта работы // Педагогический ИМИДЖ. 2018. С. 177–182.
4. Дубинин С.Н. Агрессивное поведение у детей и подростков как одна из форм девиантного поведения // Сибирский педагогический журнал. 2011. С. 98–103.
5. Ковалев И.А. Анализ определений и сущности правосознания // Молодой ученый. 2013. № 5 (52). С. 396–399.
6. Логвинова М.И. Про социальное поведение: социально–психологический анализ // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2021. С. 1–6.
7. Левченко А.О. Влияние интернализации и экстернализации на поведение и поступки людей // Символ науки. 2018. С. 100–102.
8. Ларионова С.О. Девиантное поведение: социальный, психологический и педагогический аспекты // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2011. С. 187–192.
9. Подольский В.В. Правовой нигилизм как особая форма деформации правосознания в современной России // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2017. С. 121–127.
10. Рыбаков В.А. Правосознание: к вопросу о понятии // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2015. С. 23–28.
11. Руденко К.И. Факторы деформации правосознания молодежи // Теория и практика общественного развития. 2015. С. 1–4.
12. Сенин И. Н. К вопросу о понятии правового нигилизма // Омский научный вестник. 2006. С. 268–274.
13. Шевченко К.Ю. Правовой нигилизм как особая форма деформации пра-

восознания в современной России // Юридические науки. 2016. С. 1–5.

THE PHENOMENON OF LEGAL CONSCIOUSNESS AS A FACTOR IN THE FORMATION OF LEGAL NIHILISM

Sirin S.A.

Irkutsk State Medical University

In this article, a socio-philosophical analysis of the deformation of legal consciousness as a factor of legal nihilism is carried out; the directions of the study of legal consciousness and its role for society are considered, the factors of the deformation of legal consciousness and the causes of antisocial behavior from the point of view of the practice of social philosophy are determined; legal nihilism as a social phenomenon, consequence and form of the deformation of legal consciousness are investigated; two of its active forms are defined: legal indifference and legal negativism. To counteract such negative processes, legal, cultural, scientific and moral education is necessary, a revival of interest in knowledge, cognition and self-knowledge is necessary, a revival of dispositive legal public institutions, a rejection of the imperative nature of legal and other social instruments is necessary. Without the efforts of the state, such processes are simply impossible; state policy on intellectual development, modernization of mentality, development of legal ideology and legal ideas is necessary, support for citizenship and civil society institutions is necessary.

In addition, the article presents the author's position on the need to revise the theoretical aspects of legal nihilism. In particular, it is proved that an additional passive form of deformation of legal consciousness is the legal illiteracy of an individual.

Keywords: personality, deformation, antisocial behavior, indifference, legal literacy.

References

1. Baburin S.N. The significance of the value dynamics of Russian constitutionalism of the twentieth century // Bulletin of the O.E. Kutafin University. 2021. No.5 (81). pp. 130–136. (date of application: 22.12.2023).
2. Burmistrov S.V. The doctrine of legal nihilism in Russian legal thought of the second half of the XIX century – the beginning of the XXI century: dissertation ... cand. Jurid. sciences: 12.00.01. – Grozny, 2020. – 205 p.
3. Buryakov S.K., Filimonov A.G. The nature of the Russian state and the legal nihilism of Russian society // Psychopedagogy in law enforcement agencies. 2021. No.2 (85). pp. 218–225.
4. Vlasenko N.A. Reasonableness and certainty in legal regulation: monograph. – M.: INFRA-M, 2014. – 156 p.
5. Goncharenko K.D., Salganova E.I. Taradanov A.A. Extremism – the religion of nihilism // Bulletin of SUSU. Series: Social and Humanitarian Sciences. 2021. No. 1. pp. 107–112.
6. Gruntovsky I.I. The opinion of young people about the prestige of military service. //Scientific journal "Service PLUS". No. 2. 2010. pp. 1–7.
7. Zhigulin A.A. Legal culture of personality as a form of legal awareness // The territory of science. 2012. No. 3. pp. 98–106.
8. Lazarev V.V., Lipen S.V. Theory of state and law. – 5th ed., ispr. and add. – M.: Yurayt Publishing House, 2021. – 521 p.
9. Medushevskaya N.F. The Russian ideal of truth in the domestic legal consciousness // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No.5. pp. 25–28.
10. Medushevsky N.A. Fundamentals of tolerance and legal culture. – 2nd ed., ed. and add. – M.: LENAND, 2015. – 408 p.
11. Selekhnova O.O., Kireev E.I. Nihilism as a feature of modern social reality // Bulletin of the Amur State University. Series: Humanities. 2019. No.84. pp. 15–20.
12. Tsvetkova T.V. The axiological meaning of the category "legal culture" in modern society // Legal science. 2021. No.8. pp. 16–21.
13. Shevchenko K. Yu. Legal nihilism as a special form of deformation of legal consciousness in modern Russia. Legal nihilism as a special form of deformation of legal consciousness in modern Russia // Juridical Sciences. Sciences. 2016. C. 1–5.

Социально-философский анализ аксиологии выбора личности и общества

Хабидуллина Зияя Наилевна,

доктор философских наук, доцент кафедры
философии и культурологии Уфимского
университета науки и технологий
E-mail: Habibullina_Z@mail.ru

В статье представлен теоретический опыт решения социально-философской проблемы концептуализации понятия «выбора». Автор обращается к трудам, в основном, мыслителей прошлого века, раскрывающих проблемы социокультурных трансформаций и роль выбора во всех сферах жизнедеятельности человека. Также обосновывается востребованность тотального выбора в социуме, характеризующегося изменениями жизненных стандартов, поведения человека и его потребностей. В качестве теоретико-методологического подхода используется аксиологический подход, позволяющий выявить ценностные приоритеты как ориентир для выбора в самых разных ситуациях. Выбор как этап определенной деятельности, сужающий круг множества возможностей, рассматривается автором как результат, который наиболее полно должен соответствовать целям, оценкам и системе ценностей субъекта.

Ключевые слова: выбор, общество, трансформация, деятельность, возможность, ценность, активность.

Введение

Осмысливая самые различные аспекты функционирования и развития современного общества, следует обратить внимание на детерминированность

этих событий и явлений целым рядом характеристик, присущих социальной среде. Одним из самых неотъемлемых свойств является темпоральность социокультурных трансформаций. Она везде и во всем. Все сферы человеческой жизнедеятельности в информационном обществе приобретают ускоренный темп развития. За этим следуют динамичные изменения и использование цифровых технологий, которые диктуют высокий ритм жизни и постоянно меняющиеся требования к человеческому потенциалу. Как пишет Е.А. Иноземцева, «социокультурная трансформация – это процесс приобретения обществом новых черт, соответствующих требованиям времени, изменения в жизненных стандартах, образцах поведения и потребностях. Как следствие этих процессов перед человеком возникает проблема выбора социальных ориентиров». [4, с. 117–118]. На смену репродуктивному труду индустриального общества приходит творческая деятельность «среднего класса», ищущего себя и желающего реализоваться в сфере профессиональной деятельности. В информационном обществе человек должен быть подготовлен к быстрому восприятию и обработке больших объемов информации, владеть современными технологиями работы. Современные цифровые технологии являются не просто значимой характеристикой социальной реальности, они несут кардинальные изменения во всех сферах жизни человека.

Человек как разумное существо способен приспосабливаться к разным ситуациям. Однако в быстро меняющихся условиях неопределенности и нестабильности, поиск средств и путей выживания может стать проблемой для определен-

ной части населения, которая остается в тени конформистского ожидания лучших времен.

В ситуации кардинальных трансформаций личность тоже претерпевает большие изменения. Желание не остаться у обочины, быть востребованным и успешным, активизирует жизненный потенциал человека для будущих побед, или, в крайнем случае, понимать, что происходит вокруг и как можно найти свою «нишу» в социуме. С одной стороны, человек видит потребность в современном социуме в творческих людях с активной жизненной позицией, готовых быстро меняться и учиться в течение всей жизни, приобретая новые навыки и компетенции, необходимые для решения задач «здесь и сейчас». С другой стороны, рыночная экономика и приоритет потребительских интересов часто выставляет человека за рамки успешной, обеспеченной жизни, отчуждая его от всех значимых направлений сфер жизнедеятельности человека.

Роль выбора в процессе конструирования жизненной стратегии

Желание быть востребованным и реализованным в современной неоднозначной ситуации ставит человека в условия тотального выбора и конструирования жизненной стратегии. Такое требование предполагает постоянную работу над самим собой, осознание своего потенциала и своих границ. Быть творцом своей жизни интересно, но трудно. Уникальность личности предполагает осознанно выстраиваемую жизненную стратегию, связанную с постоянным выбором во всех ситуациях. Есть осознанный подход, когда мы владеем информацией об объектах выбора и отдаем себе отчет о возможных последствиях, или неосознанный подход при недостаточности информации и невозможности предвидеть последствия.

Проблема выбора сопровождала человека всегда. С формированием человека как социального существа проблема становится многогранной, охватывая

не только природную, но и общественную систему. Апогей тотального выбора присущ современной цивилизации. Многообразие возможностей предполагает выбор в принятии решений, так как становится основой для научно обоснованного принятия решений и успешной преобразующей деятельности человека.

Мир закономерностей и причинно-следственных связей имеет ограничения и рамки, не оставляет места свободному выбору. Не следует абсолютизировать потенциал человеческого выбора. Человек мыслящий в процессе принятия решений всегда совершает акт выбора. Процесс выбора детерминирован иерархией ценностей человека. Это является показателем того, что человек как мыслящее существо, полагаясь на разум и эмоционально-чувственное восприятие, т.е., всю свою целостностью, совершает выбор.

Морально-нравственный выбор усложняется в ситуации рыночной экономики приоритетом позиции обладания над духовными ценностями. Выбор жизненной стратегии человека детерминирован иерархией ценностей. Если человек осмысленно относится к своей жизни, чувство ответственности будет способствовать эффективной реализации жизненных целей. «На сегодняшний день в исследованиях жизненных стратегий акцент ставится на фиксации содержания когнитивного компонента жизненной стратегии и включенных в жизненную стратегию обобщенных личностных свойств, таких как ответственность, инициативность, рефлексивность и др.» [6, с. 33].

В течение долгих лет российское общество жило согласно требованиям и правилам, которые предписывали коллективные установки, как надо жить, учиться, отдыхать. В информационном обществе с ярко выраженными потребительскими установками, человек выбирает и принимает решения согласно своим представлениям об успешной жизни. Дилемма между личностным и социальным выбором не может быть до конца решенной. Человек как социальное существо, как законопослушный гражда-

нин будет стремиться соблюдать нормы и устои общества. Однако желание реализоваться, состояться, иметь свою точку зрения и быть самостоятельным, дает человеку возможность проживать уникальную жизнь.

Ценностная шкала тоже претерпевает изменения. Установки, привычки, симпатии, традиции со временем под влиянием культуры и происходящих в социуме преобразований меняются и транслируют что-то другое, «иное». «В условиях риска человек хочет обладать рациональной основой для принятия благоразумных решений, позволяющей сравнивать различные варианты действий и выбирать тот, который наиболее полно соответствует его целям, оценкам и системе ценностей» [3, с. 56]. Это особенно остро ощущается на фоне обострения экономического и геополитического кризиса.

Информационные потоки все больше вовлекают человека в свои сети, не оставляя места сомнению и значимости выбора в пользу вовлечения в новую технологическую среду. Человека больше занимает вопрос о том, как освоить новые технологии и как лучше этими знаниями воспользоваться. Цифровые технологии вносят настолько масштабные изменения во все сферы социально-экономической жизни, что это находит неоднозначное отражение как на функционировании общественных институтов, так и образе жизни человека. «Достижения научного сообщества в сфере цифровых технологий внушительны и они продолжают очень быстро развиваться. В связи с этим, возникает вопрос об их уровне внедрения в жизнь каждого человека. Так как новая информация, в зависимости от многих ситуаций и обстоятельств, может быть как «во благо», так и наоборот» [10, с. 250].

Технологии, призванные облегчить труд человека и сделать его более эффективным, в современном обществе часто способствуют манипулированию человеческим потенциалом в экономических, политических целях, управлять его сознанием с помощью рекламы. Таким образом, человек может стать за-

ложником своего осознанного выбора в пользу технических инноваций. Работая с огромным информационным потоком, человек ощущает связь с будущим. Однако высокий темп прироста информации и связанный с этим объемом сведений, требующий постоянного освоения, превращают человека в винтик цифровой экономики. Психологические перегрузки и стрессы присущи не только взрослым, но и школьникам и студентам, которым тоже приходится иметь дело с большим потоком учебной информации. «От способности идти в ногу с цифровизацией, адаптироваться не только к столь глобальному процессу, но и к своей профессиональной деятельности в ее условиях, зависит благополучие и полноценное развитие общества» [5, с. 195]. Высокий темп прироста научного знания и технических инноваций создает новую реальность, сопряженную неоднозначностью, рисками и нарастающим конфликтных ситуаций и манипуляций.

Когда человеком обуревают сомнения в своих способностях или в возможности решения конкретной проблемы, каждый переживает такую ситуацию по-разному и выбор может быть специфичным. Один понадеется на время: «время лечит», другой с оптимизмом продолжит искать новые варианты решения проблемы, третий, потеряв веру в свой потенциал, «пустится во все тяжкие».

Свобода выбора

Мыслящий человек не останавливается на достигнутом, он непрерывно анализирует не только ближайшее, но и весьма отдаленное прошлое. Такая способность индивидуума представляет весьма ценное личностное качество и содержит социальный потенциал. Позволяя себе совершать свободный выбор в самых разных ситуациях, человек раздвигает горизонты видения, получает подтверждения правильности избранного пути в антропологических масштабах. «Свобода выбора не может быть безграничной. Также свобода собственного выбора ограничена выбором другого и других и взаимодействие выбранных возмож-

ностей сбытия обоих учитывается как при их целеобразовании, так и при их целереализации. Вне собственного выбора человек становится средством реализации возможности, выбранной другими» [2, с. 76].

В социуме, где цифровые технологии наращивают свою мощь и влияют на все сферы жизнедеятельности человека, происходит переоценка ценностей, больше становится возможностей для творческих устремлений и самореализации. Свободный выбор является неотъемлемой характеристикой творчески настроенного человека, который находится в состоянии поиска. Современные технологии содержат большой потенциал выбора эффективного обеспечения реализации самых сложных задач.

Огромное количество предоставляемых человеку возможностей по жизни предполагает свободу выбора. «Я выбираю свободу и ответственность ради осуществления ценностей, я решаюсь на осуществление ценностей, я открываю себя миру ценностей» [9, с. 122]. Однако объективные ограничения сужают этот выбор и приносят субъективный характер процессу принятия решения. Субъективность выбора не только сужает диапазон, но и предполагает способность управлять своим развитием. Творческое преобразование ситуации риска или неопределенности предполагает баланс преодоления внешних и внутренних преград для саморазвития личности. Личный выбор – это основной способ проявления свободы. Стремится к тому, чтобы отличать добродетель от того, что ею не является – это искусство жизни; приводить свои намерения в соответствие с добродетелью – это мудрость. Ценностная шкала личности, подверженная произвольным изменениям со стороны субъекта, всегда остается определяющей основой для выбора. Ситуация выбора для личности интересна новыми возможностями, созданием новых целей и ожиданием новых перспектив. Несмотря на сохранение ситуации неопределенности, желание двигаться дальше, позволяет конструировать новые альтернативы выбора.

В кризисных ситуациях человек получает возможность активизировать весь свой духовный, когнитивный потенциал, умноженный на опыт и желанием выйти на более высокий уровень разрешения проблемы. Кризис активизирует скрытые возможности человека, открывая новые возможности выбора. Стремление «быть», стать автономной личностью, способной реализовать свободный выбор в жизненно значимых вопросах, мобилизует потенциал человека для принятия решений, основанных на ценностных предпочтениях.

От многообразия альтернатив к единственному выбору

Жизнь всегда ставит человека перед выбором, где один выбор совершается естественным образом, основываясь на опыте, без особых усилий, другой выбор, наоборот, может потребовать от человека душевных и мировоззренческих усилий. В любом случае, сегодня уже нельзя оставаться прежним, а завтра принесет тебе следующие изменения, к которым ты еще возможно не готов. «Необходимо срочно меняться, выстраивать новую систему отношений, отвечать новым требованиям, соответствовать «духу времени» [4, с. 118]. Всякий раз, совершая выбор как действие или поступок в меняющейся социальной реальности, человек реализуется как личность. Личность как единица социума должна принять «частичность» выбора каждым человеком в той или иной сфере личной или институциональной деятельности в трансформирующемся социуме.

«Междисциплинарная стратегия – это не строго разработанный проект, определённый заранее. Она формируется в коммуникативном единстве разных предметностей и, что совершенно нормально, может сопровождаться выходом в исследование предметности и возвращением в междисциплинарное поле. Безусловно, это открытая, то есть проективная деятельность, предполагающая не обмен продуктами дисциплинарности, а коммуникацию деятельностных усилий учёных. Однако и работа одной «междисциплинарной головы» абсолют-

но реальна. Такой исследователь включается в междисциплинарное поле через разнообразные формы научных коммуникаций: профессиональные интернет-форумы, научные конференции, онлайн-библиотеки, круглые столы, личные консультации с учёными – специалистами по конкретным проблемам дисциплинарного знания и т.д. Так создаётся весьма подвижная, открытая и готовая изменять свою текстовую конфигурацию проективная площадка междисциплинарного гуманитарного знания» [7, с. 1167].

Выбор молодежи является актуальной в современном обществе, так как она не терпит ситуации неопределенности, стремится совершать поступки и видеть результат своей деятельности. Будущие трансформации в обществе, их направленность и реализация зависят от молодежи, которая хочет принимать самое активное участие в жизни страны. Поэтому вопросы творческого потенциала молодежи, их роли в инновационном развитии страны, влиянии коммуникационных технологий на выбор способов обучения, деятельности и поиска креативных путей взаимодействия всегда вызывают общественный резонанс.

Выбор, совершаемый человеком, многогранен и многоаспектен. Исходя из своих представлений и сопутствующих импульсов, человек может обратиться к прошлому или к будущему, акцентировать внимание на когнитивных решениях или, наоборот, довериться эмоционально-чувственному восприятию. Выбор не сводится к рациональным решениям или к оценочным суждениям. Ответственный выбор может быть как результатом рефлексивного, обдуманного отношения, так и спонтанного, импульсивного шага. Выбор может стать как судьбоносным, так и ошибочным. «Естественное для процессов индивидуализации и автономизации личности ослабление социального контроля, ее уход от жестких групповых норм поведения, растущая свобода выбора принимаемых решений, все это облегчает и легализует в сознании самого индивида переход и к таким формам поведения, которые уже выходят за рамки

допустимого в данном обществе и поэтому оцениваются этим обществом как аморальные, и даже социально неприемлемые» [4, с. 119]. Человек, несмотря на все усилия, часто совершает выбор, результат которого его не устраивает. В любом случае, любой выбор сужает круг проблем и ведет к снижению ситуации неопределенности. Кроме этого, надо считаться с уникальностью ситуации выбора, например, связанной с социальным контекстом ситуации, и многообразием альтернатив.

Если раньше человек, благодаря силе и решимости, реализовывался через пробы и ошибки, победы и поражения, сейчас путь к реализации состоит «в выборе наименее рискованного поворота на ближайшем перекрестке, в изменении направления до того, как местность впереди окажется непроходимой» [1, с. 117].

Деятельность человека предполагает определенную активность, за которой всегда стоит выбор. Жизненный мир человека непредсказуем, «только от человека зависит использование его возможностей, способности выбора» [8, с. 146]. Личностный выбор каждого человека соотносится с принятием выбора другого. Поэтому на уровне социальной коммуникации существует множество примеров как положительного принятия выбора разными сторонами, так и категорического нежелания идти на встречу друг другу, отрицая варианты выбора, сближающих позиции сторон.

Заключение

На протяжении всей жизни, каждый раз совершая определенный выбор, человек утверждает себя, свои ценности и тем самым реализуется сам. Особенно это касается таких ситуаций, которые возникают неожиданно, заставляя сопереживать субъекта и меняя внутренний мир личности. Такого рода судьбоносный выбор может стать неким катализатором, трансформирующим убеждения личности, кардинально меняя смысложизненные ориентиры. В отличие от повседневной жизни, когда человек живет соответственно ближайшим жизненным целям и зада-

чам, интенция к осознанию предельных оснований бытия сопоставима поиском мучительных альтернатив более устойчивых и гармоничных начал. Переживая и принимая всю свою целостностью ситуации, которые нельзя изменить, человек становится сильнее и мудрее.

Трансформация убеждений и критериев ценностей в динамической социальной среде связаны с тотальным поиском человеком своего места в мире, новых смыслов и возможностей. Ответственность соотносится с пониманием ситуации, требующей выбора; с принципом «не навреди», требующего осторожного, предусмотрительного отношения и разумной степени риска. При этом мыслящий человек в своих планах стремится просчитать последствия выбора. Если что-то пошло не так, он как ответственный человек, принимает ситуацию любой, даже проигрышную с тем, чтобы дальше ее контролировать и выправить в лучшую сторону. Поэтому выбор всегда таит в себе непредсказуемые возможности и человек не всегда может совершить единственно правильный выбор из множества альтернативных возможностей. Завышенная самооценка может стать причиной необдуманных действий и решений, последствия которых могут быть критическими. Осознанное стремление сделать адекватный выбор, наоборот, дает свои плоды, сужая и отбрасывая незначимые варианты.

Литература

1. Бауман З. Индивидуализированное общество /Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2005. – 390 с.
2. Герт В.А. Принцип свободосообразности и свобода выбора // Наука. Искусство. Культура. 2016. Выпуск 9 (1). С. 73–79.
3. Диев В.С. Рациональный выбор в условиях риска: методологические и ценностные основания // Философские науки. 2018. № 5. С. 48–58.
4. Иноземцева Е.А. Проблемы социальной трансформации человека в современном обществе // Вестник Воронежского государственного тех-

нического университета. Социологические науки. 2012. С. 117–120.

5. Ионцева М.В., Авдеева А.А. Социально-психологическая адаптация в условиях тенденции перехода на дистанционный формат работы // Вестник университета. 2021. № 7. С. 193–198.
6. Ким А.Э. Теоретико-психологические аспекты изучения жизненных стратегий личности // Северо-Кавказский психологический вестник. 2016. № 14/1. С. 29–35.
7. Киселева М.С. Гуманитарные исследования и проективность: дисциплинарные и междисциплинарные стратегии знания // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2016. – Т. 158, кн. 4. – С. 1163–1172.
8. Рикер П. Путь признания: три очерка // Пер. с фр. И.И. Блауберг, И.С. Вдовиной. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 268с.
9. Франкл В. Человек в поисках смысла. Сборник: Пер. с англ. и нем. / Общ. ред. Л.Я. Гозмана и Д.А. Леонтьева; – М.: Прогресс, 1990. 368 с.
10. Хабибуллина З.Н. Поиск ценностей в глобализирующемся мире // Khabibullina, Z.N. (2021). Value searches of the globalizing world. *Amazonia Investiga*, 10(43), 248–256. <https://doi.org/10.34069/AI/2021.43.07.24>

SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF THE AXIOLOGY OF CHOICE OF THE INDIVIDUAL AND SOCIETY

Khabibullina Z.N.

Ufa University of Science and Technology

The article presents theoretical experience in solving the socio-philosophical problem of conceptualizing the concept of “choice”. The author turns to the works of mainly thinkers of the last century, revealing the problems of sociocultural transformations and the role of choice in all spheres of human life. The demand for total choice in society, characterized by changes in living standards, human behavior and his needs, is also substantiated. An axiological approach is used as a theoretical and methodological approach, which allows us to identify value

priorities as a guideline for choice in a variety of situations. Choice as a stage of a certain activity, narrowing the circle of many possibilities, is considered by the author as a result that should most fully correspond to the goals, assessments and value system of the subject.

Keywords: choice, society, transformation, activity, opportunity, value, activity.

References

1. Bauman Z. Individualized society / Transl. from English edited by V.L. Inozemtseva. – M.: Logos, 2005. – 390 p.
2. Gert V.A. The principle of freedom of conformity and freedom of choice // Science. Art. Culture. 2016. Issue 9 (1). P. 73–79.
3. Diev V.S. Rational choice under risk conditions: methodological and value foundations // Philosophical Sciences. 2018. No. 5. P. 48–58.
4. Inozemtseva E.A. Problems of social transformation of man in modern society // Bulletin of the Voronezh State Technical University. Sociological Sciences. 2012. pp. 117–120.
5. Iontseva M.V., Avdeeva A.A. Socio-psychological adaptation in the context of the trend of transition to a remote work format // Bulletin of the University. 2021. No. 7. pp. 193–198.
6. Kim A.E. Theoretical and psychological aspects of the study of personal life strategies // North Caucasian Psychological Bulletin. 2016. No. 14/1. P. 29–35.
7. Kiseleva M.S. Humanitarian research and projectivity: disciplinary and interdisciplinary strategies of knowledge // Uchen. zap. Kazan. un-ta. Ser. Humanitarian. Sciences. – 2016. – T. 158, book. 4. – pp. 1163–1172.
8. Ricoeur P. The Path of Recognition: Three Essays // Transl. from fr. I.I. Blauberg, I.S. Vdovina. M.: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2010. – 268 p.
9. Frankl V. Man in Search of Meaning. Collection: Trans. from English and German / General ed. L. Ya. Gozman and D.A. Leontyev; – M.: Progress, 1990. 368 p.
10. Khabibullina Z.N. Searching for value in a globalizing world // Khabibullina, Z.N. (2021). Value searches of the globalizing world. Amazonia Investiga, 10(43), 248–256. <https://doi.org/10.34069/AI/2021.43.07.24>

Методология исследования конфликта на основе модульного анализа и локальной специфики

Чеченов Аслан Магометгериевич,

к.ф.н., доцент кафедры теории и технологии социальной работы Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
E-mail: a.chechenov@mail.ru

Кушхова Анежа Фёдоровна,

к.ф.н., доцент кафедры теории и технологии социальной работы Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
E-mail: aneja2380@inbox.ru

Шоранова Залина Владимировна,

к.и.н., доцент кафедры теории и технологии социальной работы Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
E-mail: pazalina@mail.ru

Макоева Залина Аусесовна,

к.с.н., доцент кафедры теории и технологии социальной работы Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова
E-mail: zalinka79@mail.ru

ституционального регулирования конфликта, неформальные и формальные институты.

Ключевые слова: конфликт, акторы, ресурсы, институты, модуль, арена конфликта, идентификация, стратегические группы, социальный статус, переговоры, государство.

В данной статье рассматриваются и характеризуются исследовательские модули конфликтов, которые служат для объяснения связи между процессом урегулирования конфликта и институциональной средой на локальном уровне. В статье рассматриваются модули, которые проявляют разносторонние аспекты социальной жизнедеятельности и арены конфликта, которыми являются наиболее теоретически и практически разработанными модули «акторы», «ресурсы», «институты». Анализ методологии исследования конфликтов очень широк. Модульная методика анализа конфликтов делает возможным рассматривать его в развитии как составную часть общественной динамики. При этом развитие понимается не как простое наращивание экономической мощи, количественное увеличение показателей в демографии, экологии или политике, а способность к саморазвитию. Затрагиваются вопросы, связанные с идентификацией акторов в ролях, которые они играют в конфликте. Дается анализ ресурсов, который отличается от анализа акторов и является существенным для понимания динамики конфликта. Рассматриваются ресурсы как объект конфликта, ресурсы как средства конфликта, ресурсный конфликт как ресурс. Определяется необходимость выявить соответствующие институты и проанализировать их влияние на конфликт, такие как специализированные институты ин-

Область исследования конфликтов довольно широка. Анализ конфликта на основе исследовательских модулей дает возможность объяснить связи между процессом урегулирования конфликта и институциональной средой на локальном уровне. Наиболее разработанными являются модули «акторы», «ресурсы», «институты». Это обусловлено тем, что разнообразные группы методов могут быть определённым инструментарием исследования локальных конфликтов как вместе, так и по отдельности каждый.

Аналитический анализ обозначенных модулей акторов, ресурсов, институтов и развития, проводится для углублённого исследования разнообразных конфликтов и связанных с конфликтом процессов [3], раскрытие данных процессов в развернутом социально-политическом, социально-экономическом, историко-географическом ракурсе. Кроме того, такой анализ позволяет сделать сравнение процесса урегулирования конфликтов и переменами на институциональном уровне рассматривая различные примеры. Прежде всего, для анализа конфликта необходимо определить параметры арены конфликта, и первый шаг касается социального пространства делимитации территории исследования. В зависимости от целей это могут быть географические области, провинции, районы, конкретные селения или даже кварталы отдельных селений [2]. Следует учесть, что административные границы селений и районов могут не совпадать с реальными ареалами распределения власти и зон влияния отдельных акторов. Формальные административные рубежи дают определенные ориентиры для дальнейшего уточнения социальных пространственных рамок.

Так, для исследования конфликтов, относящихся к природным ресурсам, в первую очередь следует рассмотреть доступность, которая есть к данным ресурсам, распределение природных ресурсов и правильное соответствующее использование ресурсов разными акторами, особенно непосредственно формирующими и создающими местную

экономику [6, с. 45]. В местных сообществах сельского типа природные ресурсы являются, жизненно необходимыми для физического выживания акторов, одновременно они составляют основу социальных связей и взаимодействия. Институты, которые отвечают за распределения и использования природных ресурсов, уже сами по себе крайне конфликтногенны в виду их дефицитности. Тем не менее, нужно иметь в виду, что наиболее острые конфликты возникают, когда затрагиваются культурные фундаментальные составляющие локальных сообществ.

Модуль 1. Акторы

Анализ акторов затрагивает несколько аспектов. Важнейшими из них являются: идентификация важнейших акторов в ролях, которые они имеют в конфликте; характеристика акторов с точки зрения их взаимоотношений, типа и тесноты связей, образования коллективных акторов; анализ позиций, которые занимают акторы по отношению к другим акторам и ключевым ресурсам; анализ отношений акторов, которые сами являются частью конфликта.

Идентификация акторов, вовлеченных или находящихся под влиянием конфликтов, является стандартной процедурой и одним из подходов [1, с. 5–10], широко распространенных среди международных правительственных и неправительственных организаций при анализе конфликтных ситуаций. В данном подходе, анализ акторов сужается, как правило, до роли лиц, принимающих решения. При этом выделяются первичные, вторичные и внешние акторы. Первичные акторы – это и есть конфронтирующие партии. Вторичные – играют роль посредников, имеют то или иное влияние на конфликт или же сами косвенно испытывают его влияние. Внешние акторы не вовлечены в конфликты напрямую, но имеют определенный интерес.

Следует подчеркнуть ограниченность применения этих подходов. Прежде всего, следует отметить, что в большинстве конфликтов, если они рассматриваются в динамике, различия между первичны-

ми, вторичными и внешними акторами меняются. Более того, раз и навсегда проведенное разделение зачинщиков и жертв конфликта является упрощенным и не лишенным моральной ответственности. Подход, базирующийся только на анализе конфликтующих сторон, нуждается в усовершенствовании для понимания, анализа и объяснения способов урегулирования конфликтов, применяемых тем или иным местным сообществом.

Индивидуальные акторы

Индивидуальные акторы отличаются от коллективных, тем, что к индивидуальному актору не подходят свойства сплоченности, раздробленности или коллективных действий. Непредсказуемые предпочтения и приоритеты в принятии решений являются типичными для индивидуального актора в конфликте. Диапазон индивидуальных акторов достаточно широк. Индивидуальным актором может быть медиатор, предприниматель, имеющий выгоду в войне, моральный авторитет или просто интриган. Харизматический индивидуальный актор с влиянием на конфликт важен для анализа вследствие непредсказуемых и иррациональных решений.

Коллективные акторы

Для того чтобы квалифицировать себя как коллективный актор, необходимо наличие определенных организационных и идентичностных свойств социальных групп. Приоритетным является степень консолидации групп и возможности совместного действия. Идентификация сплоченности и уровня мобилизации для коллективных действий является важной исследовательской задачей. Необходимо учитывать три принципа, по которым формируются коллективные акторы: идентичность, форма организации и интересы, затрагивает несколько аспектов. Важнейшими из них являются: идентификация важнейших акторов в ролях, которые они имеют в конфликте, на Кавказе у тюрков «тукум» или «теип» у воинов, основанные на сознании своих (это мы-группы) и они (чужие) [7, с. 15]. При всей

слабой формальной организации группы, основанные на принципах идентичности, совершать коллективные акции. Формально организованные коллективные акторы – организации и корпоративные группы – опираются на организационную структуру и формальные правила по принципу «действовать как единое». Выявить общие интересы или же другие неформальные связи в таких коллективных акторах вряд ли возможно.

Существенная попытка понять причины возникновения коллективных акторов в конфликте на основе общих интересов рассматривается в рамках концепции *стратегической группы*. Акторы, которые объединены общими фундаментальными интересами, связанными с эксплуатацией и использованием специфических как материальных, так и нематериальных ресурсов, являются *стратегическими группами акторов*. Стратегические группы формируются из акторов, которые объединились для реализации совместных интересов по сохранению и дальнейшему увеличению возможностей совместного обладания необходимым и важным ресурсом.

Изучение стратегических групп становится очень важной задачей для анализа конфликтов по причине некоторых специфических особенностей их формирования, выделяют две такие особенности: присутствие базовых потребностей по отношению к основному ресурсу в конфликте, кроме того, способность, умение и возможности отстаивать эти базовые потребности скооперировавшись с другими акторами. Столь специфические особенности внутри стратегических групп приводят к возникновению определенного соперничества внутри самой группы. Понятие «стратегические группы» было предложено в рамках концепции определения ключевых акторов таких микроструктур как государство, национальная экономика, система международного взаимодействия.

Упор на анализ стратегических групп важен, но недостаточен для полного анализа среды формирования акторов и их взаимоотношений, особенно, при выявлении лишь только начинающих расти

групп, объединяемых общими интересами. В стороне остаются акторы, которые не могут присоединиться к коллективным стратегическим действиям в силу разных обстоятельств, в том числе и в силу несовпадения интересов. Для анализа акторов в конфликте такие сообщества и социальные группы, которые не принимают, избегают или сопротивляются стратегиям, навязываемым им стратегическими группами, также важны [10].

Встречный шаг, предпринимаемый слабой стороной для защиты своих интересов, выражается в процессе, скрытом в тени власти государства и негосударственных стратегических групп. Джеймс Скотт в своем труде о сельских формах сопротивления внешним силам указал на феномен скрытого сопротивления в отличие от публичной демонстрации согласия [4]. Организованное и утонченное действие, сопровождаемое скрытым сопротивлением, отличается от стратегически спланированного сопротивления, которое заметно только для внешнего анализа.

Для анализа акторов в конфликтном процессе важным является концепт сетевых взаимодействий, рассматриваемых отдельно от групповых отношений. Социальная сеть как таковая не несет в себе качественные и функциональные характеристики акторов или институтов и тем более не может быть идентифицирована как участники, которые, собственно, и составляют социальную сеть, и регулятивные механизмы, по которым сеть работает.

Модуль 2. Ресурсы

Ресурсы являются необходимыми для утверждения акторов в их стремлении реализовать свои интересы в конфликте. Поэтому нет отдельной теории роли ресурсов в конфликте, которая не учитывала бы акторов. В определенном смысле ресурсы являются добавкой к аналитическому модулю анализа акторов. Анализ ресурсов, однако, отличается от анализа акторов и является существенным для понимания динамики конфликта.

Сами по себе ресурсы являются определённым инструментарием в кон-

фликте, с помощью которых можно реализовывать свои интересы и не всегда являются, конечной целью конфликта.

Ресурсы как объект конфликта

Конфликты могут происходить и из-за контроля определенных ресурсов. Необходимо, однако, иметь в виду, что идентифицировать наиболее важные ресурсы в местных сообществах можно, учитывая мнения людей, входящих в данное сообщество. Эмически установленные мотивы людей по отношению к тем или иным ресурсам способствуют пониманию их поведения, в то время как моделирование поведения людей на основе теоретических концепций, например, рационального выбора, далеко не всегда бывает достаточным. Многообразие образов жизни людей сложно подогнать под универсальные утверждения о поведенческих траекториях, определяемых стандартными ожиданиями и предпочтениями.

Ресурсы как средства конфликта

Ресурсы не только объект конфликта, они также являются важным средством борьбы конфликтующих сторон. Возможность мобилизовать ресурсы является особо важным в насильственных конфликтах. В большинстве случаев эта возможность требует планирования и стратегического мышления для того, чтобы выжить или победить в конфликте. Рациональное поведение и рациональный расчет акторов во многом зависят от «выигрышных ресурсов» в отличие от широко распространенного мнения об иррациональном, эффектном, поведении акторов, вовлеченных в насильственный конфликт. В то время как краткосрочные иррациональные действия возможны, продолжительный насильственный конфликт проявляется в рациональном планировании и использовании ключевых ресурсов.

Ресурсный конфликт как ресурс

Наконец, еще одно свойство ресурсов может играть важную роль в конфликтах: локальные конфликты из-за ресурсов могут быть использованы местными или внешними патронами для своих целей.

Во-первых, они могут быть использованы в политических целях для разделения и властвования. Другая цель может быть связана с установлением патронажной сети через поддержку одной группы против другой в наличествующем или специально спровоцированном ресурсном конфликте. Манипулирование ресурсным конфликтом может преследовать и чисто экономические цели для тех, кто распоряжается правом оценивать, судить или влиять на решение в целях получения выгоды за эти услуги или же для завышения (занижения) цены на ресурс.

Модуль 3. Институты

Анализ конфликтов, основанный только на учете структурных причин конфликта, мотивов акторов (зависящих от потребностей и интересов и выраженных в существующих позициях) и ресурсов, спровоцировавших конфликт или задействованных в нем, дает возможность понять местный социальный порядок через призму процесса регулирования конфликта. Однако без понимания закономерностей распределения власти акторов и их стратегических интересов сложно объяснить механизмы и тренды конфликтных процессов.

Другими словами, необходимо выявить соответствующие институты и проанализировать их влияние на конфликт. Особо следует обратить внимание на два вопроса: существуют ли специальные институты для регулирования конфликта и какова разница между формальными и неформальными институтами.

Специализированные институты

Институты, задействованные в конфликте, должны быть отделены от институтов, которые выполняют в конфликте свои «типичные» функции распределительного или организационного характера. Распространенные примеры первого типа институтов – официальный или традиционный суды, совет медиаторов, набор правил, по которым происходят междоусобицы. Примеры второго типа институтов – регулирование родственных отношений, заключение браков, наследо-

вание, правила, по которым государство вмешивается в местное управление. Это отличие является важным, если мы с помощью институционально ориентированного подхода пытаемся понять, каким образом протекание конфликта влияет на институциональную структуру и социальный порядок.

Институциональный анализ предполагает выделение институтов и их функций, которые а) обеспечивают переговорные соглашения и принятие решений на базе специальных институтов согласно хорошо известных и отработанных процедур; б) способствуют формализации соглашений и решений в форме официальных контрактов; в) способствуют реализации соглашений и решений; г) обеспечивают мониторинг, заставляющий держаться принятым соглашениям и «играть по правилам»; д) вводят реально функционирующий механизм санкций против нарушения принятых договоренностей. Эти функции являются краеугольными камнями *институционального регулирования конфликта*.

Поскольку конфликты на локальном уровне часто происходят при слабых государственных институтах, центральным в исследовании является выявление институциональных сочетаний местных и государственных институтов (конкурирующих или взаимоисключающих), которые обеспечивают институциональное протекание конфликтов и вносят определенный вклад в создание правовой среды [8, с. 70–88].

Неформальные и формальные институты

Неформальные институты часто представляют собой неписанные, но базовые правила местных сообществ в отличие от формальных институциональных правил, составленных на бумаге. Официальными институтами являются правила, сформулированные и внедренные высшей властью – государством или другой иерархически организованной силой. На практике, однако, эти различия затушевываются вследствие смешения формальных, неформальных и официальных аспектов [9, с. 414–418].

Проведение различий между формальными, неформальными и официальными аспектами институциональной структуры является важной задачей конфликтного анализа. При этом важно понять механизм влияния тех или иных институциональных правил. Навязанные извне институты, как правило, поддерживаются некой третьей силой, в то время как самоподдерживающиеся институты действуют на основе внутренних механизмов и стимулов. Принудительный институциональный механизм индицируется по санкциям, исходящим со стороны третьей силы и защищающим правила протекания конфликта [5].

Латентное принуждение сложно выявить. Одним из способов является изучение распределения власти, что часто скрыто за фасадом равенства. Латентное принуждение следованию институциональным правилам типично в социальном пространстве, которое официально организовано как эгалитарное (например, – местный совет и местная система самоуправления). Явное или латентное внешнее принуждение осуществляется в двух принципиальных формах: иерархически выстроенная власть и социальный контроль. Это различие является ключевым для понимания институциональных особенностей протекания конфликта на местном уровне.

Среди принудительных мер социальный контроль является часто латентной формой. Он вынуждает стороны договариваться насчет правил и результатов протекания конфликта под угрозой пристыживания, социальной изоляции и давления, потери доступа к социальным отношениям и услугам, которые в свою очередь могут негативно влиять на экономическую, социальную или даже биологическую жизнь конкретных акторов внутри сообщества.

Различаются три основные стратегии в ответ на организационный дефицит в вопросах принуждения следования правилам: а) покрытие дефицитов за счет создание дополнительных институтов; б) параллельное сосуществование местных форм самоорганизации и государственных институтов; в) экс-

плуатация государственных институтов для удовлетворения интересов местных сообществ. Каждая из этих стратегий влияет как на взаимоотношение государства и местного сообщества, так и на взаимоотношения между различными социальными группами внутри сообщества. Вопрос о том, как глубоко дефицит государственных институтов покрывается за счет местных институтов, является принципиальным для каждого сообщества, которое стоит перед выбором и вынуждено строить институциональную ткань государственности.

Таким образом, изучение и анализ конфликтов на основе методологии модульного подхода и локальной специфики предполагает взаимосвязи между всеми модулями «акторы», «ресурсы», «институты», а анализ соотношения имеющихся конфликтов и мероприятий по их преодолению вряд ли будет успешным без детальных исследований в регионах, описывающих конкретные конфликтные взаимосвязи и взаимоотношения в общественном развитии. Такой подход исследования конфликта и локальной специфики, эффективен при изучении конкретных примеров. Роль ключевых примеров заключается при этом не столько в сборе первичных данных, сколько в плане познавательного метода.

Литература

1. Чеченов А.М., Желиготова Р.М., Кушхова А.Ф. Социально-философский анализ конфликтов и социального пространства его развития. // Гуманитарные и социально-экономические науки. Ростов-на-Дону. № 5. 2021. С. 5–10.
2. Бурдые П. Социология социального пространства. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007.
3. Гуня А, Дакснер М., Кёлер Я., Тенов Т., Чеченов А., Шогенов М. Конфликты и развитие: введение в методологию и методы изучения: учебное пособие. – Нальчик: Изд-во Кабардино-Балкарского государственного университета, 2013.

4. Джеймс Скотт. Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни / пер. с англ. Э.Н. Гусинского, Ю.И. Турчаниновой. – М.: Университетская книга, 2005. – 576 с.
5. Норберт. Элиас *Общ. ест. во индивидов* / пер. с нем. – М.: Практикс, 2001. – 336 с.
6. Остром Э. Управляя общим: эволюция институтов коллективной деятельности / Элиноор Остром; пер. с англ. – М.: ИРИСЭН: Мысль, 2010. – 447 с.
7. Северо-Кавказская комплексная экспедиция. Сборник трудов. Выпуск 1/ отв. редак. А.Н. Гуны. – Чеченский госуниверситет, 2019. – 154 с.
8. Чеченов А., Гаунова И., Кушхова К. Влияние государственных программ развития на институты на локальном уровне, 2014: от понимания локальных конфликтов к использованию шансов развития. Вып. 2. – Нальчик: Принт-Центр. – С. 70–88.
9. Чеченов А.М., Лазба Н., Шогенов М.З. Особенности практик государственных программ развития горных поселений в Кабардино-Балкарии и Аджарии: форма взаимодействия с местными сообществами// Устойчивое развитие горных территории Кавказа / под. ред. И.А. Керимова. Коллективная монография. – Москва: РАН, 2018. – С. 414–418.
10. Эверс Х.Д. Теневая экономика, неформальное производство и неформальный сектор: экономическое действие по ту сторону рынка и государства / Эверс Ханс-Дитер; перевод с немецкого И.В. Ивлевой // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Т. IV. № 4. С. 135–149.

METHODOLOGY FOR CONFLICT RESEARCH BASED ON MODULAR ANALYSIS AND LOCAL SPECIFICS

Chechenov A.M., Kushkhova A.F., Shoranova Z.V., Makoeva Z.A.

Kabardino-Balkarian State University named after. HM. Berbekova

This article examines and characterizes conflict research modules that serve to explain the rela-

tionship between the conflict resolution process and the institutional environment at the local level. The article examines modules that demonstrate diverse aspects of social life and the arena of conflict, which are the most theoretically and practically developed modules “actors”, “resources”, “institutions”. The analysis of conflict research methodology is very broad. The modular methodology for analyzing conflicts makes it possible to consider it in development as an integral part of social dynamics. At the same time, development is understood not as a simple increase in economic power, a quantitative increase in indicators in demography, ecology or politics, but the ability for self-development. Issues related to the identification of actors in the roles they play in a conflict are addressed. An analysis of resources is provided, which differs from the analysis of actors and is essential for understanding the dynamics of the conflict. Resources are considered as an object of conflict, resources as a means of conflict, resource conflict as a resource. The need is determined to identify relevant institutions and analyze their impact on the conflict, such as specialized institutions for the institutional regulation of conflict, informal and formal institutions.

Keywords: conflict, actors, resources, institutions, module, conflict arena, identification, strategic groups, social status, negotiations, state.

References

1. Chechenov A.M., Zheligotova R.M., Kushkhova A.F. Social and philosophical analysis of conflicts and the social space of its development. // Humanities and socio-economic sciences. Rostov-on-Don. No. 5. 2021. pp. 5–10.
2. Bourdieu P. Sociology of social space. – M.: Institute of Experimental Sociology; St. Petersburg: Aletheya, 2007.
3. Gunya A, Daxner M., Köhler J., Tenov T., Chechenov A., Shogenov M. Conflicts and development: an introduction to methodology and methods of study: textbook. – Nalchik: Publishing House of Kabardino-Balkarian State University, 2013.
4. James Scott. Good intentions of the state. Why and how projects to improve the conditions of human life failed / trans. from English E.N. Gusinsky, Yu.I. Turchaninova. – M.: University Book, 2005. – 576 p.
5. Norbert. Elias General eats in individuals / trans. with him. – M.: Praxis, 2001. – 336 p.
6. Ostrom E. Managing the common: the evolution of institutions of collective activity /

- Elinor Ostrom; lane from English – M.: IRIS-EN: Mysl, 2010. – 447 p.
7. North Caucasus complex expedition. Collection of works. Issue 1/rep. ed. A.N. Gunya. – Chechen State University, 2019. – 154 p.
 8. Chechenov A., Gaunova I., Kushkhova K. The influence of state development programs on institutions at the local level, 2014: from understanding local conflicts to using development opportunities. Vol. 2. – Nalchik: Print Center. – P. 70–88.
 9. Chechenov A.M., Lazba N., Shogenov M.Z. Features of the practices of state programs for the development of mountain settlements in Kabardino-Balkaria and Adjara: a form of interaction with local communities // Sustainable development of the mountainous territories of the Caucasus / ed. Ed. I.A. Kerimova. Collective monograph. – Moscow: RAS, 2018. – pp. 414–418.
 10. Evers H.D. Shadow economy, non-commodity production and the informal sector: economic action beyond the market and the state / Evers Hans-Dieter; translation from German by I.V. Ivleva // Journal of Sociology and Social Anthropology. 2001. T. IV. No. 4. pp. 135–149.

Концептуальные подходы к формированию управленческой культуры педагога как фактор роста качественных характеристик педагогического процесса

Вашкевич Наталья Николаевна,

аспирант кафедры философии и социологии ОУП
ВО «АТиСО»

E-mail.ru: vladimir-evrostroy@mail.ru

В статье рассмотрены дефиниции понятий «управленческая культура», «управленческая культура педагога». Представлены направления, в которых реализуется управленческий аспект деятельности педагогического работника. Рассмотрены компоненты управленческой культуры педагога. Рассмотрены конкретные технологии и методы формирования и поддержания управленческой культуры педагогов согласно выделенным направлениям. Сделан вывод о том, что формирование управленческой культуры будущего педагога должно начинаться уже на стадии высшего образования. В рамках процесса профессиональной подготовки следует вводить постоянные дисциплины, связанные с основами управления. Отмечено, что формирование управленческой культуры педагогических работников зачастую реализуется на базе курсов повышения квалификации на базе государственных организаций дополнительного профессионального образования. Описаны такие формы обучения, как педагогические советы, методические семинары, открытые уроки, мастер-классы, проекты, стажировки и др.

Ключевые слова: управленческая культура, управленческая культура педагога, soft skills, цифровизация, цифровые компетенции, саморазвитие, самообразование, повышение квалификации.

Изменения в социальных и экономических отношениях закономерно повлекли за собой внедрение разного рода инноваций в сфере образования, что, в свою очередь, обусловило возросший уровень требований к уровню общекультурной, образовательной, социальной и профессиональной компетентности педагогических кадров. А.Ю. Чёрный и Г.В. Якушкина говорят о том, что портрет современного педагога за последнее десятилетие существенно преобразился: в обществе возросла потребность в кадрах, не только хорошо знающих практические аспекты дидактики, но и ориентированных на предприимчивость и творчество, обладающих развитым профессиональным самосознанием, организационно-управленческими навыками [13, с. 162]. При этом, как отмечает Е.В. Ершова, налицо относительно низкий уровень практической готовности педагогов к результативной управленческой деятельности [8, с. 56]. Реальная педагогическая практика демонстрирует множество индикаторов дефицита культуры педагогов: мировоззренческой, политической, моральной, правовой, цифровой, экономической, управленческой. В данной связи рассмотрение существующих концептуальных подходов к формированию управленческой культуры педагогов представляется нам весьма актуальным.

Прежде чем обратиться к направлениям, методам и средствам формирования управленческой культуры педагогов, требуется определить смысловые границы понятия «управленческая культура».

В современной научной литературе и периодике можно выделить несколько подходов к пониманию термина «управленческая культура». Так, к примеру, в рамках аксиологического подхода управленческая культура детерминиру-

ется как социально значимый опыт профессионального сообщества, результатом которого является сочетание общекультурных ценностей и принятых культурных ценностей в области управления. Весьма близким к аксиологическому является нормативный подход, согласно которому управленческую культуру можно понимать как совокупность устойчивых для системы управления ценностей и социальных норм, норм поведения, этических и юридических норм. Н.А. Чумаков, помимо аксиологического и нормативного, выделяет также акмеологический (личностно-ориентированный) подход, в контексте которого акцент ставится на достижении совершенства в деятельности человека, а управленческая культура понимается в качестве высокого уровня сформированности «интеллектуальных, эмоционально-волевых, нравственных, физических качеств, совокупность которых позволяет решать профессиональные задачи в сфере социального управления» [14, с. 312].

Все чаще авторы диссертационных исследований, монографий, учебных пособий и научных статей предпринимают попытки объединить существующие дефиниции в рамках единого, комплексного подхода. Управленческая культура, согласно комплексному подходу, представляет собой совокупность идей, взглядов, ценностей, мироощущений, методов и приемов управленческой деятельности, направленных на получение результатов и следование нормам и ценностным установкам [13, с. 313]. Сторонником подобного подхода является, помимо прочих, М.А. Васьков: согласно автору, управленческая культура – это «соединение действий и ценностных основ управления», социальный феномен, порождаемый, фиксируемый и поддерживаемых управленцем, для которого характерна опора на определенные ценности и нормы [2, с. 24].

Д.Г. Передня говорит о том, что управленческая культура представляет собой особую меру гуманизации функционирования организации, сближение ценностей разных по возрасту, полу, статусу членов коллектива во благо дости-

жения как общекорпоративных целей, так и целей личностного развития [11, с. 125]. М.Н. Бурнакин предлагает определять управленческую культуру в виде трехкомпонентной формации: (1) управленческие знания: теория менеджмента, пропущенная через призму сознания; (2) управленческие отношения: практические результаты деятельности по социализации и внедрению теоретических знаний об управлении в коммуникативно-статусные взаимоотношения участников коллектива; (3) управленческая деятельность [1, с. 49].

Исследований, посвященных управленческой культуре педагога, в современном научном массиве не так много – особенно в сравнении с работами, посвященными управленческой культуре как таковой. Т.М. Горюнова определяет управленческую культуру педагога как «целостное личностное образование, которое определяется своеобразием профессионально-педагогического имиджа», выражающееся в реальных способностях к осуществлению управления в образовании как компоненту профессиональной самореализации [6, с. 11].

Работник сферы образования в любом случае сталкивается с управленческой деятельностью; эта деятельность реализуется, по мнению М.Р. Сергеевой, в следующих направлениях: (1) информационно-аналитическое – работа с данными, их аккумуляция, фильтрация, оценка, сохранение; (2) стимулирующее и мотивационное – работа с мотивацией учащихся и самомотивацией, целеполагание и достижение поставленных целей и задач; (3) прогностическое и диагностическое – предопределение меры и темпа прогресса образовательного процесса, воплощение запланированного в действии, оценка качества образовательного процесса; (4) организационное – функционирование согласно запланированным действиям; (5) корректирующее и регулирующее – совершенствование и коррекция направлений и механизмов приложения усилий [10, с. 268].

Целостность управленческой культуры можно познать на основе четкого

представления о преемственно связанных этапах ее формирования. В данной связи Е.С. Загорулько предлагает следующую поуровневую эволюционную модель становления управленческой культуры педагога: (1) дилетантский уровень, уровень самоактуализации; (2) уровень управленческой компетентности; (3) уровень управленческого мастерства; (4) уровень управленческого профессиона-

лизма; (5) уровень управленческого менталитета [9, с. 46].

Управленческую культуру педагогов Е.Е. Дониная определяет как совокупность культур, в которую входят следующие компоненты: организационная культура, правовая культура, информационно-технологическая культура и коммуникативная культура (Таблица 1).

Таблица 1. Компоненты управленческой культуры педагога по Е.Е. Дониной

Компонент	Содержание
Организационная культура	Осознание педагогом культуры своей образовательной организации, ее элементов, принятие совокупности ценностей учреждения образования и системы образования в целом как ориентира в практической педагогической деятельности.
Правовая культура	Понимание принципов права в рамках образовательной среды, реализация правовых ценностей в профессиональной деятельности, навыки осуществления правового регулирования профессиональных отношений, выполнение действий исходя из принципа правомерности профессионального поведения педагога.
Информационно-технологическая культура	Технологические знания, умения и навыки, качества, позволяющие личности адаптироваться в информационных потоках и виртуальных средах.
Коммуникативная культура	Психологические знания о себе как субъекте профессиональной деятельности и других ее участниках, навыки в области эффективной коммуникации, реализация корректных и продуктивных стратегий поведения в различных социальных ситуациях.

Примечание: источник – собственная разработка на основе данных [7, с. 99]

Каждый из перечисленных выше компонентов реализуется в знаниевом, мотивационном, деятельностном и рефлексивном аспекте.

Управленческая культура педагога должна коррелировать с ключевыми тенденциями и принципами современных образовательных систем: демократизация и гуманизация, системность и целостность, сочетание централизации и децентрализации, стремление к индивидуальной инициативе при готовности к коллегиальным усилиям. и коллегиальности в управлении, объективность и полнота информации.

Согласимся с А.Ю. Чёрным и Г.В. Якушиной в том, что наличие психолого-педагогических и специальных предметных знаний для педагога – важное, но не единственное условие его профессиональной компетентности. Педагога можно считать готовым к реализации профессиональной деятельности только при наличии высокой степени сформированности управленческой культу-

ры. В состав управленческой культуры педагога авторы включают следующие компоненты (Рисунок 1).

Рассмотрим конкретные технологии и методы формирования и поддержания управленческой культуры педагогов согласно выделенным направлениям.

Формирование управленческой культуры будущего педагога должно начинаться уже на стадии высшего образования. В рамках процесса профессиональной подготовки следует **вводить постоянные дисциплины, связанные с основами управления**, включая управленческую теорию, методы анализа и принятия решений, а также с основами организационного поведения. Важно, чтобы студенты приобретали практические управленческие навыки посредством участия в проектах, практиках и стажировках в образовательных учреждениях.

Кроме того, формирование управленческой культуры подразумевает, как отмечено выше, развитие коммуникатив-

ных навыков, лидерских качеств и способности к решению конфликтов, так как эти аспекты играют ключевую роль в функционировании образовательных коллективов и во взаимодействии «педагог – обучающийся». В данной связи **будущие педагоги должны изучать теорию коммуникации, аргументацию, риторику и иные дисциплины, формирующие т.н. soft skills**. Н.В. Тамарская говорит о необходимости во введении таких учебных модулей, как «Управленческие функции руководителя школы», «Организационная культура», «Стиль ру-

ководства», «Ролевое поведение педагога», «Соуправление: понятие, уровни, организационные формы, значение», «Карьера педагога» [12, с. 122]. На данный момент, к сожалению, подобные дисциплины редко представлены в вузовских курсах, либо же вводятся в сокращенном, фрагментарном виде. Таким образом, по завершении педагогического вуза молодой специалист не в полной мере владеет основами управленческой культуры. В данной связи целесообразно углублять знания и навыки в данной области уже на рабочем месте, при трудоустройстве.

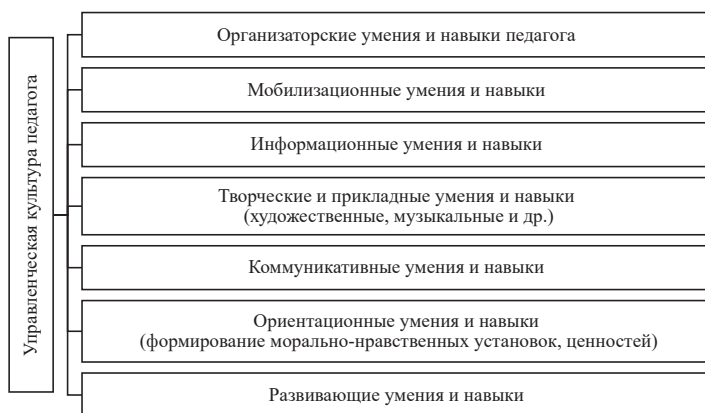

Рис. 1. Компоненты управленческой культуры педагога по А.Ю. Чёрному и Г.В. Якушкиной

Примечание: источник – собственная разработка с использованием данных [13, с. 168]

Рассмотрим различные точки зрения на вопрос об оптимальных путях формирования управленческой культуры педагога. Анализ научной литературы в рассматриваемой нами предметной области, а также наблюдение за реальной педагогической практикой показывает три основных среды, в рамках которых происходит формирование управленческой культуры педагогов (Рисунок 2).

Формирование управленческой культуры педагогических работников зачастую реализуется **на базе курсов повышения квалификации на базе государственных организаций дополнительного профессионального образования**. Современная сфера образования сталкивается с тем, что компетенции, знания и навыки быстро устаревают и то, что проходили педагоги в период

обучения в вузе, оказывается во многом нерелевантным уже спустя 5–10 лет. В данной связи курсы повышения квалификации конструируются таким образом, чтобы своевременно обновлять массив знаний и компетенций педагогов или даже «опережать» текущие потребности к компетентностному спектру школьных учителей и вузовских преподавателей.

Курсы повышения квалификации являются собой эффективный способ формирования управленческой культуры среди действующих педагогических работников. В процессе прохождения таких курсов специалисты сферы образования имеют возможность ознакомиться с актуальными методами и инструментами управления образовательными учреждениями, а также обменяться опытом

с коллегами. На курсах повышения квалификации педагогические работники получают доступ к современным или даже инновационным теоретическим под-

ходам и практическим инструментам управления, которые могут непосредственно применять в своей профессиональной деятельности.

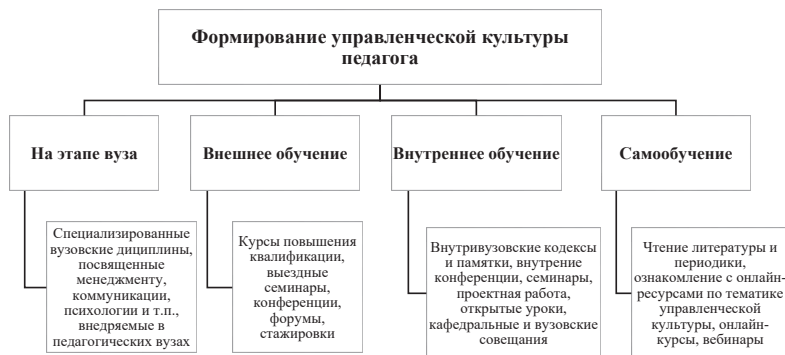

Рис. 2. Способы формирования управленческой культуры педагогов

Примечание: источник – собственная разработка

Спектр технологий формирования управленческой культуры педагога, отнесенный нами в группу «внутренне обучение» (Рисунок 2), довольно широк. Л.С. Ведерникова и Н.Г. Каримова, к примеру, говорят о таких формах обучения, как **педагогические советы, методические семинары, открытые уроки, мастер-классы** [3, с. 74].

Проектный метод на сегодняшний день является одним из наиболее обсуждаемых, популярных и действенных методов обучения школьников и студентов, но, несмотря на это, он редко используется в целях формирования управленческой культуры педагогических кадров. По мнению авторов Л.С. Ведерниковой и Н.Г. Каримовой, работа над проектом – это «уникальный опыт, который складывается из находок педагогов, интересных открытий, творческих решений». Результатом работы над проектом является презентация – представление опыта своей работы, что является важной составляющей деятельности любого педагога. При работе над проектом учитель воспринимает опыт как результат анализа и рефлексии собственной профессиональной деятельности, делает собственные выводы в отношении способов продуктивного решения проблем обучения и воспитания, совершенствует

свою педагогическую практику [3, с. 75]. Встречи педагогов, в ходе которых презентуются проекты является важной мерой по обмену опытом организации образовательного процесса.

Еще одной формой обмена опытом выступает **стажировка**. Стажировки педагогов в других учреждениях образования не получили широкого распространения в нашей стране и являются собой, скорее, точечную практику. Тем не менее, стажировка – нахождение и работа в другом учреждении образования в течение определенного временного интервала – позволяет педагогу воспринять новый опыт деятельности по организации труда, учебного процесса, по взаимодействию с обучающимися, администрацией и коллегами. Можно сказать, что стажировка представляет собой радикальный вариант открытого урока – для педагога открываются не только двери в учебный класс, но и в целое заведение, наблюдая за работой которого он может критично воспринять собственную деятельность и оценить уровень управленческой культуры.

Кроме того, поступая в новое для себя учреждение образования, педагог становится не только реципиентом, но и ретранслятором опыта управленческой и обучающей деятельности. По-

добная ретрансляция, осуществляемая в горизонтальной плоскости – от педагога к педагогу – позволяет существенно ускорить процесс формирования управленческой культуры. Стажировка, согласно Л.А. Голощаповой с соавт., в подобном контексте выступает в качестве формата дополнительного профессионального образования, основной целью которого является формирование и закрепление на практике профессиональных знаний, умений и навыков, полученных в результате изучения опыта, накопленного педагогами других учебных учреждений [5, с. 124].

Все чаще исследователи, которые обращаются к различным аспектам управленческой культуры педагога, отмечают **нарастающую роль цифровых сред в профессиональной самоактуализации работника сферы образования**. По мнению многих специалистов, цифровые компетенции следует рассматривать как один из компонентов управленческих компетенций педагога. Цифровизация позволяет не только улучшить качество педагогического процесса, но и повысить эффективность обмена информации на горизонтальном и вертикальном уровне. Цифровые трансформации служат «своеобразным импульсом к обновлению всей системы деятельности» учреждения образования. В данной связи администрации многих учреждений образования предлагают педагогическим кадрам **обучающие мероприятия на тему формирования информационно-управленческой культуры в условиях цифровой образовательной среды** [5, с. 125].

Безусловно, перечень способов и методов формирования управленческой культуры педагога не исчерпывается вышепредставленными: исследователи говорят также о таких форматах работы, как научно-методический совет, тематический педагогический совет, кафедре, методическое объединение, психологопедагогический консилиум, научно-практические лаборатории, научно-образовательные сообщества, коллективное творческое дело, ролевые, имитационные игры, кейс-метод [12, с. 123];

мастер-классы, круглые столы, практики; выполнение заданий на интерактивных образовательных платформах, изучение федеральных и региональных информационных систем, формирование межмуниципальных проектных групп [4, с. 55].

В заключение хочется подчеркнуть **важность количественно-качественной оценки и диагностики уровня сформированности управленческой культуры педагога**. Регулярный ассессмент управленческих компетенций педагогических работников позволяет получить целостное представление об их текущем статусе, о динамике формирования управленческой культуры, о пробелах в знаниях и навыках педагогов. Необходим диагностический инструментарий – «система критериальных характеристик (показателей), которые как раз и позволяют произвести оценку степени сформированности организационно-управленческих навыков у педагогов в профессиональном и личностном измерении» [13, с. 165].

Литература

1. Бурнакин, М.Н. Функциональный подход к формированию управленческой культуры менеджера образования / М.Н. Бурнакин // Проблемы современного педагогического образования. – 2019. – № 64–3. – С. 49–53.
2. Васьков, М.А. Трансформация управленческой культуры крупных коммерческих организаций юга России: автореф. дис. ... д-ра социол. Наук 22.00.08. – Ростов-на-Дону, 2011. – 426 с.
3. Ведерникова, Л.С. Формирование и развитие у педагогов общеобразовательной организации информационно-управленческой культуры / Л.С. Ведерникова, Н.Г. Каримова // Научно-методическое обеспечение оценки качества образования. – 2021. – № 3 (14). – С. 73–78.
4. Вшивцева, Л.А. Сформированность информационно-управленческой культуры педагога как результат реализации информационной политики образовательной организации /

- Л.А. Вшивцева, Л.В. Фадеев, А.Ф. Зубаиров // Научно-методическое обеспечение оценки качества образования. – 2022. – № 1 (15). – С. 53–57.
5. Голощапова, Л.А. Стажировка как фактор совершенствования профессиональных компетенций педагогов в условиях цифровой образовательной среды / Л.А. Голощапова, О.С. Селиванова, С.А. Моисеенко // Научно-методическое обеспечение оценки качества образования. – 2021. – № 3 (14). – С. 124–128.
 6. Горюнова, Т.М. Развитие управленческой культуры будущего педагога дошкольного образования: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08 / Т.М. Горюнова. – Н. Новгород, 2002. – 223 с.
 7. Донина, Е.Е. Управленческая культура будущих педагогов: теоретический аспект / Е.Е. Донина // Проблемы современного педагогического образования. – 2020. – № 68–1. – С. 97–99.
 8. Ершова, Е.В. Формирование управленческой культуры руководителя дошкольной образовательной организации / Е.В. Ершова // Челябинский гуманитарий. – 2015. – № 3 (32). – С. 57–63.
 9. Загорюлько, Е.С. Феномен управленческой культуры в рамках образовательного учреждения / Е.С. Загорюлько // Вестник магистратуры. – 2017. – № 1–1 (64). – С. 45–46.
 10. Сергеева, М. Г. К вопросу о формировании управленческой культуры современного педагога / М.Г. Сергеева // Проблемы современного педагогического образования. – 2019. – № 64–3. – С. 266–269.
 11. Передня, Д.Г. Управленческая культура и культура управления: к вопросу о разграничении понятий / Д.Г. Передня // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. – 2022. – № 1 (846). – С. 123–129.
 12. Тамарская, Н.В. Технологии формирования управленческой культуры педагога в процессе непрерывной профессиональной подготовки // Ярославский педагогический вестник. – 2015. – № 2. – С. 120–124.
 13. Чёрный, А.Ю. Теоретико-методологические подходы к проблеме формирования организационно-управленческих навыков у педагогов дополнительного образования детей / А.Ю. Чёрный, Г.В. Якушкина // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. – 2017. – № 28 (277). – С. 161–171.
 14. Чумак, Н.А. Трансформационные процессы в современной российской управленческой культуре / Н.А. Чумак // Социально-гуманитарные знания. – 2017. – № 4. – С. 312–316.

CONCEPTUAL APPROACHES TO THE FORMATION OF TEACHER'S MANAGEMENT CULTURE AS A FACTOR OF GROWTH OF QUALITATIVE CHARACTERISTICS OF THE PEDAGOGICAL PROCESS

Vashkevich N.N.

ATISO

The article examines the definitions of the concepts “managerial culture”, “teacher’s managerial culture”. The directions in which the managerial aspect of the activity of a teacher is implemented are presented. The components of a teacher’s management culture are considered. Specific technologies and methods for forming and maintaining the management culture of teachers are considered in accordance with the identified areas. It is concluded that the formation of the management culture of the future teacher should begin already at the stage of higher education. As part of the professional training process, permanent disciplines related to the basics of management should be introduced. It is noted that the formation of the management culture of teaching staff is often implemented on the basis of advanced training courses on the basis of state organizations of additional professional education. Such forms of training as pedagogical councils, methodological seminars, open lessons, master classes, projects, internships, etc. are described.

Keywords: management culture, management culture of teacher, soft skills, digitization, digital competencies, self-development, self-education, improvement

References

1. Burnakin, M.N. Functional approach to the formation of management culture of an edu-

- cation manager / M.N. Burnakin // Problems of modern pedagogical education. – 2019. – No. 64–3. – pp. 49–53.
2. Vaskov, M.A. Transformation of the management culture of large commercial organizations in the south of Russia: abstract. dis. ... Doctor of Sociol. Sciences 22.00.08. – Rostov-on-Don, 2011. – 426 p.
3. Vedernikova, L.S. Formation and development of information and management culture among teachers of general education organizations / L.S. Vedernikova, N.G. Karimova // Scientific and methodological support for assessing the quality of education. – 2021. – No. 3 (14). – pp. 73–78.
4. Vshivtseva, L.A. Formation of information and management culture of a teacher as a result of the implementation of the information policy of an educational organization / L.A. Vshivtseva, L.V. Fadeev, A.F. Zubairov // Scientific and methodological support for assessing the quality of education. – 2022. – No. 1 (15). – pp. 53–57.
5. Goloshchapova, L.A. Internship as a factor in improving the professional competencies of teachers in a digital educational environment / L.A. Goloshchapova, O.S. Selivanova, S.A. Moiseenko // Scientific and methodological support for assessing the quality of education. – 2021. – No. 3 (14). – pp. 124–128.
6. Goryunova, T.M. Development of management culture of a future preschool teacher: dis. ...cand. ped. Sciences: 13.00.08 / T.M. Goryunova. – N. Novgorod, 2002. – 223 p.
7. Donina, E.E. Management culture of future teachers: theoretical aspect / E.E. Donina // Problems of modern pedagogical education. – 2020. – No. 68–1. – pp. 97–99.
8. Ershova, E.V. Formation of management culture of the head of a preschool educational organization / E.V. Ershova // Chelyabinsk Humanitarian. – 2015. – No. 3 (32). – P. 57–63.
9. Zagorulko, E.S. The phenomenon of management culture within the framework of an educational institution / E.S. Zagorulko // Bulletin of the magistracy. – 2017. – No. 1–1 (64). – pp. 45–46.
10. Sergeeva, M.G. On the issue of forming the management culture of a modern teacher / M.G. Sergeeva // Problems of modern pedagogical education. – 2019. – No. 64–3. – pp. 266–269.
11. Perednya, D.G. Management culture and management culture: on the issue of delimitation of concepts / D.G. Perednya // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social Sciences. – 2022. – No. 1 (846). – pp. 123–129.
12. Tamarskaya, N.V. Technologies for the formation of teacher management culture in the process of continuous professional training // Yaroslavl Pedagogical Bulletin. – 2015. – No. 2. – pp. 120–124.
13. Cherny, A. Yu. Theoretical and methodological approaches to the problem of developing organizational and managerial skills among teachers of additional education for children / A. Yu. Cherny, G.V. Yakushkina // Questions of journalism, pedagogy, linguistics. – 2017. – No. 28 (277). – pp. 161–171.
14. Chumak, N.A. Transformation processes in modern Russian management culture / N.A. Chumak // Social and humanitarian knowledge. – 2017. – No. 4. – pp. 312–316.

TABLE OF CONTENTS

SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

Volkov Y.G., Kiselev D.A. The phenomenon of social creativity as a form of mass purposeful creativity: the example of the search for tools for the formation of harmonious interethnic relations 5

Gomtsyan O.A. Demographic policy and demographic situation in the Russian Federation: analysis, problems and prospects of development 14

Kolesnikova I.A., Durakova A.S., Rezenkov D.N., Kiseleva I.N. Identification of civil-patriotic attitudes among students: generalization of the results of sociological analysis 21

Mikhailovskaya S.A. Secondary employment and career strategies of student youth (on the example of Transbaikalian State University) 27

Okulovskii M.D. Opportunities for improving the social well-being of young people: the example of students in the Tyumen region 32

Shindyayev V.V. The influence of the level of education of the population on the formation of human capital of elected heads of municipalities: the example of the Irkutsk region 41

SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

Gildingersh M.G. The influence of artificial intelligence technologies on the company's human-oriented management system 48

Egorycheva T.V. Development of the institution of powers of local self-government bodies: the example of Novosibirsk 56

Zavyalov A.E. The influence of social networks on the transformation of approaches to lifestyle choices in Russian society 63

Khafizov I.I. Legal regulation of public-private partnerships in the Republic of Bashkortostan: content analysis 69

Chindoti Spinks. Technologies for socially oriented management of the sphere of physical culture and sports: generalization of international experience 76

SOCIOLOGY OF CULTURE

Baev P.A., Zimina E.V. Labor in the value palette of modern Russia 83

Kravchenko A.I. Lifestyle: A Global Diversity of Cultural Differences 90

Kuznetsova E.A. Virtual leisure of youth as a condition of socialization 109

Maslodudova N.V. Internet addiction of young people 117

Suvorov V.V., Kiselev A.R. The impact of sociocultural context on the rehabilitation of cognitive impairments 125

Khushbokov O.U. The phenomenon of "teacher" in sociocultural reality 136

Shcherbinina Z.N. Role, hierarchical structure and distinctive properties of the modern educational institution 140

THEORY AND HISTORY OF PHILOSOPHY

Safonov A.A. Reconstruction of the mathematical platonism of Pavel Florensky 147

PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY, ETHICS

Zabirova A.A., Sorokin M.D., Nekleynov R.S., Ayupov B.R., Ilyasov A.A. Social and philosophical analysis of the manifestation of the dilemma of altruism and egoism in society: using the example of works of cinema 155

Zalevsky A.V., Epifanova N.N. Development of I. Kant's category "moral ought" in the tradition of German and Russian neo-kantianism 161

Kashcheev S.I., Guseva S.V. Identification of the methodological foundations of cognitive semiotics in de Saussure's works 169

Kirillova A.N. The status of metamodernism as a philosophical and cultural concept: summarizing the research discourse 2017–2022..... 179

Hussain P.H.H. The phenomenology of respect in the ethics of education 188

SOCIAL PHILOSOPHY

Ravochkin N.N., Leopa A.V., Melnikova T.V., Rakhinskiy D.V. Negative scenarios for the development of humanity in the context of digital civilization: socio–philosophical analysis 195

Sirin S.A. The phenomenon of legal consciousness as a factor in the formation of legal nihilism 202

Khabibullina Z.N. Social and philosophical analysis of the axiology of choice of the individual and society 208

Chechenov A.M., Kushkhova A.F., Shoranova Z.V., Makoeva Z.A. Methodology for conflict research based on modular analysis and local specifics..... 215

INTERDISCIPLINARY RESEARCH

Vashkevich N.N. Conceptual approaches to the formation of teacher’s management culture as a factor of growth of qualitative characteristics of the pedagogical process..... 223

